УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ»

РУМЛЁЎСКІЯ СТАРОНКІ:
Помнікі гісторыі, прыроды і культуры паміж турыстычнай прывабнасцю і навуковай цікавасцю

Матэрыялы IV адкрытай рэгіянальнай
навукова-практычнай канферэнцыі па праблемах
рэгіяналістыкі і краязнаўства
«Румлёўскія чытанні»

(Гродна, 18 лютага 2011 г.)

Гродна
ГрГУ імя Я. Купалы
2011

УДК 913(476.6):008(476.6)(063)
ББК 63.3(4Беи)
Р86

Р86 **Румлёўскія** старонкі: Помнікі гісторыі, прыроды і культуры паміж турыстычнай прывабнасцю і навуковай цікавасцю : матэрыялы IV адкрытай рэгіян. навук.-практ. канф. па праблемах рэгіяналістыкі і краязнаўства «Румлёўскія чытанні» (Гродна, 18 лют. 2011 г.) / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: В.Р. Карнялюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 286 с.
ISBN 978-985-515-502-8

Увайшлі артыкулы ўдзельнікаў IV Румлёўскіх чытанняў, якія адбыліся ў Гродзенскай гімназіі № 1 імя акадэміка Я.Ф. Карскага. Матэрыялы зборніка звязаны з праблемаю тэарэтычнага асэнсавання і практычнага выкарыстання помнікаў гісторыі і прыроды. Адрасаваны навукоўцам, настаўнікам, краязнаўцам, студэнтам.

УДК 913(476.6):008(476.6)(063)
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-515-502-8

УСТУПНАЕ СЛОВА

Адбыліся чацвёртыя Румлёўскія чытанні.

З улікам рэгламенту іх правядзення існаванне гэтай краязнаўчай канферэнцыі ахоплівае ўжо шэсць гадоў. Кожныя чытанні маюць сваю адметнасць, сваю танальнасць. Гэтыя характарыстыкі надаюцца зместам выступаў іх удзельнікаў і тэматыкай, якая кожны раз адлюстроўвае актуальныя, ці лепей сказаць, балючыя аспекты развіцця нашай нацыянальнай культуры, нашага краязнаўства.

Апошнія чытанні ў немалай ступені былі звязаны з праблемаю тэарэтычнага асэнсавання і практычнага выкарыстання помнікаў гісторыі і прыроды. Немалая частка выступленняў іх удзельнікаў закранала разнабаковыя аспекты Гродназнаўства як краязнаўства горада і краязнаўства вобласці. Сярод выступоўцаў былі госці з Менска, Пінска, Віцебска, Ліды, Ваўкавыска, в. Накрышкі Карэліцкага раёна.

Асобнае месца сярод тэмаў выступленняў займала шматгранная адметнасць Румлёўскага парка. Аспекты, якія закраналі выступоўцы, бы дэманстравалі той факт, што ўселякі аб’ект прыроды і гісторыі мае цэлыя напластаванні выключнага і вартага навуковай увагі і турыстычнай цікавасці.

Хочацца звярнуць асобную ўвагу на словы вядомага гісторыка архітэктуры *Ігара Трусава*, які з публіцыстычным моцам адзначыў аспект рэстаўравання садова-паркавых сядзіб у Гродзенскай вобласці. «*За час працы ў сістэме рэстаўрацыі нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцяў з 1 красавіка 1987 г. і па сёння, – заўважыў у сваім выступу І. Трусаў, – давялося прыймаць удзел найменш у пяці праектах рэстаўрацыі старажытных паркаў. Гэта парк пры сядзібе ў Шчорсах Навагрудскага раёна, парк пры сядзібе Бальценікі Воранаўскага раёна, парк імя Ж.Э. Жылібера ў Гродне. А таксама стадыі папярэдніх прац у праектах па рэстаўрацыі парка ў Дабраўлянах Смаргоньскага раёна і г.з. «парка саўгаса Свіслач». Тут трэба адзначыць, што ніводны са згаданых вышэй праектаў не быў рэалізаваны, хаця фармальна гродзенскі парк імя Ж.Э. Жылібера і ўведзены ў эксплуатацыю.*

Ідзе дыскусія па праблеме рэстаўрацыі садзібных паркаў Беларусі. Ёсць розныя ідэі, часам спосабы фінансавання і прыстасавання такіх аб’ектаў. Аднак, на маёй памяці, – падкрэсліў І. Трусаў, – на Беларусі не было рэалізавана ніводнага праекту рэстаўрацыі сядзібных паркаў. У пэўнай ступені можна казаць толькі пра Лошыцкі парк у Менску.

Заканадаўчая база Беларусі з фармальнага боку дазваляе прадпрыняць шэраг захадаў для захавання сядзібных паркаў, у некаторай ступені гэтаму спрыяюць законы прыродаахоўчай сферы.

На думку аўтара, менавіта ў прававой сферы знаходзяцца асноўныя праблемы захавання і рэстаўрацыі сядзібных паркаў. Існуе сістэмная праблема, сістэмная перашкода, з-за якіх навуковая і кампетэнтная рэалізацыя праектаў рэстаўрацыі паркаў робіцца немагчымай a priori.

Справа ў тым, што кожны сядзібны парк, – адзначыў І. Трусаў, – рана ці позна, пасля ўключэння адпаведнай тэрыторыі ў склад СССР, перастаў выконваць свае асноўныя функцыі – найперш, быць прыватным і нярэдка інцімным паркам пры асабістай сядзібе. У Беларусі ёсць спецыялісты ўсіх неабходных для рэстаўрацыі паркаў накірункаў, але нават не гледзячы на добрую волю кіраўніцтва, добрае фінансаванне, канчатковы вынік будзе сумніўным.

Калі ўявіць на хвэлю, што Румлёўскі парк будзе адрэстаўраваны годна, то ў любым выпадку гэты раней прыватны, інтымны, сядзібны парк стане публічным месцам. Публічным паркам. З гэтага факта выцякае шэраг праблем. Найперш, утрыманне парка. Пры вельмі значным ціску (бо нельга жыхарам навакольных гмахаў гуляць і адпачываць у Румлёва) неабходны нейкі штат работнікаў, якія будуць наглядаць за паркам. Другая праблема, вядома, асноўная, хоць і вельмі звычайная – на балансе якой установы будзе гэты парк. Трэцяя праблема – заканадаўчая.

Такім чынам, Румлёўскі парк, нават пры паспяховай рэстаўрацыі страціць сваю былую функцыю сядзібнага парка. Таму, на нашу думку, заўважыў на заканчэнне свайго выступу І. Трусаў, – самая складаная рэч, гэта распрацоўка і наданне гэтаму аб'екту нейкага акрэсленага юрыдычнага статуса. У прынцыпе, такое рашэнне можа прыняць гарадскі Савет дэпутатаў, а пастанову – Гродзенскі гарвыканкам».

Выступленне І. Трусава аказалася надзвычай актуальным, бо менавіта ў бягучым годзе ідзе няпростая, даволі супярэчлівая праца па падрыхтоўцы і пачатку добраўпарадкавання Румлёўскага парка.

У такім змесце выступленняў Румлёўскіх чытанняў увесь іх сэнс: іх аўтары па-большасці закраналі найноўшыя, актуальныя, супярэчлівыя аспекты развіцця рэгіянальный культуры, захавання гістарычнай і біялагічнай разнастайнасці нашай краіны.

Віталь Карнялюк

МАЙСТАР-КЛАС

Аляксандр Рабкоў

АКТЫЎНЫЯ МЕТАДЫ ВЫХАВАННЯ НА ЗАНЯТКАХ ФАКУЛЬТАТЫВУ «ГРОДНАЗНАЎСТВА»

Мы жывем у XXI стагоддзі, у якім школе адведзена роля выхавальніка творчай, маральнай, нацыянальна свядомай, патрыятычнай асобы, якая павінна валодаць многімі якасцямі, і сярод іх на першым месцы знаходзіцца грамадзянская культура. На жаль, сёння такія якасці, як грамадзянскасць, патрыятызм, якімі мы раней ганарыліся, праходзяць сур'ёзныя выпрабаванні. Моладзь знаходзіцца ў няпростай сітуацыі, спрабуючы набыць жыццёвыя арыенціры. І ў гэтым маладому чалавеку, вучню павінна дапамагчы гісторыя, гістарычная навука.

Гісторыя з'яўляецца адным з найбольш важных прадметаў вучэбнага плана агульнаадукацыйных установаў Беларусі і ў маральна-патрыятычным выхаванні, і ў ідэйным, і ў культуралагічным аспектах. Адной з важных функцый вывучэння гісторыі з'яўляецца фарміраванне грамадзянскасці, патрыятызму, асабістай арыентацыі.

Гэта, у першую чаргу, адносіцца да айчыннай гісторыі і да гісторыі края. Сёння беларускі народ перажывае адраджэнне нацыянальнай самасвядомасці, абуджэнне сваёй гістарычнай памяці. Веданне айчыннай гісторыі становіцца жыццёвай патрэбай. Чалавек павінен ведаць і любіць тую зямлю, на якой ён нарадзіўся і вырас, па якой ён ходзіць таму, што без гэтага няма чалавека-грамадзяніна. І настаўнік гісторыі павінен мець вялікую адказнасць – даць магчымасць кожнаму вучню спасцігнуць светапогляд і душу свайго народа, яго гісторыю і культуру. Адным з важнейшых сродкаў фарміравання свядомай асобы з'яўляецца школьнае краязнаўства.

Гістарычнае краязнаўства – гэта вобласць навуковага гістарычнага пазнання і практычнай дзейнасці гісторыкаў-краяведаў, накіраваная на распаўсюджанне ведаў аб гістарычным мінулым края, вывучэнне рэгіянальнай гісторыі і гісторыка-культурнай спадчыны, жыцця і дзейнасці выдатных асоб, якія ўнеслі адметны ўклад у палітыку, эканоміку, навуку, літаратуру і мастацтва.

У сучасных умовах гістарычнае краязнаўства заклікана быць арыенцірам у выхаванні гістарычнай памяці народа, яго нацыянальнай самасвядомасці.

Матэрыялы, сабраныя краязнаўцамі, дапамагаюць вучням паглыбіць веды па гісторыі нашай Радзімы. Яны служаць добрай падтрымкай пры падрыхтоўцы дакладаў, рэфератаў, невялікіх паведамленняў. Максімальнае насычэнне заняткаў канкрэтнай інфармацыяй, памнажэнне яе – не з'яўляецца самамэтай. Бо галоўнае ў краязнаўстве – знайсці самога сябе, авалодваючы асноўнымі метадамі краязнаўчай працы і бездакорным следаваннем краязнаўчым прынцыпам. А гэта мэта дасягаецца не столькі тэматычным пашырэннем доследаў, колькі паглыбленнем у канкрэтыку асобнай гістарычнай падзеі ці ў вывучэнне асобнага помніку культуры. Такім чынам, сувязь гістарычнага краязнаўства з вывучэннем школьнага курса па гісторыі Беларусі праяўляецца на кожным уроку. Яго выкарыстоўванне дапамагае зацікавіць вучняў прадметам, паглыбіць веды, фарміраваць грамадзянскую пазіцыю. Удзельнічая ў гістарычна-краязнаўчай дзейнасці і здзяйсняя свае маленькія адкрыцці, школьнікі ўспрымаюць гістарычныя падзеі не як штосці далёкае ці нерэальнае, а становяцца саўдзельнікамі баявых подзвігаў землякоў, адчуваюць радасць суперажывання, жаль страт, «удзельнічаюць» ва ўдарных стройках, пазнаюць героіку і будні стваральнага працэса. Такім чынам, факты мясцовай гісторыі «ажыўляюць» традыцыі сваёй прадметнасцю, падзейнасцю, магчымасцю раскрыцця чалавечай сутнасці, судакранання з узвышаным і цудоўным у канкрэтным чалавечым лёсе, уяўнымі зносінамі з гістарычнай асобай. Усё гэта ў канечным выніку ўплывае на працэс маральнага станаўлення школьнікаў, іх гістарычнае самапазнанне і самавызначэнне.

Вось таму натуральна мы ад школьнага краязнаўства перайшлі да факультатыва «Гродназнаўства» як да прадмета вучэбнага плана, пастаўленага ў сетку школьных урокаў, і які стаў абавязковым з 6 па 9 клас у нашай школе. Чаму мы выбралі менавіта гэты ўзрост, хаця вучэбны дапаможнік па Гродназнаўству пад агульнай рэдакцыяй Шведа і Карнелюка разлічаны на студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў, больш падыходзіць па ўзросту вучням трэцяй ступені старшай школы (10-11 клас сярэдняй школы). На гэта ёсць некалькі прычын:

1. Ва ўчэбным плане на гісторыю Беларусі адводзіцца сёння вельмі мала часоў (35), прычым толькі ў другой палове вучэбнага году, а факультатыў разлічаны на год.

2. У 9 класе вучні павінны здаваць экзамен за курс базавай школы па гісторыі Беларусі, а факультатыў «Гродназнаўства» значна дапаўняе веды вучняў па гісторыі на рэгіянальным узроўню.

3. Сфера ўжытку беларускай мовы ў школе значна завужэна сёння, а наш факультатыў мы праводзім на беларускай мове.

4. Вучні 10-11 класаў ужо сарыентаваны на заканчэнне школы і падрыхтоўку да цэнтралізаванага тэсціравання і паступлення ў ВНУ. Яны практычна не маюць часу на яшчэ адзін факультатыў, як бы не любілі гісторыю роднага краю.

5. Вучні 6 класаў маюць больш магчымасцяў дзеля шырокага пазнавальнага працэса. Ім усё гэта цікава. Застаецца толькі ў форме гульні даць ім матэрыял па гісторыі Гродзеншчыны. Пры гэтым актыўную дапамогу ў пазнавальным працэсе ім звыкла аказваюць бацькі, бабулі і дзядулі, якія самі ўключаюцца ў працэс вывучэння гісторыі Гродна і яго наваколля.

Паколькі ў гісторыка-краязнаўчай дзейнасці ўдзельнічаюць школьнікі рознага ўзросту, а значыць і рознага ўзроўню ведаў, узроўню развіцця мыслення і падрыхтаванасці да самастойнай дзейнасці, то ўлік гэтых асаблівасцей – абавязковая ўмова яе правільнай арганізацыі. Малодшых вучняў магчыма і трэба далучаць да даступных для іх відаў гісторыка-краязнаўчай дзейнасці на ўзроўне элементарнай знаёмасці з фактамі мясцовай гісторыі і сучаснага жыцця, удзелу сумесна са старэйшымі школьнікамі ў практычных формах дзейнасці. Школьніку малодшых класаў магчыма даць пазнаёміцца з канкрэтным помнікам (настаўнік прапануе патрэбную кніжку) і расказаць аб ім на ўроке; даць заданне даведацца аб сямейным радаводзе, даведацца аб узнагародах старэйшых. Заданне можа быць сарыентавана на знаёмства з краязнаўчым музеям.

Зразумела, што магчымасці вучняў старэйшых класаў значна больш, аднаго спажывання гатовых ведаў аб гісторыі края мала. Магчыма ўжо «дабываць» уласныя веды і дзеліцца з іншымі.

Вось тады і пачынаюцца актыўныя формы работы на ўроках Гродназнаўства. Прычым выкарыстоўваць іх магчыма ў працэсе вывучэння вучэбнага дапаможніка «Гродназнаўства». Напрыклад:

– Вывучая § 1 дапаможніка «Імя горада», даць магчымасць вучням яшчэ да знаёмства з матэрыялам параграфа выказаць сваю думку наконт узнікнення назвы нашага горада. Гэта значыць напісаць гістарычнае сачыненне. А ўжо потым пазнаёміць вучняў з версіямі падручніка.

– § 2 «Герб і сцяг горада». У гэтым выпадку актыўная форма работы будзе ў тым, што выкарыстоўвая падручнік «Дапаможныя

гістарычныя дысцыпліны» (глава пра геральдыку), паспрабаваць спачатку намаляваць уласны герб, а ўжо на ўроке абараніць свой праект. А толькі потым пазнаёміцца з гісторыяй стварэння герба Гродна.

– Можна даць магчымасць вучням пазнаёміцца са св. Губертам у форме гістарычнага паведамлення (яшчэ не рэферата, раз гэта 6 клас). Дарэчы літаральна на кожным уроку магчыма прапанаваць паведамленне аб знакамітых асобах Гродзеншчыны з пошукам фотаздымкаў, партрэтаў таго ці іншага чалавека (Е. Арлоўскі, Ю. Ядкоўскі, М. Варонін, М. Ткачоў і шмат іншых).

– Далей, як толькі мы пачынаем вывучаць планіроўку горада, можна пачынаць практыку гістарычных гульняў па веданню вуліц, будынкаў і помнікаў горада.

– Як толькі вучні пазнаёмяцца з радаводам першых гродзенскіх князёў, я прапаную скласці ўласны радавод, выкарыстоўвая правілы, якія прапанаваны ў падручніку па дапаможных гістарычных дысцыплінах.

Зразумела, да актыўных форм работы адносяцца гістарычныя гульні:

– «Як ты ведаеш вуліцы горада»;

– «Гістарычныя і культурныя помнікі Гродна»;

– «Фасады гістарычных будынкаў».

Асаблівы інтарэс у вучняў 7 класаў вызвала гульня на ўроке абагульнення ведаў па вывучэнню старых балконаў горада, а для вучняў 8 і 9 класаў заданні былі больш складанымі: яны былі павінны разабрацца са страчанымі помнікамі архітэктуры (Фара Вітаўта і царква імя Аляксандра Неўскага, напрыклад).

Нязменны інтарэс вызывала гульня «Пазнай ту ці іншую частку горада па фотаздымку».

Цікавасць вучняў вызываюць прапановы ствараць рэканструкцыі гістарычных сядзіб і будынкаў, чаму дапамагаюць міжпрадметныя сувязі з урокамі труда.

Працуюць нашыя хлопчыкі і дзяўчынкі і на канікулах, ажыццяўляя пошук экспанатаў народнага побыту для музейнага пакою.

Сёння проста немагчыма абысціся без ведаў па інфарматыцы, ведаў камп'ютара. Вучні ствараюць электронныя прэзентацыі, кароткія дакументальныя фільмы аб любімых месцах у нашым горадзе, яго наваколлі ці аб знакамітых людзях Гродна.

Вынікам гэтай працы з'явілася маленькая відэастудыя «twenty eight», якая працуе ўжо чацвёрты год, хаця, канешне, першыя яе

аўтары, сярод якіх Сяргей Батура і Дзмітрый Лютомскі, стваральнікі вядомага фільма «Спадчына», ужо працуюць над сваімі фільмамі ў рамках тых ВНУ, дзе яны сёння вучацца.

І, зразумела, па вучнях я правяраю замацаванне ведаў па рабочаму сшытку на друкаванай аснове, якая знаходзіцца ў стадыі заканчэння працы над ёй. Гэта значыць, вучні на ўроках абагульнення атрымліваюць ліст з рабочага сшытка і, выкарыстоўваючы матэрыял падручніка і тое, што ім паказвалі і расказвалі на ўроке (вучэбны дапаможнік грашыць амаль поўнай адсутнасцю ілюстратыўнага матэрыялу; прыходзіцца ўсё гэтае знаходзіць і паказваць на ўроках) замацоўваюць свае веды па гісторыі горада.

«Гродназнаўства» – гэта прадмет, які вывучае гісторыю і культуру г. Гродна ад старажытных часоў да сучаснасці. Веды падаюцца сістэматычна і паслядоўна, пачынаючы з 6 класа і заканчвая 9 класам сярэдняй школы. Пры вывучэнні прадмета выкарыстоўваюцца разнастайныя формы і метады работы: традыцыйны ўрок, тэматычныя музейныя заняткі і экскурсіі, лекцыі з дэманстрацыяй слайдаў, пешаходныя і аўтобусныя экскурсіі па гораду. Спачатку веды даюцца ў адаптаванай да ўзросту форме з элементамі гульні і тэатралізацыі. У далейшым тэмы пашыраюцца і паглыбляюцца. Заняткі могуць праводзіцца як у класе, так і ў дзяржаўных і грамадскіх музеях горада, на яго вуліцах і плошчах. Іх будуць праводзіць настаўнікі і супрацоўнікі дзяржаўных і грамадскіх музеяў Гродна. Да прапанаваных тэм настаўнік можа дадаць свае, а таксама творчыя заданні для вучняў (даклады, рэфераты, сачыненні, конкурсы і г.д.). Гэта дасць магчымасць вывучаць гісторыю Гродна грунтоўна і ўсебакова. У шостым-сёмым класах пераважаюць тэмы па гісторыі горада, у восьмым-дзевятым – значная ўвага надаецца навуцы, культуры і мастацтву. Яны ўкладзены ў тэматыка-храналагічнай паслядоўнасці, што дае магчымасць не толькі пашырыць і паглыбіць атрыманыя веды, але і абагульніць іх.

Мэтай стварэння і выкладання «Гродназнаўства» з'яўляецца патрыятычнае выхаванне дзяцей і моладзі, фарміраванне маральных якасцяў асобы, духоўнага светапогляду грамадзяніна-патрыёта свайго роднага горада, які будзе не толькі ганарыцца пакінутай яму гісторыка-культурнай спадчынай, але і захоўваць яе.

Краязнаўства і Гродназнаўства з’яўляюцца эфектыўным сродкам выхавання ў дзяцей пачуцця любові да родных мясцін, гонару за Айчыну і суайчыннікаў, фарміравання важных асобасных якасцей грамадзяніна і патрыёта сваёй краіны.

НАВУКОВЫЯ ДАКЛАДЫ

Анатолий Федорук

ЭПОХА БАРОЧНОГО КЛАССИЦИЗМА В УСАДЕБНОМ ЗОДЧЕСТВЕ ГРОДНЕНЩИНЫ

С избранием Станислава Августа Понятовского королём началась эпоха национального возрождения Речи Посполитой. Страна постепенно уходила от саксонского влияния и обращалась к культуре просвещенной Франции. Кроме реформ политических и экономических, особое внимание уделялось развитию культуры, просвещения и искусства. Просвещенный король окружил себя видными архитекторами, художниками и способствовал развитию придворного искусства. Получил развитие особый стиль, названный стилем Станислава Августа. Его отличительными чертами являлись барочно-классицистическая направленность и умеренные художественные предпочтения, что являлось воплощением вкуса самого короля [3].

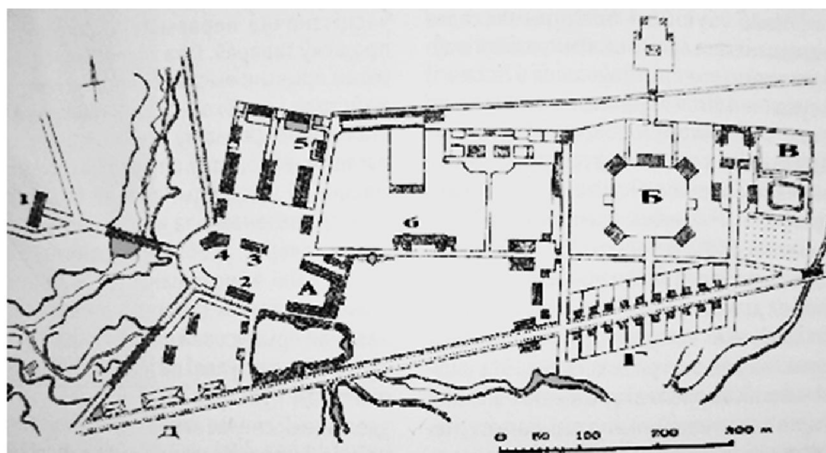
Гродненщина являлась тем благоприятным полигоном, на котором нашли успешное воплощение идеи барочного классицизма. В духе стиля создавались Гродненские королевские мануфактуры, королевские резиденции и усадебные ансамбли. Практическая реализация идей времени в регионе велась Антонием Тызенгаузом.

Молодой (31-летний) и очень энергичный граф ставил целью превратить отстававшее в развитии ВКЛ в цветущий край, увеличив доходы королевских экономий примерно в три раза. Увлеченный идеями графа, Станислав Август разрешил ему взять кредит в Голландии в 9 000 000 золотых под заклад имений.

В 1765 г. за пределами Гродно, на террасе р. Городничанки, началось формирование выразительного барочного комплекса Городница, самого крупного в Беларуси. Проектировал и вел строительство И.Г. Мозер, представитель дрезденской барочной архитектурной школы, ученик и продолжатель творчества своих учителей, немецких архитекторов К.Ф. Пеппельмана, Я.Ф. Кнобеля и И.Х. Яуха. Новые идеи в строительные работы внес Джузеппе Сакко (1735–1798) из Вероны, ученик первого классициста Речи Посполитой Я. Фонтани. Дж. Сакко по приглашению А. Тызенгауза начал работать в Гродно в 1771 г. Он становится после Мозера главным архитектором королевских мануфактур.

Строительство велось в духе идей Просвещения. Здания разного назначения, промышленные (17 мануфактур), жилые, административные сочетались с учебными: медицинская академия, театр, музыкальная, строительная и ветеринарные школы. Здания группировались в особые композиционные единицы, образуя административно-представительную, учебную и производственно-жилую зоны. Магистралью комплекса стала новая улица длиной в полторы версты, а шириной 15 м, символически названная Роскоша.

Ядро Городницы составлял барочный городской ансамбль Тызенгауза, гостиничную, музыкальную официны и две «кривые» официны (театральная и кордегардия), которые вогнутыми фасадами завершали дворцовую площадь (рис. 1). Кордегардия не была построена. Сохранившиеся официны несколько изменены.



Праектны план **Гарадніцы** 1780:
1 – афіцына віцэ-адміністратара; 2 – гасціная афіцына; 3 – музычная афіцына; 4 – тэатральная афіцына; 5 – лямус; 6 – медыцынская акадэмія. А – палац Тызенгауза; Б – мануфактуры; В – фальварак, Г – басняцкія дамы; Д – опергаўз, бровар, шпіталь. Б-ка Варшаўскага ун-та.

Рисунок 1– Схема Городницы*

Театральная официна утеряла на первом этаже галерею с высоким арочным проёмом, мансарда здания перестроена в этаж. От двора в северной части ансамбля с конюшнями, каретными и другими строениями сохранился двухэтажный лямус под высокой крышей с мансардами (здание отреставрировано) и дом лесной администрации.

* Качество иллюстраций в сборнике соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Композиционными центрами ансамбля являлся дворец Тызенгауза, одноэтажное, в плане п-образное здание под высокой крышей. Дворец строился с 1765 по 1774 гг. по проекту И. Мозера. Завершал строительство Дж. Сакко. Фасады здания были расчленены сгруппированными по две рустованными пилястрами. Главный вход акцентировался двухэтажным ризалитом, увенчанным куполом со скульптурным изображением Цереры. Курдонер, характерный элемент барочных усадеб, имел трапециевидную форму, чем улучшались визуальные связи с ансамблем, и солнечные часы, прославляющие неизменный круговорот солнца. Крылья соединялись железной оградой с каменными столбами. С тыльной стороны здания, напротив главного входа, имелась веранда на нескольких колоннах.

По оценке Ядзвинга, дворец был весьма гармоничным зданием, построен со вкусом и не имел избытка декоративности. Внешне мог считаться символом человека, активно мыслящего (имел купол), с благородным сердцем (центральный корпус) и трудолюбивыми руками (крылья дворца), вытянутыми на Запад, откуда Антонием черпались идеи для своей деятельности [7].

Популярным в городе дворец не был. Здание виделось через кроны деревьев, ограду и служило ареной, в которой разыгрывалась экономическая судьба Гродно, королевских экономий. Здесь созревали и обсуждались планы, просматривались счета, читалась корреспонденция, устраивались деловые приемы. Частым гостем Антония был сам король.

Антоний вдохнул духовный климат эпохи Просвещения и стремился наделить им Городницу, понимал значимость образования и просвещения. Благодаря его стараниям, получила развитие сеть общеобразовательных начальных и разного назначения профессиональных школ, культурных заведений. В гродненской типографии издавались газеты, календари, книги, в городе начали работать школа торговли, бухгалтерская, музыкальная, балетная, акушерская школы, кадетский корпус. По его инициативе были организованы также капелла, оркестр, балет и театр.

Особое значение имела строительная школа, преподавателем которой был И. Мозер, а также Королевская медицинская академия, функционирование которой обязано «профессору популярной медицины» Жану Эммануилу Жилиберу. Строительная школа была универсальной, единственной в своем роде. Она способствовала распространению и утверждению мотивов барочного классицизма. В школе разрабатывались проекты строительства не только

усадебных домов, но и разнообразный состав хозяйственных строений, типовые проекты домов ремесленников, школ, госпиталей [2]. Первым руководителем строительной школы являлся Дж. Сакко, который не оставлял город до конца своих дней. Умер в Гродно в 1798 г., был похоронен на католическом кладбище в Гродно.

За дворцом Тызенгауза, как и было принято в барочных усадьбах, располагался регулярный парк. В парке имелись газоны, клумбы цветочных растений, фонтан. По северному краю парка располагалось здание Медицинской академии (школы). Здание, несмотря на некоторые изменения, сохранило живописность архитектурных форм. К центральному трехэтажному объему примыкают боковые большие граненые эркеры, которые в прошлом завершались вогнутыми куполами. Боковые крылья были одноэтажными с высокими трехскатными крышами (не сохранились). Пластичность главного объема подчеркивают пилястры. Внешне учебное здание напоминает барочный дворец.

В учебную зону, кроме медицинской академии, строительной школы, входил королевский ботанический сад с двумя оранжереями, который в 1776 г. заложил Жилибер. Сад располагался с тыльной стороны здания медицинской академии. Имел четкую геометрическую планировку. Состоял из карт (прямоугольников), расположенных рядами [1]. В 1780 г. коллекции сада включали около 2000 видов растений, расположенных по системе К. Линнея. Сад имел выраженную практическую направленность. Первоначально в коллекции преобладали растения лекарственные. Некоторые из них служили сырьем для получения лекарств в аптеке академии. Со строительством текстильных мануфактур основное внимание уделялось выращиванию растений красильных («для красок фабрик») [9].

Ансамбль на Городнице не имел характерной для барокко вытянутой оси. От дворцовой площади в виде трехлучия отходило три улицы (см. рис. 1). Средняя ось замыкалась дворцом вице-администратора. В лучевом построении, по определению В.Ф. Морозова, на белорусской земле наметились мотивы французской классицистической архитектуры [3]. Идеи классицизма в архитектуру королевских мануфактур внес Дж. Сакко. Дворец вице-администратора (ул. Горького, 2) – трехэтажное, прямоугольное в плане, 15-осевое здание, построено И. Мозером в 1780–1783 гг. в формах раннего классицизма. Здание не имеет портика. Центральная часть парадного фасада подчеркнута ризалитом, который завершался мансардой с треугольным фронтом. Фасад имеет равномерное членение пиляс-

трами, по углам незначительно выступающие ризалиты. Скромный декор здания дополняется филенками и тягой, разделяющей фасад. Дворец с двумя удлиненными, симметрично расположенными флигелями (56×11,5 м), построенными позже (их нет на проектном плане Городницы 1780 г.), образовывал полуоткрытый большой парадный двор – курдонер. Подъездной круг утерян. На его месте древесные насаждения более позднего времени. За дворцом сохранился фрагмент пейзажного парка с единичными липами, кленами и липами.

После Городничанки внимание А. Тызенгауза привлекла Лосна, река с заметно большим энергетическим потенциалом. На ее террасе началось формирование второго мануфактурного комплекса, в планировке которого классицистический мотив многолучия реализуется Дж. Сакко с особой выразительностью. Центром композиции комплекса являлись круглая и овальная площади, от которых отходящие улицы имели лучевое направление. Лучевое направление аллей было положено в планировку парков, окружающих комплекс мануфактур. Дж. Сакко разработал также проект города Крынки, который явился первым в Речи Посполитой «идеальным» планом города на радиальной основе. Лучевое направление улиц было положено Дж. Сакко в планировку местечка Желудок, принадлежащего Тызенгаузам (рис. 2).

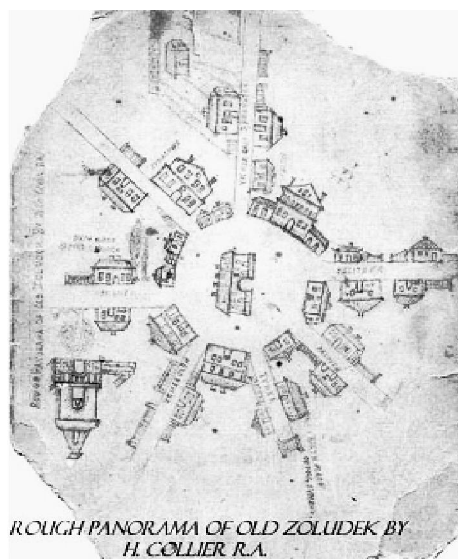


Рисунок 2 – Схема Желудка

В 1770-е годы в стиле барочного классицизма по проектам Дж. Сакко был построен ряд усадебных домов, в интерьерах которых, в убранстве фасадов, особенно ризалитов зданий, проявлялись мотивы классицизма. Первыми явились королевские резиденции в Августовке, Станиславово и в Понемуни, построенные после 1773 г. по инициативе А. Тызенгауза. Эти усадебные дома не повторяли варшавских резиденций короля, были сравнительно небольшими, компактными.

Усадьба в Августовке имела симметрично-осевое построение и вытянутую композиционную ось, вдоль которой была заложена аллея протяженностью 1700 м. Дворец – вилла с мансардой, не имел выраженного фундамента, был небольшим, одноэтажным, каменным, оштукатуренным. Средняя повышенная трехосевая часть по всей высоте выделялась ризалитом, нижняя половина которого была оформлена аркадой, покрытой рустом. Симметрично дому на газоне с кругом в центре располагались одноэтажные пятиосевые официны с высокими четырехскатными гонтовыми крышами. Круг по оси въездной аллеи рассекался дорожкой на две половины, что не было характерно для партеров. Детинец охватывала каменная ограда с брамой. Пилоны брамы завершались шарами [4]. Парадный двор окружал парк, представленный боскетами, которые образовывали шпалеры из липы и граба [5].

Планировка усадьбы в Станиславово была аналогичной: симметрично-осевое построение, длинная въездная липовая аллея, большой двор – курдонер [6]. Аркада дома, в отличие от Августовки, была подана вперед и настолько, что свободно проезжала карета. На аркаду опиралась терраса. Парк также располагался за домом, но имел трехлучевое направление основных липовых аллей, которые уже не прослеживаются.

Усадьба в Понемуни не имела выраженной композиционной оси, курдонера. Дом располагался у гребня высокой террасы, склон которой был обработан в виде шести неширокиx рукотворных террас с перепадами высот от 1 до 2,5 м. Подпорные стенки выложены кирпичом, бутом, а последняя терраса укреплялась плетнем. Оригинальная планировка склона сравнительно хорошо выражена, не стало только роз, которые в прошлом выращивались на террасах. На террасе обильно разрослась дереза берберов.

Сведений о доме в Августовке очень мало. Здание частично просматривается на одной из акварелей Иосифа Пешки. Оно было каменным, одноэтажным, с угловыми алькежами. Перед партером имелась высокая брама с арочным проездом. По данным А. Косци-

алковского, вызывала удивление мощность конструкций и обширность строения, сочетающего архитектуру китайскую и европейскую [9]. Облик обновленного в первой половине XIX в. здания передает рисунок Н. Орды (1870 г.).

Подскарбий хотел иметь усадьбы с усадебными домами во всех королевских имениях. Усадебные дома по проектам Дж. Сакко строились в Вертилишках, Жукевичах, Дубнице. Заканчивать строения не успевал. В Олите (Литва) четырехэтажный дворец имел крышу из черепицы, а усадебный дом в Вертилишках был доведен только до карниза [9].

В формах барочного классицизма по проекту Дж. Сакко был построен усадебный дом в Каменке (Щучинский район), принадлежащей Антонию. На месте старинной усадьбы сохранилась только хозяйственная постройка более позднего времени. Загородной резиденцией Антония являлись Кульбаки (около Гродно). Усадьба включала дом и парк с каналами. Бывшая переувлажненная пойма истоков Городничанки мелиорирована, а ручей, питающий Городничанку, течет по дну глубокого мелиоративного канала. От въездной аллеи осталось две дуплистые липы с XVIII в., которые помогли определить месторасположение усадебного дома, который строился по проекту Дж. Сакко, работающего в эти годы над королевской, недалеко расположенной, резиденцией Станиславово.

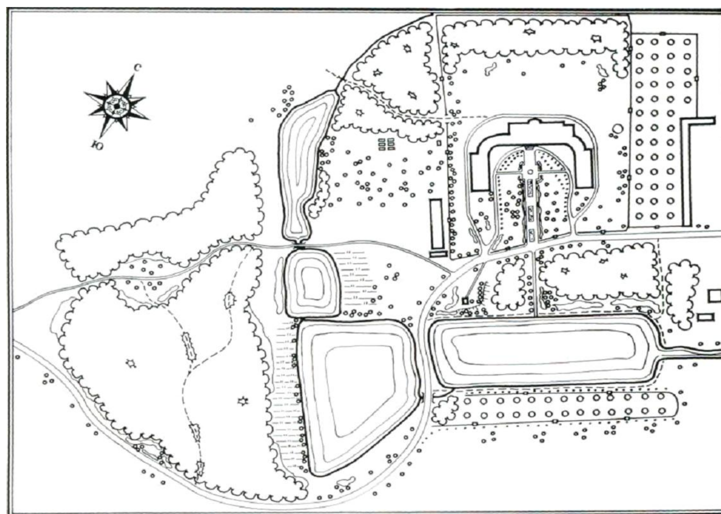


Рисунок 3 – Схема парка Свяцк

Вторую загородную резиденцию Каролин (Гродненский район) А. Тызенгауз построить не успел. Фольварк Каролин занимал приподнятую террасу р. Татарка. Дж. Сакко подготовил проект дворца-виллы, прямоугольного в плане, двухэтажного, с высокой крышей, с симметрично расположенными со стороны фронта алькежами – павильонами, покрытыми барочными шлемами в завершении. Галерея из четырех пар колонн опиралась на пятиарочную аркаду. Большой зал дворца предназначался для зимнего сада. Наиболее репрезентативным планировалось сделать музыкальный зал на первом этаже по всей ширине здания [8]. В бывшем фольварке сохранились фрагменты усадьбы более позднего времени, которая успешно восстанавливается.

Дж. Сакко, автор многих проектов, получил в крае известность. Заказы на проекты дворцов он получал от самых именитых владельцев. В 1770–1776 гг. строится дворец Хрептовичей в Щорсах, в 1779 г. – дворец Волловичей в Свяцке. Здания Дж. Сакко не имели ордерной архитектурной композиции на фасадах. В щорсовском дворце на центральном ризалите имелось только подобие четырехколонного портика. В убранстве фасадов в усадебных домах Станиславово и Августовка подобие античных портиков достигалось сочетанием античных деталей с пилястрами и филенками [3]. Центральный ризалит дворца в Свяцке выделен тремя пилястрами и завершается фронтоном.

Проектируя здания, зодчий не преследовал полной их идентичности. В Августовке, например, нижняя часть ризалита на главном фасаде была оформлена аркадой, в Станиславово аркада служит опорой и подается вперед, в Каролине галерея из четырех пар колонн опирается на пятиарочную аркаду. Дворцы окружаются не регулярными, а пейзажными парками (рис. 3).

В заключение отметим, что мотивы зодчего нашли дальнейшее развитие в творчестве Ф. Смуглевича, первого классициста среди живописцев на белорусских землях, оформителя интерьеров дворца в Свяцке, и Карла Спампани, автора первых классицистических усадеб на Виленщине и Минщине, который сотрудничал с Дж. Сакко в Щорсах.

Список литературы

1. Игнатович, Ф.И. Гродненский ботанический сад / Ф.И. Игнатович // Биржа информации. – 2000. – 13 июля. – С. 4.

2. Лакотка, А.І. Уводзіны. Архітэктура эпох Рэнесансу і Барока ў Еўропе / А.І. Лакотка // Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. – Мінск, 2006. – Т. 2: XV – сярэд. XVIII ст. – С. 5–57.
3. Морозов, В.Ф. История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма / В.Ф. Морозов. – Минск, 2006.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1928. – Оп. 1. – № 8.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 96. – Оп. 1. – № 1205.
6. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Фонд 1143. – Оп. 1. – № 82.
7. Jadźwing Pałac Tyzenhauza w Grodnie // Glosy z nad Niemna. – 1918. – S. 57–62.
8. Jaroszewski, T.S. O siedzibach neogozyckich w Polsce / T.S. Jaroczewski. – Warszawa, 1981.
9. Kośialkowski, A. A. Tyzenhauz / A. Kośialkowski. – London, 1970. – T. 1.

Сяргей Габрусевіч

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА Ў КАНТЭКСЦЕ ДЗЯРЖАЎНАЙ ІДЭЯЛОГІІ

З канца 50-х гадоў прошлага стагоддзя за беларуска-польскай мяжой будуецца аб’яднаная Еўропа, федэрацыя дзяржаваў без нацыянальных межаў, з адзіным гаспадарчым рынкам, часткова з адзінай валютай і, у пэўным сэнсе слова, з адзінай культурай. Аднак еўрапейскія народы, якія ўдзельнічаюць у гэтым працэсе, не хочуць губляць сваю культурную адметнасць, сваё ўнікальнае светаадчуванне і светабачанне.

Аб’яднаная Еўропа не бачыць сябе нават у будучым адналікай і манатоннай культурнай прасторай. Тут усё шырэй сцвярджаецца разуменне таго, што культурная адналікасць мучыць і вядзе да смерці. Механізм гэтага працэсу відавочны. «*Не приведи бог*, – гаворыць грузінскі паэт і пісьменнік Атар Чыладзе, – *характеру какого-либо народа измениться настолько, чтобы это можно было разглядеть каждому! Это было бы равносильно гибели народа, хотя, возможно, физически он продолжит свое существование: гибели – потому что уже не будет в состоянии создавать духовные ценности, ибо для духовных усилий недостаточно только желаний или даже таланта, необходимо и отличное от всех мироощущение, самобытное восприятие окружающего. Поэтому чем больше совершенствуется техника и универсализируется мир, чем*

шире развиваются границы массовой культуры, тем осторожнее надлежит быть нам, чтобы ни на мгновение не забывать о родном языке, психологии и традиции, об этой святой троице, благодаря которой утверждается основа основ, сущность сущности и смысл смысла личности – ее национальное самосознание» [1].

Урады краін, якія ўваходзяць у Еўрапейскій Саюз, будуюць нацыянальную культурную палітыку на дастаткова асэнсаваным тэарэтычным падмурку, асноўныя прынцыпы якога зафіксаваны ў «Сусветнай дэкларацыі культурнай разнастайнасці ЮНЕСКА» [2], прынятай 3 лістапада 2001 года на 31 сесіі Генеральнай канферэнцыі гэтай самай уплывовай міжнароднай арганізацыі па пытаннях навукі, адукацыі і культуры. «Дэкларацыя» сцвярджае:

– што культуру трэба разглядаць як комплекс адметных духоўных, матэрыяльных, інтэлектуальных і эмацыянальных праяваў грамадства або сацыяльнай групы, а гэта ўключае ў сябе, акрамя мастацтва і літаратуры, таксама стылі жыцця, спосабы суіснавання, сістэмы каштоўнасцей, традыцый і вераванняў;

– што культура ўвасабляецца ў розных формах, у часе і прасторы. Гэтая разнастайнасць, увасобленая ва ўнікальнасці і вялікай колькасці тоесных груп і грамадстваў як крыніца абмену, абнаўлення і творчасці, гэтак жа неабходная для чалавецтва, як біялагічныя разнастайнасць для прыроды;

– што культурная разнастайнасць пашырае магчымасць выбару для кожнага чалавека; яна з'яўляецца адным з чыннікаў развіцця, пад чым трэба разумець не толькі эканамічны рост, але і дасягненне здавальняючага інтэлектуальнага, эмацыянальнага, маральнага і духоўнага існавання.

Зыходзячы з гэтых пастулатаў «Дэкларацыя» заклікае народы і ўрады краін свету:

– шанаваць і абараняць традыцыйныя веды, асабліва карэнных народаў;

– прызнаваць уклад традыцыйных ведаў, асабліва ў справу абароны навакольнага асяроддзя і спрыяць гарманізацыі сусветнай навукі і рэгіянальных ведаў;

– захоўваць моўную спадчыну чалавецтва і падтрымліваць існаванне моў, творчасці на іх і распаўсюджвання як мага большай колькасці моў;

– стымуляваць развіццё моўнай разнастайнасці, пры павазе да роднай мовы, на ўсіх узроўнях адукацыі;

– спрыяць праз адукацыю станоўчай ацэнцы культурнай разнастайнасці і з гэтай мэтай удасканальваць як вучэбныя праграмы, так і падрыхтоўку выкладчыкаў.

Няма сумнення ў тым, што культурная палітыка беларускай дзяржавы павінна ўлічваць асноўныя пастулаты «Дэкларацыі», паколькі яны адлюстроўваюць універсальныя заканамернасці культурнага развіцця сучаснага чалавецтва. Разам з тым неабходна ўлічваць спецыфіку гістарычнага развіцця культуры беларускага народа.

Творцам і носьбітам культуры з'яўляецца народ. Рэальна існуе, мае паўнакроўнае жыццё толькі культура народа, інакш кажучы, нацыянальная культура. А паколькі гэта так, то навуковая культуралогія немагчыма без асэнсавання сутнасці народа, заканамернасцей яго развіцця, ягонага гістарычнага лёсу.

У айчыннай грамадскай навуцы агульнапрызнана разуменне народа як вялікай грамадскай групы людзей.

Прадстаўнікі народа перакананыя ў тым, што яны паходзяць ад агульнага продка, а таму між імі існуе кроўная сувязь. Гэтае перакананне фарміруе ў іх уяўленне аб сваім народзе як устойлівай цэласнасці.

Народ займае пэўную тэрыторыю, або дамінуе на ёй, што спрыяе частым і шматлікім кантактам.

Народ мае ўласную мову, што забяспечвае яго прадстаўнікам магчымасць узаемных зносін і адрознівае яго ад іншых народаў.

Народ мае агульную веру, права, фальклор, літаратуру, архітэктуру, агульных герояў і мноства выяваў матэрыяльнай культуры.

Народ мае агульны лёс, агульную гісторыю, а часам і ўстойлівае перакананне аб сваёй унікальнай місіі паміж іншымі народамі.

Кожны народ стварае ўнікальную грамадска-культурную сістэму. У еўрапейскай культуралогіі выдзяляюць тры тыпы грамадска-культурных сістэм, найбольш характэрных для нашага часу. У прыватнасці, польскі культуролаг Леон Дычэўскі [3] лічыць, што ёсць падставы вылучаць монаэтнічныя, народныя і плюралістычныя грамадска-культурныя сістэмы.

Прыкладам монаэтнічнай грамадска-культурнай сістэмы з'яўляецца сёння Ізраіль. Цяжка знайсці грамадзяніна гэтай дзяржавы, які не быў бы яўрэем, не жыў яўрэйскай культурай, не перадаваў яе наступным пакаленням, не тварыў яе. Яўрэем нельга стаць, яўрэем трэба нарадзіцца. Ізраільская грамадска-культурная сістэма не прымае да сябе неяўрэя, і таму яна дастаткова замкнутая.

Супрацьлегласцю монаэтнічнай грамадска-культурнай сістэмы з'яўляецца плюралістычная. Яе твораць народы, якія складаюцца з мноства этнічных і рэлігійных групаў. Гэтыя групы могуць адрозніваццa ў колькасных адносінах, аднак усе яны маюць роўныя правы, адкрытыя і талерантныя паміж сабой. Плюралістычныя грамадска-культурныя сістэмы не вылучаюцца багаццем духоўных каштоўнасцей. Яны грунтуюцца хутчэй на грамадскіх, чым на духоўных каштоўнасцях. Прыкладам плюралістычных сістэм з'яўляюцца ЗША, Канада, Аўстралія. Іх сістэмы аб'ядноўваюць такія грамадскія каштоўнасці, як павага да правоў чалавека, бяспека, вольнасць, развіццё, дабрабыт і іншыя.

Пераважная большасць сучасных народаў, акрамя карэнных этнасаў, уключаюць у сябе пэўную колькасць этнічных і рэлігійных групаў. Гэтыя групы могуць быць звязаны з карэнным этнасам адносінамі падпарадкавання, часта вымушанага, альбо адносінамі, выпрацаванымі на грунце агульнага кансенсусу і агульнага інтарэсу. У гэтых умовах узнікае народная грамадска-культурная сістэма. Такая сістэма найбольш здольная да развіцця. Рэспубліка Беларусь з'яўляецца тыповым прыкладам народнай грамадска-культурнай сістэмы. Па дадзеным перапісу насельніцтва краіны 2009 г. на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь пражывала 83,7 % беларусаў, 8,3 % – рускіх, 3,1 % – палякаў, 1,7 % – украінцаў, 0,136 % – яўрэяў, 3 % – прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцяў.

У разуменні сутнасці народа і яго гістарычнага лёсу у нас сёння пануе канцэпцыя вульгарнага сацыялагізму, згодна якой этнас ёсць паняцце сацыяльнае, накшталт паняццю класса, а таму рукатворнае, падпарадкаванае валюнтарызму ўлады. Аднак гэта не так.

Чалавек ёсць частка прыроды, і этнас (народ, нацыя) – катэгорыя прыродная. Гэта ёсць форма, праз якую біялагічны від «хомо сапіенс» пэўным чынам прыстасоўваецца да прыроднага асяроддзя. А прыродныя з'явы, у адрозненне ад рукатворных, мы не можам мяняць па сваёй волі. Гэта дадзенасці, і да іх неабходна прыстасоўвацца так, як мы прыстасоўваемся да кропкі замярзання ці кіпення вады, чаргавання дня і ночы, наяўнасці фізічных і біялагічных уласцівасцей жывой і мёртвай матэрыі.

Наіўна лічыць, што змешаныя шлюбы ў канчатковым выніку створаць адзіны на ўсёй планеце народ. Народы ўзнікаюць не на ўзроўні дзетанараджэння, а на ўзроўні сямейнага выхавання ў 3–5 гадоў. Этнасы пражываюць свой век, знікаюць. На іх элементах узнікаюць новыя, але зліцца ў адзіны не могуць. Распад Савецкага

Саюза, крах тэорыі новай гістарычнай супольнасці людзей – савецкага народу – з’яўляецца пераканаўчым доказам гэтай фундаментальнай ісціны.

Кожны народ імкнецца стварыць сваю нацыянальную дзяржаву. Гэтае імкненне грунтуецца на абсалютным праве народа мець уласную дзяржаву. «*Народ имеет права, абсолютное право народа есть его абсолютная обязанность, – гаворыць Г.В.Ф. Гегель у «Філасофіі права», – быть организованным в себе, составлять государство; это абсолютная необходимость»* [4]. І яшчэ: *«Государство есть существенно в качестве для себя бытия, и это составляет независимость государства, народа, формирующего государство. Высшая честь для народа состоит в том, чтобы создать государство и быть тем самым независимым*» [4]; «*...Народ без государства не заслуживает уважения, он являет собой просто неорганическую массу*» [4].

Такім чынам, дзяржава з’яўляецца вышэйшым, завяршальным этапам рэалізацыі нацыянальнай ідэі. Згодна англійскаму палітолагу Энтані Сміту, нацыянальная ідэя ўключае чатыры элементы: светапогляд, культуру, салідарнасць і палітыку.

У грунце нацыянальнай ідэі ляжаць пэўны светапогляд, пэўнае светаўспрыманне. У адпаведнасці з гэтым успрыманнем, чалавецтва «рэальна» і «натуральна» падзяляецца паводле гісторыі і культуры на вызначаныя супольнасці, якія называюцца нацыямі. Кожная нацыя своеасаблівая і ўнікальная. Кожная прыносіць нешта свае, каштоўнае ў адзіную сям’ю народаў.

Кожная нацыя стварае спецыфічную культуру. Нацыянальная культура фармуе асобу і такім чынам абумоўлівае самавызначэнне сваіх членаў. Ключом да гэтай культуры з’уляецца гісторыя, пачуццё гістарычных архетыпаў, якія перадаюцца да новых і новых пакаленняў. Гістарычная культура, нібы ланцуг, звязвае сучасныя і будучыя пакаленні з усімі папярэднімі і такім чынам фармуе характар і звычаі нацыі.

На грунце культуры фармуецца салідарнасць нацыі. «*Салідарнасць... засноўваецца на валоданні зямлёй, зямлёй мінулых пакаленняў, зямлёй, якая бачыла росквіт нацыянальнага генія. ... Без тэрыторыі немагчыма пабудаваць братэрства і салідарнасць, якіх патрабуе нацыянальная ідэя. Нельга выхаваць у людзей пачуццё крэўнасці і братэрства без прылучэння іх да месца, якое яны адчуваюць сваім, да радзімы, якая належыць ім па праву гісторыі*» [5].

Як гаварылася вышэй, нацыянальная ідэя завяршаецца, рэалізуе сябе ў нацыянальнай дзяржаве. Менавіта ў нацыянальнай дзяржаве салідарная нацыя бярэ на сябе адказнасць за бяспеку і адміністраванне.

У кантэксце сказанага відавочна дыялектыка нацыянальнай дзяржавы і нацыянальнай культуры: нацыянальная дзяржава магчыма толькі на грунце нацыянальнай культуры, а развіццё апошняй немагчыма без нацыянальнай дзяржавы.

Дваццаць гадоў таму, калі ўзнікла нацыянальная дзяржава беларусаў Рэспублікі Беларусь, мы не мелі глыбокага адчування агульнай гісторыі і культуры, неабходнага мінімуму тэрытарыяльнага адзінства і салідарнасці. Зразумела, што такая сітуацыя ў значнай ступені дэтэрмінавана гісторыяй нашага народу ўвогуле і гісторыяй беларускай дзяржаўнасці ў прыватнасці.

Сення агульнапрызнана, што ў сярэдзіне XI стагоддзя беларусы стварылі сваю дзяржаву – Полацкае княства. Дарэчы сказаць, што наш народ распачаў дзяржаватворчы працэс у адзін час з еўрапейскімі народамі. X–XI стагоддзі – гэта перыяд станаўлення еўрапейскіх этнасаў і іх дзяржаваў. Аднак дзяржаватворчы працэс у нас пайшоў далёка не так, як у шэрагу заходнееўрапейскіх краін. У сярэдзіне XIII стагоддзя ўзнікае Вялікае Княства Літоўскае з цэнтрам ў Навагрудку.

Што датычыцца Полацкага княства, то яно паступова, але няўхільна слабее і ў XIV стагоддзі, як сведчаць беларускія летапісы, добраахвотна ўваходзіць у склад ВКЛ.

Полацкае княства і ў пэўнай ступені ВКЛ былі дзяржавамі беларусаў. Беларусы і ў першым і ў другім выпадку заставаліся дзяржаўным народам, гэта значыць маглі ўплываць на прынятце рашэнняў адносна сваёй будучыні.

Пасля Люблінскай уніі і ўтварэння Рэчы Паспалітай двух народаў беларусы перасталі быць дзяржаўным народам. Канешне, гэта вельмі негатыўна паўплывала на развіццё беларускай нацыі.

Возьмем для прыкладу культуру. Нават і сёння, на дваццатым годзе існавання суверэннай, незалежнай беларускай дзяржавы, настойліва прапагандуецца думка, згодна якой беларуская культура не з'яўляецца самастойным культурным комплексам, а простым варыянтам рускай культуры. Заўважу, што ў часы Рэчы Паспалітай яе аб'яўлялі простым варыянтам польскай культуры.

Неабгрунтаванасць такога разумення нацыянальнай культуры пераканаўча паказаў Максім Багдановіч. У 1915 годзе Максім Багда-

новіч надрукаваў па-руску ў часопісе «Украинская жизнь» свой знакаміты нарыс «Белорусское возрождение». У савецкія гады гэты нарыс ніколі не друкаваўся нават у поўным зборы твораў Максіма Багдановіча. Чаму? Перш за ўсё таму, что Максім Багдановіч пераканаўча паказаў памылковасць імперскай ацэнкі беларускай культуры.

Нарыс пачынаецца з аналізу глабальнага працэсу распаду адзінай сярэднявечнай культуры і вылучэння з яе мноства нацыянальных культур у часы еўрапейскага Адраджэння. Пачатак гэтаму працэсу паклалі асноўныя еўрапейскія культуры – італьянская, французская, нямецкая, англійская, іспанская. У часы Максіма Багдановіча гэты працэс доўжыцца. «*От чешской культуры, – піша ён, – откалывается словацкая, сербской – словинская, польской – кашубская, от русской (великорусской) отслоилась украинская и, наконец, белорусская. Таким образом, перед нами в лице этой последней находится не монстр, не раритет, не уникум, а глубоко жизненное явление, находящееся в русле общеевропейского процесса*» [6]. І яшчэ раз дамо слова Максіму Багдановічу. Ён піша: «*Четко выбирая и суммируя факты, по своей общепризнанности спору не подлежащие, мы убеждаемся, что белорусская культура отнюдь не является простым вариантом культуры великорусской. Наоборот, в их лице перед нами находятся два самостоятельных культурных комплекса, с самого начала росших и развивающихся независимо друг от друга. Разнясь между собой и по бытовым основам, и по влияниям направленным извне, и по событиям дальнейшей исторической жизни, они, естественно, пришли к далеко не тождественным историческим результатам*».

І апошняе: «*...Уже к концу XIII ст. (по авторитетнейшему свидетельству проф. Карского) белорусская народность выступает сформировавшейся в своих основных чертах, опередив в этом отношении народность великорусскую, которая, таким образом, не могла влиять на процесс возникновения ее*» [6].

Такім чынам, сённяшняя беларуская дзяржава атрымала ў спадчыну нацыянальны культурны комплекс, якому як мінімум 700 гадоў. І няцяжка ўявіць якое магутнае багацце ўклалі многія пакаленні беларусаў у сваю мову, фальклор, звычаі, музыку, танцы, выяўленчае мастацтва, архітэктуру, ужытковае мастацтва і іншыя віды культурнай дзейнасці.

Як павінна ставіцца да гэтага багацця беларуская дзяржава? Адказ відавочны і адназначны. Зберагаць, захоўваць культурную спадчыну народа. Бо менавіта культурная спадчына «*позволяет*

народам защищать свой суверенитет, свою независимость, а следовательно, утверждать и развивать свою самобытность» [7].

За апошнія гады ў нашай краіне нямала робіцца ў справе захавання нацыянальнай культурнай спадчыны. З 1992 года дзейнічае закон «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны». У 2003 годзе Міністэрствам культуры зацверджаны Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь, які ўключае 50 духоўных каштоўнасцей, 52 рухомые каштоўнасці і 2234 матэрыяльныя нерухомыя каштоўнасці. Адноўлены такія знакавыя аб'екты нацыянальнай архітэктуры, як палац Румянцавых-Паскевічаў у Гомелі, Мірскі Замак, беларуская частка Аўгустоўскага канала, распачата аднаўленне Косаўскага палаца.

Аднак і сёння нацыянальная культура ў значнай ступені ўяўляе сабою *terra irredenta* – нявызваленую зямлю і *terra incognita* – невядомую зямлю. За 700 гадоў свайго існавання беларуская культура тройчы падпадала пад дамінацыю чужых культур. У Рэчы Паспалітай гэта была культура польская. У Расійскай імперыі – культура руская. У Савецкім Саюзе – культура савецкая.

Да сёння ў айчыннай культуралогіі жывуча тэза, згодна якой прыняцце дамінацыі больш развітай і магутнай культуры можа быць карысным для нацыянальнай культуры. Дзякуючы гэтаму нацыянальная культура атрымоўвае магчымасць далучыцца да культуры ўніверсальнай. Аднак у двух выпадках з трох беларуская культура падпадала пад дамінацыю не больш развітых культур, а пад палітычнае дамінаванне. Польская культура XVI стагоддзя не была больш развітай за беларускую. У апошнія гады гэты факт прызналі нават польскія культуролагі. «*Мы не заўсёды ўсведамлялі,* – піша польскі даследчык Павал Пшэцішэўскі, – *што Беларусь будавала... сваю гістарычную спадчыну асобна ад Польшчы, што асабліва ў Усходняй Беларусі магнатэрыя і каталіцкія зграмаджэнні былі настолькі моцнымі, што яны самы, без «каранякаў», запрашалі будаўнічых з Італіі ці Галандыі, часта ствараючы больш стылёвыя будынкі, чым Кракаў ці Гданьск. Тое, што гэты край належаў да Польшчы, таксама перабольшанне, гэта хутчэй праекцыя праўнага стану часоў II Рэчы Паспалітай на далейшую мінуўшчыну, бо стварэнне супольнай шляхецкай дзяржавы на Люблінскім сейме 1569 года ніяк не азначала «належнасць» Вялікага Княства Літоўскага да Польшчы*» [8].

Не была больш развітай за беларускую і культура савецкая. І ў Рэчы Паспалітай і ў Савецкім Саюзе культура беларусаў развівала-

ся пад ціскам не больш развітай культуры духоўнай, а татальнай культуры палітычнай. Характэрызуючы каланіяльнае мысленне «еўрапацэнтрызму» рускі культуролаг М.С. Трубяцкі на пачатку XX стагоддзя пісаў: «*Затаеннай мечтой каждого европейца является обезличение всех народов Земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской (...), которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие превратить в культуры второго сорта*» [9]. У такой жа ступені затоенай марай імперскага мыслення з'яўляецца разбурэнне культур перыферыйных народаў. Бо імперскае мысленне не здольна прызнаць таго відавочнага факту, што культуры народаў перыферыі могуць не ў чым не саступаць культуры народа імперскага, паколькі стэрэатыпы імперскіх паводзін, як правіла, не дэтэрмінуюцца лагічнымі доказамі.

Але калі нават дапусціць карыснасць дамінацыі больш магутнай і развітай культуры, як гэта мела месца ў часы Расійскай імперыі, то відавочна, што такая карысць ёсць часовая.

Многія народы Цэнтральнай і паўночнай Еўропы перажывалі дамінацыю больш развітых і магутных культур: чэхі і славакі ў Аўстра-Венгерскай імперыі, фіны ў складзе Швецыі і г.д. Аднак, калі народ хоча мець будучае, неабходна вызваліцца ад гэтай дамінацыі, стаць на свае ногі. А стаць на свае ногі магчыма толькі ўсвядоміўшы ўнікальнасць і самакаштоўнасць нацыянальнай культуры.

Да сёння беларуская культура ў пэўнай ступені *terra incognita* – невядомая зямля. Становішча аб'ектыўнае. Любы народ, дзесяць пакаленняў якого пачыналі пазнаваць свет па буквары, які адкрываецца партрэтам імператара або У.І. Леніна, не меў бы нічога іншага.

Пытанне ў тым, як пераадолець гэтае становішча. У гэтых умовах вельмі важнай бачыцца роля кожнага беларускага інтэлігента. Я разумею, што праца асобнага чалавека ў нацыянальным дзеянні ёсць мізэрная частка, але відавочна і тое, што з гэтых частак і складаецца нацыянальнае дзеянне.

Спіс літаратуры

1. За алтари и очаги. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 493.
2. Сусветная дэкларацыя культурнай разнастайнасці ЮНЭСКА, 3 лістапада 2001 г.
3. Wartosci w kulture polskiej / pod redakcja Leona Dyczewskiego. – Lublin, 1993.
4. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – С. 470, 479.
5. Сміт, Энтані Д.С. Нацыяналізм ў дваццатым стагоддзі / Энтані Д.С. Сміт; пер. з англ. – Мінск: Беларускі фонд Сораса, 1995. – С. 13.

6. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 258-259.

7. Декларация по политике в области культуры. Всемирная конференция по политике в области культуры. Мехико. 26 июля – 6 августа 1982 г. Заключительный доклад. – Париж: ЮНЕСКО. – С. 47.

8. Пшэцішэўскі, П. Што прыцягвае палякаў да Беларусі? Што іх у Беларусі захапляе? Краязнаўства і адукацыя / П. Пшэцішэўскі. – Шчэцін, 2006. – С. 7.

9. Гумилёв, Л. Заметки последнего евразийца / Л. Гумилёв // Наше наследие. – 1991. – № 3. – С. 24.

Татьяна Хвагина

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Краеведческая экскурсия и краеведение как область знаний и вид деятельности тесно связаны между собой. Определяя значение краеведческих экскурсий, их место и роль в современном познавательном туризме Беларуси, для начала вспомним о специфике краеведения и прибегнем к формулировке, которую дает энциклопедическое издание «Этнография Беларуси»: «Краеведение – всестороннее изучение определенной территории, города, деревни или иного населенного пункта преимущественно местным населением. Исследует природу, хозяйственную деятельность, быт, историю, культуру; бывает комплексное, когда изучаются все явления в их взаимосвязи, и отраслевое – историческое, этнографическое, литературное, географическое, природоведческое и др.» [11].

Краеведение как вид деятельности складывается из многих этапов. В процессе краеведческой работы происходит выявление объектов (памятных мест), предметов материальной культуры и новых интересных фактов, касающихся какой-либо локальной территории. Затем идет их детальное изучение с привлечением самого широкого спектра источников информации. Далее происходит распространение в той или иной форме результатов краеведческих исследований: устные выступления, уроки, лекции, газетные публикации, краеведческие книги и путеводители, съемка любительских и документальных фильмов, разработка экскурсионных и туристических маршрутов по территории родного края как на любительском, так и на профессиональном уровне.

Краеведческая работа, сочетая в себе поиск и научный анализ материалов, протекает на трех уровнях. Принято выделять школьное, любительское и научное краеведение. Первое связано с учебной и внеклассной работой (краеведческие кружки, секции, олимпиады, школьные краеведческие музеи). Оно существует автономно от экскурсионного дела, которым занимаются туристические предприятия. Любительское краеведение возникло давно и является той основой, на которой впоследствии стало развиваться научное краеведение. Краеведы-любители – это первопроходцы в изучении истории края, которые внесли в краеведческую работу неоценимый вклад. Сегодня мы постоянно обращаемся к их исследованиям и публикациям, приглашаем краеведов в качестве консультантов при разработке экскурсионных тем. Некоторые краеведы уже пополнили ряды экскурсоводов, с их помощью разрабатываются новые и совершенствуются действующие маршруты. В государственных музеях, научно-исследовательских институтах и лабораториях, высших учебных заведениях также занимаются краеведением. Благодаря этому, многие темы, ранее слабо изученные, исследованы и освещены всесторонне.

В развитии краеведения были благоприятные и неблагоприятные периоды. Оно неоднократно переживало расцвет и упадок: то становилось массовым и популярным, обретало государственную поддержку, то, в силу разных причин, краеведческая работа отодвигалась на периферию. Политические табу на целый ряд событий отечественной истории и деятельность знаменитых людей препятствовали объективной подаче результатов краеведческих исследований. Многие интересные факты замалчивались или искажались в соответствии с советской идеологией.

Состояние советского краеведения в полной мере отразилось и на характере краеведческих экскурсий той эпохи, которые официальное экскурсоведение, направляемое Главным экскурсионным управлением Центрального Совета по туризму и экскурсиям, относило к разряду второстепенных экскурсий местного значения. В то время расстановка акцентов в советском экскурсионном деле была такова, что приоритетное положение занимали военно-исторические и историко-революционные экскурсии. Иные виды экскурсий: архитектурно-градостроительные, искусствоведческие, литературные и т.п. конкурировали с ними не всегда успешно. Последнее обстоятельство связано не только с наличием и качеством объектов показа, но и со вкусами, общим образовательным и куль-

турным уровнем экскурсантов в условиях массового советского внутреннего туризма.

Экскурсия – это творческий процесс, во время которого происходит постоянное взаимодействие экскурсовода и экскурсантов. Экскурсия высочайшего класса, рассчитанная на подготовленных, эрудированных и заинтересованных экскурсантов, вполне могла оказаться невостребованной за пределами столиц и крупных туристических центров, где не было социальной среды, необходимой для формирования соответствующей категории экскурсантов. Например, в Пинске, который славится своими архитектурными памятниками и сохранностью исторической застройки, экскурсия по архитектурным памятникам была «мертвой экскурсией», на которую не было спроса. Все то же самое касается и краеведческих экскурсий, которые, с одной стороны, требуют особых, увлеченных экскурсоводов-краеведов, а с другой – подготовленной и заинтересованной аудитории.

Долгое время краеведческим экскурсиям не уделялось должного внимания. Поэтому обстоятельственное теоретическое осмысление такого явления, как «краеведческая экскурсия», еще предстоит сделать с учетом опыта работы последних десятилетий. Что же такое краеведческая экскурсия? Является ли она особым видом экскурсий? Может быть, к этому разряду можно отнести все или почти все существующие в Беларуси экскурсионные темы? Краеведческая экскурсия связана с показом локальной территории. Она может быть построена на показе разноплановых объектов или на объектах, связанных с определенной темой. Маршруты краеведческих экскурсий имеют разную протяженность. Они проходят в пределах одного населенного пункта или целого региона. По месту проведения краеведческие экскурсии бывают городскими и загородными. Краеведческую экскурсию можно посвятить одной теме, одному событию или этапу в развитии города, поселения, края, а можно сделать ее своего рода «визитной карточкой» того или иного региона. Краеведческая экскурсия адресуется местному населению и может быть предложена гостям, посещающим данный регион. Краеведческие экскурсии составляют основу ностальгических туров «Чары Полесья» и «Евреи на Полесье» для польских туристов и туристов из Израиля и стран, где проживают еврейские общины выходцев из Беларуси.

Рассмотрим эволюцию городских краеведческих экскурсий на примере Пинска. В 1970–1980 гг. главной экскурсией по Пинску

была городская обзорная экскурсия. По своим объектам, маршруту и, главное, содержанию такая многоплановая экскурсия в значительной степени отличалась от современных городских экскурсий. Ее характеризовали поверхностность, уклон в военно-историческую тематику и пропаганду достижений социалистической эпохи. Обзорная экскурсия по Пинску называлась «Молодость древнего Пинска», и как бы в подтверждение заданной темы богатая девятивековая история Пинска оставалась за рамками содержания экскурсии. Складывалось впечатление, что экскурсоводы оперируют набором статистических данных о городе, не знают истории родного города.

Толчком для создания целого блока принципиально новых городских экскурсий в Пинске послужило празднование в 1997 г. 900-летия города. В этот период сначала в периодической печати появилось большое количество краеведческих публикаций, авторами которых были краеведы-любители, историки и журналисты: А. Дубровский, В. Ильенков, Р. Марголина, Э. Злобин, М. Самуйлик, И. Романчук и др.

Были изданы альманахи «Пинск исторический» и «Путеводитель по столице Полесья», подготовленные журналистом В. Макавчуком [7, 8]. Готовилась к изданию книга «Память», посвященная Пинску. Параллельно велась работа по выявлению и изучению объектов будущей городской экскурсии. Использовались источники, изданные в межвоенное время на польском языке, изучались экспозиция и фонды Музея Белорусского Полесья. В результате был собран обширный материал, который позволил разработать не одну, а несколько городских экскурсий, отвечающих разным задачам и адресованных различным категориям экскурсантов, начиная от младших школьников до специальных групп экскурсантов.

Возникла идея разбивки исторического центра Пинска, насыщенного объектами показа, на локальные участки для детального изучения и показа определенных этапов в истории города. Так, на пинском «детинце», являющемся первоосновой древнего города над Пиной, был проложен маршрут экскурсии «У истоков града над Пиной». Пинский замок, существовавший в XI–XVII вв. на левом берегу Пины, был сожжен, а его территория оказалась под городской застройкой. Тем не менее рельеф местности, улицы, возникшие на месте оборонных рвов, сохранившийся фрагмент земляного вала окольного города позволили локализовать интереснейшие сведения о возникновении и первых веках в истории Пинска, кото-

рые удалось почерпнуть из книги публикаций доктора исторических наук А.Ф. Лысенко и бывшего заместителя директора по научной работе Пинского областного краеведческого музея А.И. Лозицкого [4, 5, 6]. Особую ценность представляла составленная А.И. Лозицким карта Пинска XVI в. Автору удалось сделать привязку к плану современного города бывших валов, рвов, городских ворот, храмов, улиц и даже усадеб отдельных жителей.

Экскурсия «У истоков града над Пиной» стала настоящей сенсацией. На ней в юбилейном и последующем году побывали тысячи пинских школьников. Экскурсанты – учителя, родители и другие горожане с удивлением отмечали, что, прожив не один десяток лет в Пинске, они не подозревали о существовании пинского замка и такой богатой истории родного города. Следующими звеньями этой экскурсионно-краеведческой «цепочки» стали экскурсии «По историческому центру Пинска», «По главной улице столицы Полесья», «Наш парк». Теперь в стадии разработки находится еще одна пешеходная краеведческая экскурсия, посвященная пинскому предместью Каролин.

Подобного рода пешеходные экскурсии хороши тем, что позволяют экскурсоводам глубоко проникнуть в тему. Такую экскурсию нельзя просто зазубрить или построить на общеизвестном материале. Краеведческая экскурсия делает обычного экскурсовода краеведом, увлекая его поиском нового краеведческого материала. Подобная экскурсия имеет небольшую продолжительность, невысокую цену и может активно использоваться учителями истории, литературы, природоведения, географии в учебном процессе. Кроме того, краеведческие экскурсии настолько патриотичны по своей направленности, что без них невозможно представить воспитательную работу с подрастающим поколением, процесс формирования у него национального самосознания.

Остается выяснить, кто возьмет на себя такое важное дело, которое, давая хороший воспитательный эффект, не приносит туристическим фирмам существенной прибыли? Из более чем десяти туристических фирм, расположенных в Пинске, экскурсии по городу предлагают единицы, а дешевые пешеходные – только одна (турбюро УО «Полесский государственный университет»).

Популярность городских краеведческих экскурсий в школьной среде напрямую зависит от популярности краеведческих и исторических знаний. Практика показывает, что выпускники городских школ за небольшим исключением ни разу за весь период обу-

чения не побывали ни на одной городской экскурсии, не знают основных событий в истории города, своих знаменитых земляков и т.п. Различные попытки сблизить туризм и школу к успеху не приводят. Обеим сторонам требуется не только понимание важности проблемы, но и стимулирование. Проведение экскурсий для школьников можно было бы перенести в детские центры туризма и краеведения. Однако для этого необходимы соответствующее финансирование и подготовленные кадры.

Познавательный потенциал, который содержит хорошая краеведческая экскурсия, равняется книге или учебнику. Существенное преимущество экскурсии – ее высокая степень наглядности, благодаря которой материал усваивается намного быстрее и лучше. Возьмем, к примеру, содержание загородной экскурсии «Полесский венок», маршрут которой проходит по Полесскому Загородью в пределах Пинского и Ивановского районов Брестской области. Кроме показа природы Загородья, поймы Ясельды и Пины экскурсантам в разнообразной форме преподносится обширнейший материал об истории, этнографии, экономике края, его особенностях, традициях, знаменитых земляках.

В экскурсии идет показ культовых объектов различных конфессий, старинных парков и остатков усадеб в Поречье, Молодово и Дубое, сообщается о строительстве и значении Огинского канала и предпринимательской деятельности зачинателей промышленности на Полесье Скирмунтов. Здесь освещаются драматические события Первой и Второй мировых войн. Экскурсанты узнают о знаменитых уроженцах Полесья: Юзефе Твардовском, Евгении Янищиц, Скирмунтах-литераторах, Хаиме Вейцмане, Наполеоне Орде и др. В экскурсионную программу включено посещение Мотольского музея народного творчества, где показ экспозиции сочетается с концертно-обрядовой программой «Жывы гук» и позволяет прикоснуться к богатой этнографии Полесья. Одна из подтем экскурсии посвящена уникальному геодезическому памятнику, охраняемому ЮНЕСКО – «Дуге Струве». Маршрут настолько содержателен, что ради него на Полесье приезжают столичные и зарубежные туристы, но при всех своих достоинствах маршрут так же, как и подобные краеведческие экскурсии в других регионах Беларуси, нуждается в рекламе и поддержке на уровне государства.

Другим удачным примером загородной краеведческой экскурсии является экскурсия «По древней Туровской земле». Она начинается на пинском замчище и ведёт к городам Погорынья – Столи-

ну и Давид-Городку, а затем в древний Туров. Основная тема экскурсии связана с возникновением и первыми вехами истории городов и поселений Туровской земли-княжества. Однако объекты, расположенные на маршруте, заставляют периодически отклоняться от этой темы и вспомнить целый ряд событий: строительство дорог и каналов на Полесье в эпоху Речи Посполитой, визит на Пинщину в 1784 г. короля Станислава Августа Понятовского, события Первой мировой войны и пребывание под Пинском Александра Блока, последний бой повстанцев Р. Траугута у деревни Колодное на Столинщине. В экскурсии отражена история каролин-столинского хасидизма, зародившегося на Полесье в конце XVIII века. Здесь идёт рассказ о представителях знаменитых фамилий, оставивших след в истории Полесья: Радзивиллах, Скирмунтах, Олешах-Бережновских. При показе Давид-Городка упоминаются битва гетмана К. Острожского с татарами на Припяти и крестьянско-казацкие выступления XVII в. На пути следования туристов находится бывшая государственная граница между СССР и Польшей, которая позволяет обратиться к событиям советско-польской войны, Рижскому мирному договору 1921 г. и межвоенному периоду в истории Западной Беларуси и БССР. При посещении Турова всесторонне раскрывается история древнего города, при этом значительное место отводится религиозной, просветительской и литературной деятельности Кирилла Туровского и Константина (Василия) Острожского.

При создании этой экскурсии было использовано большое число источников, в том числе архивных документов. За последние два десятилетия возможности по сбору материала для будущих экскурсий значительно расширились. Различными авторами написано, переведено и опубликовано огромное количество материалов краеведческого характера. Сегодняшний школьник или студент может почерпнуть немало сведений в сети интернет, хотя и не всегда точных, нуждающихся в перепроверке.

У методистов и экскурсоводов, которые разрабатывали экскурсии в 1960–1980 гг., возможности по сбору материала были чрезвычайно ограничены, что сказывалось на содержании экскурсий. При разработке экскурсий приходилось довольствоваться публикациями отдельных краеведов-любителей в местной печати, материалами журнала «Помнікі гісторыі и культуры Беларусі» и краткими сведениями из немногочисленных энциклопедических изданий.

В начале 1990 гг. был издан многотомный «Свод памятников истории и культуры Белоруссии» [9], который сейчас нуждается в

дополнении. Но в целом по-прежнему ощущалась нехватка краеведческого материала. Поэтому основная масса экскурсоводов так и не приобщилась к краеведческим знаниям и проводила свои экскурсии на основе контрольных текстов, хранившихся в бюро путешествий и экскурсий.

Нигде в пределах республики в туристических предприятиях ВЦСПС не было ни одной краеведческой секции, т.к. туристско-экскурсионные учреждения БССР были ориентированы на прием туристов из соседних республик. Программы приема гостей строились на показе столицы – города-героя Минска, мемориального комплекса «Хатынь», Кургана Славы, мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». Многие памятники истории и культуры, которые в современной экскурсионной тематике играют роль ключевых, оставались за рамками экскурсионных программ. Связанные с ними исторические события не всегда интересовали туристов из других регионов страны, приезжавших в Беларусь из разных регионов Советского Союза.

Экскурсовод, который на свой страх и риск начинал углубляться в историю, мог оказаться непонятым. Его могли обвинить в ошибочном мировоззрении, пропаганде национализма, буржуазных ценностей, утрате классового чутья и т.п., отстранить от работы за низкий идейно-политический уровень экскурсии.

Содержание познавательного туризма в Беларуси зависело напрямую от потребителей туруслуг и на протяжении последних десятилетий постоянно менялось. Для въездного туризма, за исключением ностальгических туров, краеведческие экскурсии не характерны, здесь требуются обзорные, тематические, музейные экскурсии, связанные с известными и значительными объектами и событиями. Иное дело – внутренний туризм, основанный на желании подробно познакомиться с разными регионами своей страны или глубже узнать историю своего родного края.

Очень интересный опыт накоплен в Польше, где в первой половине XX в. успешно вело свою работу Польское краеведческое общество, впоследствии превратившееся в одного из ведущих национальных туроператоров «Польское туристическо-краеведческое общество» (PTTK).

Специфика его работы состояла в организации краеведческих исследований, всевозможной популяризации краеведческих знаний, выпуске путеводителей и разработке экскурсионных и туристических маршрутов, а также организации экскурсий и путешествий.

Очень важным моментом в практике польского туризма и краеведения является туристско-образовательная программа «Зеленая школа», которая финансируется государством и позволяет школьникам Польши за время учебы побывать в разных регионах страны, познакомиться с их природными и этнографическими особенностями, экономикой, историей и достопримечательностями.

Эта программа позволяет расширить кругозор учащихся, решить разнообразные воспитательные задачи. Она повышает интерес к краеведению и спрос на краеведческую литературу, фильмы, краеведческие экскурсии и туры. К сожалению, за двадцать постсоветских лет подобная эффективная практика в нашей стране так и не сложилась.

Одним из мероприятий в поддержку познавательного туризма в Республике Беларусь является конкурс «Познай Беларусь!», проводимый под эгидой Министерства спорта и туризма. Периодически проводятся выездные семинары для специалистов турбизнеса, которые специализируются на внутреннем познавательном туризме, и рекламные туры по Беларуси.

После свертывания в Беларуси в начале 1990 гг. экскурсионной работы, которое сопровождалось закрытием методических отделов и кабинетов, увольнением из бюро путешествий методистов и экскурсоводов и утерей значительной части экскурсионной документации, первая попытка реанимировать экскурсионный туризм, объединить и сохранить лучшие экскурсионные кадры была предпринята во второй половине 1990 гг. В 1996 г. была создана общественная организация «Белорусская ассоциация экскурсоводов и гидов-переводчиков» (БАЭиГП). Наиболее активно стали действовать Минское, Брестское и Пинское отделения БАЭиГП, что позволило в этих туристических центрах совместными усилиями профессионалов переработать и создать целый ряд принципиально новых по своему содержанию экскурсий.

В новых условиях независимого государства стал проявляться интерес к истории Беларуси, особенно тем её страницам, которые в советских экскурсиях замалчивались. Вместо еще недавно популярных военно-исторических экскурсий стали пользоваться спросом экскурсии с посещением культовых объектов, экскурсии по местам знаменитых людей, этнографические и исторические экскурсии.

Активные участники БАЭиГП причастны и к разработке путеводителей, научно-популярных изданий и фотоальбомов по раз-

ным городам и регионам Беларуси, что в свою очередь способствовало активизации внутреннего туризма. В 1990 гг. заявили о себе новые периодические издания: газеты «Туризм и отдых», «Путешественник», «Краеведческая газета» и другие, которые стали активно пропагандировать новые экскурсионные и туристические маршруты по Беларуси. Появилось специализированное издательство туристической литературы «Рифтур», созданное журналистом, главным редактором газеты «Туризм и отдых» Сергеем Плыткевичем, которое внесло большой вклад в поддержку познавательного туризма.

Постепенно стал меняться рынок туристических услуг. Экскурсионная и краеведческая работа сосредоточилась в тех туристических фирмах, которые по своему кадровому потенциалу и своей приверженности познавательному туризму сочли необходимым развивать данное направление. В регионах, где бюро путешествий и экскурсий, подведомственные Федерации профсоюзов Беларуси не сохранили прежний опыт экскурсионной работы, лидерами по созданию и продвижением экскурсий стали новые туристические предприятия.

Вместе с тем, в отдельных регионах экскурсионные традиции на некоторое время были практически утрачены, и пока шло их восстановление, возник эффект «потерянного» для познавательного и внутреннего туризма поколения. Следствием чего является современный недостаточно высокий спрос на экскурсии, а также отношения к экскурсиям как к мероприятиям сугубо развлекательным. Эта проблема хорошо известна всем, кто связан с организацией и проведением экскурсий для школьников. При выборе темы и маршрута экскурсии школьники и их родители, а зачастую и учителя, отдают предпочтение объектам развлекательным: посещению различных аттракционов, аквапарков, ресторанов «Макдональдс». К сожалению, единичны заказы экскурсий, посвященных литературной тематике, знаменитым землякам, историческим событиям, особенно если их экскурсионные объекты находятся вдали от крупных городов. Отсутствие устойчивого спроса влияет на «прохладное» отношение многих туристических фирм к экскурсионной работе.

В это же время, в 2000 гг., из общей массы туристических предприятий выделилась небольшая группа турфирм, которые связали свою деятельность с развитием познавательного туризма, создани-

ем экскурсий, экскурсионных туров по Беларуси. К таковым относятся: «Виаполь», «Страна замков», «Гісторыя-тур», «Долсан», «Пан шляху» (Минск), «Святовит» (Лида), «Центр туристических услуг» (Поставы) и др.

В качестве положительных тенденций последних лет можно отметить, что многократно возросло число взрослых экскурсантов на познавательных турах и экскурсиях. Экскурсионные группы нередко формируются из туристов-индивидуалов. Также вернулась традиция обслуживания корпоративных групп, организуемых профсоюзами.

В последние годы в Беларуси одной из причин активизации познавательного туризма, в том числе краеведческих экскурсий является реставрация, восстановление значительного числа объектов туристического интереса, открытие целого ряда новых памятников, мемориальных комплексов и музеев, благоустройство городов, поселков и сельских населенных пунктов. Такое изобилие интересных объектов позволяет усовершенствовать действующие и разработать новые экскурсионные маршруты. Появились и обрели популярность анимационные программы на исторические темы, которые включаются в экскурсии, разнообразят их и способствуют повышению спроса на познавательный туризм.

Еще одна положительная тенденция – активизация в 2000 гг. приема зарубежных туристов. Поэтому возникла необходимость разработки и проведения особых экскурсий, основанных на краеведческом материале, для участников ностальгических и паломнических туров, приезжающих в Беларусь из Польши, Израиля и других стран.

Несмотря на это, краеведческая экскурсия по-прежнему нуждается в поддержке и популяризации. Одной из таких действенных мер может стать повсеместное введение в школьную программу предмета «Краеведение». В этом случае высокая степень наглядности экскурсий и их богатое содержание не останутся незамеченными, и спрос на краеведческие экскурсии значительно возрастёт. С другой стороны, нужно уже сейчас совершенствовать не только их содержание, но и методику проведения экскурсий, активно использовать при их проведении различные технические средства для демонстрации кинофильмов, которые позволят разнообразить показ и сделать его более насыщенным и разнообразным. Методику проведения краеведческих

экскурсий нужно обогатить ролевыми играми и элементами анимации, чтобы экскурсия в легкой, игровой форме продолжала выполнять свои задачи: позволяла по-новому взглянуть на историю своей страны, открывала много нового и интересного, увлекала историческими знаниями и внушала гордость за свою историю и свой народ.

Заглавная роль в проведении краеведческих и других экскурсий принадлежит экскурсоводам, которые находятся вне штата турфирм. На экскурсионной работе уже давно сказывается «старение» экскурсионных кадров. Рассчитывать только на индивидуальную подготовку и самообразование экскурсоводов нельзя. Наиболее эффективными видятся два направления кадровой политики. Первое – организация соответствующих факультативов или курсов по подготовке экскурсоводов на гуманитарных факультетах высших учебных заведений (исторических, филологических, факультетах иностранных языков и др.). Второе – возвращение к практике проведения в регионах курсов экскурсоводов и привлечение на них местных краеведов, учителей истории, географии, белорусского, русского и иностранных языков, научных сотрудников музеев.

Список литературы

1. Гецевич, Н.А. Основы экскурсоведения: учеб. пособие / Н.А. Гецевич. – Минск: Изд. «Университетское», 1988. – 160 с.

2. Историческое краеведение Белоруссии: учеб. пособие / А.Н. Ваганова [и др.]; под ред. Э.М. Загорульского. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 264 с.

3. Каханоўскі, Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / навук. рэд. Л.Д. Побаль. – Мінск: Навука і тэхніка, 1984. – 120 с.

4. Лозицкий, А.И. Пинск XVI столетия / А.И. Лозицкий. – Минск: Наука и техника, 1994.

5. Лысенко, П.Ф. Древний Пинск: XI–XIII вв. / П.Ф. Лысенко. – Минск: БелАДИ, 1997.

6. Лысенко, П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. / П.Ф. Лысенко. – Минск: Беларуская навука, 1999.

7. Наш Пинск исторический. – Пинск: Пинск-900, 1997.

8. Пинск. Путеводитель по столице Полесья. – Пинск: Пинск-900, 1994.

9. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Бел. сов. энцикл.; редкол.: С.В. Марцелев (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1990. – 424 с.

10. Хвагина, Т.А. Полесье от Буга до Уборти / Т.А. Хвагина. – Минск: Вышэйшая школа, 2005. – 143 с.

11. Этнаграфія Беларусі: энцыкл. / Беларус. сав. энцыкл.; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 575 с.

Леанід Лаўрэш

ДАЙНОЎСКІ І РАДУНЬСКІ ЗАМКІ ГІСТАРЫЧНАЙ ЛІДЧЫНЫ. НАТАТКІ КРАЯЗНАЎЦЫ

Лідская Дайнова

Пасля таго, як быў знойдзены палац у Востраве, дзе па версіі Т. Нарбута было заключана знакамітае Востраўскае пагадненне 1392 г. [1] мяне зацікавіў яшчэ адзін аб'ект каля Ліды, таксама ў старой балцкай Дайнове, за некалькі кіламетраў на поўдзень ад Вострава.

Вялікі знаўца нашай гісторыі Адам Кіркор у «Живописной России» пісаў, што Ліда была сталіцай удзельнага княства і з'яўляецца вельмі старажытным паселішчам на мяжы ўласна Літвы, ды славянскіх зямель і дайноўцаў. Горад займаў значную ролю ў гістарычных лёсах Літвы. Гісторык Кіркор лічыў, што каля Ліды магло існаваць са старажытных часоў умацаванне, а князь Гедзімін ужо потым пабудаваў тут замак, разваліны якога ацалелі да нашых дзён. «*Ліда ляжыць амаль на мяжы двух плямён, што насяляюць Лідскі ўезд, літоўцаў і чарнарусаў, аддзеленых адно ад другога рэчкаю Дзітвою. Найстаражытнейшая сталіца дайноўцаў: Дайнова – зараз невялікая вёска. Дайноўскае княства існавала яшчэ на пачатку XIII стагоддзя... У Дайнове захаваўся вялікі камень, які народ называе «кабылкаю», бо, паводле падання, на ім каралі злачынцаў*» [2]. У кнізе «Черты из истории и жизни Литовского народа» Кіркор дапаўняе гэтую інфармацыю звесткамі пра Дайноўскі замак: «*Горад Ліда пабудаваны на самым рубяжы старажытнай Літвы і пляменаў славянскіх. Заснаваны ў другой палове XIII стагоддзя, калі ўдзельнае Дайноўскае княства саступіла месца Лідзе, якая на пачатку, верагодна, была невялікім паселішчам літоўскім*». А ў заўвагах да гэтага тэксту ён дае вельмі цікавую інфармацыю: «*Дайнова на захад ад Ліды за 10 вёрст (вярста = 1,0668 км. – Л.Л.), паблізу ракі Дзітва, зараз маёнтак. Тут існаваў замак, сляды якога бачныя і цяпер у розных паглыбленнях сажалак, у грабах (дрэвах. – Л.Л.), якія нідзе паблізу не растуць, у камені вялізарных памераў, на якім па паданні каралі смерцю злачынцаў. Камень гэты называецца і цяпер у простага люду «кабылай» і, мяркуючы па яго месцазнаходжанні, верагодна, ляжаў на плошчы супраць палаца. Княства Дайноўскае межавала з цяперашнімі паветамі: Гарадзенскім, Наваградскім і Ашмянскім*» [3]. Інфармацыя пра Дай-

ноўскі замак са спасылкай на Кіркора таксама ёсць у даведніку «Городские поселения в Российской империи» за 1860 г.: «*Горад Ліда належыць да найстаражытнейшых літоўскіх паселішчаў. Яго навакольная мясцовасць складала самастойны ўдзел князёў Дайноўскіх, рэшткі палаца якіх захаваліся ў фальварку Дайнова каля Ліды*» [4]. Тая ж інфармацыя аб Дайнове прыведзена і ў «Памятной книжке Виленской губернии на 1851 г.» [5]. Інфармацыя пра Дайноўскі замак (палац) не была падмацавана пісьмовымі крыніцамі, і таму ў сур'ёзнай навуковай працы «Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. 1893 г.» Ф. Пакроўскі нічога не піша пра замак, а толькі пра былое паселішча і наўпрост указвае на крыніцу інфармацыі – народную памяць: «*Паблізу вёскі Дайнова, у цяпер высечаным лесе, ляжыць вялікі ўрослы ў зямлю камень. Месца гэтае сяляне называюць «кабылы», прычым кажуць, што па паданні ў часы дайнаўскага княства на гэтым камені здзяйсняліся пакаранні злачынцаў. Паблізу ад каменя да гэтага часу захоўваюцца сляды паселішча, менавіта: ямы-басейны сажалак і парослі грабу, якога нідзе больш у наваколлі няма*» [6].

Э. Вальтэр пісаў: «*Дэйноўскае княства XII ст. знаходзілася ў межах цяперашняга Лідскага павету Віленскай губерні. Каля фальварка Дэйнова (блізу р. Дзітва) прыкметны сляды замка і горада, які быў галоўным у Дэйноўскім княстве. Захаваўся вялікі камень, званы «кабылкай», на якім, па паданні, пакаралі смерцю злачынцаў*» [7].

Самы выбітны лідскі гісторык і краязнаўца XX ст. Міхал Шымялевіч напісаў пра тое, як закончыўся лёс гэтага сакральнага для паганцаў каменя: «*Пры вёсцы Бельск за 6 вёрст ад Ліды на полі ляжаў велізарны камень, які звалі «кабыла». Па паданні на гэтым камені каралі даўней злачынцаў. Магчыма, што тут у старажытнасці збіраліся копныя суды. Камень пабіты мулярамі на пачатку 1905 г.»* [8].

Неабходна адзначыць, што Тэадор Нарбут таксама лакалізуе Дайноўскае княства ў Лідскім павеце «*за левым (лідскім. – Л.Л.) берагам ракі Дзітва*» [9] і лічыць лідскі населены пункт Дайнова, які знаходзіцца паміж Мыто і Лідай цэнтрам княства, пра што піша ў сваіх «Дзеях...» [10]. Аднак агульнага меркавання пра лакалізацыю Дайновы няма. Можна прыгадаць Г. Лаўмянскага, які на падставе лакалізацыі тапонімаў граматы Міндоўга 1259 г. зрабіў выснову пра тое, што Дайноўская зямля знаходзілася паміж Мазурскімі азёрамі і р. Бебжа, ці М.П. Барсава, які лічыў што яна знаходзілася

ў міжрэччы Верхняга Нёмана і Віліі [11]. У другім томе энцыклапедыі «Вялікае Княства Літоўскае» У. Пазднякоў пакінуў пытанне лакалізацыі Дайноўскага княства адкрытым.

* * *

Святыя камяні былі, напэўна, самым распаўсюджаным аб’ектам пакланення ў насельніцтва Еўропы ва ўсе часы існавання дахрысціянскіх культаў. Пакаранне смерцю на камені павінна мець карані ў балцкай міфалогіі. Звычайна, камяні з назвамі «кабыла», «кравец», «шавец» – гэта грубыя валуны аморфнай формы з неапрацаванай паверхняй. Тое, што валуны размяшчаліся ў паніжаных, забалочаных мясцінах, паблізу вады, і запісаныя народныя паданні, пацвярджае, што гэты від культавых камянёў у міфалогіі звязваўся з тытанічным баством (баство, якое ўвасабляе дзікую прыродную моц зямлі, падземнае царства і да т.п.), якое магло ўвасабляцца ў вобразе вала, зрэдку каня ці змея. Гэта баство пасля прыняцця хрысціянства ў народнай свядомасці трансфармавалася ў чорта. Засталіся сляды людскога ўшанавання камянёў. Гэта знакі на іх, сляды ахвяраванняў каля іх, уключэнне камянёў у структуру больш складаных і буйных сакральных комплексаў. Звычайна такія сакральныя камяні існавалі парамі [12]. Вядома шмат народных паданняў аб «сямействах» сакральных камянёў. І нашая дайноўская «кабыла» не была адзінокай. Да сённяшняга часу захаваўся напарнік «кабылы» – камень даўжынёй 2,45 м, шырынёй 1,8 м і вышынёй над паверхняй зямлі 1,15 м. Зверху на паверхні гэтага валуна маецца 13 выразных лунак і некалькі меркаваных. Дыяметр лунак 5–7 см і глыбіня 1–3 см [13].

Нягледзячы на прыняцце хрысціянства, вера ў цудоўную моц камянёў захавалася да нашых дзён. І таму, спадзяючыся на краязнаўчую ўдачу, я пачаў шукаць сведкаў, якія захавалі паданні аб дайноўскім камені. Такім сведкам стала Паўлюкевіч Ядвіга Іосіфаўна (1940 г. н., былая жыхарка вёскі Заполле, 2 км ад былога маёнтка Дайнова, дзе ляжаў камень «кабыла»). Яна расказала, што яе бацька, Іосіф Казіміравіч (1910 г.н.), раззлаваўшыся, ужываў прымаўку: «Адсяку галаву, як курыцы на дайноўскім камені». Ён жа, выкарастоўваючы розныя гаспадарчыя драўляныя прылады з сасны ці ёлкі, часта казаў, што «вось у нас растуць грабы, якіх больш нідзе няма, вось гэта дрэва! Мацней за дуб!». Ядвіга Іосіфаўна памятае, што калі ёй было некалькі гадкоў, яе маці, Міхаліна (1912 г.н.) расказвала казку, у якой людзі танцавалі на вялікім дайноўскім камені, але, на жаль, сюжэт гэтай казкі дзіцячая па-

мяць не захавала. Яна распавяла, што стары панскі дом знаходзіўся паміж вёскамі Дайнова і Бельскія на выгане, а рэшткі сажалак захаваліся да нашага часу.

Такім чынам, у мясцовых людзей захавалася памяць пра камень, і нават ў XXI стагоддзі навакольны люд памятае пра сакральны характар каменя, бо відавочна, што пагроза адсекчы галаву, «як курыцы на дайноўскім камені» – гэта рэха памяці пра месца пакарання, а танцы на камені – нейкіх паганскіх рытуалаў, звязаных з урадлівасцю, шлюбам ці гаючымі ўласцівасцямі каменя, бо з цягам часу паганскія міфы перарадзіліся ў народныя казкі.

* * *

Засталося выехаць і знайсці места, дзе знаходзіўся легендарны Дайноўскі палац, што і было зроблена напрыканцы траўня.

Паўлюкевіч Ядвіга Іосіфаўна паказала падвышанае месца, дзе стаяў панскі дом Сангіноў, уся сям'я якіх з'ехала з Дайновы яшчэ прыкладна ў 1938 г. У першай палове XIX ст. панскі двор, дзе ляжаў камень «кабыла» належаў гаспадарам Брадоўскім (Brodowski, герба Лада) [14]. На расейскай тапаграфічнай мапе сярэдзіны XIX ст. гэты фальварак названы Мазораўшчызнай (на польскай мапе 1929 г. – Мазураўшчызна).

Пасля Другой сусветнай вайны ў панскім доме паслядоўна месціліся школа, сельсавет, медыцынскі пункт, і дзесьці да канца 60-х гадоў XX ст. панскі дом быў разбураны.

Зараз на месцы панскага дома стаіць дом фермера, а на месцы фальварка – вялікая фермерская гаспадарка з жылым домам і гаспадарчымі пабудовамі. З паўночна-заходняга боку ад былога панскага дома захаваліся сажалкі з усё яшчэ бачнымі земляныміваламі. А грабаў, канешне, ужо даўно няма. Тым не менш праз 150 гадоў пасля таго, як гэта месца апісаў Адам Кіркор, усё яшчэ бачны дэталі штучнага рэльефу.

Сучасны гаспадар гэтай зямлі фермер і не здагадваецца, што ягоная гаспадарка стаіць на месцы, пра якое пісаў Адам Кіркор, і нават, калі Дайноўскі замак – не больш, чым легенда, гэтае месца Лідчыны вартае таго, каб трапіць у турыстычныя даведнікі.

Радуньскі замак

Самы таямнічы аб'ект для мяне на Лідчыне – Радуньскі замак. Да нашага часу захаваліся велічныя валы замка, якія робяць вялікае ўражанне і прымушаюць да пошукаў інфармацыі аб ім.

Першым пра Радуньскі замак напісаў Міхал Балінскі. Трошкі інфармацыі можна знайсці ў працах дырэктара Віленскага музея старажытнасцяў пры канцы XIX – на пачатку XX ст. Пакроўскага Ф.В. Пісаў пра замак Вандалін Шукевіч, пісалі гісторыкі XX ст. Гурэвіч Ф.Д., Штыхаў Г.В., Пабаль Л.Д. і іншыя. Інфармацыя пра замак ёсць ў 2 томе энцыклапедыі «Вялікае Княства Літоўскае». Аднак інфармацыі, надзіва, няшмат, і ў гэтай невялічкай главе невялічкім артыкуле будзе выкарыстана практычна ўсё, што ўдалося знайсці.

Балінскі ў 3 томе сваёй «Старажытнай Польшчы» піша: «*За чвэрць мілі* (2 км. – Л.Л.) *ад мястэчка* (Радунь – Л.Л.)*, на разлеглым пляцы каля вёскі Гарадзішча ляжыць вялікі вал, і хаця месцічы называюць яго шведскім, ягоны выгляд і назва вёскі каля яго падказваюць, што гэта старажытнае гарадзішча з часоў да уніі (*Люблінскай. – Л.Л.)» [15].

Заснавальнік археалогіі нашага краю Вандалін Шукевіч пісаў пра Радуньскае замчышча, як пра адно са старажытных гарадзішчаў паўночнай: «*У апісваным кутку Лідскага павету ёсць некалькі мясцовасцяў, званых народам: маякі, шведскія акопы, замчышчы і замкі каралевы Боны. Так, напрыклад, каля мястэчка Эйшышкі ёсць гарадзішча, вядомае пад назвай Маяк, другое, званае шведскімі акопамі, ляжыць у наваколлі мястэчка Радунь, пры вёсцы Гарадзішча, трэцяе на беразе возера Пеляса, пры вёсцы Дубічы носіць назву замка каралевы Боны. Чацвёртае, якое знаходзіцца на палях маёнтка Чапялюны (Каняўскай воласці) і пятае паблізу фальварка Каняўка (той жа воласці), называюць пілекальніс (гарадзішча)»*. Шостае гарадзішча паўночнай Лідчыны, па Шукевічу, – «замак каралевы Боны» на беразе возера Ула паблізу вёскі Рудня.

«Гарадзішча каля Эшышак ляжыць пры зліцці дзвюх рэчак, на паўночным беразе шырокіх балотаў. Валы яго, насыпаныя на раўніне, уяўляюць амаль правільны чатырохкутнік... вышыні валоў 5 сажняў... роў вакол валоў, мае 8 сажняў шырыні і 5 глыбіні.... Гарадзішча каля мястэчка Радунь ляжыць... на беразе шырокага балота, акружанага многімі рэчкамі. Валы насыпаны на раўніне ў чатырохвугольнік. Больш дакладных звестак пра гэта гарадзішча не маецца.... «Пілекальніс» (замчышча) паблізу фальварка Чапялюны ляжыць на правым беразе рэчкі Асупка. Само гарадзішча, г. зн. сляды валоў, знаходзіцца на версе натуральнай горкі, да 18 сажняў вышынёй. Валы насыпаны ў два канцэнтрычныя кругі, з якіх ўнутраны мае 20, а знешні 22 сажні у дыяметры». Дадам, што

Ф. Гурэвіч пра гарадзішча ў Эйшышках пісала: «*У паўночна-усходнім куту маецца вежа 20 м дыяметрам, сцяна вежы з камянёў. Рэшта каменнай кладкі прасочваецца ў паўдзённай частцы вала*» [16].

У 1890 г. Шукевіч праводзіў пробныя раскопкі паблізу фальварка Чапялюны. Ён знайшоў абгарэлыя камяні, пабітыя косткі жывёл, аскепкі глінянага посуду грубай якасці, бронзавы кельт (сякеру), выдатна адпаліраваны. Археолаг прыйшоў да высновы, што «*прымаючы пад увагу малы памер... гэтага гарадзішча, сляды агню... рэшткі жывёл... гара гэтая была месцам, дзе прыносіліся крывавыя ахвяры*» [6].

Такім чынам, верагодна, Радуньскі замак не быў адзінокі – ён адзін з многіх старажытных гарадзішчаў гэтага рэгіёна.

А зараз я падсумую ўсю інфармацыю, якая ёсць пра Радуньскі замак.

Рэшткі замка знаходзяцца на ўзвышшы сярод забалочанай мясцовасці на беразе ракі Радунька каля вёскі Гарадзішча сучаснага Воранаўскага раёна. Валы чатырохвугольныя, памерам 85×60 м, пляцоўка замка паднятая на вышыню да 8 м над далінай ракі, валы маюць вышыню 3–5 м. Валы абкружаная ровам глыбінёй 2,5–3 м і шырынёй 6–8 м, памеры рова, верагодна, вызначаны пад час раскопак, бо ўжо ў XIX стагоддзі роў быў практычна засыпаны. У паўднёва-ўсходнім вугле валоў да нашага часу бачны ўваход, там месцілася ўязная вежа – брама з пад'ёмным мастом. Гісторыкі лічылі, што аснову замкавай абароны складаў комплекс драўляна-земляных умацаванняў: вал, сцены – агароджа, вежы. Раскопкі паказваць, што замак мае культурны пласт у 0,4–0,5 м [11]. Пакроўскі Ф. пісаў, што «*ўнутры вала, па кутах гарадзішча маюцца невысокія ўзвышэнні, відаць, рэшткі былых пабудоваў, што пацвярджаецца таксама багаццем тут цагляных і кафляных абломкаў. Пад-час нядаўняга разворвання гарадзішча былі знойдзены згубленыя цяпер старадаўнія манеты, піка і асаблівай формы жалезная сякера, якая знаходзіцца да гэтага часу ў вёсцы Юцюны*» [17]. Энцыклапедыя ВКЛ удакладняе, што археолагамі была знойдзена кераміка XIV–XVII ст., паліваная і тэракотавая кафля, жалезныя наканечнікі дзідаў, сякера, манеты XV–XVII ст. і інш.

У XIV–XVII ст. замак быў вялікакняскай маёмасцю. Пакроўскі піша, што паводле народнага падання, пераказанага тутэйшым настаўнікам, перад тым як з'ехаць у Белавежскую пушчу, у Радуньскім замку нейкі час жыла каралева Бона. Як было напісана вышэй, на поўначы Лідскага павету было некалькі «замкаў каралевы Боны».

Вандалін Шукевіч адзначаў, што: «*Замак каралевы Боны» ў Дубічах зараз невялікі ўзгорак, акружаны валам. Ён ўзвышаецца на паўднёва-заходнім беразе возера і ракі Пеляса. Нарбут у сваёй «Гісторыі літоўскага народа» выказвае меркаванне, што ў гэтым месцы стаяў паляўнічы палац вялікага князя Вітаўта. Сапраўды, пры праведзеных мною тут раскопках знайшліся перагарэўшыя бэлькі, цэгла старадаўняй формы, шмат смецця, вугалю і попелу. Усё дно ракі ў гэтым месцы таксама засыпана смеццем. Кажуць, што нават ляжыць там гармата, якую быццам бы ў ясныя дні рыбаловы бачылі некалькі разоў. Каля «замка» праходзіла дарога – здаецца, з Гародні ў Вільню – і на рацэ быў мост на дубовых палях, сляды якіх існуюць дагэтуль.... пра «замак каралевы Боны», на беразе возера Ула, паблізу вёскі Рудня –... дакладных звестак не маю*» [18].

Можна выказаць здагадку, што гэтыя замкі ў народнай памяці лічыліся «замкамі каралевы Боны» да пачатку XVIII стагоддзя, пасля ж Паўночнай вайны сталі шведскімі валамі (акопамі). А да сярэдзіны XIX стагоддзя ў людской памяці захоўваліся абедзве назвы. З усяго комплексу гарадзішчаў на поўначы былога Лідскага павету на сучаснай тэрыторыі Беларусі знаходзіцца толькі Радуньскі замак. Тым большую гістарычную каштоўнасць ён мае, і можа стаць перспектыўным турыстскім аб'ектам.

Спіс літаратуры

1. Лаўрэш, Л. Месца заключэння Востраўскага пагаднення 1392 г. / Л. Лаўрэш // Гістарычны альманах. – 2007. – Т. 13. – С. 109–118.

2. Живописная Россия. Т. 3. Ч. 1: Литовское Полесье. Ч. 2: Белорусское Полесье. – СПб., 1882 (факсим. переизд). – Минск, 1993. – С. 168–169.

3. Киркор, А. Развалины Лидского замка / А. Киркор // Черты из истории и жизни литовского народа. – Вильно, 1854. – С. 11–12.

4. Городские поселения в Российской империи. – С.-Петербург, 1860 г. – Т. 1. – С. 162–165.

5. Примечательнейшие древности в Виленской губернии. Памятная книжка Виленской губернии на 1851 г. Ч. II. – С. 104.

6. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Отдел II. – Вильна, 1893. – С. 94–95.

7. Вольтер, Э.А. Дейнова / Э.А. Вольтер // Энциклопедический словарь Брокгауза. – СПб., 1893. – Т. X. – С. 94–95.

8. Шимелевич, М. Город Лида и Лидский замок. Виленский календарь / М. Шимелевич. – Вильно, 1906. – С. 37–57.

9. Teodor Narbutt. Dzieje Narodu Litewskiego w krótkości zebrine. – Wilno, 1847. – S. 34.

10. Teodor Narbutt. Dzieje Narodu Litewskiego. – Wilno, 1838. – T. 4. – S. 285.

11. Энцыклапедыя ВКЛ. – 2005. – Т. І. – С. 540.
12. Зайкоўскі, Э.М. Месца Вялеса ў дахрысціянскім светапоглядзе насельніцтва Беларусі / Э.М. Зайкоўскі. – Мінск, 1998. – С. 17–20.
13. Культовые валуны с рукотворными углублениями / В.Ф. Винокуров [и др.] [Электронный ресурс]. – Рэжим доступа: http://www.kirjazh.spb.ru/history/vinokur.htm – Дата доступу: 18.07.2009.
14. Czesslaw Malewski. Rody szlacheckie na Litwie w XIX wieku. Powiet Lidzki. – Wilno, 2005. – S. 89.
15. Baliński Michał. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana. – Warszawa, 1846. – T. 3. – S. 259.
16. Гуревич, Ф.Д. Древности белорусского Понеманья / Ф.Д. Гуревич. – М. – Л., 1962. – С. 205.
17. Покровскій, Ф. Археологіческая карта Віленской губерні / Ф. Покровскій. – Вільна, 1893. – С. 95.
18. Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Отдел I. – Вильна, 1893. – С. 97–98.

о. Георгий Рой

ОЧЕРК ИЗ ИСТОРИИ НАКРЫШЕК И МЕСТНОЙ ВЕТВИ РОДА СТРАВИНСКИХ

Деревня Накрышки находится на земле, овеянной легендами седой древности. О минувшем напоминает многое: поросшие мхом доисторические курганы и дюны «Неманского моря», древний храм и колокольня, остатки прекрасного парка и старинных построек, народные легенды и рассказы старожилов. Увы, многое здесь уже безвозвратно утеряно, но несмотря на все исторические потрясения, сохранились еще те нити, которые могут привести нас к разгадкам многих тайн и ответам на многие вопросы.

Когда появились Накрышки и что значит это название?

Местность, где располагается деревня Накрышки, была заселена с древнейших времен. Неподалеку от Накрышек, примерно в 400 метрах от храма, археологи обнаружили следы сельского поселения: остатки городища и фрагменты глиняной посуды, датируемые X–XIII столетиями [1, 2]. Происхождение самого названия – Накрышки (Nakryszki, Nahryszki – польск.), вероятнее всего, берет свое начало от белорусского слова «крыж» – крест. Если это предположение принять за основу, то возможны два варианта истолкования: «крыж» как символ христианской веры; и «крыж» в смысле топографического обозначения перекрестка (белорусское «перакрыжаванне»). Более вероятным кажется первое предположение. По своему

положению Накрышки находятся и находились, скорее, на окраине, чем на перекрестке. Если в основе названия лежит слово «крыж» в его религиозном понимании, то в этом можно видеть некоторую предысторию Накрышского храма. До сего дня неподалеку от деревни есть место, где на небольшом холме стоит крест. Местные жители называют дорогу к этому кресту дорогой «на крыж», что несомненно созвучно с названием Накрышки (Накрыжки).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Накрышский храм изначально носил имя святых мучеников Бориса и Глеба. Культ этих святых был широко распространен в Понемонье и относится к доуниатскому периоду истории нашей церкви [3]. Древние Борисо-Глебские храмы есть в Новогрудке и Гродно. Исходя из самого названия храма, вполне можно предположить, что церковь в Накрышках появилась еще в доуниатский период истории, т.е. до 1596 года. Это предположение косвенно подтверждается и данными клировых ведомостей Накрышской церкви. Согласно этим документам, в Накрышках с западной стороны нынешнего каменного храма стояла старинная деревянная церковь [4, за 1898 год]. Пока не представляется возможным установить точную дату ее постройки. Этот храм не был самостоятельным и относился к близлежащей Вензовецкой церкви. Самостоятельный приход этого храма появляется лишь в 1791 году [5]. Первая известная метрическая книга Накрышской церкви датируется 1788 годом [4, за 1905 год]. Современный каменный храм был построен в 1821 году. После его постройки деревянная церковь была разобрана.

Первые письменные сведения о Накрышках относятся к 1583 году. Накрышки упоминаются среди прочих населенных пунктов, отошедших во владение Льва Сапеги. На то время Накрышки относились к фольварку Вязовец (совр. Вензовец). До Сапеги этими землями владел магнатский род Глебовичей [6]. Второе известное нам упоминание Накрышек в письменных источниках мы находим в книгах Литовской метрики за 1690 год. В списке шляхты Новогрудского воеводства значится имя Яна Станислава Юревича (Jan Stanislaw Jurewicz), мечника[1] полоцкого из фольварка Нахрышки (в документе Nahryszki) [7].

[1]Мечником (Ensifer, Gladifer, Armiger, Miecznik) называлось должностное лицо в старой Польше, в обязанности которого входило носить перед королем меч, знак монаршей власти. Мечники коронный и литовский были постоянными чиновниками по войсковому судопроизводству; мечники земские исполняли свою почетную службу, лишь когда король находился в их землях.

Дальнейшая история Накрышек вплоть до 1939 года связана с фамилией литовского шляхетского рода Стравинских [8]. Предположительно в самом начале XVIII столетия, вероятно, после смерти Яна Юревича (~1702 г.) [7], Стравинские приобрели имения Накрышки и Мировщина[2], с относящимися к имениям обширными землями.

Накрышская ветвь рода Стравинских

Ветвь накрышского рода Стравинских относится к родовому гербу Сулима (Sulima) и восходит к имени Кшиштофа Стравинского (ум. в 1623 или 1624 г.), Трокского земского судьи. У Кшиштофа Стравинского было семь сыновей. Далее родовая линия нисходит ко второму сыну Кшиштофа – Збигневу Стравинскому, стольнику и судье Стародубскому. Его сын Франциск был старостой мозырским. У Франциска был единственный сын Флориан Казимир, стольник стародубский, подстароста ошмянский. Единственным сыном Флориана Казимира был Игнатий, секретарь генеральной конфедерации в Литве, староста слонимский, подкоморий Великого Княжества Литовского. Вероятно, Игнатий Стравинский приобрел в собственность имения Накрышки и Мировщина.

Сын Игнатия *Бруно Флориан Стравинский* (год рождения 1750), унаследовал от отца титул старосты слонимского [9] и имения Накрышки и Мировщина. В 1775 году Бруно Флориан Стравинский женился на *Франциске Барбаре Володкович*, дочери минского стольника Мартина Володковича [10]. Они избрали местом своего постоянного жительства Накрышки. Флориан Стравинский учредил в Накрышках библиотеку и собирал, как можно предположить по сохранившимся частям библиотеки, богатые книжные фонды. Он был передовым человеком своего времени. Флориан Стравинский путешествовал по Западной Европе, был знаком с французскими просветителями и переписывал в свои рукописные сборники их произведения и статьи из «Французской энциклопедии». Остатки Накрышской библиотеки находятся теперь в отделе рукописей библиотеки Варшавского университета [11]. Среди сохранившихся рукописей имеется копия «Генриады» Вольтера, «Марсельеза», белорусские акты XVI столетия, стихи Нарушевича и Карпинского, белорусская «Прамова Мялешкі», стихотворная

[2] По данным «Литовской метрики» в *конце XVII века – начале XVIII века Мировщиной владел Михал Станислав Юранд Маковецкий (Michal Stanislaw Jurand Makowiecki, ~2.10.1706).* (Metryka litewska: rejestry podymnego Wielkiego Ksiestwa Litewskiego, Wojewodstwa nowogrodzkie 1690 r. Neriton, 2002. – S. 128. – Opracowanie: Andrzej Rachuba, Henryk Lulewicz.)

переписка Ф. Карпинского и владельца Щорсов И. Хрептовича, описание Дятлово, польские стихи Игнатия Булгаровского, описание путешествия неизвестного автора из Слонима в Мариенбад, инвентарные списки слонимских имений Стравинских. Кроме того, в собрании есть документ под названием «Разные разности давно прошедших и наших времен». Этот сборник содержит исторические, политические и юридические сочинения, а также литературные, преимущественно стихотворные, произведения различных польско-литовских авторов. Тексты сборника датируются 1703 и 1704 годами [12]. Отдельную часть накрышского собрания составляют учебники и школьные заметки, составленные самим Флорианом Стравинским [13]. В целом, накрышская библиотека могла насчитывать до 12 тысяч томов [8].

По данным польского исследователя К. Нисецкого, Бруно Флориан Стравинский умер в 1778 году в возрасте 37 лет [9]. Но эти данные не подтверждаются. Сохранился судебный документ, датированный 1789 годом и подписанный судовым городским старостой Бруно Флорианом Стравинским [14]. Несомненно, однако, что Франциска Стравинская пережила своего мужа. Предположительно, Бруно Флориан Стравинский умер в конце 90-х годов XVIII века или в самом начале XIX века. У него было два сына: Ян и Маврикий (Maurycy) [15]. После его смерти во главе имения остается вдова – Франциска Стравинская, ее сын Ян, внуки Иосиф (сын Маврикия) и Адам (сын Яна).

При Франциске Стравинской началось и было осуществлено строительство каменного храма, колокольни и церковной ограды в Накрышках. Возведение церкви было закончено в 1821 году.

Непросто складывались отношения вдовы Стравинской с местными крестьянами. 1821 годом датировано судебное дело в отношении Франциски Стравинской: «Об обременении помещицей Стравинской крестьян имения «Накрышки» и нанесении им побоев» [16].

По многочисленным свидетельствам крестьян, записанных следователями, Франциска Стравинская была чрезмерно строга со своими крепостными крестьянами. К примеру, крестьянин Киприан Степура был закован за провинность в кандалы и долгое время содержался в заточении в подвале. По другим свидетельствам, пани Стравинская заставляла работать своих крестьян сверх меры в периоды важных сезонных работ, вынуждала к труду даже беременных женщин. В свое оправдание Франциска Стравинская написала два пространных письма.

Франциска Стравинская умерла предположительно в 30-х годах XIX века [15]. Но еще при ее жизни имение было разделено на три части.

Ян Раймунд Стравинский (род. в 1787 г.), хорунжий слонимский, был женат на Катарине Франциске Четвертинской (1785–1861). Ян Раймунд продолжил дело своего отца по пополнению фондов библиотеки редкими книгами. В 1819 году виленская геральдическая комиссия подтвердила дворянское достоинство Яна Стравинского и его сыновей Адама и Станислава [15]. В 1843 году Ян Стравинский построил на католическом кладбище Дятлово каменную каплицу, которая стоит там и по сей день [17]. Умер Ян Стравинский в возрасте 70 лет 15 мая 1848 года [18].

Адам Стравинский (родился в 1807 г.), сын Яна Стравинского, еще при жизни своего отца и бабки Франциски унаследовал имение Мировщина. С 1827 года он находился под тайным надзором полиции за участие в польском патриотическом объединении «Zorzanie» (Зоряне), действовавшем в Вильне, Белостоке и Свислочи. До 1829 года полиция не находила ничего подозрительного в его действиях. Но в 1830 году Адам Стравинский стал под знамена повстанцев. За это у семьи Стравинских конфисковали имение Мировщина [19]. Из полицейских документов нам становится известным, что у повстанца была бабка Франциска Барбара Стравинская, мать Катарина Франциска, отец Ян. После поражения повстанцев Адам Стравинский скрывался во Франции. Яну Стравинскому было строго запрещено оказывать сыну какую бы то ни было помощь. Адам получил возможность вернуться на родину в 1833 году после царской амнистии [15]. В это же время он женится (жена Helena Strawinska). В 1840 году в Петербурге состоялся пересмотр дела о конфискации имущества Адама Стравинского, и имение Мировщина было возвращено семье [20].

Ко времени управления Адамом Стравинским Накрышским имением относятся сведения о крестьянских волнениях в Накрышках и Мировщине. В апреле 1861 г. помещики Слонимского повета доносили: «...приходские священники Слонимского уезда, Дзенциольской (Дятловский) и соседней Накрышской церквей толковали им (крестьянам), что барщины можно не отбывать, если крестьяне того пожелают». Пристав Пахновский сообщал земскому справнику, что крестьяне Адама Стравинского в имениях Накрышки и Мировщина отказались отбывать барщину [21].

Собственноручные подписи Адама Стравинского стоят под актом 1864 года об освобождении крестьян имений Накрышки и Мировщина [22].

Адам Стравинский в конце жизни составил свои воспоминания, из которых сохранился только фрагмент, описывающий деятелей Дятловщины начала XIX века [23]. Адам Стравинский умер предположительно в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века.

Следующим владельцем Накрышек был *Станислав Стравинский*, вероятно, сын Адама. В 1883 году пожар уничтожил Накрышский дом Стравинских. Станислав Стравинский на месте старого сгоревшего дома построил новый. Возможно, в новой постройке он реконструировал вид прежнего дома.

Станислав построил деревянный дом в виде вытянутого прямоугольника с ломаной высокой крышей и гонтовым покрытием, с овальными оконными отверстиями в нижней части. Со стороны въезда дом имел оригинальный портик на шести деревянных колоннах [8].

Возле главного жилого дома размещалось также помещение для прислуги и лямус, которые были построены еще до пожара, уничтожившего жилой дом. Двор был окружен большим ландшафтным парком, заложенным во второй половине XVIII века. В парке доминировали лиственные деревья, главным образом липы, надвислянские тополя, посаженные живописными группами. Перед домом и за ним простирались обширные подстриженные газоны [8].

В 1922 году вдова Станислава Мария Стравинская (из рода Огинских) передала Институту антропологических наук варшавского научного товарищества наиболее ценные рукописи Накрышской библиотеки числом 921 экземпляр [23]. Остается неизвестной судьба оставшихся в Накрышках фондов библиотеки. Были ли они вывезены в 1939, или переданы в какую-то библиотеку, или сгорели вместе с домом в 1941?

Последнего владельца Накрышского имения также звали Станислав. Он родился в 1883 году. В годы своей молодости *Станислав Стравинский* служил в российской армии. Станислав Стравинский был женат на Янине из рода Кашицов (Kaszycow) [24]. У них было две дочери. По воспоминаниям накрышских старожилов Станислав вел разгульный образ жизни и был человеком со странностями.

Местные жители без особой симпатии вспоминают Станислава и отмечают его высокомерие. Судя по всему, отношения с местным населением у него были напряженные. Это подтверждается и воспоминаниями жены польского художника Станислава Чайков-

ского – Анной. Семья Чайковских проживала в Накрышках с 1930 по 1939 годы. Анна Чайковская так отзывается о Станиславе Стравинском: «Полный чудак. Он мог скрываться от людей по нескольку дней. Иногда брал корзину и шел с палкой в лес за грибами. Но сам их не собирал, а отбирал грибы у тех женщин, которых встречал в лесу [25].

Воспоминания Анны Чайковской – очень интересное свидетельство о жизни в Накрышках в 30-е годы. Семья Чайковских выбрала Накрышки местом своего постоянного жительства. Анна Чайковская описывает атмосферу и быт в Накрышках, и что наиболее ценно, подробно передает обстоятельства катастрофы 1939 года. Приведем некоторые фрагменты этих воспоминаний.

«Имение называлось Накрышки. Мы узнали, что хозяйкой этого имения была пани Стравинская, а хозяйствовал здесь один из ее сыновей. Лошади выехали за нами до местечка Дятлово. Безлюдно. Дорога прекрасна. Глаза не могут налюбоваться, и то и другое, и дорога и деревья, и пусто. Приезжаем. Парк. Дом в старом парке. Прекрасно! Хозяйка дома вышла нас встретить... Хозяина нет. Его не видно ни первый день, ни второй, ни третий и так далее... Затем приехала старая пани Стравинская (та, у которой был каменный дом в Варшаве на углу улицы Мазовецкой и площади Наполеона) – очень заботливый, добрый человек. Люди ее очень любили, в отличие от жены сына из Накрышек, молодой пани Стравинской. Она была блондинкой с небесными, но очень холодными глазами... Когда речь заходила о книгах, то молодая пани говорила, что для нее самая важная книга бухгалтерская. Как только старая пани приехала, она сразу же полюбила моего мужа и была очень расположена к нам. Ей было наверняка за восемьдесят, даже скорее под девяносто лет.

Чем больше мы там находились, тем больше мы пускали корни. Мой муж любовался Неманом и сельской архитектурой. Говорил: «Тут прекрасно. Нигде не видел такого неба...» Климат в том месте был таким, что там казалось теплее, чем во всей округе. В этом месте человек чувствовал себя успокоенным, приласканным, прижатым к сердцу...

В Накрышках мы прожили с 1930 г. до начала войны. Война нас там и застала. Сначала до нас доходили слухи о большевиках. А однажды рано утром к нам в окно постучались и сообщили, что в Накрышки пришли большевики. Они сразу же на-

правились на панский двор. Прошел час, может быть, два, и мы увидели, что по улице идут люди и несут награбленные в панском доме вещи, и среди них одна сельская женщина несла зачем-то теннисную ракетку...[3]

Спустя еще какое-то время открылась дверь нашего дома, и к нам в комнату вошла испуганная пани, такая же испуганная гувернантка и две дрожащих девочки в полотняных накидках поверх ночных рубашек. Это было еще раннее утро. Оказывается, ее муж и администратор имения[4] как мужчины убежали заранее, а женщины остались. У девочек зуб на зуб не попадал. Утро было холодным, а они в этих рубашечках... Девочки сели возле печки. Что с ними делать? До того никогда у нас не были, а сейчас сразу же к нам. Мы не общались с тех пор, когда выехала старая пани... Где их спрятать? Вдруг, представьте себе, открывается дверь, и преследуемые ими евреи предлагают им помощь: «Дорогая пани, запряженная фурманка стоит за такой-то, такой-то хатой. Выходите с девочками и уезжайте». Вот они эти преследуемые евреи... Там был совсем иной тип евреев: не торговцы, преимущественно у всех была земля, которую они обрабатывали, сеяли, жали, были хорошими хозяевами. Были у них и магазинчики, рассчитанные на панский двор: збруя для лошадей, керосин для ламп. Но пани была подвержена современной заразе и считала, что у еврея ничего нельзя покупать... А для них это была финансовая катастрофа...

Панский двор опустел. Мы уехали из Накрышек перед Рождеством 1939 года. И после войны я там не бывала. Боюсь, что мое сердце разорвалось бы. Дом разобрали. Незачем ехать... Но старые люди наверняка нас помнят» [25].

В июне 1941 года Станислав Стравинский был арестован в Неменчине (современная Литва, польск. Niemenczyn, лит. Nemenиinл). Умер согласно советским данным 21 июня 1941 года в СССР. Жена Янина и дочка Александра были вывезены в 1941 году в СССР [24].

Так трагично закончилась история Стравинских в Накрышках. Их дом был отдан под больницу. В 1939 году в Накрышках

[3] Накрышские старожилы вспоминают, что Стравинским ничего не позволили взять из дома. С дочерей Стравинского сняли даже пальто, несмотря на то, что утро было очень холодным. Дом был попросту разграблен активистами: кто-то унес одежду, кто-то мебель, кто-то забрал продукты и вино из подвалов...

[4] По воспоминаниям местных жителей, администратор носил фамилию Пазульский.

организовывается колхоз. Несколько крестьянских семей д. Накрышки были репрессированы советской властью.

В 1941 году партизаны из опасения, что дом могут использовать немцы, сожгли его. За несколько военных и послевоенных лет парк зарос, и теперь только вековые клены напоминают о былой красоте и известности Накрышского имения.

Несмотря на то, что панский дом был уничтожен, немцы все же учредили в Накрышках свою комендатуру. Она разместилась в одной из построек бывшей усадьбы Стравинских.

Во время войны героически проявили себя священники Накрышской церкви о. Дмитрий Гладков и о. Андрей Зенюк. Чтобы спасти молодежь от принудительных работ в Германии, они начинают масштабный ремонт церкви. Именно это обстоятельство спасло от рабства многих молодых людей (немцы после длительно забирали тех, кто трудился в церкви). О. Андрей Зенюк забрал молодежь прямо из барака. Затем нужно было спасать еще и девушек. О. Андрей Зенюк, как вспоминают прихожане, целую ночь вел переговоры с доктором-немцем, который должен был проводить медицинский осмотр отобранных для принудительных работ. Результатом этих переговоров стало то, что доктор ставил девушкам такие диагнозы, которых немцы боялись как чумы. В итоге кампания по набору молодежи на территории Накрышского прихода благодаря вмешательству священников была фактически провалена.

Накрышки находятся на окраине Липичанской пущи. Пуща стала одним из центров партизанского движения. Буквально все жители прихода стали заложниками этой ситуации. Немцы в районах базирования партизанских отрядов уничтожали все и всех, лишая тем самым партизан какой бы то ни было поддержки. Сжигались целые деревни, расстреливались сотни людей, угонялся домашний скот. О. Дмитрию и о. Андрею неоднократно приходилось упрашивать немцев отменить приказ о сожжении деревень своего прихода.

Семья о. Дмитрия и особенно о. Андрей Зенюк старались всячески поддерживать партизан: помогали связным, прятали партизан от облав, помогали продуктами и медикаментами. На чердаке Накрышской церкви действовал партизанский лазарет. Это был огромный риск. Буквально через дорогу от храма располагалась немецкая комендатура. Но немцы были абсолютно уверены в лояльности к ним священников и не могли заподозрить их в пособничестве партизанам.

В целом, если говорить о священниках Накрышской церкви, то за 220 лет существования прихода здесь служили в большинстве своем достойные, а иногда, без преувеличения, выдающиеся люди. На сегодняшний день восстановлены имена и биографии всех священников Накрышской церкви. На протяжении 90 лет (1788–1878 гг.) в Накрышках служили священники Боровские. Николай Боровский – первый священник Накрышской церкви. Петр Боровский – священник, при котором был построен современный каменный храм. Его сын – священник Николай Боровский – защитник крестьян и просветитель. При нем открылась первая в этой местности школа. С 1878 по 1899 годы в Накрышках служил священник Николай Вяхирев. Его заслуга в устройстве нового иконостаса с прекрасной работы иконами. Священник Михаил Дьяконов, служивший в Накрышках на рубеже веков, провел капитальный ремонт храма и церковных построек, активно занимался образованием крестьянских детей. Свою жизнь о. Михаил закончил в сталинском концлагере, как и двое других священников Накрышского храма. В начале XX века в Накрышках проходил свое служение будущий архиепископ Минский Феофан (Семеняко). А в 20-х годах XX века в Накрышках служил Антоний Сокол-Кутыловский, один из лидеров Слуцкога «збройнага чыну». Его стараниями в д. Хвиневичи была открыта белорусскоязычная школа.

Накрышки соответствуют своему названию. Обычная, если не сказать, заурядная/ с первого взгляда деревенька оказывается местом удивительного пересечения человеческих судеб и исторических событий. Исторические бури, стершие с карт целые государства, казалось бы, должны были стереть и память о тех, кто когда-то жил в этом незаметном уголке Беларуси, оставив только немых свидетелей.

Список литературы

1. Куза, А.В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников / А.В. Куза. – М., 1996. – С. 91.

2. Гуревич, Ф.Д. Древности белорусского Понеманья / Ф.Д. Гуревич. – М. – Л., 1962. – С. 170.

3. Kołbuk W. Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku: struktury administracyjne Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1998. – S. 54.

4. Архив Накрышской Свято-Борисо-Глебской церкви. Клировая ведомость за 1898 год; за 1905 год.

5. ЛИА. – Ф. 615. – Оп. 1. – Д. 195. Дело о состоянии прихода Накрышской церкви и о поведении священника Николая Боровского за 1800 год.

6. Вялікі гістарычны атлас Беларусі. – Т. 1. – С. 224.

7. Metryka litewska: rejestry podymnego Wielkiego Ksiestwa Litewskego, Wojewodstwa nowogrodzkie 1690 r. Neriton, 2002. – S. 128, 148. – Opracowanie: Andrzej Rachuba, Henryk Lulewicz.

8. Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Ziemie ruskie korony. – V. 2. – S. 272.

9. Niesiecki K. «Herbarz polski» Rodzina Strawińskich / wyd. J.N. Bobrowicza. – Lipsk, 1841. – T. 8. – S. 534–536.

10. Чарняўскі, Ф.В. Ураднікі менскага ваеводства 16 – 18 стагоддзяў / Ф.В. Чарняўскі // Біяграфічны даведнік. Выпуск 1. – Мінск, 2007.

11. Kowkiel L. Prywatne księgozbiory na Grodzieńszczyźnie w pierwszej połowie XIX wieku. – S. 152, 190.

12. Мальдзіс, А. Таямніцы старажытных сховішчаў / А. Мальдзіс. – Мінск, 1974. – С. 54.

13. Zbiory rękopisów w bibliotekach i muzeach w Polsce. – S. 393.

14. Шаланда, А. Дакументальныя матэрыялы XVII-XVIII стагоддзяў у фондах Слонімскага краязнаўчага музея ім. І.І. Стаброўскага / А. Шаланда. – «Герольд Litherland». – № 3–4 (7–8). – Горадня, 2002. – Год II. – С. 67. («Позва ў Слонімскі гродскі суд Фларыяна Брунона Стравінскага, судовага гродскага слонімскага старосты шляхце Плаўскага тракту ... па скарзе Францішка Корчыца, слонімскага гродскага рэгента ў справе аб межах іх ўладанняў». Слонім, 06.09.1789 г. Польская мова, 2 арк. Пячатка: адсутнічае. Шыфр: КП 5957/6:Д 1775.)

15. Ciechanowicz Jan. Rody rycerskie Wielkiego Księstwa Litewskiego: S-Ż. FOSZE, 2001. – T. 5. – C. 172–173.

16. НИАБ Гр. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2235. Об обременении помещицей Стравинской крестьян имения «Накрышки» и нанесении им побоев.

17. Архив Дятловского районного краеведческого музея. Описание Дятловского костела за 1886 год.

18. Памятная настенная доска в Дятловском костеле Успения Девы Марии.

19. НИАБ Гр. – Ф. 31. – Оп. 2. – Д. 76. Дело о конфискации имения Мировщина у помещика Адама Стравинского.

20. Государственный совет Российской империи в документах Российского государственного исторического архива. 1829–1844 гг. // О пересмотре решения Правительствующего Сената по делу об имении Адама Стравинского. – М., 2009. – С. 255.

21. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Дзятлаўскага райна. – С. 47-48.

22. Архив Накрышской церкви. Копия журнала Гродненского губернского по крестьянскому вопросу присутствия от 27 августа 1865 года.

23. Lilia Kowkiel. Prywatne księgozbiory na Grodzieńszczyźnie w pierwszej połowie XIX wieku. – S. 90, 152.

24. Jasiewicz Krzysztof. Zagłada polskich Kresów: ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941: studium z dziejów zagłady dawnego narodu politycznego. – Warszawa, 1998. – S. 284.

25. Budzyński Wiesław. Świątynia przodków. Opowiesci biograficzne. Adam, 1995. – S. 9–10, 8–20.

Наталия Шейко

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА

Личность ребенка формируется под влиянием трех основных факторов – наследственности, воспитания и среды. Окружающая среда – это сложный комплекс общественных, материальных и духовных условий, в которых человек живет и действует. Составной частью этого окружения является культурное наследие, расположенное в непосредственной близости от ребенка – на территории его родного края, города, села.

Понятие «культурное наследие» является междисциплинарным понятием, используемым многими науками. Не так давно оно стало частью и педагогического тезауруса. Следует отметить, что педагогическая трактовка данного термина (Л.М. Ванюшкина, Л.К. Ермолаева, А.В. Любичанковский) отличается от толкований, принятых в сфере права или искусствоведения, согласно которым к наследию причисляются объекты, имеющие «выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки» [1]. «Культурное наследие» для системы образования – это «совокупность всех доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых...» [2]. Таким образом, культурное наследие региона включает в себя:

– не только общепризнанные уникальные шедевры архитектуры, скульптуры, живописи, инженерной мысли, декоративно-прикладного искусства и т.д., но и типичные объекты и образцы деятельности людей, например, типовые дома-«хрущевки», промышленные сооружения, обычные фонари, природно-культурный ландшафт, коллекции местных музеев и библиотек, личностно значимые реликвии, хранимые в семьях и пр.;

– не только движимые и недвижимые материальные объекты, но и явления духовной культуры – идеи, эстетические и моральные нормы, язык и диалекты, фольклор, обычаи, традиции (как правило, такие составляющие культурного наследия имеют наглядное, «зримое» воплощение – они отражаются в поведении людей, их речи или в окружающих предметах);

– не только то, что было создано в далеком прошлом, но и то, что придумано «вчера» нашими современниками. Ведь культурное

наследие не есть что-то неизменное, данное раз и навсегда. Эта сфера постоянно пополняется новыми уникальными и типичными образцами. Возникающие сегодня культурные связи, создаваемые культурные ценности, вырастая на почве освоения культурного наследия, завтра сами превращаются в его составную часть, достающуюся новому поколению. В этом контексте к сфере наследия могут быть отнесены современные здания, улицы, памятники, возникающие новые традиции и т.д.

Говоря о педагогическом потенциале культурного наследия, то есть о его способности оказывать влияние на развитие человека, следует заметить, что традиционно ученые и педагоги-практики сводят его исключительно к патриотическому и гражданскому воспитанию. Знакомство с памятниками прошлого и настоящего, действительно, способно помочь ребенку обрести «чувство нравственной оседлости» (Д.С. Лихачев) – научиться уважать земляков, гордиться своей «малой» Родиной, ощутить готовность связать дальнейшую деятельность с родным краем. Достижение подобных воспитательных результатов напрямую связано с таким свойством культурного наследия, как *информационность.* Любой объект наследия содержит в себе колоссальный объем сведений о прошлом, настоящем и как следствие – будущем людей. Раскодирование данной информации дает подростку возможность ощутить динамику истории, понять, как прошлое определяет настоящее, почувствовать свою ответственность за будущее, а следовательно, наследие связывает между собой поколения тех, кто проживал и проживает на одной территории, в единую общность.

Вместе с тем, педагогический потенциал культурного наследия региона не исчерпывается возможностями патриотического и гражданского воспитания. При определенных условиях оно способно оказать более широкое влияние на становление личности ребенка – развить у него некоторые *универсальные качества, способности и умения*, необходимые для жизни в постоянно и быстро меняющемся мире.

Чтобы понять какими педагогическими возможностями обладает культурное наследие региона, необходимо рассмотреть его сущностные черты, свойства.

Важнейшее свойство наследия – *поликультурность,* то есть возможность заглянуть в иные миры, иные культуры. Здания и памятники, улицы и площади, мосты и парки потенциально способ-

ны рассказать о мировоззрении людей различных эпох – об их ценностях, вкусах и предпочтениях, знаниях и способах освоения действительности. Так, дворцы эпохи барокко с характерным для них масштабным размахом построек, обилием декора и анфиладным построением внутренних помещений, ярко и образно дают понять, что их создатели воспринимали мир как нечто постоянно и быстро меняющееся, неоднозначное и ускользающее, рассматривали жизнь как театральное действо, а здания как декорации, в которых оно разворачивается. Знакомство с особенностями мировосприятия людей других культур дает возможность современному подростку *выстроить собственную шкалу ценностей* – задуматься над тем, что лично для него из накопленного человечеством опыта является важным и значимым. Не случайно культурное наследие часто сравнивают с «зеркалом, в котором человек видит себя и в котором он себя узнает» [3].

Второй характеристикой культурного наследия является его *многогранность, полифоничность*. Один и тот же объект культурного наследия одновременно транслирует информацию о совершенно разных сторонах жизни людей. Например, городской мост, перекинутый через реку или канал, можно рассматривать: а) как объект городской инфраструктуры, имеющей важное значение для пространственной коммуникации жителей; б) как отражение развития технической мысли (используемые строительные материалы, размеры и конструкция моста напрямую зависят от технических знаний и умений, от уровня развития производства); в) как выражение эстетических вкусов людей (в центре внимания, в данном случае, оказывается декоративное убранство объекта); г) как особое пространство социальных контактов (например, средневековые мосты являлись местами торговли); д) как объект мифотворчества населения (если данный мост стал «героем» городских легенд и литературных произведений) и т.д. Это свойство культурного наследия – рассказывать сразу о многом – создает условия для развития у ребенка *способности смотреть на окружающую действительность комплексно и системно, формирует целостную картину мира*.

Третьим свойством культурного наследия является его *многозначность*. Объекты культурного наследия предполагают возможность существования различных толкований, прочтений, множественность индивидуальных трактовок. Например, знаменитый

петербургский памятник Петру I работы М. Шемякина, установленный на территории Петропавловской крепости, всегда вызывает массу вопросов и споров у зрителей: почему император изображен без парика и царских регалий? Почему фигура царя столь непропорциональна (маленькая голова, длинное туловище, тонкие изогнутые пальцы рук)? Зачем памятник поставили в непосредственной близости от земли, так что всякий желающий может сесть императору на колени? На каждый из этих вопросов человек может отозваться по-своему, найдя собственное объяснение, отличное от замыслов даже самого автора. Причем область культуры тем и особенна (в отличие от науки), что в ней могут существовать одновременно самые различные, подчас противоречивые точки зрения, и все они могут быть верными и правильными. Таким образом, педагогический потенциал культурного наследия заключается еще и в том, что оно дает возможность для развития у детей и подростков *самостоятельности и гибкости мышления, умения выдвигать и доказывать собственные версии.*

Четвертое качество культурного наследия – это его *наглядность, материальное воплощение.* В школе учащиеся, как правило, работают с одним источником информации – со словом: они читают тексты учебников и учебных пособий, слушают объяснения преподавателей. Гораздо меньшее внимание уделяется работе с невербальными сообщениями, представленными в виде материальных образов. Единственное исключение составляют учебные дисциплины, относящиеся к образовательной области «Искусство» (например, «Мировая художественная культура» или «Изобразительное искусство»). Как следствие, школьники не умеют работать с материальными объектами как с источниками информации, их визуальная (то есть зрительская) культура недостаточна развита. Памятники предметно-материальной культуры и явления духовного плана, которые можно наблюдать вокруг себя, остаются для них «закрытой книгой», для толкования которой требуется «переводчик» – посредник между объектом и субъектом познания (например, родитель, педагог, экскурсовод или музейный сотрудник). Обращение к культурному наследию города, включение его в число объектов исследовательской деятельности детей, позволяет учащимся *развить визуальные (зрительские) способности, научиться смотреть и видеть*, замечать самые мелкие и, казалось бы, незначительные детали, понимать их взаимосвязь и взаимозависимость.

Пятое свойство культурного наследия региона – *полилогичность*. Многие объекты культурного наследия, например, архитектурные строения или скульптурные произведения, представляют собой достаточно сложную информативную систему. Помимо явного утилитарного значения, эти объекты несут в себе и символические смыслы. Очевидно, что самый грамотный и образованный горожанин зачастую в одиночку не может воспринять всю сокрытую в объекте культурного наследия информацию, уяснить для себя некоторые универсальные законы существования культуры. Здесь рождается интерес к точкам зрения других людей, к диалогу как наиболее адекватному способу раскодирования информации, заложенной в памятниках. Таким образом, полилогичность культурного наследия дает возможность развития у детей *коммуникативных навыков, умения общаться друг с другом.*

Учет всех потенциальных возможностей культурного наследия для воспитания подрастающего поколения заставляет педагогическое сообщество пересматривать арсенал используемых методов и приемов работы. Абсолютно очевидно, что достигнуть всех описанных выше образовательных результатов традиционными, то есть словесно-наглядными методами (рассказом, лекцией, экскурсией) невозможно. На первый план выдвигаются технологии *активного и самостоятельного* освоения школьниками культурного наследия, предполагающие *непосредственное взаимодействие детей с объектами и явлениями окружающей действительности.* Наиболее перспективными методиками в этом плане являются *учебные прогулки и образовательные путешествия*, методологические основы которых сегодня активно разрабатываются учеными Петербурга.

Список литературы

1. Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры народов Российской Федерации» // Интернет-сайт «Законы РФ». – URL: http://femida.info/51/ooknpiik001.htm.

2. Баллер, Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие / Э.А. Баллер. – М., 1987. – С. 56.

3. Конев, В.А. Человек в мире культуры (Человек, культура, образование): пособие по спецкурсу / В.А. Конев. – Самара, 1999. – [Электронный ресурс]. – Сайт «Культурология (теория школы, история, практика). – URL: http://www.countries.ru/library/sophia/mean.htm.

Виталий Гуменный, Александр Маркевич

ЛИПИЧАНСКАЯ ПУЩА: ОТ ИСТОКОВ ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ. АСПЕКТЫ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование различных аспектов географии, природы, истории, этнографии отдельных территорий, используя региональные ресурсы, является основным приоритетом краеведенья. Особенно если доступная информация по данному региону узка или недостаточна. Её расширение и углубление является основной задачей краеведов.

Одним из малоизученных вопросов в рамках краеведенья является развитие современных белорусских пущ. Кроме Беловежской пущи, которой посвящено большое количество научных и литературных публикаций, об остальных довольно мало информации. Одной из таких пущ является Липичанская пуща. Источники доступной комплексной информации по ней единичны. Ограничиваются статьёй М. Петрикевича в книге «Память. Дятловский район» [2]. Даже отчёты учёных, лёгшие в основу придания части пущи природоохранного статуса, являются сложно доступной для простого обывателя информацией.

Какие же аспекты могут стать предметом исследований краеведов и учёных историков, географов, биологов, этнографов и филологов в этом регионе?

Первое направление – это уточнение исторического расположения и границ пущи. Топоним «Липичанская пуща» сейчас существует в отношении той части припойменных лесов междуречья Немана, Шары, Подъяврки и Турьи, на которых расположен Республиканский ландшафтный заказник «Липичанская пуща», и группы хуторов в Дятловском районе под общим названием Липичанская пуща.

Именно наличие вне границ заказника населённого пункта с одноименным названием пущи говорит о том, что её границы были намного шире, чем границы заказника – на это указывает и М. Петрикевич [2]. Причём в исторические границы пущи входят не только территории Мостовского, Щучинского и Дятловского района междуречья рек Щары и Немана, но и правобережья Немана в устьях рек Турья и Лебеда от населённого пункта Заборье до деревни Песковцы. По её окраине возникали такие деревни, как Липично,

Липичанка, Орля, Борти и др., указывающие на прямое отношение этих земель к пуще.

Также остаётся открытым вопрос западной границы. Шла ли она точно по руслу и правобережью реки Щара, как идёт граница заказника, или захватывала территорию от Правых мостов до деревни Большие Озёрки?

А южная граница шла ли по линии деревень Лупачи, Трахимовичи, Дубровщина или всё-таки была южнее и захватывала территорию и окрестности г/п Козловщина? Что же касается восточной окраины, она определена более-менее точно: по пойме реки Вязовки в окрестностях деревень Накрышки, Мировщина, Явор.

Здесь обращает на себя внимание тот факт, что уже в XVI веке территория, относящаяся к современной и исторической Липичанской пуще, распределена между частниками и в описи королевских пущ, составленной Георгием Воловичем, она не упоминается [3]. В связи с этим интересна была бы информация о владельцах земель пущи. Как менялось распределение земель между её хозяевами? То есть как отдельное направление может рассматриваться составление списка владельцев и выяснение их деятельности в пуще.

Следующее направление исследований – это ответ на вопрос: имела ли Липичанская пуща естественные лесные мостики, которые связывали её с другими пущами? Существовала ли связь пущи через реку Молчадь и пойму Немана с Налибокской пущей с востока, через пойму Щары с Ружанской и Беловежской пущами на юге и через пойму Немана с Гродненской пущей на западе и севере? То есть располагаясь посредине между существующими пущами Гродненской области, Липичанский лесомассив, скорее всего, и являлся связующим звеном и проходной территорией для живых организмов Великих Литовских пущ.

Ещё одно направление – это восстановление полной исторической картины заселения и освоения территории пущи. Здесь же можно рассмотреть и вопрос происхождения названия самой пущи и топонимики данной территории в целом.

М. Петрикевичем высказывается мнение, что топоним появился в XVIII веке, после того как Радзивиллы начали добывать железную руду и основали поселение Руду Яворскую. Что вызвало создание Четвертинскими, которые, по М. Петрикевичу, владели основным массивом этих лесов, своего рудника и населённого пункта Руды Липичанской. Руда Яворская и Руда Липичанская получили свои названия от дворов этих магнатов, располагавшихся у границ пущи.

Радзивиллы владели имением Явор, а Четветринские имением Липично. Считается, что название пущи и пошло от принадлежности основного массива именно Четвертинским с их двором Липично [2]. Но остаётся не ясным момент, когда точно закрепилось это название? Как оно использовалось? Использовали ли его все владельцы пущи или в тот момент она имела несколько названий? Также интересно выяснить факт, как назывались эти леса до XVIII века и во время их принадлежности Великому Князю Литовскому?

Топонимическое направление открывает очень интересный блок невыясненной информации. Гидронимы указывают на обитание здесь дикого быка тура и обширных липовых и хвойных лесов на уже заселённой территории. Когда они исчезли и где точно располагались, не известно.

Восстановление исторического облика пущи – это большое направление для исследований. Как выглядела девственная древняя пуща, какие животные её населяли? Какое в действительности влияние имели на формирование ландшафтов пущи последнее оледенение и древнее Белорусское или по-другому Сарматское море?

Этот длинный перечень не выясненных моментов также добавляет вопросы по заселению пущи. Начиная от найденных здесь разновременных стоянок первых людей, продолжая аспектами заселения в средние века. В названиях населённых пунктов, рек, урочищ данной территории просматриваются присутствие и древнего балтского народа ятвягов (д. Ятвезь), и древних славян (городище Турейск), и волна литовского заселения. По одной из версий название реки Щара является литовского происхождения и толкуется как узкая река [1, 2]. Что и указывает на освоение этой территории литовцами.

Наличие у границ Липичанской пущи таких деревень, как Чеховщизна, Латыши, Москали, Русаки делает это направление исследований очень интересным не только для данной территории, но и для Беларуси в целом.

Отдельным направлением является история войн, которые проходили через пущу. Начиная с войн между ВКЛ и Галицко-Волынской Русью, продолжая тевтонским нашествием, северной войной, войной 1812 года, Первой мировой войной и заканчивая всеми аспектами второй мировой войны. Все эти войны имеют своё преломление на этой территории. Выяснение включённости пущи в эти события принесёт, по нашему мнению, очень много ценной информации для всего Гродненского региона.

Ещё одним направлением является изучение известных фамилий и личностей, связанных с этой землёй. Как пуща повлияла на становление таких фамилий, как Радзивиллы, Тизенгаузы, Четвертинские, Стравинские, Солтаны? Исследовали ли её Жилибер, Константин Тизенгауз и Юндзил? Здесь же можно рассматривать и факты, связанные с жизнью выдающихся личностей, родившихся на этой земле.

Нельзя упустить и историю крестьянства этих территорий: их быта, языка, местных традиций и особой пущанской культуры. То есть здесь надо коснуться всех промыслов, связанных с пущей, и не только земледелия, бортничества, собирательства и охоты, но и промышленных производств. Таких, как добыча дёгтя, железной руды и даже производства стекла.

Современная история территории пущи имеет свои особенности. Работа совхозов и лесхозов по освоению и охране пущи, а также история создания Республиканского ландшафтного заказника «Липичанская пуща» также могут стать направлениями работы краеведов.

Ну и, конечно, одним из самых актуальных направлений изучения данной территории как заказника «Липичанская пуща», так и всей исторической территории пущи является подробное рассмотрение и исследование всех компонентов природных сообществ.

Очень важно выявление редких ландшафтов и мест обитания краснокнижных растений и животных не только на территории заказника, но и за его пределами. Это позволит брать их под непосредственную охрану или в случае, если они располагаются недалеко от границ заказника, возможно ставить перед Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды вопрос о расширении границ пущи. Тем более что претендент уже есть. Северо-восточная граница заказника проходит возле д. Орля. Примерным ориентиром является мост через Неман около этой деревни. Но уникальная припойменная дубрава именно в этом месте выходит за границы заказника и идёт на восток по пойме Немана по крайней мере около километра. А около деревни Новосёлки за пределами заказника, недалеко от его границы, располагается уникальная поляна с краснокнижным растением черемшой. То есть уже есть два факта, которые могут служить основанием пересмотра границ заказника в пользу его увеличения.

Данная статья предназначена прежде всего для коллективов школ, расположенных по границам исторической Липичанской пущи

и местных краеведов, для того чтобы подсказать возможные направления исследований. Поэтому в ней больше вопросов, чем ответов.

Материалы, лёгшие в основу данной публикации, были собраны в результате работы над телепроектом «В объективе натуралиста» РУП РТЦ «Телерадиокомпания «Гродно».

Пуща – это неисчерпаемый источник для школьной и студенческой науки. Для крупных учёных сведения, добытые краеведами, станут путеводной нитью для более глобальных и фундаментальных исследований. А начинающая развиваться на территории пущи сфера туристических услуг на данный момент остро нуждается в информации не только по тем направлениям, которые очерчены, но и всей информации, которую только можно будет найти по истории, географии, биологии и этнографии этих мест.

Список литературы

1. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд. БГУ, 1974. – С. 413.

2. Петрыкевіч, М.Ф. Ліпічанская пушча – Памяць. Дзятлаўскі раён. Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / М.Ф. Петрыкевіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1997. – С. 364–367.

3. Ревизия пущъ и переходовъ зъвериныхъ въ бывшем Великомъ Княжествъ Литовскомъ, съ присовокупленіемъ грамотъ и привелегій на входы въ пущи и на земли, составленная Старостою Мстибоговскимъ Григоріем Богдановичемъ Воловичемъ въ 1559 году, с прибавленіем другой актовой книги, содержащей въ себъ привилегіи, данныя дворянамъ и священикамъ Пинскаго повъета, составленной въ 1554 году. – Приготовлены къ печати Начальникомъ Центрального Архива и его Помощниками, изданы Великою Археографическою Коммиссіею – Вильна. Въ типографіи Губернскаго правленія. – 1867.

Татьяна Боярчук

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО НА МЕНТАЛИТЕТ БЕЛОРУСОВ

Миропонимание и мироощущение личности, её менталитет формируются под воздействием структурных особенностей культуры. Культура, в свою очередь, складывается в процессе исторического развития народа, поэтому опыт прошлого наследия, отложившегося в культуре, влияет на формирование глубинных особенностей менталитета. Следовательно, образ мышления может рассматриваться как опыт культурной истории.

Большинство исследователей считают, что ментальность определяется историей и теми социальными условиями жизни этноса или нации, которые отложили свой отпечаток на формирование и специфику мироощущения людей [3, 4, 6].

В процессе исторического развития белорусский этнос приобрел свои особые черты, которые передаются из поколения в поколение и существуют в таких относительно устойчивых формах, как язык, традиции, обряды, народное творчество, этническое самосознание, топонимия, культура, образ жизни и т.д. Эти черты, как и происхождение, отличают белорусов от других народов, которые издревле живут рядом с белорусами.

Менталитет белорусов формировался продолжительное историческое время и приобретал свои типичные признаки в определенных обстоятельствах общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизни. Данный процесс можно условно разделить на периоды, которые отражают основные сущностные характеристики национального самосознания жителей белорусских земель в различные эпохи их бытия. При анализе белорусского менталитета в контексте исторической науки можно выделить, по меньшей мере, семь исторических периодов: языческий (дохристианский); христианский; литвинский; польский; российско-имперский; советский и национально-белорусский.

Можно предположить, что каждый период оставил свой след в формировании белорусского менталитета. Периодизация подразумевает доминирующую роль разных форм культуры и сфер общественной жизни на стадиях исторического развития белорусов. Сначала в роли системообразующей общественной доминанты выступает миф, потом религия, затем политика, экономика и, наконец, в целом культура. Соответственно, каждый из элементов в структуре белорусского менталитета, берущий свое начало в одной из перечисленных стадий, требует детального анализа для того, чтобы показать своеобразие ментальных характеристик белорусского народа.

Глубинные истоки белорусского менталитета, его основополагающие черты начали формироваться еще в древности, в период господства в Беларуси многочисленных оригинальных культов, обычаев и обрядов. До принятия христианства тысячу лет тому назад наши предки придерживались языческих верований, поклонялись разным богам, воздавали почести природным стихиям, небесным светилам, а также священным деревьям, камням, холмам и

т.д. Ментальность жителей Беларуси той эпохи определялась политеизмом, обожествлением земли, одухотворением всей природы (пантеизм), «подсознательным предчувствием тесной взаимосвязи между человеком и землей, всей окружающей средой и Космосом» [4, с. 14]. Следовательно, в древний период для менталитета белорусов были свойственны убежденность в реальном существовании души, злых и добрых духов (анимизм), вербальная магия (вера в чудотворную силу особых слов и выражений), ощущение неразрывного единства между человеком и всем окружающим пространством, разнообразные культы и т.д.

На первоначальных этапах своего развития далекие предки белорусов в значительной степени подвергались влиянию таких естественных факторов, как климатические условия, рельеф местности, флора и фауна. Племена, проживавшие на территории нынешней Беларуси, оказались в тяжелых климатических условиях. Продолжительные холодные зимы и короткое лето, обилие осадков и сильные ветры, незащищенность человека перед природной стихией вызывали страх и преклонение перед силами природы, возникновение и укоренение язычества, которое позже было ассимилировано, но не вытеснено христианством. Суровый климат заставлял людей объединяться в большие патриархальные общины, роды, племена для совместного возделывания земли, защиты от природных катаклизмов. Обилие мелких и крупных рек, болот, низменностей, пологих равнин располагало к появлению созерцательного восприятия жизни, а с рельефом местности многие исследователи связывают такие национальные черты белорусов, как мягкосердечие, толерантность, доброта, отсутствие склонности к принятию быстрых, молниеносных решений [1, с. 65].

На протяжении многих следующих веков ментальность белорусов во многих чертах оставалась по существу дохристианской, языческой. Это было обусловлено, прежде всего, тем, что христианство на землях Беларуси распространялось относительно медленно, постепенно и поэтому наши предки продолжительное время придерживались языческой веры и выполняли соответствующие обряды, придерживались соответствующих обычаев. Как считают специалисты, на длительное сохранение остатков язычества в немалой степени оказало влияние и то, что большинство белорусов до XX в. составляли крестьяне, в сознании которых долго продолжали существовать мифологически-мистические представления. Архаически-языческая в своей сущности

ментальность была как бы «законсервированной» в среде белорусов-крестьян на многие века.

Во все времена белорусам свойственна привязанность к своей земле-кормилице, своему родному краю, стремление приспособить работу и отдых к определенным природно-сезонным циклам, порам года (т.н. календарный тип менталитета), о чем убедительно свидетельствует белорусский народный календарь с чрезвычайным богатством праздников и соответствующих им песен, танцев, обрядов, разнообразных примет и поверий. Об этом свидетельствуют разнообразные виды и жанры белорусского фольклора.

Второй период формирования менталитета белорусов, определяемый нами как христианский, был связан соответственно с принятием христианства, которое было осуществлено в начале 2-го тыс. н.э. В миропонимании белорусов произошло своеобразное сплетение двух типов мировидения – языческого и христианского, для которого стал характерным монотеизм (убеждение в существовании единого Бога).

Принятие белорусами христианства стало началом новой культурно-исторической эпохи. Именно на мировоззренческом фундаменте христианства окончательно сложились этнический менталитет, древняя белорусская культура, литература и искусство. Их сущность и направленность определялись идеями и устремлениями христианского гуманизма, влияние которого благодаря универсальности провозглашенных принципов вышло далеко за пределы одной эпохи и стало общечеловеческим достоянием.

В IX–XIII вв. нынешняя территория Беларуси входила в состав Киевской Руси, которая состояла из ряда княжеств, среди которых особенно выделялись Полоцкое и Туровское княжества. Однако Полоцкое отличалось наибольшей самостоятельностью, позволявшей ему вступать в единоборство даже с Новгородом и Киевом. В нем, можно сказать, и коренятся истоки государственности белорусов.

К XIV столетию в связи с образованием Великого Княжества Литовского (ВКЛ) белорусский этнос в основном уже сложился в народность, хотя полностью этот процесс не завершился, о чем свидетельствуют последующие исторические события.

Основным консолидирующим фактором в развитии белорусской народности на данном этапе стало образование и развитие Великого княжества Литовского, одного из крупнейших государственных образований Западной Европы эпохи средневековья с

центром в Понеманье. Успеху объединительной деятельности литовских князей благоприятствовало характерное для наших предков представление о необходимости государственно-политического единства, которое всегда имело перевес над децентрализаторскими сепаратистскими тенденциями отдельных правителей белорусских земель предшествующего исторического периода. Идеи раздробленности никогда не занимали какого-либо существенного места в представлениях нашего народа, что подтверждается их отсутствием в истории белорусской общественно-политической мысли.

Складывание единой белорусской народности обусловило переход этнического самосознания жителей белорусских земель на новый качественный уровень. Их этническая самоидентификация на данном этапе выражалась этнонимами «русины» и «литвины». Название «русины» сохранилось на белорусских землях с прежних времен – периода существования Киевской Руси, и указывало в основном на православное вероисповедание человека. Распространение же этнонима «литвины» было связано исключительно с образованием Великого княжества Литовского, которое в источниках XIII века именовалось «Литвой Миндовга». По мере расширения границ ВКЛ, включившего в свой состав ряд белорусских, русских, украинских, литовских, латышских, польских земель, стали появляться составные названия в обозначении жителей этого государства типа «литвин русского рода», «литвин латыш», «литвин, родом поляк» и др. [2, с. 29]. Это было обусловлено разнообразием национального и конфессионального состава жителей ВКЛ. Постепенно все шляхетское сословие нового государства стало называть себя литвинами независимо от этнической и конфессиональной принадлежности.

Этническое самосознание жителей белорусских земель на данном этапе включало также и их представления о родном старобелорусском (или «древнебелорусском») языке, лингвистические особенности которого встречаются уже в памятниках письменности XIII столетия, например Смоленской грамоте (1229 г.) и ряде полоцких грамот. Постепенно этот язык приобрел статус государственного языка ВКЛ, и на нем велись дипломатическая и частная переписка, дела во всех органах центральной и местной власти, судоустройство, на этот язык переводились литературные произведения, он применялся при общении коренного населения белорусских земель с литовцами, латышами, евреями, татарами. В период вхождения белорусских земель в ВКЛ шел процесс дальней-

шего развития этнического сознания белорусов, опережающими темпами развивались их язык, письменность, философская мысль, создавались документы, характеризующие уровень их политической и правовой ментальности. Появляются такие мыслители, как Франциск Скорина и Микола Гусовский, Сымон Будный и Василий Тяпинский, которые внесли огромный вклад в духовные традиции белорусского народа; так на старобелорусском возникло книгопечатание. При этом необходимо констатировать тот факт, что в XVI в. на территории Беларуси на белорусском языке был издан уникальный политический документ – Статут Великого Княжества Литовского 1529, 1566, 1588 гг., который не имел себе равных в Европе. В прошлом белорусы, как преимущественно и теперь, относились к законам и правовым нормам с уважением, стремились не нарушать их и быть «законопослушными» гражданами.

Кроме представлений о едином старобелорусском языке, национальное самосознание наших предков в период нахождения белорусских земель в составе ВКЛ включало и представления о большой (имеется в виду Княжество) и Малой (локальная территория проживания) родине, о единой христианской вере, понимание общности исторической судьбы, а также единой этнической территории [2, с. 30]. Складыванию этнической территории белорусского народа, его компактному расселению и активной деятельности в его границах процессов этносоциальной консолидации способствовало образование государственности на белорусских землях. По мнению большинства ученых, этот процесс был начат еще в IX–XII веках во времена существования государств-княжеств и продолжен в период развития Великого княжества Литовского в XIII–XV веках. Именно в это время белорусские земли были объединены в пределах одного государства, а их население стало представлять собой единую белорусскую народность.

Поэтому не вызывает сомнения, что ВКЛ было белорусско-литовским государством. Поскольку восточнославянские земли, в том числе и Беларусь, получили письменность вместе с христианством в конце X века (в отличие от большинства литовцев, которые оставались язычниками вплоть до 1386 г.), старобелорусский язык стал государственным, так как он был языком княжеской канцелярии, судов, летописей и официальных международных связей и дипломатических отношений.

С развитием коммуникационной структуры, появлением национальной государственности и соответствующих институтов,

влияние природно-географических факторов уменьшается. В этих новых условиях этнический менталитет обретает новые формы. Однако в любом случае географический ареал обитания людей способствовал их объединению в социальную общность, которая и явилась первоосновой этнического менталитета. В дальнейшем структуру менталитета определяют особенности форм восприятия и мышления, возникающие с появлением новых форм культуры.

В данный исторический период нельзя обойти и еще раз роль религии в развитии этнического сознания, а соответственно и менталитета белорусов. Православие определило основу средневековой культуры Беларуси и тем самым связало ее с культурным миром всего славянства и других христианских народов Востока и Запада. Образование, литература и в целом культура на протяжении многих столетий оставались исключительно церковными. Архитектура, живопись, декоративное искусство, шитье, хоровая музыка, литература, политическая мысль и богословие Древней Беларуси соответствовали ценностям мирового цивилизационного процесса.

Дальнейшим этапом в развитии белорусского этноса явился период вхождения белорусских земель в состав Речи Посполитой (1569 г.), что характеризует новый этап формирования национального менталитета белорусов, оказавшихся под влиянием политики полонизации в окатоличивания, проводимой польскими властями. Такая политика в конечном итоге способствовала утрате позиций в белорусском обществе старобелорусского языка, православной церкви и привела к утверждению новых приоритетов и ценностей белорусского этноса. Это подтверждается рядом исторических фактов. Так, например, в конце XVI века старобелорусский язык утратил статус государственного и уступил место польскому языку, который в 1695 году по решению Сейма Речи Посполитой стал главным средством общения на всей территории новообразованного государства, в том числе и на белорусских землях. Прежде всего, на польский язык перешли представители феодальной верхушки белорусского общества, а позже и другие сословия.

Подобные негативные процессы наблюдались и в отношении ранее господствовавшей на белорусских землях православной церкви, которая постепенно стала вытесняться католическим костелом. Наиболее значительное распространение католицизма на Беларуси произошло в последней трети XV века, что было связано с контрреформационной политикой правительства Речи Посполитой

и деятельностью монашеских орденов – францисканцев, августинцев, бернардинцев, иезуитов. Главной их целью было распространение католицизма в пределах ВКЛ, а также ликвидация многоконфессиональной структуры государства путем окатоличивания представителей других религий, главным образом православных и протестантов. Такая политика была завершена в 1596 году созданием униатской (греко-католической) церкви и провозглашением униатства государственной религией. В XVII–XVIII веках оно представляло собой самую многочисленную конфессию Речи Посполитой, а ареал ее распространения охватывал Беларусь, часть Литвы, Украины, России, Польши.

В этот период белорусская ментальность в определенной степени деформировалась под влиянием полонизации. В Речи Посполитой процесс шляхетизации переходит на новый уровень общегосударственной интеграции. Но эта сословная общегосударственная интеграция привела в конечном итоге к общественной дезинтеграции. В частности, на белорусских землях шляхта, перенимая польские образцы общественного строя, все больше поворачивается к «польскости» в целом. И, в первую очередь, к католицизму, который приобщал в свою очередь к польской духовной культуре и языку. Постепенно формируется новое не только социальное, но, можно сказать, и этническое сообщество – «польский народ шляхетский», который объединялся не только одними правами и привилегиями, политической идеологией, но и одной религией. Ополячивание на белорусских землях привело во второй половине XVII в. к такой ситуации, когда белорусскому крестьянину или мещанину противостоял не только пан-угнетатель, но и Папа Римский как представитель чужой веры, а значит и другого народа. Раздел белорусского общества по социально-религиозному признаку, «ликвидация» более чем наполовину белорусского этноса в XVII – нач. XVIII вв. привели к упадку белорусской государственности, белорусской самобытной культуры и в целом национального развития.

Таким образом, в XVII–XVIII веках этническое самосознание населения Беларуси было представлено следующими компонентами: территорией проживания, имевшей название «Белая Русь» и являвшейся составной частью Речи Посполитой; этнонимом «белорусцы», дополняемым другим, более древним этнонимом «литвины». В этот же период появились понятия «белорусские города», «белорусский язык», «белорусская вера», подчеркивавшие социально-культурные особенности населения Белой Руси; старобе-

лорусским языком, практически запрещенным к употреблению в официальных документах и в общении, но по-прежнему использовавшимся в народной (крестьянской) среде, благодаря чему он в форме разговорного просуществовал вплоть до конца XVIII века; униатской церковью, объединившей к концу XVIII века порядка 80 % жителей белорусских земель; представлениями об общности происхождения белорусского этноса [2, с. 31].

Новый этап в формировании национального самосознания белорусов был связан с разделами Речи Посполитой (1773, 1792, 1795 гг.) и присоединением белорусских земель к Российской империи. Так, после раздела Речи Посполитой Беларусь, освободившись от влияния польской шляхетской республики, оказалась в зависимости от российского дворянского царского абсолютизма. На территории Беларуси было введено общероссийское административное деление, государственные органы и структуры. Стали действовать наместнические, провинциальные, а затем губернские и уездные учреждения.

Так возникает новое явление в исторической жизни Беларуси – российское влияние на менталитет местных жителей. Это явление становится исключительно важным фактором в национальной, социальной, культурной жизни региона, что накладывает свой отпечаток на менталитет нации. На протяжении многих лет почти все местное административное управление находилось в руках чиновников, присланных с центральных губерний России, которые не знали белорусского языка, культуры и обычаев, но были наделены практически неограниченной властью. Беларусь была превращена в Северо-Западный край России. В 1832 г. при правительстве России был создан «Особый комитет по делам западных губерний», целью которого было проведение политики русификации этих областей. Комитет начал проводить политику насаждения землевладения русских дворян на территории бывшего ВКЛ [4, с. 20].

Русский царизм так же, как и Правительство Речи Посполитой в предыдущий период, начал проводить политику национального, культурного, языкового и религиозного гнета белорусского народа, пытаясь доказать его несостоятельность как самостоятельного этноса. В частности, процессы русификации привели к крайне неблагоприятным условиям для развития собственного языка белорусского народа, поскольку основные функции государственного выполнял в это время русский язык.

Несмотря на ряд негативных процессов, имевших место в белорусской истории в период вхождения ее в состав Российской империи, следует отметить, что в данных условиях катализатором национального пробуждения белорусского народа выступила администрация России – единственная сила, способная осуществить деколонизацию края путем социально-экономической и культурной модернизации православного населения. По сути, речь шла о национальной модернизации белорусов, повышении их социального и религиозно-культурного статуса как необходимого условия противостояния польско-католической экспансии. Этот процесс активно осуществлялся под руководством генерал-губернатора Северо-Западного края М.Н. Муравьева. Итогом подобной модернизации стало то, что во время событий 1863 года подавляющее большинство населения края, прежде всего православное крестьянство, выступило против вооруженного террора польской шляхты в силу его антирусской и антиправославной направленности. Так что белорусское национальное сознание, сформированное в системе церковного и светского образования во второй половине XIX – начале XX века, изначально не могло быть сепаратистским, антиимперским, антирусским. У его истоков стояли практически вычеркнутые из сегодняшней истории выдающиеся иерархи Православной церкви, деятели отечественной науки и культуры – митрополит Иосиф Семашко, историки М. Коялович, Г. Киприанович, П. Брянцев, С. Шолкович и т.д. [2, с. 32].

Однако в целом религиозную политику российского правительства можно характеризовать негативно, так как с присоединением Беларуси к России положение униатской церкви, которая до этого времени занимала лидирующие позиции в жизни белорусского общества, изменилось. Уже в 1794 году Екатерина II издала указ о прекращении действия Брестской унии (1596 г.). Только в период 1794–1795 годов принудительно в лоно православной церкви было возвращено более 200 тысяч униатов, другая часть униатов перешла в католичество. Были закрыты все униатские епархии Российской империи, кроме архиепископства Белорусского. А после восстания 1830–1831 годов отношение к униатам стало еще более негативным. Под нажимом властей 12 февраля 1839 года на соборе в Полоцке униатские епископы во главе с Иосифом Семашко провозгласили прекращение действия Брестской церковной унии и подали просьбу на имя Николая I присоединить униатов к православной церкви. В результате этого более чем 1,5 миллиона униа-

тов вернулись в православие, более 500 тысяч – перешли в католичество [2, с. 33].

Несмотря на это, во второй половине XIX века впервые встал вопрос о самостоятельном белорусском языке, что явилось одним из факторов формирования белорусского этнического самосознания. Старобелорусский язык к этому времени сохранился только в устной форме, использовался в основном в крестьянской среде, а также частично городским населением и обедневшей шляхтой. Постепенно этот разговорный язык приобрел литературные формы, у истоков которых стояли представители местной интеллигенции. Ян Чачот, Владимир Сырокомля, Винцент Дунин-Марцинкевич и многие другие уроженцы Беларуси стали писать на этом народном разговорном языке, за которым еще в первой половине XIX века закрепилось название «белорусский». Употребление белорусского языка значительно активизировалось в конце XIX века. Его начали использовать в литературной форме такие выдающиеся писатели и поэты, как Франтишек Богушевич, Элаиза Пашкевич (Тётка), Максим Богданович, Якуб Колас, Янка Купала и многие другие [3, с. 64].

В целом же, надо сказать, что включение белорусских земель в состав централизованного государства привело к определенной стабилизации, которая положила конец военным столкновениям и феодальной анархии. Беларусь постепенно втягивалась в хозяйственную общероссийскую систему, что способствовало расширению рынка сбыта продукции, специализации производства, развитию капитализма в целом. В этих условиях во второй половине XIX в. сформировалась белорусская нация, что способствовало дальнейшему, хотя и медленному росту национального самосознания.

Таким образом, несколько веков белорусский этнос формировался под влиянием двух мощных социокультурных потоков. Первый, приходящийся на середину XVI – середину XVIII вв., был связан с присоединением Беларуси к Речи Посполитой. Итогом чего стала «полонизация» белорусской национальной культуры, что проявилось в насаждении польского языка, польских обычаев и традиций как среди шляхты, так и крестьянства. Католическая церковь активно проникает во все сферы общественной жизни, а также усиливает свое влияние и униатская церковь. В среде дворянства стала складываться такая ситуация, когда быть поляком и католиком экономически, социально и политически стало выгоднее, чем быть православным и белорусом. Но к 1792 г. ситуация корен-

ным образом меняется: вся этническая Беларусь вошла в состав Российской империи, и вновь на белорусскую нацию обрушиваются новые культурные нормы, идет трансформация белорусского национального характера и культуры в целом. Царская Россия принесла иные ценности: византийское православное христианство с его центральной идеей единой харизматической власти, отсутствие свободомыслия, сильное государственное начало. Все эти новые веяния отрицательно сказываются на укреплении и культивировании собственно национальных черт характера, изначально присущих белорусскому этносу.

В советский период после Октябрьской революции, с начала 20-х годов, в БССР стала активно проводиться политика белорусизации, которая с июля 1924 г. приняла силу закона. Политика белорусизации способствовала широкому развитию белорусской культуры, что проявлялось в создании школ, техникумов, вузов на белорусском языке обучения, открытий культурно-просветительных учреждений, издании на белорусском языке книг, газет, журналов и т.д.; а также в выдвижении белорусов на партийную, советскую и профсоюзную работу.

Обозначившиеся в это время процессы национального возрождения, стремление отдельных представителей белорусского этноса заявить о белорусах как самостоятельной, уникальной, самобытной нации, способной создать собственную государственность, качественно повлияли на оформление системы этнического самосознания белорусов, которое приобрело ряд черт, сохранившихся и до наших дней. Речь идет, прежде всего, об этнической самоидентификации жителей белорусских земель, которая нашла выражение в этнониме «белорусы», приобретшем общенациональный характер (данный этноним был принят большинством населения нашей страны на рубеже XIX-XX веков, что подтверждается данными переписи, проведенной в Российской империи в 1897 году), а также этнониме «Беларусь» (данный этноним был зафиксирован в титуле российских самодержцев еще в XVII веке – «Государь всея Великия, Малыя и Белыя Руси») [2, с. 34].

Национальное самосознание белорусов на данном этапе включало следующие представления:

– *о родном белорусском языке,* который к началу XX в. приобрел форму литературного языка;

– *о собственной этнической территории*, границы которой во второй половине XIX столетия были определены в этнографи-

ческих и исторических исследованиях целого ряда ученых, в том числе М. Довнар-Запольского, Е. Карского, Н. Никифоровского, Е. Романова, П. Бессонова. Одной из самых признанных версий в определении границ расселения белорусского народа считается версия академика Е.Ф. Карского, который в первом томе своей монографии «Белорусы» доказал, что белорусы составляли большинство населения не только на исконно белорусских землях, но также и в ряде уездов Орловской, Виленской, Калужской, Ковенской, Курляндской, Псковской, Смоленской, Тверской, Черниговской губерний;

– об общих антропологических чертах (психике, чертах характера белорусов, внешнем виде). Антропологи свидетельствуют о преемственности физического типа у различных поколений белорусов, о схожести антропологического типа белорусов с русскими, украинцами, литовцами, латышами в приграничных с соответствующими государствами районах, что обусловлено этническими и генетическими связями в контактных зонах. Белорусы характеризуются такими качествами характера, как трудолюбие, рассудительность, мужественность, скромность. Они обладают высоким уровнем образованности, широким культурным кругозором. Их идеалами являются совесть, доброта, любовь к людям, красота, гармония;

– об особенностях культуры и общем историческом прошлом.

Тем самым белорусизация оказала значительное влияние на развитие национального самосознания и менталитета белорусов. Однако последующие события советского периода в развитии белорусов связаны командно-административной политикой И. Сталина и его окружения. Великий террор 1930-х годов в Советской Белоруссии был катастрофой для белорусской культуры и ее народа. В трех волнах арестов (1930, 1933, 1937-1938 гг.) были уничтожены сотни тысяч людей, как правило, белорусской интеллигенции. Эта кампания проводилась под лозунгом борьбы с «нацдемами», которые были обвинены в космополитизме и сотрудничестве с капиталистическими странами.

В 1933 г. Советской властью была проведена языковая реформа, которая приблизила белорусскую орфографию и лексику к российской. Так, белорусский язык перестает использоваться в сфере образования и государственной документации. История Беларуси была переписана в интересах советской идеологии, а многие выдающиеся белорусские деятели (например, Ф. Скорина, К. Калиновский и др.) были объявлены реакционерами. В результате на-

долго был остановлен процесс формирования национальной белорусской интеллигенции, что не могло наложить свой отпечаток и на менталитет белорусов. Поэтому и неудивительно, что за годы тоталитарной сталинской, а затем авторитарной систем сформировался своеобразный тип «тоталитарного» человека, ментальность которого обычно характеризовалась чрезмерной заидеологизированностью, атеизмом, склонностью к ксенофобии (прежде всего ненавистью ко всяким внешним и местным «врагам», неприятием инакомыслия), нежеланием радикальных общественных и жизненных изменений, ограниченностью и искаженностью представлений о современном состоянии мировой культуры и мирового сообщества в целом.

Несмотря на сложные условия развития этнического самосознания, значительная часть коренного населения Беларуси, в том числе национальная интеллигенция, проводила работу по воспитанию белорусов через учебные занятия, творческую деятельность народных и профессиональных художественных коллективов, музеи, СМИ, через обновление и сохранение культурного и исторического наследия, а также посредством семьи. Это положительно повлияло на сознание молодого поколения белорусов, которое на данный момент представляет собой наиболее действенный элемент социальной структуры белорусского общества, способный создать и поддерживать национальную идею.

Таким образом, процессы формирования национального самосознания белорусов продолжались все XX столетие. На эти процессы серьезное влияние оказали многие факторы, в том числе и неоднократное изменение границ республики; политика белорусизации (20-е гг. XX века), способствовавшая национальному возрождению; тоталитарная система СССР, которая препятствовала развитию белорусской нации; изменение национального состава страны в связи с войнами, миграциями, репрессиями; урбанизация, изменение роли семьи в передаче этнического опыта, родного языка; в некоторой степени недоработка государственных учреждений образования, культуры, информации, которые не смогли обеспечить качественную трансляцию этнокультурной информации от поколения к поколению.

Коренные изменения в национальном самосознании белорусов произошли во второй половине 80-х годов, когда в Советском Союзе была начата «перестройка». В нашей республике с целью преодоления отставания национально-культурного развития корен-

ного этноса, возрождения белорусского языка и народной культуры образовался ряд новых общественных национальных объединений: «Талака», «Паходня», «Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны» и т.д. Их деятельность, а также позитивные изменения в функционировании государственных структур, молодежных и общественных организаций содействовали политическим новшествам: принятию Декларации о государственном суверенитете БССР (1990 г.), прекращению существования СССР и образованию СНГ (1991 г.) а также принятию Конституции Республики Беларусь (1994 г.) и провозглашению суверенитета страны.

В настоящее время Республика Беларусь находится на новом этапе становления национального самосознания и менталитета белорусов. Государственная политика в сфере сохранения и развития национальной культуры способствует развитию белорусского языка и литературы, искусства, изучению национальной истории и поддержанию характерных черт белорусского менталитета.

Выдающиеся творения культуры создают уникальные и творческие личности, но носителем культуры, в конечном счете, выступает не личность, а народ. Именно народ формирует в своей повседневной жизни *менталитет*, понимаемый как образ мышления и мировосприятия, духовной настроенности, который воплощает в себе национальное своеобразие данного народа, его культуры. А менталитет органично взаимосвязан *с национальным характером*, представляющим собой совокупность взглядов, оценок, норм, традиций, обычаев и правил поведения, общих для представителей данной национально-этнической общности и ее культуры. Именно своеобразие национально-этнического менталитета и национального характера в наибольшей степени влияют на типологические особенности и характерные черты, свойственные представителям определенного этноса или нации [6].

Традиционными чертами менталитета и национального характера белорусского народа являются патриотизм, мужественность, гуманность, толерантность, «памяркоўнасць».

В контексте своеобразия исторического прошлого и функционирования национальной культуры важное значение имеет *толерантность* белорусов, т.е. их терпимость по отношению к иным, не своим взглядам, позициям, образцам культуры, глубинное достижение возможности и даже необходимости дружественного сосуществования с представителями иных наций, конфессий, социальных групп и т.д. Тем самым для белорусского менталитета ха-

рактерно отсутствие чувства превосходства над другими народами. Поэтому толерантность белорусского этноса имеет конкретные исторические корни, так как белорусы долгое время жили в составе многонациональных государств. Поэтому сама жизнь научила белорусов думать об интересах общества в целом, а не только о своих собственных интересах.

Терпеливость, выносливость и неагрессивность белорусов связана с тем, что они всегда отрицали насилие, но сами нередко становились его жертвами. Вместе с тем белорусы вовсе не лишены свободолюбия, храбрости и решительности, о чем свидетельствует опыт Великой Отечественной войны, массовое партизанское движение на территории Беларуси [5].

Кроме того, белорусы характеризуются такими качествами характера, как трудолюбие, рассудительность, сдержанность и скромность. Они обладают высоким уровнем образованности, широким культурным кругозором. Их идеалами являются совесть, доброта, любовь к людям, красота, гармония с миром и внутри самого себя.

В контексте рассуждений о своеобразии национального менталитета белорусов необходимо также отметить и культурное пограничье Беларуси между Западом и Востоком, имеющее благоприятные возможности для самостоятельного развития белорусской нации. Поэтому к важным чертам менталитета белорусов можно отнести и «пограничность», связанную с необходимостью осуществлять выбор между Западом и Востоком и постоянного поиска своего собственного пути развития.

Таким образом, формирование национального самосознания и менталитета белорусского народа проходило в сложных исторических условиях, что было обусловлено рядом событий и явлений политического, геополитического, религиозного, социального, культурного и иного характера. Анализируя истоки, предпосылки и факторы национального менталитета белорусов, можно выделить следующие основные моменты.

Во-первых, на формирование национального менталитета белорусов огромное влияние оказала природно-географическая среда, особенно на первоначальном этапе этого процесса. Тем самым природные условия позитивно отразились на мироощущении наших предков, что отражается в красоте родной природы и расположении белорусских земель в равнинной зоне с умеренно-континентальным климатом.

Во-вторых, на развитие менталитета белорусов большое воздействие оказала религия, и скорее несколько религий – прежде всего православие, а также католицизм, ислам, иудаизм. С православием на белорусскую землю была принесена идея соборности, которая противопоставлялась индивидуализму, поэтому в менталитете белорусского народа интуитивизм доминирует над рационализмом.

В-третьих, на формирование менталитета белорусов оказало влияние коллективно-родовое начало, основу которого составляет неконфронтационная социальная установка и замещение понятия свободы понятием общей воли, которая блокировала активность отдельно взятого человека. Стереотип белорусов «быть как все» кардинально отличается от западноевропейского «быть не хуже», под которым понимается «не хуже, а лучше». Таким образом, коллективно-родовое начало менталитета белорусов проявляется в ограничении активности отдельного человека и заботой об общем благе.

Список литературы

1. Бусько, И.В. Менталитет как результат и фактор исторического процесса / И.В. Бусько // Вестник ГрГУ. – 2001. – № 1. – С. 65–67.

2. Вонсович, Л.В. Белорусоведение: учеб. пос. /Л.В. Вонсович. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 224 с.

3. Кириенко, В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.

4. Мельников, А. Национальный менталитет белорусов / А. Мельников. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2004. – 78 с.

5. Мельнікаў, А. Характар і менталітэт беларусаў / А. Мельнікаў // Беларуская думка. – 1997. – № 7.

6. Чернявская, Ю.В. Народная культура и национальные традиции / Ю.В. Чернявская. – Минск, 1998.

Янка Трацяк

РАСІЙСКАЯ КАНФЕСІЙНАЯ ПАЛІТЫКА І РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЕ ДУХАВЕНСТВА НА ГРОДЗЕНШЧЫНЕ Ў ПАЧАТКУ XX ст.

За ўдзел рымска-каталіцкага духавенства ў паўстанні 1863 г. расейскімі ўладамі была распрацавана спецыяльная сістэма «распалячвання касцёла», альбо яго дэпаланізацыя; пазней гэта праг-

рама атрымала назоў «разобщения католицизма от полонизма». Такая праграма прадугледжвала строгую сістэму пакарання няўгодных уладам святароў. Уяўляла яна сабой наступныя меры: перамяшчэнні святароў з пасады на раўназначную альбо ніжэйшую, звальненне з пасады, высылка пад нагляд паліцыі альбо ў манастыр, высылка з краю, штраф і іншыя карныя меры.

У сувязі з такой палітыкай, між расійскім чыноўніцтвам (адміністрацыя, міністэрствы і сілавыя структуры) і рымска-каталіцкім духавенствам узнікалі розныя канфліктныя сітуацыі і інцыдэнты. Так, да прыкладу, напрыканцы XIX і пачатку XX стст. абвастрыліся адносіны між свецкімі і каталіцкімі ўладамі вакол праблемы «рускіх» школаў – царкоўна-прыхадскіх, школаў граматы і народных вучылішч, якія павінны былі наведваць дзеці католікаў і, такім чынам, вывучаць асновы праваслаўнай веры. Нагадаем, што з сярэдзіны 1880 гг. назіраецца працэс адраджэння школ пры праваслаўных прыходах, з выкладчыкамі праваслаўнымі святарамі і з расійскай мовай навучання. Рымска-каталіцкае духавенства выступала з агітацыяй супраць царкоўна-прыхадскіх школ, бо яны падрывалі не толькі асновы каталіцкай веры ў краі, але і асновы польскасці. Адносіны рымска-каталіцкай епархіі да такіх школаў выказаў віленскі біскуп С. Звяровіч: «...явившись в последнее время, церковно-приходские и так называемые школы грамоты состоят вне всякаго влияния со стороны римско-католического духовенства и имеют в виду не просвещение народа, а вернее всего борьбу с католицизмом и привитие католическим детям чуждых им религиозных начал, на что неоднократно приходилось мне обращать внимание местных административных властей и между прочим Вашего предшественника 25 февраля 1900 г. за № 811. И на самом деле, какое значение этих школ? «Сознательно любя православную церковь, он (учитель) помогает священнику утверждать в сердцах учащихся разумение великого значения церкви. Школа церковная неразрывна связана с церковью... (Речь товарища прокурора Св. Синода В.К. Саблера о значении церковной школы. «Виленский Вестник». № 139. 1899 г.). «Церковно-приходская школа служит важнейшим средством к утверждению православия в западном крае. Эти рассадники религиозно-нравственнаго просвещения прививают начало православно-русской жизни даже многим иноверческим детям и незаметно вводят юное инославное (поколение)... в строй православно-русской жизни» (Положение православие в западных епархиях. «Виленский Вестник», № 280 за 1899 г.).

В этих официальных строках заключается развязка, почему р.-к. духовенство со мною во главе, так, а не иначе относится к школам грамоты и церковным» [1. Спр. 811, л. 12–13].

Цікавы інцыдэнт між праваслаўным папом і вучнямі католікамі адбыўся ў Юхнавецкім народным вучылішчы. 21 лютага 1902 г., пасля завяршэння малебен па пісьменніку Гогалю, поп Мікалай Весялоўскі прапанаваў цалаванне крыжа, да якога большасць з católікаў не падашло. Другім разам вучань католік Восіп Маславецкі адмовіўся чытаць малітву за цара «Спасі Госпадзі...», а адзін з вучняў заўважыў, што хай гэтую малітву чытае праваслаўны. У лісце ў Гродзенскую дырэкцыю народных вучылішч поп між іншым адзначыў, што «такую сумную з'яву, якая мела месца ў вучылішчы, можна растлумачыць дурным уплывам на вучняў кс. законавучыцеля каталіцкага веравызнання Антона Далінкевіча, які, падзеля ўсёй справядлівасці, павінен быць зволены з пасады законавучыцеля і пераведзены ў іншы прыход у інтарэсах вучылішча» [1. Спр. 854, л. 11].

Адносіны між свецкімі і рэлігійнымі ўладамі яшчэ больш абвастрыліся ў сувязі з пастарскім лістом біскупа Звяровіча да духавенства, у якім ён раскрыў сутнасць расейскай адукацыйнай палітыкі, якая накіраваная супроць католікаў, з мэтай прыцягнуць іх да праваслаўя і рускай народнасці. «Принимая во внимание, что церковно-приходскіе школы и школы грамотности находятся в исключительном владении православнаго духовенства и имеют, как видно из вышеуказаннаго безусловно вредное влияние на подрастающее католическое юношество, строжайше предписваю всему духовенству Виленской Епархии бдительно следить, чтобы католические дети не посещали сказанных школ; в случае обнаружения подобных фактов, если увещевания и наставления не помогут, повелеваем не давать на исповеди разрешения от грехов, как детям обучающихся в этих школах, так равно родителям и опекунам, посылающих их туда». Ліст ад 12 лютага 1902 г. [1. Спр. 853, л. 2–4].

Рэакцыя ўладаў была маментальнай і біскупа С. Звяровіча адхілілі ад кіраўніцтва Віленскай дыяцэзіяй. Тым не менш ва ўсёй Віленскай дыяцэзіі пракацілася хваля супраціву царкоўна-прыхадскім («рускім») школам. Святары абвясцілі ў касцёлах указ свайго біскупа, і дзеці каталіцкага веравызнання перасталі іх наведваць. Катастрафічная сітуацыя склалася ў тых школах і навучальнях, дзе католікі складалі большасць. Так, 40 вучняў католікаў, загітаваныя пробашчам Нарэўскага касцёла Бельскага уезда Антонам Шымялюнасам, перасталі наведваць царкоўна-прыхадскую школу ў в. Будах,

Белавежска-Александраўскай воласці, Пружанскага уезда; 20 хлопчыкаў перасталі наведваць школу граматы ў в. Вугляны Пружанскага уезда паводле патрабаванняў пробашча Сігневіцкага касцёла кс. Антона Салатынскага [1. Спр. 853, л. 15, 31]. Практычна ў кожным дэканаце каталіцкія святары былі абвінавачаны ў такой дзейнасці, нягледзячы на строгія папярэджванні свецкіх уладаў. Адносіны свецкіх уладаў з рымска-каталіцкім духавенствам паводле дадзенага пытання былі вельмі складанымі, пра што сведчаць часткова два дакументы, якія варта было б працытаваць. Так, Гродзенскі губернатар дакладваў Міністру МУС ад 1 травеня 1902 г.: «Циркуляр Зверовича действует до отмены его самой духовной властью р.-к. церкви. До отмены он являеться обязательным для исполнения р.-к. духовенством, и самовольное неисполнение этого требования кемлибо из ксендзов должно повлечь на виноватаго церковную кару. (...) при таковых условиях можно ожидать дальнейшаго распространения вредной агитации р.-к. духовенства против церковно-приходских школ и школ грамоты, являющейся весьма удобной почвой для разжигания религиознаго фанатизма и нетерпимости среди католическаго населения, отношение котораго к православным и без того крайне обострено за последнее время». Ваўкавыскі р.-к. дэкан у лісце Гродзенскаму губернатару ад 8 травеня 1902 г. даводзіў наступнае: «Вследствии секретнаго распоряжения Вашим Сиятельством от 6 апреля, относительно указания ксендзам вверенннаго мне деканата, что всякая открытая агитация с их стороны против церковно-приходских и школ грамоты будет строго преследуема Вашим Сиятельством – честь имею почтительнейше пояснить следующее: что сказаннаго распоряжения в данном случае исполнить я не в состоянии ввиду имеющегося у меня предписания Виленскаго Римско-Католическаго Епископа от 14 июля 1901 г. за № 1567, в коем сказано: «строго предписываю подведомственному мне духовенству, дабы оно соблюдая гражданскаго характера распоряжения административной власти, и в том отношении подавая добрый пример католической паствы, во всех делах, прямо или косвенно относящихся к вере и церкви, отнюдь не давало никаких ни словесных, ни письменных обязательств тем же гражданским властям без моего ведома и разрешения в каждом отдельном случае» [1. Спр. 853, л. 48, 53/ад].

Ад самага пачатку XX ст. колькасць няўгодных уладам прэтэндэнтаў з высалкай на розныя тэрміны «в места не столь отдалённые» – Гродзенскі Францысканскі манастыр – у асяродку духавенства не змяншалася. Так, у 1901–1902 гг. там апынуліся (з пада-

чы Міністэрства ўнутраных справаў Гродзенскай губерні) наступныя святары Віленскай дыяцэзіі: Яўхім Рачкоўскі, пробашч Задзеўскага касцёла, «изобличённого в неуважении к Царским дням и в несовершении в оные торжественных богослужений...», – тэрмінам на год; Казімір Кляпацкі, вікары Святадухаўскага касцёла ў Вільні, «за проявление антиправительственного направления, срокам на два года с тем, чтобы после освобождения он не был назначен на настоятельские должности»; кс. Іосіп Жэра, «срокам на один год за антиправительственную агитацию»; Баляслаў Мачульскі, пробашч Карыцынскага касцёла, Сакольскага уезда, «за распространение среди населения запрещённых польских книг»; Іосіп Юхневіч, вікарны Карыцынскага касцёла «срокам на один год за произнесение нецензурной проповеди» і іншыя.

Нагадаем, што да нецэнзурных адносіліся такія казанні, якія не былі ўзгодненыя і зацверджаныя свецкімі ўладамі. У лісце міністру ўнутраных справаў ад 30 травеня 1902 г. гродзенскі губернатар пісаў: «После заключения в манастыр бывшего настоятеля Мочульскаго, викарий этой церкви кс. Юхневич 7 апреля произнёс проповедь, в которой говорил о притеснении будто бы р.-к. веры в России. Жертвами несправедливых гонений, по словам ксендза, явились такие доблестные поборники католицизма, как епископ Зверович и кс. Мочульский, крепко стоявшие за свою веру и не допускавшие обучение юношества на русском языке, чтобы не погибла католическая религия. Через это католики лишились двух своих свентых. Такой проповедью, произнесённой со слезами на глазах, кс. Юхневич произвёл сильное впечатление на собравшийся в костёле народ и ещё более обострил среди католическаго населения враждебные чувства к православным» [1. Спр. 809, л. 14].

Справа з нецэнзурным казаннем у Карыцынскім касцёле атрымала цікавы паварот: кс. Юхневіч неўзабаве даслаў на імя губернатара ліст наступнага зместу: «Получив от Вашего Превосходительства проходное свидетельство на свободное, без конвоя следование в Гродненский Францисканский монастырь, я очень изумился. Как верный сын церкви, я честно несу долг своей службы, заботясь о нравственности и религиозности народа. В поступках своих не вижу ничего противнаго государственным законам и распоряжениям, поэтому то и не понимаю, за что возложено на меня взыскание? Разнаго рода преступники, люди безсовестные, вредные человечеству и общественному порядку несут заслуженное наказание. Но им предоставлено право защищаться и право дать доказательства в своё

оправдание. Я лишён возможности защищаться и не знаю, в чём заключается моя вина? А потому, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство указать мне, в чём я провинился и за что наказан? Не откажите, Ваше Превосходительство в том, в чём не отказывают даже преступникам» [1. Спр. 809, л. 26].

Замест губернатарскага адказу ў справе кс. Юхневіча знаходзім рапарт начальніка губернскай жандармскай управы на імя губернатара ў тым, што: «...Мною командированы два унтер-офицера Управления для сопровождения кс. Юхневича из м. Корицин в Гродно, в Гродненский Францисканский монастырь» [1. Спр. 809, л. 27]. Такім чынам, відаць, губернатар адрэгаваў на ліст кс. Юхневіча, у прыватнасці на заўвагу «свабоднага, без канвоя следования».

Рымска-каталіцкае духавенства для царскіх уладаў было больш небяспечным, чым крымінальнікі і розныя злачынцы, прынамсі, той пільны нагляд з боку сілавых структураў, штомесячныя рапарты уездных паліцмэйстараў і спраўнікаў, да прыкладу: «честь имею донести Вашему Превосходительству, что в минувшем месяце в вверенном мне уезде за р.-к. духовенством и населением ничего предосудительного замечено не было» сведчыць пра гэта. За кожным ксяндзом быў устаноўлены нагляд, кантралявалася кожнае слова, кожны крок. У гэтым сэнсе характэрны былі данясенні, кшталту: «Честь имею донести Вашему Сиятельству, что настоятель Песковскаго р.-к. костёла вверенного мне уезда (Волковысский) кс. Антоний Остилович отлучался без разрешения в г. Вильно и был в отсутствии с 26 по 30 марта с.г.» (ліст ад 17.04.1902 г.) [1. Спр. 811, л. 28]. Каталіцкае духавенства маглі абвінаваціць ва ўсім, што дытычыла непаслухмянасці, абыякавасці і супрацьдзеяння мерапрыемствам свецкіх уладаў і, увогуле, царскай палітыцы. Пад стражайшай забаронай заставаліся хросныя хады, празелатызм у рымска-каталіцкай царкве, сакраменты хрышчэння і змешаных шлюбаў з пераходам у неправаслаўную веру. Віленскаму рымска-каталіцкаму біскупу кс. Сцяпану Аляксандру Звяровічу прыходзілася неаднойчы выступаць у абарону сваіх падначаленых перад Гродзенскім губернатарам, аргументуючы беспадстаўнасць іх абвінавачвання ў «шкоднай дзейнасці». Так, з нагоды абвінавачвання ксяндза Сідранскага касцёла, Сакольскага уезда Снежка-Блоцкага біскуп ад 22 студзеня 1902 г. пісаў: «...1) кс. препятствует смешанным бракам между православными и католиками, но ведь каждый верный своему призванию ксёндз должен это делать. Немыслимо, чтобы кс. равнодушно смотрел, как члены вверенной ему

паствы не соблюдают устава своей церкви; в противном случае каждый человек, даже не католик, мог бы отнестись к подобному ксендзу с презрением, как к настырно отступающему от своего церковного устава, 2) кс. рекомендует девицам католикам, выходящим за православных, лучше иметь 10 детей незаконнорождённых, обещая отпустить им грех – факт, который сам ксёндз отрицает, 3) кс. советовал детям католиков учиться лучше в корчме (так гласит обвинение), чем у православного учителя, что указывает на презрение кс. к русской школе. Однако он хлопочет о том, чтобы в школу завезли новые письменный стол и стул и жертвует на это собственные средства 10 р., пишет заявление о назначении его законоучителем этой школы» [1. Спр. 811, л. 11].

Між іншым адзначым, што згаданыя святары Язэп (Іосіп) Юхневіч, Антон Шымялюнас і Антон Салатынскі паводле спісу «Сведения о национальном составе прихожан и причтов в римско-католических приходах и их ксендзах» былі запісаныя беларусамі.

Спіс літаратуры

1. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь у Гродна. – Ф. 1. – В. 18. – Спр. 809.
2. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. – В.18. – Спр. 811.
3. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. – В.18. – Спр. 853.
4. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. – В.18. – Спр. 854.

Сяргей Марозаў

ВІЛЬНЮС – ГРОДНА: ГІСТОРЫЯ Ў НАЗВАХ ВУЛІЦ

Гісторыю любога горада можна прачытаць па назвах яго вуліц. Яшчэ больш пра мінулае горада распавядуць змены яго урбанімікі. Назвы вуліц і плошчаў – гэта не толькі тапанімічная праблема, гэта і пласт культуры, і палітычная кан’юктура, і гістарычная памяць нацыі.

Мне даводзілася неаднаразова бываць у Кракаве, Варшаве, Вільні. Шпацыруючы па цэнтры гэтых гарадоў, атрымліваеш тыповую візуальную карціну старажытнага цэнтральна-ўсходнееўрапейскага горада. Тыя ж карані і той жа гістарычны тып мае візуальны рад і ў гістарычным цэнтры Гродна, праўда, не ў такіх маштабах і без такой шыкоўнай пампезнасці. Але тут пачуццё нейкае іншае. Доўгі час не мог зразумець, чаму адчуваю гэтую розніцу.

Урэшце ўцяміў – праблема ў назвах вуліц. Вуліцы Дамініканская, Замкавая, напрыклад, ёсць у цэнтры хіба што ўсіх названых вышэй гарадоў. Але ў Вільнюсе далей ідуць вуліцы Свідрыгайлы, Гедыміна, Ягайлы, Баторыя, Жыгімонта, Каліноўскага, Урублеўскага і т.п., а ў Гродна – Савецкая, Леніна, Кастрычніцкая, Чырвонаармейская, Будзёнага, Карла Маркса, 1 Мая і т.п.

У 2009 г. пры падтрымцы нямецкага фонда «Памяць, адказнасць, будучыня» і Інстытута прыкладной гісторыі пры Еўрапейскім універсітэце Віадрына (Франкфурт-на-Одэры, Германія) было праведзена кампаратыўнае даследаванне назваў вуліц Мінска, Кіева і Вільнюса. Вынікам стала прызнанне, што Мінск больш за іншых захаваў адбітак савецкасці [1].

Гродна няшмат адрозніваецца ад Мінска ў гэтым сэнсе. Возьмем цэнтр нашага горада. Тут каля 25 вуліц. 16 з іх маюць назвы, якія адлюстроўваюць храналагічна найменшы (1939–1986 гг.) у параўнанні з папярэднімі перыядамі савецкі адрэзак часу. Пры гэтым добрая частка назваў увекавечвае імёны гістарычных дзеячаў, якія непасрэдна да Гродна ніякіх адносінаў не маюць (напрыклад, Леніна, Кірава, Тэльмана, Будзёнага і т.п.). Шэсць назваў утрымліваюць у сабе геаграфічную арыентацыю або адсылаюць да мясцовых аб’ектаў (напрыклад, Віленская, Замкавая). І толькі назвы трох вуліц маюць адносіны да ўласна беларускай мінуўшчыны: Давыда Гарадзенскага, Стэфана Баторыя, Элізы Ажэшкі, а постаці, якія тапаніміка ўшаноўвае, пакінулі значны след у гісторыі нашага горада і краю.

Давайце паглядзім, як выглядае з тапанімічна-гістарычнай рэтраспекцыі цэнтр Вільнюса. Ён стракаціць вялікай колькасцю малых вулачак, даўжынёй часам па 50–100 метраў. Таму на прыкладна аднолькавай з Гродна тэрыторыі ў Вільнюсе змяшчаецца ўдвая болей вуліц – каля 50. Пры гэтым постаці і падзеі літоўскай нацыянальнай гісторыі і культуры ўвекавечваюць больш за 20 назваў (напрыклад, вуліцы Смятона, Басанавічуса, Кудзіркі, 16 лютага і т.п.). Да мясцовых аб’ектаў і геаграфічных паказальнікаў маюць адносіны 17 назваў вуліц (напрыклад, Арсенальная, Вежавая, Тэатральная, Маставая і т.п.). Пяць вуліц маюць абстрактныя назвы (напрыклад, Вялікая, Літаратурная). Асобную групу складаюць рэлігійныя назвы, у тым ліку ў гонар святых (напрыклад, вуліцы Дамініканская, Францысканская, Святога Ігната, Святога Мікалая).

Такім чынам, паводле урбанімікі цэнтр Гродна – больш чым на 60 % савецкі і на 10 % – нацыянальна-беларускі. Цэнтр Вільню-

са – на 40 % нацыянальна-літоўскі і на 0 % – савецкі. Я не цікавіўся спецыяльна пытаннем эвалюцыі вільнюскай тапанімікі – можа ў горадзе і захаваліся нейкія назвы савецкіх часоў. Але такіх, якія ў новых гістарычных рэаліях культывуюць каштоўнасці сацыялістычнай рэвалюцыі і камуністычнай ідэалогіі, дасягненні савецкай улады і постаці яе правадыроў, там адназначна няма, ужо няма.

Звернем увагу на самыя вялікія вуліцы і праспекты гэтых гарадоў.

У Гродна да такіх можна аднесці вуліцы Суворава, Горкага, Дзяржынскага, Вольгі Соламавай, бульвар Ленінскага камсамола, Кляцкова, Перамогі, Янкі Купалы, Касманаўтаў, Паповіча, Індурская і Азёрская шашы.

Хто ўганараваны ў гэтых назвах? Расійскі палкаводзец – душыцель паўстання 1794 г., на чале якога стаяў ураджэнец Беларусі Тадэвуш Касцюшка; папулярны расійскі пісьменнік памежжа XIX – XX стст., заснавацель сацыялістычнага рэалізму; рэвалюцыянер і савецкі дзяржаўны дзеяч, стваральнік Усерасійскай надзвычайнай камісіі; партыйны наменклатурны дзеяч Гродзеншчыны, ленінскі камсамол. Дзве назвы звязаны з Другой сусветнай вайной (Вольгі Соламавай – арганізатара і кіраўніка камсамольска-маладзёжнага падполля ў Беластоцкай вобласці ў гады Вялікай Айчыннай вайны; вуліца Перамогі), дзве – з пакарэннем космасу (праспект Касманаўтаў, вуліца Паповіча). Яшчэ дзве назвы маюць геаграфічную прывязку і толькі адна непасрэдна звязана з нацыянальнай культурай тытульнага этнасу. Выснова навідавоку: назвы буйнейшых вуліц горада прышчэпліваюць гродзенцам памяць, галоўным чынам, пра постаці расійскай гісторыі і культуры, а таксама пра дзеячаў і дасягненні савецка-партыйнай эпохі. Між тым, паводле слоў гродзенскага мастацтвазнаўцы Віктара Кірэева, імёны «сваіх» князёў і граданачальнікаў на таблiцах з назвамі вуліц «маглі бы стаць турыстычным брэндам і надаць гістарычны каларыт старажытным месцам» Гродна.

У Вільні да вялікіх вуліц і праспектаў можна аднесці наступныя: Міндоўга, Гедыміна, Свідрыгайлы, Баторыя, Касцюшкі, Тэадора Нарбута, Паўстанцаў, Свабоды, Чыгуначную, Дабрачынную, Ліпеньскую, Мінскую і Эйшышскую шашы і шэраг іншых. Зноў лічым: гістарычныя постаці, наўпрост звязаныя з Літвой – 6 назваў. Дзве назвы звязаны з барацьбой і перамогай, але не адсылаюць да Другой сусветнай вайны. Тры назвы даюць арыентацыю на мясцовасці (выезд у напрамку буйных гарадоў), на мясцовыя аб’-

екты (Чыгуначная) і адна носіць абстрактны характар (Дабрачынная). У Вільнюсе больш, чым у Гродна, назваў накшталт вуліца Зорак, вуліца Ветра і т.п. Ствараецца ўражанне, што літоўцы, як магуць, пазбягаюць бягучай палітычнай кан'юнктуры ў назвах.

Шматлікія з ранейшых назваў, ад якіх адмовіліся ў савецкую эпоху, мелі больш глыбокі сэнс і прывязку да канкрэтнай вуліцы, чым назвы больш позднія, абстрактныя, паўтораныя ў кожным горадзе, кшталту Савецкая або Чырвонаармейцаў. Так, вуліца Маладзёжная раней была Брыгідскім, Паштовым завулкам, праспект Касманаўтаў – Смаленскім, Лідскім і Скідальскім трактам, Парыжскай камуны – Бэрнардынскай вуліцай, Савецкая – Дамініканскай, Саборнай вуліцай. Суворава была вуліцай Беластоцкай, Савецкіх памежнікаў – Ласасянскай, 1 Мая – Кірхавай, Сацыялістычная – Паштовай, Банкавай.

Між іншым, Сацыялістычную вуліцу ў 1994 г. фармальна перайначылі на вуліцу Вітаўта, аднак пазней на гэта перайменаванне быў накладзены мараторый. В. Кірэеў з гэтай нагоды казаў, што «прапанова з імем вялікага князя была вельмі ўдалай. Імя напрамую звязана з гісторыяй нашага горада. Акрамя таго, ... у нас ёсць прыватная ўласнасць, прыватныя банкі, магазіны, заводы. Навошта нам вуліца з назвай Сацыялістычная?» [2]

Перайменаванне вуліц не абыйшлося без недарэчнасцяў. Амаль 20 гадоў у Гродна існавала вуліца імя нікому невядомага П. Ліпеня. Яшчэ ў 1940 г. яе назвалі Вуліцай 11 ліпеня ў памяць вызвалення Мінска ў 1920 г. ад белапалякаў і паўторнага абвяшчэння БССР. У пачатку 90-х ўсе назвы вырашылі перапісаць на рускую мову. Чалавек, які займаўся перакладам, відаць, не ведаў беларускай мовы. У лічбе «11» ён убачыў літару «П». Гэты тапанімічны нават вор існаваў да 2009 г. [3]

Гродзенцы няшмат ведаюць старых назваў гарадскіх вуліц. Некалькі год таму на даваенным будынку, што стаіць на скрыжаванні вуліц Прыгараднай і Белуша, абвалілася тынкоўка і агалілася назва часоў нямецкай акупацыі. Па вуліцы Бялінскага быў аналагічны выпадак [4]. Аднак замест таго, каб захаваць гэту, няхай і сумную старонку гісторыі горада, назвы хутка проста замалявалі. А чаму не выкарыстаць досвед некаторых польскіх гарадоў і не павесіць табліцы з усімі назвамі, якія раней насіла вуліца.

Аднак у гарвыканкамах Гродна, Мінска і іншых беларускіх гарадоў спасылаюцца на тое, што ніводнае перайменаванне не

абыйдзецца без фінансавай нагрузкі на дзяржаўныя ўстановы, якія стануць закладнікамі такіх змен. Таму перайменаванне вуліц фактычна становіцца немагчымым, асабліва калі ініцыятыва зыходзіць ад гісторыкаў, краязнаўцаў і простых людзей, не абыякавых да свайго гораду. Так, у 2000 г. гродзенскі гісторык Вячаслаў Швед звяртаўся да ўладаў з прапановай перайменаваць вуліцу Спартыўную ў вуліцу Юзэфа Ядкоўскага – заснавальніка першага гістарычнага музея ў Гродна. Аднак далей размоваў справа не пайшла, бо паўстала фінансавая праблема [5].

У 2010 г. было сабрана больш за 7 тысячаў подпісаў, каб назваць імем Васіля Быкава вуліцу ў Гродна. Аднак пытанне нават не разглядалася на пасяджэнні тапанімічнай камісіі [6]. У Мінску было сабрана больш за 100 тысячаў подпісаў [7], але ў Мінгарвыканкаме паведамілі, што вуліца імя В. Быкава з’явіцца ў Мінску ў 2030 г. [8].

Але з ініцыятывы ўладаў назва можа быць зменена без парады з насельніцтвам. Хоць звычайна спасылаюцца на фінансавыя праблемы і вялізную працу з дакументацыяй, калі адбываюцца такія змены. Для прыкладу – перайменаванне праспектаў Машэрава і Скарыны ў Мінску ў 2004 г. на праспекты Перамогі і Незалежнасці [9].

Нядаўна з’явілася інфармацыя, што гродзенцы могуць удзельнічаць у выбранні назваў новым вуліцам. Зараз актыўна забудоўваюцца новыя раёны горада: Паўднёвы, Фабрычны, Вішнявец, Зарыца, Баранавічы. Толькі ў Зарыцы і Баранавічах з’явіцца больш за 50 вуліц, якім трэба даць назвы. Гродзенскае агенцтва па дзяржаўнай рэгістрацыі і зямельнаму кадастру раіць даваць прыгожыя і гучныя назвы, звязаныя з гісторыяй горада і блізкімі да новых мікрараёнаў вёскамі. Для Баранавічаў, напрыклад, прапаноўваюцца наступныя варыянты назваў: Незабудкавая, Піражковая, Пчалiная, Чайная [10].

Не ўсё так проста з гарадской тапанімікай і ў Літве. Там кампактнымі групамі жыве шмат палякаў, якія, як правіла, лічаць займаемую тэрыторыю сваёй. Яны выцясняюць з яе іншыя канфесіі, будуюць касцёлы, польскія школы, бібліятэкі, вешаюць шыльды з польскамоўнымі назвамі вуліц, а часам нават не ў польскім напісанні, а папросту іншая назва. Для прыкладу, праспект Гедыміна ў цэнтры Вільнюса яны паміж сабой называюць праспектам Міцкевіча [11]. Літоўцы вымушаны змагацца на заканадаўчай аснове праз суды, каб прадстаўнікі польскай меншасці паважалі культуру, мову і законы краіны, у якой жывуць [12].

Назвы павінны выхоўваць нацыянальную свядомасць і фарміраваць нацыянальна-арыентаваную гістарычную памяць. З другога боку, большасць назваў існуюць на жыцці некалькіх пакаленняў людзей, якія да іх прывыклі. Да таго ж змену назваў суправаджаюць вялікія фінансавыя і дакументальныя праблемы. Звычайныя людзі часта дастаткова балюча рэагуюць на перайменаванне гарадоў, вуліц і т.п., аж да адмовы выкарыстання (часцей у прыватных размовах) новых назваў [13].

Такім чынам, падсумоўваючы, трэба адзначыць дваістасць праблемы урбаніміі. У Гродна, як і ў іншых гарадах Беларусі ў цэлым, цэнтральныя і буйнейшыя вуліцы і плошчы па сваіх назвах нагадваюць хутчэй музей бальшавіцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва, бо найперш ушаноўваюць савецкі перыяд гісторыі працягласцю ў поўстагоддзя, яго дзеячаў і каштоўнасці. Затое амаль выпадаюць іншыя храналагічныя пласты нацыянальнай гісторыі (напрыклад, у дзесяць разоў даўжэйшы перыяд Вялікага княства Літоўскага). У Вільнюсе (і ў Літве ў цэлым) у назвах вуліц і плошчаў найперш ушаноўваюцца падзеі і постаці нацыянальнай гісторыі і культуры.

Пры ўсеагульным выкарыстанні рускай мовы і ў жыцці, і ў афіцыйным справаводстве ў Беларусі нават не стаіць пытанне, на якой мове называць вуліцы і пісаць назвы на шыльдах. У Літве ж, асабліва ва ўсходняй частцы краіны, фактычна ідзе вострая барацьба за мову назваў і за самі назвы.

Список литературы

1. http://naviny.by/rubrics/society/2009/11/27/ic_articles_116_165638/
2. http://www.vgr.by/home/history/6164-hotjat-pereimenovat-ulicy.
3. http://www.vgr.by/home/history/6164-hotjat-pereimenovat-ulicy.
4. http://s13.ru/archives/10392.
5. http://bdg.by/news/news.htm?1609,5.
6. http://www.ale.by/news/3269.
7. http://ale.by/news/7832.
8. http://news.date.bs/society_169804.html.
9. http://www.belgazeta.by/20050516.19/320070142/.
10. http://vgrodno.by/grodnency-mogut-uchastvovat-v-nazvanii-ulic.
11. http://www.vilnius.skynet.lt/ulicy_vilniusa.html.
12. http://www.kurier.lt/?r=100000&n=9153.
13. http://librus11.ilive.ro/aleksandr_florja_russkaja_stilistika– slovoobrazovanie_leksikologija_semantika_frazeologija_55877.html.

Станіслаў Сільвановіч

ГІСТОРЫЯ МАЁНТКАЎ ЛУННА, ВОЛЯ І ЛЁСЫ ІХ УЛАДАЛЬНІКАЎ

Маёнткі на тэрыторыі Беларусі адносяцца да таго роду спадчыны, якая на працягу дзесяцігоддзяў насіла негатыўную афарбоўку. Вытокі гэтага патрэбна шукаць як у сялянскім, пераважна антаганістычным, успрыняцці двара беларусамі, так і ў савецкай ідэалогіі, дзе маёнтак выступаў сімвалам эксплуатацыі працоўнага люду, а яго ўладальнік быў найбольш яскравым увасабленнем класавага ворага. Да таго ж двор, нягледзячы на этнічныя карані яго гаспадароў, на працягу апошніх стагоддзяў быў носьбітам пераважна польскай культуры. Працэс ліквідацыі маёнткаў на Беларусі, які ў цэлым адлюстроўваў сусветныя тэндэнцыі эканамічнага развіцця сельскай гаспадаркі, суправаджаўся не толькі падзелам зямлі, але і перадачай жылых і гаспадарчых пабудоў у агульнае карыстанне, расправай з яго ўладальнікамі або рэпрэсіямі ў адносінах да іх. Вынікам стала паступовае разбурэнне будынкаў і поўная адсутнасць нашчадкаў былых памешчыкаў на Беларусі. Разглядаемыя тут маёнткі Лунна і Воля падзялілі лёс тысяч падобных гаспадарак. Іх сядзібы можна аднесці да разраду «страчанай спадчыны», паколькі ніводная з іх фактычна не захавалася. Прычыны гэтага, калі не ўдавацца ў празмерныя падрабязнасці, можна сфармуліраваць коратка: час, падзеі, людзі. Сёння назіраецца паступовае змяненне адносін да маёнтка, прыходзіць усведамленне таго, што ён быў характэрнай для свайго часу формай гаспадарання. Двор быў піянерам у прымяненні новых метадаў вядзення гаспадаркі, выступаў носьбітам своеасаблівай культуры, архітэктуры і традыцый. Яго ўладальнікі часта дасягалі значных вынікаў у розных галінах дзейнасці, прымалі актыўны ўдзел у палітычным жыцці, некаторыя з іх выступалі мецэнатамі і апекунамі мясцовага насельніцтва. Пазнанне гэтага аспекта, несумненна, паслужыць пашырэнню нашых уяўленняў аб мінулым, прычыніцца да разумення складанасці гэтага свету і цікавасці да гісторыі роднага краю, пасадзейнічае выхаванню талерантнасці, гуманістычнага светапогляду, культуры міру.

Складанасць даследавання гісторыі маёнткаў, як і іншых рэгіянальных аб’ектаў, заключаецца ў адсутнасці комплексаў крыніц, якія б дазволілі прасачыць працэс іх развіцця. Таму прадстаўленая тут інфармацыя не пазбаўлена пэўнай фрагментарнасці і адлюст-

роўвае сучасны стан ведаў аўтара, сфарміраваны на аснове аналіза выяўленай літаратуры і архіўных дакументаў, з яўным акцэнтам на радаводзе ўладальнікаў.

Узнікненне маёнтка Лунна адносіцца да пач. XVI ст., калі князь Канстанцін Крашынскі, які страціў свае ўладанні на Смаленшчыне ў час вайны з Масквой, атрымаў у 1505 г. у якасці кампенсацыі ад вялікага князя Літоўскага Аляксандра Казіміравіча двор Дубна над Нёманам, а на пустках у перыяд з 1505 па 1513 гг. пабудаваў дварэц Лунна, вядомы таксама як двор Лунна-Чарлёна. Адну дачку ён выдаў за маршалка і пісара, дзяржаўцу мельніцкага, паравольскага і дорсунізкага Капця Васільевіча, другую – за дзяржаўцу вруцкага Міхаіла Міхайлавіча Халецкага, а трэцюю дачку Ганну выдаў замуж за Янухну Багданавіча Сапегу. Лунна-Чарлёна дасталася Ганне ў якасці пасагу [1, с. 246]. Бацькі пры гэтым захавалі сабе права да смерці супольнага валодання дваром з дачкой і зяцем. Пасля смерці мужа і зяцёў Ганне Крашынскай (жонцы Крашынскага), яе дачкам з дзяцьмі цяжка было спраўляцца з суседзямі – Паўлам, біскупам луцкім і брэсцкім, уладальнікам Воўпы і Мікалаем Юр’евічам Пацэвічам, падкаморым і лоўчым, уладаром камянецкім. Жадаючы абараніцца ад іх свавольніцтва, яна аддаецца пад апеку каралевы Боны і завяшчае ёй пасля смерці свае землі двара Дубна. Па даручэнню каралевы Боны ў 1531 г. Ежы Зэляпуха над р. Луннай закладвае мястэчка, чым выклікае незадавальненне Сапегаў, якія скардзяцца, што «ён на ўласна іх грунце лунненскага двара» мястэчка залажыў. Бона для разгляду гэтай справы вызначыла камісію ў складзе Мацея Вайцехавіча Клачко, князя Сямёна Багданавіча Адыньцэвіча і гаспадарскага двараніна Васіля Трызны. Камісія вызначыла сталыя межы спадчыннага маёнтка Сапегаў Лунна-Чарлёна. Прысуд камісіі быў зацверджаны 6 сакавіка 1532 г. Мястэчка Лунна засталося ў каралевы, становіцца каралеўскімі ўладаннямі і ўваходзіць у Гродзенскае староства. За маёнткам Сапегаў, з якога з цягам часу вылучаецца Чарлёна і становіцца самастойным дваром, паступова замацоўваецца назва Воля. У 1588 г. землі староства сталі «землямі сталовымі», даход з якіх быў прызначаны для ўтрымання караля Рэчы Паспалітай [2, с. 4]. 7 лютага 1589 г. кароль здаў у арэнду мястэчка Лунна разам з вёскамі Марцінаўцы і Петрашоўцы Мікалаю Сапегу [3, с. 120]. Па некаторых дадзеных, Сапегі іх арэндавалі па 1680 г.

20 снежня 1602 г. Мікалай Сапега пісаў да Льва Сапегі: «У Гродна ў цяперашні час небяспечна (у сувязі з эпідэміяй), а там

назначана правядзенне сейміка, таму я выбраў прыгажэйшае месца і зусім небяспечнае ў маіх арэндных уладаннях мястэчка Лунна для правядзення сейміка ў адпаведнасці з універсалам 3 лістапада» [4, с. 48].

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай землі Гродзенскай эканоміі («землі сталовыя») сталі прадавацца ў прыватныя рукі. Лунненскі ключ (адміністрацыйная адзінка эканоміі) у складзе маёнтка Лунна з вёскамі Стральцы, Жылічы, Камянчаны, Гледавічы, Шчарбавічы 12 лістапада 1795 г. быў падараваны сапраўднаму стацкаму саветніку графу Мікалаю Аляксандравічу Самойлаву [4, с. 59]. Але ён чамусьці не з’явіўся. Уладальнікам стаў граф Міхал Валіцкі. У 1821 г. маёнтак быў куплены Чахоўскім. Згодна з другімі дадзенымі, маёнтак стаў належаць Чахоўскім у выніку жаніцьбы суддзі Яна Чахоўскага з Верай Валіцкай. Ян Чахоўскі памёр ў 1823 г., а Вера Чахоўская ў 1857 г. У 1833 г. маёнтак выстаўляўся на продаж, прыносіў даход 43 000 злотых, але, напэўна, не быў прададзены [2, с. 4].

Прыкладна ў гэты час (у 1837 г.) Гродзенскі губернатар так характарызаваў мясцовых памешчыкаў: «...яны усе наогул дамавітыя, сельскай гаспадаркай займаюцца з разлікам і руплівасцю, рэдка і на кароткі час пакідаюць свае маёнткі, толькі калі справы паклічуць іх у павятовыя або губернскі гарады. ... Заўважаецца, аднак, у дварах з дастаткам схільнасць траціць лішкі даходаў, якія зберагаюцца ашчадным сельскім жыццём, на замежныя падарожжы» [5, л. 278].

Пасля сялянскай рэформы 1861 г., на момант складання Устаўной граматы ў 1862 г., маёнтак належаў спадкаемцам Аляксандра Чахоўскага, сына Яна. Аляксандр Чахоўскі памёр у лютым 1858 г. Яго спадкаемцамі сталі дачкі Аляксандра Паліксена (Праткоўская па мужу), Эмілія Люцыя Марыя і Актавія Эўфрозіна Юзэфа. Апекуном быў князь Станіслаў Святаполк Чатвертыньскі. Удава – Валерыя Аляксандраўна Чахоўская [6, с. 676]. Некалькі раней у Аляксандра і Валерыі памерла яшчэ адна дачка – Ядвіга.

У час газіфікацыі лунненскага касцёла ў 2005 г. выпадкова быў праламаны склеп ля помніка Аляксандру Чахоўскаму. У склепе знаходзіліся тры труны: адна металічная вялікая, другая драўляная невялікая і трэцяя драўляная, напаўразбураная. Дзве першыя захаваліся вельмі добра. Хто у іх пахаваны, сказаць цяжка, але лагічна будзе лічыць, што Аляксандр Чахоўскі, бо яго імя на помніку, і больш позні пахаванні, бо на помніку аб іх нічога не згадваецца. Калі б гэта былі ранейшыя пахаванні, то на помніку штосьці павінна было б быць. Хіба толькі якія адзнакі не захаваліся да нашых дзён.

Адносіны памешчыкаў з сялянамі складваліся па-рознаму. У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Гродна захаваліся дакументы, якія сведчаць аб іх абвастрэнні пасля адмены прыгоннага права. Сяляне Чахоўскай летам 1862 г. адмовіліся выконваць гвалты, матывуючы гэта тым, што міравы пасрэднік Я. Каменьскі (уладальнік суседняга маёнтка Мінявічы) у маі аб'явіў ім, што гвалтаў у цякучым годзе адбываць не патрэбна, а толькі паншчыну. А летам сказаў, што трэба. І калі сяляне адмовіліся, налажыў на іх грашовы штраф, а таксама дабіўся вызначэння на пастой у в. Камянчаны і Стральцы роту Стараінгерманландскага Князя Меншыкава палка. Пасля адмовы сялян дастаўляць харчы і вінную порцыю салдатам, станавы прыстаў загадаў рэзаць рабочую жывёлу, што кожны дзень і рабілася. Цераз два тыдні экзэкуцыя была адменена – сяляне папрасілі прабачэння за тое, што не хацелі павінавацца. А ў снежні яны адмовіліся падпісваць устаўныя граматы. Той жа міравы пасрэднік Каменьскі звяртаўся да ваеннага губернатара г. Гродна і Гродзенскага грамадзянскага губернатара, каб яны спынілі непаслушэнства сялян энергічнымі мерамі, бо іх захаванне будзе шкодна ўплываць на іншых і яму цяжка будзе дабіцца падпісання грамат [7, л. 7–15]. Гэты эпізод цікавы не толькі з пункту гледжання адносін паміж сялянамі і памешчыкамі, але і тым, што адбываўся напярэдадні паўстання 1863–1864 гг. Ян Каменьскі ў час канфлікту ўжо быў тайным кіраўніком Лунненскай паўстанцкай акругі. Пазней за удзел у паўстанні ў яго канфіскуюць маёнтак і адправяць на катаргу. Для Э. Ажэшка ён стане прататыпам А. Карчыньскага ў рамане «Над Нёманам», чалавека прагрэсіўных поглядаў і заступнікам сялян. У святле прыведзеных вышэй фактаў, сітуацыя выглядае не так адназначна і можна меркаваць, што наўрад ці гэтыя сяляне цераз некалькі месяцаў пацягнуцца ў тыя самыя шарэгі паўстанцаў, дзе будзе Каменьскі.

Невядома, якую пазіцыю ў адносінах да паўстання занялі гаспадары маёнтка Лунна, але ён не быў абкладзены часовым зборам з маёнткаў памешчыкаў польскага паходжання на ўтрыманне сельскіх каравулаў у перыяд з 1 кастрычніка 1863 г. да 1 мая 1864 г. [8, л. 37–39]. Сельскі каравул у Лунна складаўся з дзяржаўных сялян Ваўпянскага і Дубнаўскага вясковых грамадстваў, якія забяспечваліся хлебам з запасных абшчынных магазінаў, а грашовыя сродкі выдзяляліся з харчовага і мірскога капіталаў [8, л.16].

У 1882 годзе ў маёнтку Лунна быў вінакурны і цагельны заводы, якія арандаваў Ізраіль Раймес. У год на вінакурным заводзе

было выпушчана 5000 вёдраў спірту на сумму 3000 руб., працавала 5 рабочых і 1 майстар. На цагельным заводзе працавалі – 1 пячнік, 2 рабочых, 1 майстар, за год было выпушчана 100 000 цэглы на суму 1000 руб. [9, л. 11–13].

Юзэфа Чахоўская гербу «Окша» выйшла замуж за Эдварда Матэуша Ромэра, які стаў уладальнікам маёнтка [10, с. 635].

Род Ромэраў, згодна падання, выводзіўся ад рымскага консула Юстуса Севярынаса, які ў 983 г. вымушаны быў пакінуць Рым і асеў у Германіі, дзе атрымаў прозвішча «Römer» – «Рымлянін». Яго нашчадкі жылі ў Саксоніі, а Бэрэнд Ромэр у 1223 г. са світай князя Альберта Саксонскага прыбыў у Інфлянты і стаў рыцарам ордэна. Калі Польшча ў 1630 г. вымушана была аддаць Інфлянты Швецыі, Стэфан Ромэр перасяліўся на Літву, бо як пісаў яго сын Матэуш «лічыў лепш ўсё страціць, а вернасць Рэчы Паспалітай захаваць». Сыны і ўнукі Стэфана служылі польскім каралям у войску і, жывучы сярод палякаў, сталі палякамі [11, с. 16]. Бацька будучага ўладальніка Лунна – Эдвард Ян Ромэр быў звязаны з польскім незалежніцкім рухам і ў 1833 г. паўгода правёў у турме па справе эмісара Заліўскага (спрабаваў выклікаць новае паўстанне, прайшоўшы з атрадам з Галіцыі да Каралеўства Польскага). У 1838 г. Э.Я. Ромэра зноў судзілі. На гэты раз за сувязь з дзейнасцю Шымона Канарскага (стварыў канспіратыўную сетку для арганізацыі новага паўстання). Э.Я. Ромэр быў адпраўлены ў турму, а пазней 13 гадоў быў у ссылцы ў Волагдзе і Вялікім Усцюгу. Разам з ім у ссылцы была яго жонка Зоф'я з Белазораў [12, с. 289–290]. У Волагдзе ў іх нарадзіўся сын – будучы ўладальнік Лунна – Эдвард Матэуш Ромэр, які памёр 22 лістапада 1900 года ў Лунна. Пахаваны ў Троках. Э.М. Ромэр быў мастаком, так як і яго бацька і дзед. Мастацтву вучыўся ў К. Русецкага, свайго бацькі – Эдварда Яна (вучня Падалінскага і Рустэма), Я. Зянкевіча. Пасля заканчэння гімназіі ў Вільна ў 1867 г. паехаў у Дрэздэн, дзе вучыўся мастацтву да 1869 г., потым запісаўся ў мастацкую школу прафесара Ф. Адама ў Мюнхене. З 1878 г. працаваў пераважна ў Вільна. Быў пад уплывам Макса Герымскага і праф. Брандта. Герымскі высока цаніў яго як пейзажыста. Выставы Э.М. Ромэра праводзіліся ў Мюнхене, Парыжы, Вене, Берліне, Кракаве, Львове і Варшаве. Сярод яго прац патрэбна назваць «Пікет», «Вяртанне з хрысцін», «Задымка», «Хата ў лесе» і інш. Карціны Э.М. Ромэра захоўваліся ў Нацыянальным музеі ў Варшаве («Амазонка»), у Нацыянальным музеі ў Кракаве («На выпасе»), у Мастацкім музеі ў Вільнюсе (7 карцін) і ў музеі ў Каў-

насе. Апошнія тры гады жыцця з-за хваробы Ромэр пражыў у Лунна, працаваў мала [13, с. 289–290].

Ля Лунненскага касцёла захаваліся помнікі дачцы Аляксандра і Валерыі Чахоўскіх Ядвізе, Аляксандру Чахоўскаму. Унутры касцёла знаходзяцца эпітафіі Э.М. Ромэру, Эўстаху Чахоўскаму і інш.

У 1902 г. Э. Ажэшка пісала ў лісце да Канстанціна Скірмунта: «...Лунна – гэта вёска без асаблівай маляўнічасці, але мае прыгожыя палі, лугі, вялікі сад, засаджаны старымі цудоўнымі дрэвамі двор. Ёсць тут асаблівыя акацыі, якіх я ніколі не бачыла ў нашым клімаце, і вялікія векавыя ліпы. Усё гэта, нягледзячы на дождж і халады, калі распагоджваецца, прыносіць мне многа прыемнасці... Што датычыцца людзей, то апрача гаспадароў дому, у якіх мы з Марыняй Абрэмбскай знаходзіліся, ёсць блізкая суседка, уладальніца Лунна, пані Ромэр, яшчэ даволі маладая, мілая і смутная. З ёй склаліся ветлівыя і прыемныя адносіны. Смуткуе, бо амаль два гады таму страціла адразу мужа і падлетка-сына, а другі, малы сын, таксама пад пагрозай сухотаў, ад якіх памёр першы. Сама хворая, адзінокая, лагодная і простая, мае пані Ромэр у сабе штосьці, што самой яе доляй прыцягвае і кранае...» [14, с. 5]. Сын, аб якім гаворыць Ажэшка, называўся Эдвардам, нарадзіўся ў 1881 г., памёр у 1901 г. Дачка Рэгіна (нар. у 1882 г.) выйшла замуж за Міхала Ромэра. Сын Ежы нарадзіўся ў 1896 г. і памёр у 1920 г. Такім чынам, Рэгіна стала спадкаемніцай маёнтка. 18 кастрычніка 1909 г. у Вільні яна выйшла замуж за свайго траюраднага брата Міхала Піўса Пасхаліса Ромэра (1880–1945) [10, с. 635]. Постаць аднаго з найбольш яркіх ідэолагаў *краёўцаў* М. Ромэра настолькі знакамітая ў гісторыі Польшчы, Літвы, ды і Беларусі, што пісаць пра яго тут падрабязна няма сэнсу, гэта заняло б шмат месца, тым больш што да Лунна ён непасрэднага дачынення не меў. Варта адаслаць чытача хоць бы да такіх апошніх прац як праца Алеся Смалянчука «Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864 – люты 1917», Санкт-Пецярбург, 2004, або Збігнева Соляка «Паміж Польшчай і Літвой. Жыццё і дзейнасць Міхала Ромэра 1880–1920» (на польскай мове), Кракаў, 2004.

У сваёй аўтабіяграфіі М. Ромэр піша, што з Рэгінай яны былі даўно знаёмыя па сямейных спатканнях, яна дарыла яго сваім пачуццём з 1903 г. [15, с. 139]. Але сямейнае жыццё у іх не склалася. Першыя непаразуменні з'явіліся ўжо ў час вясельнага падарожжа ў Францыю, якое пачалося ў лістападзе таго ж года. «З Рэгінай у нас ужо ў час вясельнага падарожжа пачалі праяўляцца першыя

разнагалоссі, першыя праблiскi істэрычнай натуры Рэгіны; гэта пачалося ўжо ў гатэлі ў Вене, паўтарылася ў Жэневе, потым у падарожжы з Жэневы ў Люрд і з Люрду ў Парыж. Рэгіна была надутая, халодная і зласлівая ў адносінах да мяне, спрабуючая быць дэманстрацыйна салодкай для другіх падарожнікаў у вагоне, уядлівая да мяне і дэманстрацыйна мной грэбуючая. (...) Такой я яе не ведаў (...) У Парыжы гэтая нязносная зласлівасць і халоднасць паўтарылася яшчэ ў больш жорсткай форме», – пісаў у сваіх успамінах М. Ромэр. Прычынай такіх паводзін жонкі былі «балючыя для яе сенсацыі», якія яна вычытала ў яго дзённіку. Але сапраўдная драма наступіла вясной 1910 г., калі аказалася, што Рэгіна цяжарная і адначасова хворая венерычнай хваробай. Пасведчанне доктара Мацяньскага не астаўляла сумнення ў тым, што заразіў яе муж. Муж гэтаму не пярэчыў, даказваў толькі, што сталася гэта несвядома і супраць яго волі. Венерычнай хваробай ён заразіўся ў час вучобы ў Парыжы. Ён лячыўся ў доктара Баляслава Мотца, і той яго заверыў, што ён вылячыўся. Ромэр сцвярджае, што гэтая справа не была таямніцай, але тым не менш паслужыла прычынай для аб'яўлення стану так званай сепарацыі, у якім яны знаходзіліся да 1932 г., пасля чаго атрымалі развод. Сям'я была на старане Рэгіны. 14 (27) ліпеня 1910 г. нарадзілася дачка, якую Рэгіна назвала Цэлінай. Міхалу з ёй бачыцца забараняла. «На жаль, да гэтай пары яе не мог бачыць, хоць люблю яе ўсім сэрцам і больш за ўсё, і хоць у гэты час уласна ў Вільна быў. Але з жонкай мае адносіны разарваны (мы ўжо расталіся), і я павінен быў улічваць яе здароўе, каб яе не дражніць і на разе адмовіцца ад бачання дзіцяці», – пісаў М. Ромэр да Гершыньскага. Аднак і пазней Рэгіна не дазволіла яму бачыць дачку. Толькі аднойчы, папярэджаны Эўгеніюшам Ромэрам, меў магчымасць бачыць яе ў час прагулкі пад апекай служанкі. Пасля таго як Рэгіна ў 1911 г. пакінула Вільна, страціў усякую магчымасць. Вельмі моцна перажываў пазбаўленне бацькоўства [15, с. 140].

У міжваенны час Лунна было ўласнасцю Рэгіны Ромэр. Гэтыя ўладанні разам з фальваркам Жылічы налічвалі 1400 га. Былі ў арэндзе, магчыма ў Марыі Камаровай, якая ў дакуменце выступае уладальніцай. Рэгіна сышлася з секвестарам Крупіньскім. З дачкой Цэлінай у яе былі сапсаваныя адносіны. Станіслава Швед гаварыла, што дачка кінула яе, бо Крупіньскі не быў знатнага паходжання, а магчыма, яшчэ па нейкай прычыне. Так ці інакш, пані Ромэр у лунненскім касцёле на сваю лоджыю па леваму баку не падымалася, стаяла ўнізу. Гаспадарка Ромэраў была ўзорнай.

Відаць, паступова яна яе распрадавала. Хто і калі стварыў двор, невядома. Перад прыходам савецкіх войск у верасні 1939 г. Рэгіна Ромэр і Крупіньскі ўцяклі. Драўляны палац Ромэраў, паводле С. Швед, быў разабраны ў 1940 г. У галоўнай браме стаяла статуя Маці Божай, якую ксёндз Мончка аддаў у Жалудок. Сёння на месцы дома Ромэраў знаходзіцца будынак старой школы, а старая елка нагадвае, дзе быў уваход у двор [16].

Другая частка маёнтка Лунна, якая першапачаткова і была ўласна маёнткам Лунна, з цягам часу пачала называцца Воляй. Як ужо згадвалася вышэй, двор быў пабудаваны князем Канстанцінам Крашынскім і ў якасці пасагу яго дачкі Ганны перайшоў да Янухны Багдановіча Сапегі. Гэтае рашэнне пацвердзіў кароль польскі і вялікі князь Літоўскі Жыгімонт I Стары ў 1515 г. [17, с. 270]. Род Сапегаў вёўся ад вялікакняжацкага пісара ў 1440-я гг. Сямёна Сапігі (Сапегі). Так, як і Крашынскі, Сапегі страцілі свае землі на Смаленшчыне ў выніку войнаў 1500–1503 і 1512–1522 гг. з Маскоўскім княствам. Сыны Сямёна Багдан Сямёнавіч і Іван Сямёнавіч сталі заснавальнікамі адпаведна чарэйска-ружанскай і коданьскай галінаў роду Сапегаў [18, с. 224]. Зяць Крашынскага Янухна быў сынам Багдана. У адрозненне ад свайго брата Івана Багданавіча, якой-небудзь значнай палітычнай або дзяржаўнай кар'еры ён не зрабіў, але быў дастаткова заможным. Памёр каля 1530 г., бо ў дакуменце аб пацвярджэнні правоў княгіні Крашынскай на двор Дубна з Літоўскай метрыкі ад 30 мая 1531 г. Януш Сапега фігуруе як нябожчык [17, с. 249]. Яго спадкаемцамі становяцца сыны Міхал Янушавіч ці Янухнавіч, жанаты на Марыне з Быстрэйскіх, Глеб, Дзмітрый, Сцяпан, а таксама дачкі Тацццяна, якая выйшла замуж за Ждана Словіка, і Настасся, якая была замужам за Гаўрылам Тышкевічам. Паколькі паміж братамі не было згоды, па ініцыятыве Глеба ў 1541 г. маёнткі Лунна, Свіслач і Вайкелішкі былі падзелены на шэсць роўных частак. Частку чарлёнскіх людзей маёнтка Лунна адабрала на карысць свайго двара Дубна каралева Бона. На працягу 40–50-х гадоў XVI ст. Чарлёна паступова вылучаецца ў асобны двор. Гэты працэс суправаджаўся судовымі спрэчкамі і ўзаемнымі нападамі братоў і сваякоў адзін на аднаго. У 1552 г. Андрэй Мацкевіч скардзіцца ад імя маці і айчыма – Сцяпана Сапегі на Дзмітрыя, які напаў на іх спадчыну Лунна і забраў лісты. У 1554 г. памірае малодшы з братоў Міхал, і Сцяпан бясправўна займае яго спадчыну. У сувязі з гэтым у яго была судовая справа з Мацвеем Быстрыцкім, каралеўскім каморнікам, родным братам жонкі Міхала Сапегі Ма-

рыны Быстрыцкай, якая памянялася з братам завешчанай ёй часткай маёнтка Лунна на іншы маёнтак. У 1555 г. Мацвей Быстрыцкі напаў на чарлёнскія валоданні Сапегаў. У 1556 г. ужо Дзмітрый і Сцяпан Сапегі са швагрмі Жданам Словікам і Гаўрылам Тышкевічам, а таксама служылымі людзьмі і падданымі ў колькасці каля 300 чалавек нападаюць на ўладанні Чарлёна Быстрыцкага і рабуюць іх. Пасланыя ў двор Сапегаў гаспадарскі дваранін Ян Васільевіч Клікоўскі, судовыя выканаўцы і служылыя людзі былі абстраляны апошнімі, прычым некалькі чалавек загінула. У 1557 г. за 12 коп. грошай Быстрыцкі адмаўляецца ад сваіх прэтэнзій на Чарлёну. Браты дамаўляюцца аб сумесным валоданні набытымі землямі, але дамоўленасці не прытрымліваюцца. Спрэчкі заканчваюцца тым, што ў час чарговага нападу ў 1560 г. (паводле іншых дадзеных у 1561 г.) людзі Сцяпана па яго загаду забіваюць Дзмітрыя. Кароль Жыгімонт Аўгуст для правядзення следства пасылае гаспадарскага дваранiна Дзмітрыя Фёдаравіча Сапегу. Сцяпан са свайго маёнтка Лунна ўцёк, і следства праводзілася без яго. У час правядзення дазнання былі не толькі апытаны сведкі, але і быў выкапаны труп Дзмітрыя, якога пахавалі ля сцяны царквы ў двары Лунна. Цяжкія раны на целе пацвердзілі словы сведкаў. У хуткім часе Сцяпан памёр. Дзяцей у яго не было, і ён адпісваў трэцюю частку сваіх уладанняў жонцы Багдане Юр'еўне [18, с. 48–53]. Пасля гібелі Дзмітрыя ў 1561 г. стрыечны брат іх бацькі Павел спрачаўся з Глебам за частку Лунна і Чарлёны, якую Глеб самавольна захапіў пасля смерці Дзмітрыя. Павел даказваў, што Дзмітрый яшчэ ў 1558 г. пазычыў у яго 500 коп. літоўскіх грошай і да моманту іх вяртання аддаў Паўлу ў арэнду свае часткі Лунна і Чарлёны [19, с. 131]. Яшчэ ў 1558 г. Глеб Сапега прадаў частку сваіх лунненскіх і чарлёнскіх уладанняў суседнім баярам Радзівонавічам. Удава Сцяпана Сапегі, Багдана Юр'еўна, па першаму мужу – Мацкевіч, адпісала трэцюю частку сваіх уладанняў, у тым ліку і частку Лунна (Волі), свайму сыну ад першага шлюбу, Андрэю Мацкевічу. У 1565 г. Андрэй Мацкевіч прасіў караля ў Парчэве, каб кароль даручыў свайму дваранiну, Барысу Валовічу, пацвердзіць яго правы на стары лунненскі двор, які несправядліва захапіў падляскі ваявода Міхал Сапега, і каб той «пад зарукай» 500 коп. грошай не ўступаў у гэты маёнтак. Мацкевіч баяўся Сапегі і прасіў караля, каб яго маёнтак быў узяты пад апеку кіраўніка суседняга «гаспадарскага» (вялікакняжаскага) двара Воўпа. Кароль на гэта згадзіўся і каралеўскі распарадчык з Воўпы паслаў у Лунна свайго «ўратніка» Матыса Мікалаевіча, але

Міхал Сапега, не зважаючы на каралеўскія «зарукі», наслаў на Лунна тлум людзей пад кіраўніцтвам Каспра Навасельскага з маёнтка Паўла Сапегі ў Чарлёне. Гэты тлум напаў на стары двор (Воля), яго даходы знішчыў і разакраў, сялян забіваў, а некаторых вязаў і дастаўляў у Чарлёну. Двор М. Сапега забраў у сваю маёмасць. Матыс Мікалаевіч ледзьве ўцёк. У 1567 г. адбыўся новы наезд, ранілі людзей, двух сур'ёзна, а целы кінулі ў Нёман [14, с. 5].

Сынам Міхала, Мікалаю і гродзенскаму земскаму суддзі Льву, пасля бацькі і бяздзетных дзядзькаў Глеба, Дзмітрыя і Стэфана дасталіся часткі зямель маёнткаў Лунна (Воля), Чарлёна і Кулёўшчына. Гэта выклікала незадавальненне сваякоў па жаночай лініі, а менавіта Грыгорыя Войны, ваўкавыскага земскага суддзі, які выступаў ад імя дочак, Настассі з Сапегаў Тышкевіч і яе сына Міхала, а таксама трох братоў Словікаў, з якімі абодва браты вымушаны былі судзіцца. Суд прысудзіў Мікалаю і Льву тры часткі маёнткаў Лунна і Чарлёна. Фальваркі Тоўсцікі і Кучыцы былі вылучаны з маёнтка Лунна і прызнаны супрацьлегламу боку. Восенню 1567 г. Мікалай прыслаў са сваіх уладанняў у Лунна ў каралеўскі лагер для радашковіцкай выправы двух конных і аднаго пешага салдата. У той час ён служыў у падканцлера літоўскага Еўстафія Валовіча. Перад 25 студзеня 1574 г. Мікалай стаў каралеўскім дваранінам. 7 студзеня 1581 г. браты падзялілі маёмасць [3, с. 120]. Лунна (Воля) адышла Льву. 21 сакавіка 1586 г. суд у Гродна пацвердзіў іх правы на датыхчасовую маёмасць. Леў, віцебскі войскі, быў малодшым сынам Міхала. 21 жніўня 1593 г. браты зноў падзялілі маёмасць. Леў атрымаў аседлую службу Шчэчыцы, якія належалі да Лунна (Волі) і плошчы з агароднікамі ў Гродна каля замку і над Нёманам. Такім чынам, канчаткова аддзяліліся маёнткі Лунна (Воля) і Чарлёна. Граніцай паміж імі была рака Нёман.

Леў Сапега перайшоў з праваслаўя ў кальвінізм. У завяшчанні, напісаным у Лунна 20 жніўня 1610 г., вёску Мелехава ў Віцебскім ваяводстве ён запісаў кальвінісцкаму збору ў Віцебску і 40 коп. грошай літоўскіх віленскаму збору, выказаў жаданне, каб яго пахавалі ў садзе маёнтка Лунна. Хутка пасля напісання завяшчання памёр. Яго астатнюю волю занеслі 20 верасня 1610 г. у кнігі Літоўскага трыбунала. Леў Сапега быў жанаты на Алене, дачцы мінскага кашталяна Міхаіла Гарабурды. Дзяцей у яго не было. Усю сваю маёмасць завяшчаў сынам брата Мікалая – Яну Дамініку, Мікалаю і Фрыдэрыку, пры ўмове, што яны заплацяць яго жонцы 4 тыс. коп. грошай літоўскіх. Жонцы завяшчаў таксама ўсю рухомую маёмасць [20, с. 83].

31 жніўня 1615 г. браты Ян Дамінік і Фрыдэрык падзялілі маёмасць. Трэці брат Мікалай быў псіхічна хворым. Фрыдэрык атрымаў Чарлёну, а Ян Дамінік стаў гаспадаром Лунна. Акрамя гэтага ён атрымаў маёнткі Сямаскаўшчына, Струга і Кулёўшчына. Памёр пасля 1622 г. На жаль, звестак аб ім у нас няма. Хто стаў наступным уладальнікам Лунна, невядома. У 1645–1647 гг. Лунна сярод іншых зямель выкупіў ад Ізабэлы Трызьніны і Андрэя Войны Павел Сапега гербу «Ліс» (1609–1665), віцебскі, потым віленскі ваявода і вялікі гетман літоўскі. Павел Сапега быў сынам Яна Пятра Сапегі і Соф'і з Вэйгэраў, унукам Паўла Сапегі, які згадваўся вышэй. Павел Сапега быў двойчы жанаты: яго першай жонкай была (шлюб адбыўся ў канцы 1636 г. ці ў пачатку 1637 г.) Соф'я Зеновіч (памерла ў 1639 г.), другой (шлюб адбыўся паміж 15 мая 1640 г. і 22 сакавіка 1641 г.) – Анна Барбара з Копцяў (1627–17.04.1707). З першага шлюбу падобна нарадзіўся сын Міхал (памёр згодна «Генеалогіі» Мыліуса ў 1640 г., а згодна Касакоўскага – у 1646 г.) і дачка Тэадора Аляксандра (1639–05.10.1678), з 1661 г. другая жонка падканцлера літоўскага Аляксандра Нарушэвіча, а з 11 ліпеня 1671 г. жонка Владыслава Тышкевіча, краўчага літоўскага. З Аннай Барбарай Копць Павел Сапега меў сыноў: Казімежа Яна, Бэнэдыкта Паўла, Францішка Стэфана, Леона Базылія і дочак: Катажыну Анну (памерла пасля 1699 г.), з 15 студзеня 1668 г. жонку Аляксандра Міхала Любамірскага, старасты сандэцкага і пераяслаўскага, а потым жонку Яна Ліпскага, старасты сандэцкага, Канстанцыю (11.03.1651–1691), з 1676 г. жонку Іероніма Сангушкі, старасты суражскага, Тэрэзу (1652–13.04.1737), віленскую бернардзінку і Соф'ю (памерла ў красавіку 1694 г.), з 1688 г. жонку Мікалая Грудзінскага, старасты галубскага [21, с. 138].

Ідэалізаваная постаць Паўла Сапегі выступае ў рамане Хэнрыка Сянкевіча «Патоп».

Хто стаў наступным уладальнікам Лунна, зноў жа дакладна невядома, але найбольшай увагі заслугоўвае старэйшы сын Паўла Сапегі Казімеж Ян Павел (часам Ян Казімеж, каля 1642–1720), віленскі ваявода, вялікі гетман літоўскі. Яго хрышчоным бацькам быў сын знакамітага канцлера, потым вялікага гетмана літоўскага Льва Сапегі Казімеж Леон (Леў) (1609–1656), вялікі пісар, потым маршалак надворны, потым літоўскі падканцлер. Жанаты з Тэадорай Крыстынай Тарноўскай (1626–24.10.1652), Казімеж Леон сваіх дзяцей не меў, таму ўсе свае вялікія ўладанні завяшчаў хрышчонаму сыну Казімежу Яну, яго бацьку Паўлу Сапегу і Аляксандру Хілярыю Палубінскаму [22, с. 31].

Калі далей працягваць генеалагічную лінію Казімежа Яна, хоць упэўненасці ў тым, што менавіта ён атрымаў Лунна няма (у Энцыклапедыі гісторыі Беларусі Лунна (Воля) сярод яго уладанняў не значыцца), мы натрапляем на яго ўнука, які быў гаспадаром Лунна. Казімеж Ян быў жанаты тройчы: з Крыстынай Барбарай з Глябовічаў (памерла 11.09.1695 г. у Вільна), з Тэрэзай Гасеўскай і з Антанінай фон Вальдштайн-Арнаў (памерла пасля 1727 г.). Патомства меў толькі з першай жонкай: дачку Катажыну Схалястыку (нар. перад 1674 – памерла 6 ці 8 сакавіка 1720), з 20.04.1687 жонку Стэфана Мікалая Браніцкага і сыноў – Ежы Станіслава, Міхала Францішка і Аляксандра Паўла. Галоўным сваім спадкаемцай Казімеж Ян вызначыў унука Антонія Казімежа, сына Ежы Станіслава. Але ўладальнікам Лунна пазней быў другі ўнук, наймалодшы сын Аляксандра Паўла Міхал Антоні [23, с. 50–51].

Аляксандр Павел (1672–1734) прыкладваў вялікія намаганні, каб выратаваць уладанні Сапегаў, якія захапілі іх праціўнікі пасля бітвы пад Алькенікамі 18 лістапада 1700 г. [24, с. 563]. Яго брат Ежы Станіслаў (1668–1732) вымушаны быў распусціць свае атрады ў літоўскім войску, за выключэннем драгунскай харугвы, на падставе трактату, заключанага паміж Сапегамі і рэспубліканцамі 21 снежня 1698 г. у мясцовасці паміж Лаўна і Пузавічамі, г.зн. на землях, якія прылягалі да маёнткаў Сапегаў Чарлёны і Лунна. Трэці брат Міхал Францішак (1670–1700) сям'і не меў. Яго забіла падбухтораная шляхта, калі ён, пасля бегства з поля бітвы з рэспубліканцамі яго бацькі і братоў, хацеў здацца.

Міхал Антоні Сапега (1711–1760), падканцлер літоўскі з 1752 г. Нарадзіўся ў Каралеўцу, дзе тады знаходзілася значная частка сям'і паспрачаўшыхся з каралём і адсунутых ад дзяржаўных пасад Сапегаў. Быў малодшым сынам Аляксандра Паўла і Марыі Крыстыны Бэтюнэ, братам генерала літоўскай артылерыі Казімежа Леона і біскупа каад'юкатора віленскага Юзэфа Станіслава. Перакладваў на польскую мову Вальтэра. Быў жанаты з Катажынай Людвікай Сапега. Двое іх дзяцей памерлі малымі. З Тэкляй з Радзівілаў (памерла 25.11.1747) і з Аляксандрай з Чартарыйскіх дзяцей не было. У завяшчанні Міхал Антоні распараджаўся Чарлёнай, Лаўна, Лунна, Сямаскаўшчынай, Воляй і г.д. (цяжка сказаць ці пад Лунна і Воляй разумеюцца розныя маёнткі ці адзін і той жа). Паколькі сваіх дзяцей не меў, спадкаемцай Чарлёны, Лаўна і Лунна (Волі) стаў сын брата Казімежа Леона Міхал Ксаверы. Памёр Міхал Антоні ў 1760 г. [25, с. 110].

Сапега Казімеж Леон Караль (1697–1738) 26 жніўня 1727 г. ажаніўся з Каралінай Тэрэзай Піяй з Радзівілаў (19.01.1707–27.04.1765), дачкой вялікага канцлера літоўскага Караля Станіслава Радзівіла. У іх было двое сыноў: Аляксандр Міхал і Міхал Ксаверы і дзве дачкі: Анна Паўліна (22.06.1728–08.02.1800), з 1750 г. жонка браслаўскага ваяводы Яна Ябланоўскага, і Мар'яна (05.01.1732–27.01.1733).

Сапега Міхал Ксаверы (1735–1766), які атрымаў у спадчыну валоданні дзядзькі Міхала Антонія, памёр 24 лістапада 1766 г. у Беластоку. Яго пахавалі ў картузаў у Бярозе. Сваёй сям'і ён не меў, і землі перайшлі да брата Аляксандра Міхала, які стаў наступным уладальнікам Лунна (Волі) [26, с. 115].

Аляксандр Міхал Сапега (1730–1793), полацкі ваявода, літоўскі польны гетман, вялікі канцлер літоўскі, маршалак таргавіцкай канфедэрацыі на Літве. 29 студзеня 1757 г. Аляксандр Міхал ажаніўся з Магдаленай Агнешкай з Любамірскіх. Першы сын Казімеж, які нарадзіўся ў верасні 1757 г., памёр ў жніўні 1758 г. Усяго ў Аляксандра Міхала было пяцёра дзяцей – сын Францішак і чатыры дачкі (якім выдзяліў па 300 тыс. злотых пасагу): Анна Тэафіла (1758–1813), першы раз замужняя за Херонімам Сангушкам, другі раз – за Северынам Патоцкім, Караліна (1759–1814), першы раз замужняя за Тэадорам Патоцкім, другі раз, пасля разводу, – за Станіславам Солтыкам, Мар'яна Катажына (нар. у 1760 г.), замужняя за Янам Салагубам, пасля разводу – за Ігнацым Пузынам, з якім таксама развялася, Амэлія (1762–1835), замужняя за Францішкам Ельскім. 21 ліпеня 1761 г. у Аляксандра Міхала нарадзілася дачка, ні імя, ні лёс якой невядомы. Магчыма, гэта адна з вышэйназваных. Наступным вядомым уладальнікам Волі становіцца сын Аляксандра Міхала Францішак [27, с. 565–568].

Францішак Сапега (28.08.1772–30.05.1829) радзіўся ў Варшаве, вучыўся ў Віленскай галоўнай школе (універсітэце). У 1792 г. увайшоў у кіраўніцтва Таргавіцкай канфедэрацыі, у складзе яе дэлегацыі наведаў Пецярбург. Генерал артылерыі ВКЛ у 1793–1795 гг., шэф карпусоў артылерыі і інжынераў. Удзельнічаў у падрыхтоўцы паўстання 1794 г., яго кіраўнік у Слонімскім і Ваўкавыскім паветах і на ўсходнім Падляшшы. Атрымаў чын генерал-лейтэнанта, камандаваў дывізіяй. Пасля задушэння паўстання прысягнуў Кацярыне II, атрымаў чын тайнага саветніка, быў кіраўніком дваранства Мінскай губерніі. Францішак Сапега быў астатнім з Сапегаў уладальнікам Волі. 4 лютага 1799 г. ён прадае свае ўладанні

Чарлёна, Лаўна, Воля і Сямаскаўшчына за 500 тыс. польскіх злотых князю Францішку Друцка-Любецкаму [18, с. 73]. У «Сведчаннях аб маёнтку Воля» за 1845–1848 гг. ёсць запіс аб тым, што маёнтак знаходзіцца ў вотчынным валоданні Юльяна Кшывіцкага, перайшоў яму ў спадчыну ад бацькі Ксавэрыя Кшывіцкага, а апошні набыў яго ў князя Любецкага ў 1809 г. [28, л. 49 (зв)]. На момант складання «Сведчанняў» у маёнтак уваходзілі фальваркі Воля, Сямаскаўшчына і Віктарын, мястэчка Воля і чатыры вёскі – Залескі, Загараны, Казейкі і Касілы, у якіх налічвалася 58 сялянскіх двароў. Сістэма паляводства ў маёнтку была трохпольнай. Сялянскія двары былі наделены ад няпоўных дзесяці да звыш дзесяці дзесяцін зямлі, ад адной да звыш двух дзесяцін сенакосаў. Сяляне ва ўсіх вёсках павінны былі адбываць прыгонныя дні – цяглыя па тры дні, паўцяглыя па два дні ў тыдзень. Павінны былі адбываць згоны – па 12 дзён у год з рабочай душы, за выключэннем адной душы, якая заставалася ў хаце для нагляду за гаспадаркай. Акрамя гэтага сяляне павінны былі адбываць шарваркі па 12 дзён у год з двара. Яны ж па чарзе неслі начны каравул, павінны былі выдзяляць па два дні пешых у год са двара на выпрацоўку воўны, палатна і сукна, у якасці даніны аддаваць 10 яйкаў, 2 курыцы і адну капу грыбоў у год. Для абагравання хатаў сяляне атрымлівалі лес ад уладальніка, а для пашы жывёл кожнаму адводзілася месца. Праваслаўных сялян налічвалася 330. Яны належалі да Радзівонавіцкага і Ваўпянскага прыходаў. Сялян рыма-каталікаў было 82. Усе належалі да Лунненскай парафіі [28, л. 19, 50 (зв.)]. У канцы XIX ст. маёнтак Воля, разам з фальваркам Сямаскаўшчына і Віктарын, займаў 1037 дзесяцін.

Сям'я Кшывіцкіх паходзіла з Холмшчыны, а ў канцы XVI ст. пасялілася на Літве. Першым уладальнікам Волі і Зельвян быў Ксавэры Кшывіцкі, другі сын Ігнацыя, 1761 г.н., ротмістр Гродзенскага павету, ваўкавыскі земскі суддзя. Ажаніўся на Караліне Дзеконьскай, дачцы Антонія, Літоўскага надворнага падскарбія. Меў з ёй трох сыноў. Юльян Кшывіцкі, сярэдні сын, 1806 г.н., кіраўнік шляхты Гродзенскай губерніі ў 1863–1867 гг., сапраўдны дзяржаўны саветнік, кавалер ордэну св. Анны 1 класа, стаў аўтарам вернападданага ліста цару ад імя шляхты Гродзенскай губерніі. Часы былі вельмі цяжкімі, але многія не маглі прабачыць яму гэтага кроку. (Напрыклад, адным з абвінавачванняў у нелаяльнасці Яна Каменьскага, уладальніка Мінявіч, быў адказ падпісаць гэты ліст цару. І хоць сам Каменьскі гаварыў на следстве, што ён не падпісаў яго з-за хваробы ў той дзень, а пасля падпісаў, гэта гучала малапераканаўча.)

Яго жонкай была Вікторыя з Эйсмантаў (успамінае яе ў сваіх лістах Э. Ажэшка). У іх было дзве дачкі – Юзэфа і Караліна. Ю. Кшывіцкі быў астатнім мужчынай гэтага роду. Юзэфа Памэла Кшывіцка, 27.06.1836 г.н., выйшла замуж за Владыслава Тарасовіча гербу «Кшывда», уладальніка маёнтка Коннай, сына Хероніма, уладальніка маёнтка Гнезна (каля Ваўкавыска) і Ружы з Булгарынаў гербу «Булат». Ён стаў уладальнікам Волі і Зельвян. В. Тарасовіч памёр у 1892 г. Юзэфа Тарасовіч памерла ў 1903 г. Абое пахаваны ў Гнезна. Іх маці, Вікторыя Кшывіцка, перажыла дачку і зяця і Цэцылія з Талочкаў Цешкоўская так пісала аб ёй: «Дзве мілі ад Зельвян быў другі маёнтак Тарасовічаў, Воля, дзе ў вельмі прыгожым, старым доме, з вялікім паркам, жыла бабуля Юлька Тарасовіча, пані Кшывіцка, са сваёй дачкой, удавой, Юзэфай Тарасовіч. Пані Кшывіцка была прасякнутай пачуццём годнасці старой жанчынай. Маленькая, акружаная старэйшай прыслугай, сядзела самотна і не праяўляла таварысцкіх пачуццяў...» [2, с. 5].

Маёнтак Воля дастаўся ў спадчыну сыну Юзэфы, Юльяну Тарасовічу. Яго сястра Мар'я была замужам за Камілем Влодкам гербу «Правдзіц», уладальнікам зямель Кабацкіх у Гродзенскай губерніі. Юльян Тарасовіч памёр у 1911 г., а Мар'я у 1912 г. Абое пахаваны ў Гнезна.

Наступным вядомым уладальнікам Волі быў Эдвард Тарасовіч. Магчыма, гэта сын Юльяна Тарасовіча. Вядома, што яго маці была Ядвіга з Талочкаў Тарасовіч. Нарадзіўся Э. Тарасовіч у 1891 г. Скончыў Сельскагаспадарчую акадэмію ў Дублянах. Ажаніўся з Ядвігай Дзеконьскай. У іх было два сына – Казімеж (1920 г.н.) і Станіслаў (1923 г.н.). Гэтую сям'ю яшчэ памятаюць старэйшыя людзі ў ваколіцы. Гаспадар быў страшным карцёжнікам. Частку маёнтка праіграў у карты. Гэтым давёў жонку да самагубства. Ядвіга Тарасовіч застрэлілася. Пасля прыходу савецкіх войскаў у 1939 г. Эдвард Тарасовіч і яго сын Станіслаў былі арыштаваны ў Вільна. Невядома толькі ці ў 1939 г., ці ў 1940–1941 гг. Па другой версіі ён быў арыштаваны разам з маці Ядвігай. Эдвард Тарасовіч памёр ад дызентэрыі 8 верасня 1941 г. у лагпункце № 47 у Гары лагернага комплексу Севураллаг Свярдлоўскай вобласці Расійскай федэрацыі [29, с. 1054–1055]. Лёс яго маці Ядвігі невядомы. Сын Казімеж быў у польскім войску. У 1939–1941 гг. яму ўдалося уцалець. У гады нямецкай акупацыі жыў у Лунна. Паколькі добра ведаў нямецкую мову, быў войтам. Адначасова ўзначальваў Лунненскі плютон (узвод) польскай падпольнай Арміі Краёвай. «Пляцувка» АК у

Лунна належала да «абводу» «Левы Нёман». У пачатку 1945 г. быў арыштаваны савецкімі органамі бяспекі і адпраўлены ў лагер. У лагеры быў фельчарам. Мясцовая дзяўчына Люцына Швед, якая слала ў лагер пасылкі свайму бацьку, падтрымлівала пасылкамі на працягу знаходжання ў лагеры і Казімежа. Ён прапанаваў ёй у лісце выйсці за яго замуж. Яна доўга не згаджалася, бо была простай дзяўчынай, да таго ж нянька ў дзяцінстве вывіхнула ёй лапатку, і ў яе пачаў развівацца горб. Але потым усё ж паехала да яго. Шлюб узялі ў Кашубінцах каля Скідзеля і зноў паехалі ў глыб СССР. У Польшчу яны выехалі ў 1956 г. Казімеж памёр у Гданьску. У Польшчы жыве іх дачка, якую ў гонар маці Казімежа назвалі Ядвігай. Калі б нарадзіўся сын, так яны загадалі, яго назвалі б у гонар бацькі Люцыны – Ежым. Станіслаў Тарасовіч пасля вайны жыў у Англіі [16]. Хутчэй за ўсё СССР пакінуў разам з арміяй Андэрса, якая, як вядома, фарміравалася з палонных, арыштаваных і высланых у 1939–1941 гг. углыб СССР палякаў і польскіх грамадзян.

Ад былога сядзібава-паркавага комплексу Лунна засталіся рэшткі былога парку і побач з імі, абсаджанае дрэвамі, месца былога ставу. У ставе вырошчвалі рыбу. Стаў утвараўся ў выніку перакрыцця р. Лунянкі плацінай, якая адначасова служыла для прывядзення ў рух вадзянога млына на ўсходняй ускраіне ставу. Млын не захаваўся. На беразе ставу да 2009 г. расло старое дрэва, якое было самым тоўстым у акрузе. У 2009 г. яго спілавалі з-за аварыйнага стану. Па гэтай жа прычыне тады былі спілаваны многія дрэвы былога парку.

Ад былога сядзібава-паркавага комплексу Воля засталася толькі цэнтральная частка сядзібы з паўкруглымі калонамі, якія дасягаюць другога паверху. Палац быў пабудаваны ў 1832 г. у характэрным для XIX ст. стылі класіцызму. Захаваўся малюнак з яго выглядам.

Спіс літаратуры

1. Lietuvos Metrika. Knyga 25 (1387–1578). – Vilnius, 1998.

2. Karpyza, W. Łunna / W. Karpyza. – Машынапіс у калекцыі дакументаў пробашча Лунненскай парафіі ксяндза Люцыяна Радомскага, 1993.

3. Lulewicz, H. Sapieha Mikołaj / H. Lulewicz // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35. – Warszawa – Kraków, 1994.

4. Белозарович, В.А. Лунно. Историко-экономический очерк / В.А. Белозарович // Дипломная работа студента 5 курса ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно, 1992.

5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд 1. – Воп. 19. – Спр. 1556 // Гадавая справаздача Гродзенскага губернатара аб стане даверанай яму губерніі за 1837 г.

6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд 10. – Воп. 17. – С. 606 // Насельніцтва маёнтка Лунна спадкаемцаў памешчыка Аляксандра Іванава Чахоўскага.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд. 1. – Воп. 6. – Спр. 218 // Справа аб адказе сялян Лунненскай воласці ад выканання павіннасцей.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд. 1. – Воп. 22. – Спр. 1384 // Справа аб сельскіх узброеных каравулах па Гродзенскаму павету.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд 14. – Воп. 2. – Спр. 18. – 97 л. // Ведомости и таблицы волосных управлений духовенства и др. со статистическими сбережениями по Гродненскому уезду за 1882г.
10. Kamolowa, D. Romer Edward Mateusz / D. Kamolowa // Polski Słownik Biograficzny. – T. 31. – Wrocław – Łódź, 1988.
11. Romerówna, S. My, z «Romerówki» / S. Romerówna // Magazyn Wileński. – 1990. – № 13–14.
12. Korotyński, W. Edward Romer / W. Korotyński // Tygodnik Ilustrowany. – 1879. – № 176. – T. VII.
13. Uziębło, Ł. Edward Mateusz Romer/ Ł. Uziębło // Tygodnik Ilustrowany. – 1900. – № 13. – T. VII.
14. Karpyza, W. Łunna / W. Karpyza // Głos znad Niemna. – 26.08–01.09.1996.
15. Solak, Z. Między Polską a Litwą. Życie i działalność Michała Romera 1880–1920 / Z. Solak. – Kraków: Wydawnictwo Arcona, 2004.
16. Успаміны Станіславы Швед (1920–2010), запісаныя Сільвановічам С.А. 12.06.2005г.
17. Lietuvos Metrika. Knyga 9 (1511–1518). – Vilnius, 1998.
18. Siemianczuk, H. Czerlona – sapieżańska włość nad Niemnem/ H. Siemianczuk// Czerlona z dziejów rezydencji. – Białystok: Drukarnia Biały Kruk, 2008.
19. Lulewicz, H. Sapieha Paweł / H. Lulewicz // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35. – Warszawa – Kraków, 1994.
20. Lulewicz, H. Sapieha Lew / H. Lulewicz // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35. – Warszawa – Kraków, 1994.
21. Rachuba, A. Sapieha Paweł / Ŕ. Rachuba // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35. – Warszawa – Kraków, 1994.
22. Rachuba, Ŕ. Sapieha Kazimierz Leon (Lew) / A. Rachuba // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35. – Warszawa – Kraków, 1994.
23. Rachuba, A. Sapieha Kazimierz Jan Paweł / A. Rachuba // Polski Słownik Biograficzny. – T. 34. – Warszawa – Kraków, 1994.
24. Rachuba, A. Sapieha Aleksander Paweł / A. Rachuba // Polski Słownik Biograficzny. – T. 34. – Warszawa – Kraków, 1994.
25. Romańczuk, P.P. Sapieha Michał Antoni / P.P. Romańczuk // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35. – Warszawa – Kraków, 1994.
26. Zielińska, Z. Sapieha Michał Ksawery / Z. Zielińska // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35. – Warszawa – Kraków, 1994.
27. Zielińska, Z. Sapieha Aleksander Michał / Z. Zielińska // Polski Słownik Biograficzny. – T. 34. – Warszawa – Kraków, 1994.
28. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Фонд 96. – Воп. 1. – Спр. 597 // Сведчанні аб маёнтку Воля, які знаходзіцца ў Гродзенскім павеце і належыць Юльяну Савельева сына Кшывіцкаму.
29. Jasiewicz, K. Lista strat ziemiaństwa polskiego 1939–1956 / K. Jasiewicz. – Warszawa: Pomost-Alfa, 1995.

Денис Тарасюк

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРОДНЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗООПАРКА ПО СОХРАНЕНИЮ И ПРОПАГАНДЕ ВИДОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ ЖИВОТНЫХ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944 – 1956 гг.)

Первый на современной территории Беларуси зоопарк был открыт в городе Гродно, который с 1920 по 1939 гг. находился в составе Польши. Начало этому положил в 1925 г. учитель биологии мужской гимназии им. А. Мицкевича Иван (Ян) Иосифович Кохановский (1894–1942 гг.). Вначале он создал при поддержке Гродненского общества любителей природы ботанический сад, который в 1928 г. был дополнен зоологическим отделом [9]. Эту дату и принято считать годом открытия зоопарка. Но фактически самостоятельным он стал в 1930 г., когда городской магистрат передал для его нужд заброшенный велотрек, который был приспособлен для содержания животных.

Из-за отсутствия постоянного финансирования за животными ухаживали И.И. Кохановский и его ученики. Благодаря помощи общества друзей природы зоопарк действовал на общественных началах. Но из-за материальных трудностей через несколько лет его пришлось сдать в аренду отставному полковнику М.А. Адамовичу [5]. После установления в Гродно в 1939 г. советской власти зоопарк был национализирован. Опубликованных архивных данных о его деятельности в 40–50-е годы выявить пока не удалось. Имеются только единичные литературные источники [2, 3, 4, 6]. Учитывая это, нами предпринято специальное исследование истории развития зоопарка за послевоенный период (1944–1956 гг.).

В 1939 г. Гродненскому государственному зоопарку были переданы все животные (около 400), помещения и другие материальные ценности [1]. По воспоминаниям местных жителей, обязанности директора исполнял бывший помощник Адамовича Венедикт Куприянович Жиромский (1893–1961 гг.). По свидетельству его родственников, он когда-то окончил сельскохозяйственную школу и очень любил животных. Поэтому при поддержке и помощи И.И. Кохановского по-прежнему продолжал заботиться о них.

Во время Великой Отечественной войны немецкие власти Гродно не закрыли зоопарк, и он некоторое время продолжал действовать. В.К. Жиромский и его супруга Евгения Станиславовна

делали все, чтобы его сохранить. В это время они жили на территории зоопарка. С трудом удавалось им доставать необходимые продукты для корма животных. С подходом частей Красной Армии город был разграблен немецко-фашистскими захватчиками. Огромный материальный ущерб нанесен зоопарку. Были вывезены или уничтожены принадлежавшие ему материальные ценности. Не пощадили изверги и животных, наиболее ценных вывезли в Кенигсберг, а остальных уничтожили. В их числе были любимцы посетителей – знаменитый «плачущий» зубр и лев «Принц» [7].

После освобождения Гродно 16 июля 1944 г. зоопарк фактически не существовал. Большинство помещений было разрушено, а уцелевшие заняли ветеринарная лечебница, воинская часть, бездомные жители. Хотя в первую очередь принимались меры по восстановлению промышленных предприятий и жилого фонда, власти республики и города не оставили без внимания и единственный зоопарк. Совет Народных Комиссаров (СНК) БССР издал 15 августа 1944 г. постановление № 470 «О восстановлении деятельности заказников и зоопарков». Во исполнение его Главное управление по заповедникам при СНК БССР направило в Гродненский горисполком ходатайство о выделении для ремонта помещений зоопарка 20 куб. м досок, 1000 погонных метров толи, 50 кг гвоздей и 200 кв. м стекла.

Гродненский горисполком 12 декабря 1944 г. принял решение № 242 «О восстановлении зоопарка». В нем предписывалось городским службам немедленно освободить ранее занимаемую зоопарком территорию, сохранившиеся помещения и приступить к ремонтным работам. Но для их проведения не хватало необходимых материалов. Из местных ресурсов было выделено только 20 куб. м досок, остальное пришлось просить через облисполком в СНК БССР. Еще в ходе небольших восстановительных работ начали поступать животные. Но для их содержания не было ни одного приспособленного помещения. Первыми экспонатами стали осел и ослица, переданные по решению горисполкома из треста зеленого строительства [8]. Они и подросший детеныш ослицы использовались и как тягловая сила.

В этот самый трудный для зоопарка период первым директором был Венедикт Куприянович Жиромский. Он очень много сделал для его восстановления. С трудом ему удалось добыть 2 лошади, но не было повозки и саней. Еще в ходе восстановительных работ им принимались меры по формированию коллекции редких видов животных. Для этого налаживались контакты с зоопарками

соседних стран. К весне 1946 г. к двум ослам добавились два оленя и павлин [10]. Затрудняло работу недостаточное финансирование. Выделяемые средства шли в основном на выплату зарплаты и кормление животных. Не хватало кадров, из 16 положенных по штату работников имелось только 4, но фактически работало 2.

Существенные изменения в жизни зоопарка произошли в 1946 г. В марте на должность директора был назначен А.Р. Ганусевич. Он получил от властей конкретное указание – в ближайшее время подготовить зоопарк к открытию. Уже через три месяца стали видны результаты его деятельности. Количество экспонатов увеличилось до 13, решился вопрос с повозкой и санями. Для нужд зоопарка передано подсобное хозяйство в деревне Путришки, имевшее 5 га земли, которые стали засеваться зерновыми культурами. Значительно пополнилось число работников и достигло 8 человек, что составляло 50 % от необходимого штата. Посажено 150 елок [11].

7 июня 1946 г. на основании приказа Главного управления по заповедникам при Совете Министров БССР от 23 мая 1946 г. за № 38 и приказа Комитета по делам культурно-просветительских учреждений от 27 и 30 мая 1946 года № 95 и 98 зоопарк был передан в ведение Комитета по делам культурно-просветительских учреждений. Благодаря этому значительно увеличилось финансирование. Для завершения восстановительных работ дополнительно было отпущено 166 000 рублей [12]. С целью пополнения коллекции животных дирекции предложено в кратчайшее время установить связь с Московским зооцентром и другими зоопарками.

28 октября 1946 г. состоялось открытие зоопарка. До 9 апреля следующего года его посетило 10 000 человек. Большинство из них были дети – 7 000 и военнослужащие – 1 900. К этому времени зоопарк уже располагал 60 экспонатами. Большинство из них обитали на территории Беларуси, но были и экзотические виды: верблюд, страус, индюк, павлин, попугаи.

Пополнение зоопарка шло за счет молодняка в порядке выполнения договоров с Московским зооцентром, Беловежской пущей и другими заповедниками Беларуси. Вместе с тем, имел место значительный падеж животных и птиц. Среди причин этого можно выделить четыре основные: низкая квалификация работников, перебои с кормами, трудности с адаптацией животных и птиц к новым условиям, неудовлетворительное санитарное состояние. На будущее решено пополнять коллекцию преимущественно молод-

няком, т.к. он более приспособлен к жизни в условиях зоопарка и легче поддается воспитанию.

Несмотря на тяжелое послевоенное время, большое внимание уделялось созданию и расширению фонда библиотеки. Необходимость ее была вызвана низким уровнем квалификации сотрудников зоопарка, которые часто менялись. Так, в 1947 г. на покупку книг было отпущено более 2 500 рублей. Для сравнения на приобретение экспонатов истрачено около 10 000 рублей [13]. В 1950 г. в библиотеке уже имелась 1 000 книг, среди которых преобладали специальные, но были и политические.

Наличие библиотеки позволяло сотрудникам знакомиться с научными достижениями в зоологии, зоотехнии и ветеринарии, а также внедрять передовой опыт. Еще в 1946 г. возникла у них идея создания передвижной группы зоопарка. Ее целью было добиться не только более широкого показа животных жителям области, но и заняться проведением среди них массовой культурно-воспитательной и природоохранной работы. Окончательное решение по созданию этой группы и формах ее деятельности было принято лишь в мае 1948 г. [14].

С большими трудностями группа была сформирована в октябре 1948 г. (9). Штат ее хоть и был в основном укомплектован, но не полностью. Не хватало штатной единицы администратора, лектора. Оклад баяниста был настолько мизерным, что никак не могли найти работника, отвечающего требованиям. Передвигалась группа с помощью полуторки – грузового автомобиля ГАЗ-АА, хотя требовался грузовик с крытым прицепом. Не хватало лимита на бензин. Лишь в 1950 г. мебельной фабрикой был выполнен заказ по изготовлению помещений, стендов, необходимых для работы передвижного театра [15].

В течение 1948 г. группа смогла посетить лишь организации и воинские части на окраинах Гродно и учебные заведения Гродно и Скиделя. Официально она стала называться передвижным театром. В его состав входили два дрессировщика животных, лектор, музыкант и служитель по уходу за животными. В мае 1950 г. в число демонстрируемых животных входили: обезьяна, павлины, енотовидная собака, два волнистых попугайчика, четыре медведя, волк, красная лисица, барсук, пять собак, одна белка, две морские свинки, две коральковые курочки, золотой фазан, филин и сова.

Постепенно увеличилась площадь передвижного театра, количество экспонатов, география посещений, экскурсий и экскур-

сантов. Например, в 1948 г. было проведено 24 экскурсии с участием 8 677 человек. В 1950 г. группа побывала в районах Гродненской, Брестской, Барановичской, Пинской, Гомельской и Могилевской областей. Кроме организации экскурсий, за этот год прочитано 166 лекций и бесед на тему «О богатстве животного мира Советского Союза».

В 1953 г. передвижным театром проведено 89 экскурсий с посещением 95 000 человек. Но такие передвижные группы были не только у гродненского зоопарка. Причем очень часто планы выездов между ними не согласовывались. Это послужило одной из причин прекращения деятельности передвижного театра в 1954 г.

С каждым годом коллекция животных увеличивалась за счет приобретения их у Московского зооцентра, обмена с зоопарками Ленинграда, Каунаса, Риги, Калининграда и Ростова. Покупались редкие виды животных и птиц и у частных лиц. Только за 1948 г. число экспонатов выросло почти в 2 раза (135 на начало года, 235 на его окончание). В основном увеличение произошло за счет собственного приплода и значительного снижения падежа. Успешно удавалось воспроизводить и выращивать потомство от таких животных и птиц, как медведи, ослы, морские свинки, утки, попугайчики, голуби и мыши. В 1952 г. благодаря накопленному опыту получен приплод от львов, в дальнейшем они хорошо размножались.

Неудачным отрезком времени для зоопарка были 1949–1950 гг., для которых характерен низкий рост поголовья и большой падеж животных, главным образом из новых поступлений. Причинами этого были: низкая квалификация работников, размещение зоопарка на низкой и болотистой местности. Только 8 из 32 имели высшее или среднее образование. В зоопарке наблюдалась массовая текучка кадров. Так, за 1950 год было уволено 17 человек, то есть более 50 %. В результате только один работник трудился в зоопарке свыше пяти лет, 9 человек имели стаж до трех лет, остальные работали первый год. Одной из причин были гонения и репрессии, которые не всегда были обоснованными. Им подвергались ветеринарный врач Ничипорук, старший бухгалтер Шелепенко, смотритель Жиромский (бывший первый послевоенный директор). Например, вот одно из обвинений: «Ветврач Ничипорук в прошлом душой и телом работал на немцев» [16].

Для идейного воспитания и повышения профессиональной квалификации при зоопарке работали кружки: ветеринарно-зоотехнического минимума, по изучению краткой биографии Сталина,

политического образования. Все члены коллектива должны были посещать эти кружки. Кроме того, для них читались лекции по текущим политическим событиям.

В 1952 г. произошел наибольший падеж животных и птиц – 47. Основной причиной было то, что зоопарк не соответствовал санитарным и ветеринарным требованиям. Из-за недостаточного финансирования условия содержания животных продолжали оставаться неудовлетворительными. Но, как обычно, ответственность за падеж была возложена на директора. Из-за возникшего конфликта с минским руководством он был освобожден от занимаемой должности. Новым директором назначен Лазарь Григорьевич Шайковский (1901–1982 гг.), бывший член КПЗБ, видный участник революционного движения в Западной Беларуси.

После принятия ряда мер количество гибнувших животных значительно уменьшалось. Этому способствовало установление дренажной системы для осушения территории, совершенствование организации содержания животных, улучшение ветеринарного надзора, полноценное обеспечение кормами. Были проведены работы по ремонту и перестройке клеток, выгулов и бассейнов. Благодаря этому в 1955 и 1956 гг. падеж снизился и составил соответственно 12 и 14 голов [17]. Для повышения квалификации была расширена группа по изучению ветеринарно-зоотехнического минимума, занятия стали проводиться регулярно и на более высоком уровне. Начиная с 1954 г., организованы командировки с целью обмена опытом, участия в семинарах для специалистов (директор, зоотехники, ветеринарные врачи, экскурсоводы).

Более того, в 1955 г. сотрудники зоопарка начали активно заниматься научно-производственной деятельностью по вопросам акклиматизации животных, их рациональному кормлению, размножению и лечению. Для руководства этой работой был даже создан научно-методический совет, так как ранее исследования ограничивались лишь наблюдением за животными и внесением результатов в индивидуальные карточки. Но проведение их на более высоком уровне было затруднено из-за того, что в зоопарке в первой половине 50-х годов был лишь один сотрудник с высшим образованием, мешала также большая текучка кадров. Тем не менее еще в 1952 г. удалось получить гибрид между собакой и волком, серочерной и обыкновенной лисицей.

В 1952 г. в зоопарке уже имелось 283 экземпляра 63 видов животных и птиц. В этот год он пополнился такими редкими вида-

ми, как одногорбый верблюд, песцы, американские еноты, собаковолки, обезьяны-павианы, фазаны золотистые [18]. К концу 1953 г. число животных и птиц увеличилось до 382. Из новых видов особый интерес у местного населения и приезжих представляли: тигр бенгальский, крокодилы, пеликаны. Среди потерь, а их было 31, оказался и тот самый осел, с которого началась послевоенная жизнь зоопарка.

Рост численности животных отмечался и в 1954 г. После многочисленных просьб из Москвы, наконец, прибыли долгожданные зебра и белые медведи. В итоге фонд зоопарка увеличился до 433 экземпляров 81 вида, тем самым была восстановлена довоенная численность.

В 1956 г. в Гродно из Вьетнама по железной дороге в специальном вагоне была доставлена слониха. Она стала очередным и наиболее ценным экспонатом зоопарка, причем с боевым прошлым: на ней как будто перевозили боеприпасы вьетнамские партизаны. К концу 1956 г. в нем уже обитало 810 экземпляров свыше 100 видов животных и птиц.

С самого начала своего существования зоопарк занял должное место в Гродно как культурно-просветительское учреждение. Огромное внимание уделялось работе с населением города. Основной формой его деятельности было проведение экскурсий, лекций и бесед. В 1948 г. его посетило 48 311 человек, для них было прочитано 322 лекции, причем 3 из них по городскому радио. В то время зоопарк пока еще не отличался эстетическим оформлением, имел слабую рекламу. Поэтому была оформлена витрина великих преобразователей природы.

Уже в 1950 г. число посетителей достигло 80 000 человек, в 1952 г. – 125 000 (из них 90 000 приходилось на передвижной театр). Посещаемость продолжала расти и в 1953 г. достигла 140 000 человек, из них 95 000 на периферии. Начиная с 1954 г., когда перестал действовать передвижной зоопарк, число посетителей снизилось до 70 182. Некоторое увеличение имело место в 1955 г. – 86 273 человека. Но в очередном 1956 г. в зоопарке побывало всего 63 056 посетителей, что было связано с непогодой, которая стабильно продолжалась все лето [19].

Тематика лекций со второй половины 50-х годов, кроме научно-познавательной и природоохранной направленности, имела и атеистический характер. По всей видимости, это было связано с резко негативным отношением к религии в то время партии и пра-

вительства. Поэтому нередко читались лекции и на такие темы, как: «Наука и религия о происхождении жизни на земле», «Наука и религия о происхождении человека» [20]. Тем не менее в 1955 г. на территории зоопарка была установлена красочно оформленная зоогеографическая карта мира и панно «Развитие жизни на земле», которые просуществовали до середины 80-х годов.

Большое внимание сотрудниками зоопарка уделялось сотрудничеству со школами города. Их учащиеся были наиболее активными посетителями, так как это способствовало повышению их успеваемости по биологии. В 1950 г. совместно с ними проведен «День птиц», в котором приняло участие 3750 пионеров и школьников. Это тематическое мероприятие оказалось также полезным и в дальнейшем стало проводиться ежегодно 27 марта. Ребята заранее изготавливали и приносили скворечники, которые потом организованно развешивали в городе. В этот день проведение экскурсий доверялось юннатам.

С 1952 г. при зоопарке начал действовать кружок юных биологов, в состав которого входило 15 ребят. Первым его руководителем стал экскурсовод В.Н. Борисевич [22]. За каждым из юннатов было закреплено животное или птица, за которым он вел наблюдение. Занятия юннатов шли по воскресеньям. На занятиях они выступали с докладами на следующие темы: «Сезонные явления в жизни птиц и зверей», «Пушные звери СССР», «Птицы – наши друзья», «Друзья и враги сельского хозяйства», «Спячка животных», «Окраска животных и естественный отбор», «Певчие птицы», «Биология волнистого попугайчика». В дальнейшем число кружков при зоопарке увеличилось до четырех, в них занималось около 50 ребят. Кроме того, его сотрудниками была оказана помощь 8 школам по созданию живых уголков [21].

В 1955 г. для юннатов организованы три учебно-познавательных выхода на природу и экскурсия с ночевкой в Беловежскую пущу [23]. В зимнее время в 1956 г. состоялись выходы за город, во время которых проведены практические занятия по следующим темам: «Определение птиц по голосу», «Определение птиц по следам», «Определение птиц по полету».

Для младших детей в 1952 г. организовано катание детей на пони, причем летом их запрягали в телегу, а зимой в сани. Через два года в новогодние дни их стали катать вокруг городской елки, при этом кучер был наряжен Дедом Морозом. Это мероприятие стало проводиться постоянно, в основном по выходным дням.

Результаты проведенного исследования показывают, что за период с 1944 по 1956 гг. Гродненский зоопарк благодаря большой помощи государства, несмотря на послевоенные трудности, удалось не только восстановить, но и фактически создать заново. Благодаря этому он стал не только первым, но и лучшим культурно-просветительским и научным центром данного типа в БССР.

Список литературы

1. Герасимчук, Н.С. Гродненский зоопарк: путеводитель / Н.С. Герасимчук. – Минск: Полымя, 1984. – 77 с.
2. Гродненский государственный зоологический парк / сост. Н.В. Максина; отв. за выпуск Л.Г. Шайковский. – Минск, 1957.
3. Игнатович, Ф.И. Вопросы краеведения и экологии в педагогическом наследии И.И. Кохановского / Ф.И. Игнатович // Краязнаўства ў сістэме патрыятычнага і грамадзянскага выхавання: матэрыялы навук.-практ. канф. – Гродна, 2005. – С. 40–47.
4. Игнатович, Ф.И. И.И. Кохановский и его уникальный опыт интенсификации биолого-экологического образования учащихся путем создания в Гродно ботанического сада и зоопарка / Ф.И. Игнатович // Экологическое образование как условие устойчивого развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2006. – С. 68–70.
5. Карпенюк, С.А. И.И. Кохановский и его роль в сохранении и пропаганде видового разнообразия животных / С.А. Карпенюк // Окружающая среда, образ жизни и здоровье: материалы науч.-практ. конф. – Гродно, 2007. – С. 49–53.
6. Карпюк, А. Педагог – патриот / А. Карпюк // Беларусь. – 1967. – № 9. – С. 31.
7. Плешавеня, А. Гродзенскі заапарк (старонкі гісторыі) / А. Плешавеня // Гіст.-дакум. хроніка горада Гродна. – Мінск: БелЭн, 1999. – С. 538–540.
8. Гродненская область в документах и материалах (1944–1995). – Слоним, 2004. – С 95–96.
9. Kochanowski, J. Szkolny ogrod biologiczny w Grodnie / J. Kochanowski // Panstwowe gimnazium meskie im. A. Mickiewicza w Grodnie: drugie sprawozdanie szkolne za rok 1928/1929. – Grodno, 1929. – S. 16–19.
10. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 4.
11. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 3.
12. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.
13. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 2.
14. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 5.
15. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 5.
16. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Л. 2.
17. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 2; Д. 54. – Л. 4.
18. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 3.
19. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 7.
20. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 4.
21. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 8.
22. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 2.
23. ГАГО. – Ф. 809. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 6.

Мария Титарчук

ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В XIX – начале XX в. не было разделения на виды краеведения – церковное и светское. С конца XX в. в историографии применяется понятие «церковное краеведение». Оно объединяет деятелей Православия, научное наследие которых не всегда вводилось в научный оборот, поскольку в последнее советское время насаждался тезис, что историография церкви в прошлом была подчинена Церкви и служила исключительно ее интересам. Однако это далеко не так. Уже с конца XVIII века церковно-историческое направление в краеведении начинает выделяться из всего комплекса наук. Основоположником его был митрополит Платон (Левшин). С него началось изучение кладбищ, погостов, сел, деревень, городов и страны в целом [1, с. 67]. К сожалению, в отечественной науке православное краеведение Беларуси еще не рассматривалось как единый социокультурный феномен, интегрировавший в себе не только научные исследования, но также популяризацию историко-культурного наследия Беларуси и региональные общественные объединения «любителей древности». В данной работе на основе метода исторической реконструкции делается попытка комплексного подхода к изучению феномена православного краеведения Беларуси в XIX – начале XX в.

Большую роль в активизации изучения истории обителей, храмов и приходов белорусских епархий сыграл во второй половине XIX века уроженец Гродненщины, профессор кафедры русской гражданской истории Санкт-Петербургской духовной академии *М.О. Коялович (1828–1891)*. Будучи выходцем из семьи православного священника, этот ученый прекрасно понимал общественное значение составления сельских церковно-приходских летописей для научного изучения истории Церкви и края. Вокруг него сложилась подлинная научная школа, давшая белорусскому церковному краеведению много ярких имен (Н.П. Жукович, О.В. Щербицкий, И.А. Котович, Е.Ф. Орловский, М.С. Паевский, Н.Р. Диковский, И.В. Корчинский, С.Г. Рункевич и др.).

Одним из первых в этом ряду мы должны назвать имя профессора М.О. Кояловича, чьи основные исследования посвящены русско-польским отношениям и истории западнорусских земель.

Высокую оценку С.М. Соловьёва получили труды М.О. Кояловича «Литовская церковная уния» и «История воссоединения западнорусских униатов». Заметный интерес в научном мире вызвали такие исследования учёного, как «Чтения по истории Западной России», «Лекции по русской гражданской истории». Во всех трудах, написанных на основе глубокого изучения источников, многие из которых были впервые введены в научный оборот, историк смог доказать, что, несмотря на политику полонизации в крае, проводимую веками как польскими властями, так и костёлом, население Западной Беларуси всё же больше тяготело к православию, укоренившемуся в умах и сердцах народа гораздо ранее. М.О. Коялович ратовал за поддержку на этой территории государством русско-православных начал. Именно поэтому И.С. Аксаков назвал его «человеком с душой и пламенным чистым убеждением». Необходимо отметить вклад М.О. Кояловича в развитие публицистики в Западной Беларуси (сотрудничество в изданиях «Церковный вестник», «Христианское чтение», «День», «Новое время» и др.) и в издание источников по истории Беларуси («Документы, объясняющие историю западнорусского края и его отношение к России и Польше» (1865 г.); «Дневник Люблинского сейма 1569 г.» (1869 г.)).

Наиболее обстоятельный обзор жизни и творчества М.О. Кояловича, попытка воссоздания его общественно-политических взглядов содержится в интересной, но во многом спорной книге известного белорусского историка и политического деятеля А.Н. Цвикевича «Западноруссизм...». В этой работе взглядам и деятельности Кояловича автор отводит отдельную главу. Анализируя развитие общественно-политической мысли Белоруссии в XIX – начале XX в., исследователь относит Кояловича к представителям западнорусизма, исторического направления, которое, по его мнению, не отделяет Белоруссию от единой Великой России и считает белорусов «одним из славянских племён», органично входящих в состав единого русского народа. Само возникновение западнорусизма Цвикевич связывает с появлением реальной угрозы полонизации и окатоличивания Белоруссии, ставшей возможной в XVIII в. и встревожившей православно-униатские круги, ориентирующиеся на Россию [2].

Прекрасный педагог, великолепный лектор М.О. Коялович являлся основателем исторической школы из числа студентов-белорусов, учившихся в Петербургской академии, его учениками по праву себя называли: О.В. Щербицкий, автор работ по истории

церкви в Западной Беларуси и книги «Город Брест-Литовск. Исторический очерк» (Вильно, 1913 г.); историк церкви и редактор «Литовских епархиальных ведомостей» Н.А. Котович; Н.Р. Диковский, редактор «Гродненских епархиальных ведомостей» и др. Под влиянием исторических воззрений М.О. Кояловича находились также Е.Ф. Орловский, Л.С. Паевский, А.С. Будилович, Л.М. Солоневич [3, с. 17–18].

М.О. Коялович никогда не был сугубо кабинетным ученым. Он живо интересовался современной ему общественно-политической жизнью, почти четверть века деятельно участвовал в работе Славянского общества, был блестящим публицистом, активно выступал в славянофильских изданиях, имел тесную связь со студентами-слушателями, не стеснялся высказывать свои суждения о текущих событиях на академических лекциях.

М.О. Коялович заслуживает внимания со стороны исследователей как человек, чья биография и творчество позволяют расширить и обогатить наши сведения о состоянии исторической и общественно-политической мысли Белоруссии второй половины XIX в. Более того, его личность, взгляды и деятельность представляют интерес и как представителя тех славянофильских кругов России, которые после событий 1 марта 1881 г. пытались повлиять на правительственную политику и направить политическое развитие страны по традиционалистскому руслу.

История горячо любимой им Белоруссии, судьбу которой он не отрывает от общей судьбы России, стала по существу основным и единственным предметом изучения историка на протяжении всей его жизни.

Главной темой научной деятельности историка становится изучение Брестской церковной унии. Коялович был первым историком, который обратил внимание читателя на эволюцию церковной унии, заключающуюся в ее латинизации. Он убедительно показал роль базилианского ордена и решений Замойского собора в этом процессе, подчеркнул необратимость вытеснения в униатской церкви православных обрядов католическими [4].

М.О. Коялович был основателем Православной Исторической Школы, одного из основных направлений российской и белорусской историографии, связанного с изучением церковной истории. Приверженцами этого направления была православная интеллигенция России и Белоруссии, осознавшая своё духовное родство с традиционной православной культурой.

Уроженец Белоруссии М.О. Коялович жил и работал в сложную эпоху середины и второй половины XIX в., когда православная культура Белоруссии переживала несравненный подъем, объясняющийся ее освобождением от двухвекового угнетения. Не будет преувеличением утверждение, что и сам М. Коялович был по существу феноменом этого возрождения, который мог возникнуть только на белорусской почве.

Глубокий историк-исследователь и блестящий публицист М.О. Коялович оказался тем связующим звеном в культуре Белоруссии, которая соединила воедино «век нынешний и век минувший»: Св. Георгия Конисского и Иоанна Григоровича, Е.Ф. Карского и Афанасия Мартоса. Однако было бы неправильно видеть в Кояловиче только деятеля культуры регионального значения. Его жизнь и труды в равной степени принадлежат Белоруссии и России, на благо которых он трудился. Работы М.О. Кояловича являются достоянием всего славянского мира, о великом будущем которого он мечтал [5].

Значительный вклад в изучение церковного краеведения внесли в конце XIX – начале XIX вв. многочисленные авторы «Гродненских епархиальных ведомостей». Крупным исследователем в этой области был сам редактор православного печатного издания *Николай Романович Диковский*. Он активно занимался изучением архивов Гродненского архиерейского дома и Борисо-Глебского монастыря. Результатом исследований стали его две первые работы: «Из летописи Гродненского Борисо-Глебского монастыря» и «Борьба Жировицкого монастыря с еврейством». Обе работы хранятся в научной библиотеке Белорусского государственного исторического архива в г. Гродно. В январе 1901 г. вышел в свет первый номер «Гродненских епархиальных ведомостей». С этого времени и до лета 1907 г. Диковский редактировал это издание. Несмотря на большую занятость, он не приостанавливал свою научную работу. Результатом ее стало появление в 18 номере газеты за 1904 г. вводной части труда «Базилианский орден и его значение в западнорусской униатской церкви XVII – начале XVIII вв. – до Замойского униатского провинциального собора 1720 г.». Об объеме работы свидетельствует тот факт, что печаталась она из номера в номер до середины 1906 г. [1, с. 67–69].

Талантливым представителем церковного краеведения был *Иван Владимирович Корчинский*. Значительный опыт на ниве церковно-приходского образования позволил ему написать книгу «Очерк истории церковно-школьного дела в ее Гродненской губер-

нии в XIX столетии» (Гродно, 1903 г.). Будучи человеком, влюбленным в Киевскую старину, ее церковную архитектуру, Корчинский заботился, чтобы и на Гродненщине культовые памятники строились прочными и красивыми, чтобы они удачно вписывались в ее своеобразный ландшафт. Именно такие цели ставил перед собой автор работы «Два слова о церковно-строительном деле». В 1903 году была напечатана его книга «Краткий исторический очерк православия в границах теперешней Гродненской губернии и Житие св. преподобного мученика Афанасия (Филиповича)». К столетию Гродненского кафедрального собора, которое отмечалось 7 августа 1907 года, Корчинский написал исторический очерк «Православный софийский собор в г. Гродно». Работа краеведа «Древняя Коложская церковь во имя святых Бориса и Глеба в городе Гродно» (1908 г.) была тепло встречена общественностью.

Успешными были краеведческие изыскания *Антона Семеновича Будиловича*. Его научные и публицистические работы печатались в «Журнале Министерства народного просвещения», «Русском обозрении», «Известиях Славянского благотворительного общества», «Русь», «Русском вестнике», «Вестнике Европы» и многих других газетах и журналах. Будучи приверженцем идеи о славянской взаимности, сплочении славянских государств вокруг России и православной веры, А. Будилович критически относился к любым заимствованиям с Запада, особенно парламентской системы. С крайним подозрением он относился к любым проявлениям сепаратизма и национального обособления. Отстаивая триединость русского народа (великороссы, белорусы, малороссы) на основе православной культуры, Будилович резко выступал в своей критике против полонизации восточных славян и католицизма [1, с. 70–75].

Имя и труды *Е.Ф. Орловского (1862–1913)* – гродненского историка и краеведа в конце XIX – начала XX веков было известно каждому жителю Принеманского края. В течение долгих лет он занимался педагогической и общественной деятельностью в г. Гродно, преподавал в Гродненской мужской гимназии. Кроме того, Орловского по праву можно назвать летописцем г. Гродно. Результаты его трудов по изучению истории нашего края появились на страницах «Гродненских губернских ведомостей», Гродненских и Литовских епархиальных ведомостей, выходили отдельными монографическими изданиями: «Очерки по истории Гродно», 1889 г. (первая серьезная работа историка); «Учебное описание Гродненской губернии...», «Красностокский монастырь» и др. Вершиной

творчества Е.Ф. Орловского можно считать книгу «Гродненская старина. Часть I. Город Гродна», вышедшую в 1910 году, написанную на основании глубокого изучения источников и принесшую ему успех в мире науки [3, с. 17–18].

Историческая база, созданная историками в 60–70 гг. XIX в., способствовала появлению новых трудов, разрабатывающих историю Западнорусской Церкви. Среди них особое место занимают «Очерки истории Западнорусской церкви» проф. Санкт-Петербургской духовной академии *Иллариона Алексеевича Чистовича*, вышедшие в 1882–1884 гг. Продолжая работу митрополита Макария по изучению истории Православия на землях былого Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, И.А. Чистович исследует историю Православия на землях Беларуси, Украины и Литвы до конца XVIII в. Первая часть работы отображает события, связанные с разделением Киевской Руси на уделы и влиянием этого разделения на судьбы Православной Церкви. Значительный интерес представляют факты, свидетельствующие о влиянии Рима на церковную жизнь Западной Руси и Великого княжества Литовского. Исследователь уделяет большое внимание истории создания Западнорусской митрополии и жизни православного населения до Брестской церковной унии (1596 г.).

Вторая часть монографии И.А. Чистовича посвящена исследованию состояния Западнорусской церкви в XVI – второй половине XVIII в. Автор доводит свой рассказ до разделов Речи Посполитой и включения Беларуси, Украины и Литвы в состав Российской империи. Большую ценность представляет изложение событий Брестской церковной унии, деятельности ордена базилиан, а также церковной жизни православного населения Беларуси и Украины в XVII в. Ценными и не утратившим своего значения для сегодняшнего читателя являются приводимые историком материалы по истории западнорусского просвещения и его влияния на развитие культуры Российского государства [4].

В 1895 г. был напечатан «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве» преподавателя Литовской духовной семинарии *Г.Я. Киприановича*, ставший учебным пособием для воспитанников православных духовных школ Беларуси и Литвы вплоть до закрытия духовных школ после революционных событий 1917 г. Не потеряло своего значения и его исследование «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с Православ-

ной Церковью в 1839 г.», выдержавшее два издания. Кроме этих сочинений, Г.Я. Киприановичу принадлежит очерк об униатском Полоцком архиепископе Иосафате Кунцевиче и исследование «К истории женского образования в Западной России». Отличительной чертой работ Чистовича и Киприановича является рассмотрение исторического пути православия в Западной Руси, не ограничиваясь собственно историей только Православной Церкви. Они приводят историю католичества и унии, совершенно справедливо давая понять, что без их сравнительного анализа невозможно разобраться в особенностях исторической жизни страны [4].

Плодотворно работал в области церковного краеведения *И.К. Романовский (Сиротко)*, уроженец Слонимщины. В ограниченное время им были изданы три серьезные работы: «Положение города Слонима в религиозном отношении в Литве» (1897 г.), «Минулое из жизни города Слонима» (1898 г.), «Православие в Гродненской губернии» (1899 г.). Их содержание и степень изучения исторических источников дают основание назвать Романовского видным исследователем прошлого Западной Беларуси.

В ряду церковных краеведов нельзя обойти вниманием *Л.М. Солоневича*, родившегося в 1866 году и работавшего долгое время редактором «Гродненских губернских ведомостей». В 1901 году вышла в свет первая его книга «Краткий исторический очерк Гродненской губернии за 100 лет ее существования. 1802–1902 г.». Книга, как подчуркивали местные историки и краеведы, далеко вышла за рамки юбилейного издания, и имя Солоневича стало упоминаться среди наиболее известных знатоков гродненской старины [3, с. 19].

Особое место в исследованиях этого времени занимают многочисленные работы церковных историков-краеведов, трудившихся в Литовской, Могилевской, Минской и Витебской семинариях: И. Котовича, Е. Орловского, Л. Паевского, П. Горючко и других. Их исследования, как правило, затрагивающие узкие, неизученные темы в истории Православия Западной Руси, публиковались преимущественно на страницах местных Епархиальных Ведомостей и отличались не только глубоким проникновением в историческое прошлое родного края, но созвучием поднимаемых проблем текущему времени.

На переломе XIX и XX столетий, в атмосфере общего интереса к истории и краеведению, среди специалистов и любителей истории Гродненщины стали высказываться мысли о необходимости

объединения усилий по созданию в губернском городе общества по изучению истории Принеманского края. Следует отметить, что при всем энтузиазме местных исследователей прошлого стремление это инициировалось и поддерживалось государственными органами, хорошо понимавшими значение истории в укреплении устоев державы и воспитании патриотических чувств ее граждан. Большую роль в создании исторических и краеведческих обществ (товариществ) играла Православная Церковь.

26 ноября 1904 года в доме епископа Гродненского и Брестского преосвященного *Никанора (1847–1910)* состоялась встреча 30 любителей церковной и гражданской истории. На собрании присутствовали кафедральный протоиерей Николай Диковский, редактор «Гродненских епархиальных ведомостей», учитель гимназии Ефстафий Орловский, губернский архитектор Александр Плотников и другие. В конце заседания местных поклонников исторической науки было решено составить акт о «признании своевременным и полезным основания в г. Гродно Церковно-Археологического Комитета». В состав его вошли: епископ Гродненский и Брестский Никанор, командир 2-го армейского корпуса Поволоцкий, начальник артиллерии корпуса Гольмдорф, начальник Гродненской топографической съемки генерал Савицкий; губернские чиновники Стояновский, Ласточкин, Бузылов, Пигулевский, Феоктистов; кафедральный протоиерей и редактор «Гродненских епархиальных ведомостей» Н. Диковский; директор народных училищ Гродненской губернии М. Фивейский; преподаватели гимназии Е. Орловский, К. Кемарский, И. Остроумов, а также священники и служители епархии, государственных учреждений [2, с. 53–55]. В середине июля 1905 г. Священный Синод утвердил правила деятельности Комитета, изложенные в 12 параграфах.

Деятельность Комитета состояла в проведении заседаний, на которых сообщалось о результатах научных исследований; в сборе материалов по истории епархии и губернии; в издании этих материалов и ответов на запросы государственных учреждений. Вся эта работа осуществлялась силами членов Комитета. Руководство их деятельностью осуществлял председатель, выбираемый членами Комитета из своей среды. Функции председателя, начиная с 1904 г., исполняли Н. Диковский, И. Корчинский, И. Глебов, В. Левицкий. Председатель утверждался почетным председателем Комитета, которым автоматически становился глава епархии. Он же утвер-

ждал все постановления Комитета. Каждый член Комитета обязан был заниматься исследовательской работой, выполнять конкретные поручения председателя и платить членские взносы. Такой была организационная сторона деятельности Церковно-Археологического Комитета г. Гродно.

Содержательная же сторона включала следующие три основные направления деятельности: первое – это выявление, описание и сохранение вещественных и письменных памятников, главным образом, архивов монастырей, духовно-учебных и епархиальных учреждений, а также памятников архитектуры; второе направление – изучение церковной жизни в епархии, местных религиозных обычаев и обрядов; третье направление было связано с издательской деятельностью. Следует добавить, что издательская деятельность Комитета была объединена с усилиями в этом направлении со стороны Гродненского православного Софийского братства, такое же сотрудничество имело место и с Гродненским губернским статистическим ведомством.

Материалы деятельности Комитета: архивные документы, памятники церковного прошлого, фотографии церквей, описание епархии и церковные летописи – поступали в имеющийся при нем церковно-исторический музей (древнехранилище). Вначале музей размещался в помещении при архиерейском доме, а с 1907 г. в одном из строений Борисо-Глебского мужского монастыря. Комитет имел делопроизводителя и заведующего музеем.

Пополнение фондов музея осуществлялось из нескольких источников. Часть материалов направлялась сюда по распоряжению епископа во время ежегодного объезда епархии. Члены Комитета, собиравшие сведения по епархии, фиксировали все, что заслуживало внимания, и докладывали о находках на заседаниях общества. Если такие предметы находились в ведении приходского храма, то тогда с просьбой о передаче их в музей обращался почетный председатель Комитета или председатель. Когда же предметы старины были личной собственностью, то тогда с их собственниками проводилась беседа, и в итоге ценности были либо подарены, либо переданы музею. Этот внешне простой механизм содействовал концентрации здесь документов и предметов значительной научной и культурной ценности. Обычно передача их проходила на заседаниях Комитета.

Постепенно древнехранилище (музей) при Комитете стал превращаться в место для коллекций, открытых для посетителей.

Такие посещения музея при Комитете воспитанниками гимназий, духовных учебных заведений периодически начали организовываться с 1910 г. местными историками Е. Орловским, Н. Диковским, И. Корчинским. Осознание последними религиозно-культурного и воспитательного значения исторических ценностей целенаправленно вело к формированию на базе Комитета первого в городе общедоступного музея. Этот процесс, к сожалению, был прерван Первой мировой войной, однако часть коллекции, собранная членами Церковно-Археологического Комитета, позднее оказалась в фондах Гродненского историко-археологического музея, созданного в 1920 г. по инициативе Ю. Иодковского. После Второй мировой войны в гродненском музее остались лишь отдельные экспонаты из прежних коллекций. Уничтоженное и разграбленное за время военного лихолетья вряд ли уже удастся вернуть. Однако восстановить историческое название первого исторического учреждения на Гродненщине, давшего нашей науке, краеведению и культуре много талантливых имен, следует обязательно [1, с. 56–59].

Многообразные труды представителей школы М.О. Кояловича и других любителей церковной старины поставили в середине 60-х годов XIX века и перед православными иерархами проблему активизации изучения приходской жизни. 12 октября 1866 года указом Святейшего Синода епархиальным архиереям было предложено высказаться по данному вопросу. Вскоре в местных «Епархиальных ведомостях» при участии любителей церковной истории стали публиковаться вопросники, через реализацию которых можно было выработать структуру и методику изучения истории церкви-прихода. К числу наиболее значимых вопросов такого рода исследования чаще всего относились следующие: 1) Кому принадлежал почин в построении приходского храма? 2) На чьи средства сооружен храм? 3) Кто его благодетели? 4) Каково материальное положение храма и чем оно обусловливается? 5) Существует ли церковный хор? При мотивировке постановки этих и других вопросов их авторы, как правило, прибегали к высказываниям об огромной роли при ведении церковного дневника или летописи рубрики о быте, обычаях и религиозно-нравственном состоянии прихожан; об их отношении к храму, а также о связи церкви с попечительствами, братствами, школами и т.п.

В 1870-е годы церковными властями было велено вести дневники-летописи в каждой приходской церкви. В 1879 г. в «Ли-

товских Епархиальных ведомостях» (№ 52) были опубликованы самостоятельно разработанные «Правила как вести церковно-приходские летописи». «Правила» предусматривали наличие в церковных летописях двух частей (разделов): исторического и текущей жизни. Обязательные сведения: о приходе, храме, церковном притче и прихожанах. В исторической части помещались сведения о местоположении села, истории строительства церкви, ее убранстве, а также часто и о находящихся там книгах, местных достопримечательностях. Не исключалось помещение в церковно-приходских летописях сведений о бытовых явлениях, природных бедствиях и других сведениях, представляющих интерес для науки [5, с. 257–259].

Таким образом, в течение XIX в. в Беларуси сформировался уникальный культурный феномен – православное краеведение, которое вобрало в себя научную школу православных историков, уроженцев Беларуси, воспитанников Санкт-Петербургской духовной академии (М.О. Коялович, Н.П. Жукович, О.В. Щербицкий, И.А. Котович, Е.Ф. Орловский, М.С. Паевский, Н.Р. Диковский, И.В. Корчинский, С.Г. Рункевич и др.), систему историко-краеведческих музеев, нацеленных на популяризацию историко-культурного наследия православия, а также массовое общественное движение «любителей древности». Опыт православного краеведения Беларуси в XIX – начале XX в. представляет несомненный интерес при организации современного краеведческого движения, а научные и практические наработки того времени не потеряли своей актуальности при организации туристско-экскурсионных услуг.

Список литературы

1. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней): моногр. Ч. 1 / В.Н. Черепица. – Гродно, ГрГУ, 1999. – 320 с.

2. Режим доступа: http://www.cerkov.by/page/mo-kojalovich-i-pravoslavnaja-istoricheskaja-shkola-belarusi. – Дата доступа: 11.12.2010.

3. Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: матэрыялы рэспуб. навук. канф.: у 4 ч. Ч. 2 / пад рэд. І.П. Крэня, У.І. Навіцкага, І.А. Змітровіча. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 217 с.

4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sobor.by/teplova.htm. – Дата доступа: 12.12.1010.

5. Черепица, В.Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней): моногр. Ч. 2 / В.Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 1999. – 440 с.

Федор Игнатович

Ж.Э. ЖИЛИБЕР О ВИДОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ, УСЛОВИЯХ ОБИТАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ЗУБРОВ БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ (к 270-летию со дня рождения)

На современной территории Беларуси в XVIII в. первым научным центром исследований по вопросам зоологии стал Гродно. Это было связано с тем, что он был одним из крупных промышленных, экономических и культурных городов Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое в тот период было составной частью Речи Посполитой (РП).

Способствовало этому и то, что здесь в 1776–1781 гг. действовала Гродненская медицинская академия (ГМА), открытая по инициативе короля РП С.А. Понятовского (1732–1798) и магната А. Тизенгауза (1733–1785). Ее основателем и директором был французский ученый-медик и биолог Ж.Э. Жилибер (1741–1814), пользовавшийся извест-ностью в Европе (рис. 1). Как во Франции, так в Беларуси и Литве, наряду с медицинской и педагогиче-ской деятельностью, он также занимался исследованиями по ботанике. Полученные результаты им широко использовались как на лекциях, так и на практических занятиях [3].

В XVIII в. среди изучаемых в университетах и школах учебных дисциплин важное значение придавалось так называемой естественной истории, в состав которой, кроме ботаники, входили элементы зоологии и минералогии. Преподавая этот предмет в ГМА, профессор Ж.Э. Жилибер занимался также исследованием и описанием местных редких и малоизвестных в Европе животных (зубры, лоси, волки, бобры, черепахи, ежи, глухари, аисты и др.). Обзор, методы и результаты ряда зоологических исследований Ж.Э. Жилибера обобщены польским исследователем П. Дашкевичем [7].

К сожалению, в Беларуси эти приоритетные научные труды, изданные на латинском языке, остаются пока еще мало известными, не получившими признания и должной оценки. Такие современные исследователи, как П.И. Жуков и соавторы в обзорной статье «Зоологические исследования», опубликованной в академическом издании «Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX века» вообще не упоминают о заслугах Ж.Э. Жилибера в зарождении зоологии на современной территории Республики Беларусь [2]. Российский исследователь Г.П. Карцов в книге «Беловежская пуща» еще в 1903 г. отметил, что Ж.Э. Жилибер как известный естествоиспытатель «внимательно исследовал фауну Литвы и, между прочим, оставил подробное описание зубра и его жизни» [4]. Тем не менее Г.С. Галактионов и соавторы в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» необоснованно утверждают, что первым сделал описание зубра в ВКЛ Л. Боянус (1776–1827), возглавлявший кафедру ветеринарии в Виленском университете [1]. Но это, как уточняет польский исследователь П. Дашкевич, им было сделано только через 40 лет после Ж.Э. Жилибера [8].

Наиболее значительный интерес у Ж.Э. Жилибера вызвали зубры как представители исчезающей породы первобытных животных. В историческом прошлом ареал их обитания охватывал территорию западной, средней и восточной части Европы. В XVIII в. из-за постепенного хищнического истребления они уже были редкостью и стали недоступными для научного исследования. В начале XX в. зубры находились под угрозой полного исчезновения. По современной систематике европейский зубр (Bison bonasus; Linnaeus, 1758) является самостоятельным видом семейства полорогих (Bovidae), отряда парнокопытных (Artiodactyja). В настоящее время сформировалось два подвида европейского зубра: равнинный (литовско-беловежский) и горный (кавказский), а также помеси между ними.

Результаты многолетних исследований зубров Ж.Э. Жилибер опубликовал в двух научных работах. Наибольшую известность и доступность получила первая из них, опубликованная в 1781 г. под названием «Наблюдения над литовским бизоном» в книге «Исследования природы в Литве...» [9]. Вторая – «Различия в наблюдениях над первым быком и литовским бизоном» («Miscellanea observatio prima de bove uno seu de bisone Lithuaniko»), по-видимому, является расширенным вариантом первой. Она опубликована в книге «Opuskula phytologiko-zoologika prima», место и год ее издания точ-

но не установлены. Единственный известный экземпляр имелся в библиотеке Национального музея истории природы во Франции [10].

Как следует из литературных данных, во второй половине XVIII в. в юго-западной части территории Беларуси, недалеко от Гродно, в естественных условиях сохранилась популяция зубров, в которой зимой 1783 г. насчитывалось 284 особи [5]. Благодаря этому Ж.Э. Жилиберу представилась уникальная возможность заняться их изучением. Местом обитания этих редких животных была Беловежская пуща – один из наистарейших и охраняемых лесных заповедников Европы с уникальными природными условиями. Для ограждения зубров от истребления в 1541 г. в самой глуши пущи был создан специальный заказник. В Статутах ВКЛ (ред. 1529, 1566 и 1588 гг.) убийство зубров без особого на то разрешения властей считалось уголовным преступлением. На виновных налагался максимальный штраф в сумме 12 рублей. Однако, несмотря на это, численность животных из-за хищнического истребления снижалась.

В своей знаменитой книге «Флора Литвы» Ж.Э. Жилибер сообщает, что, совершая научно-туристические путешествия, посетил Брест и его окрестности. Не обошел он вниманием и Беловежскую пущу, в которой обитало немало редких и исчезающих видов растений и животных. Объектами его наблюдения в первую очередь стали вольно живущие зубры и условия их обитания в пуще. Кроме того, ему для исследования неоднократно доставляли в Гродно тела погибших зубров, живых зубрят.

В ботаническом саду ГМА он решил создать небольшой зубропитомник, чтобы иметь возможность непосредственного наблюдения за животными. Для этого ему из пущи доставили два самца и две самки в возрасте 1–2 недели. В течение первого месяца два самца погибли. Обе самки удалось сохранить и вырастить. Одна из них была помещена в небольшой сарайчик при ботаническом саде и в течение трех лет являлась объектом наблюдения ученого.

Беловежскую пущу также посещал инженер-майор И.Г. Мюнтц (1727–1798), преподававший в ГМА по совместительству химию и физику. По-видимому, это было связано не только с необходимостью сопровождать Ж.Э. Жилибера. Будучи известным художником, он нарисовал несколько картин с видами пущи. На одной из них, написанной между 1780–1784 гг., изображен зубр того времени [11]. Но, скорее всего, это была упомянутая выше зубр-самка, выращенная Ж.Э. Жилибером и содержавшаяся в ботаническом саду (см. рис. 2). Ее имел возможность видеть и описать в 1778 г.

немецкий астроном и математик, член Петербургской академии наук Я. Бернулли (1759–1789) [6].

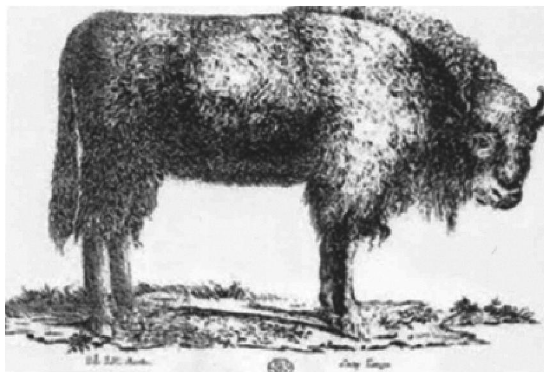


Рисунок 2 – «Зубр Жилибера». Литва. Художник И.Г. Мюнтц (не позднее 1784 г.)

При проведении научных исследований Ж.Э. Жилибером использовались описательный, сравнительный и экспериментальный методы. В связи с тем, что учеными того времени еще не было окончательно установлено, является ли зубр отдельным видом наземных млекопитающих, им уделено внимание вопросам систематики. При анализе литературных источников было отмечено, что К. Линней (1707–1778) считал зубра разновидностью домашнего быка, а А. Галлер (1708–1777) наоборот, – самостоятельным видом. Для установления истины, как пишет сам Ж.Э. Жилибер, он предпочел, прежде всего, «сравнить индивидуальные признаки самцов и самок бизона с индивидуальными признаками домашних коров и быков» [9].

Ж.Э. Жилибер придерживался гипотезы, что это хотя и близкие, но самостоятельные виды, качественно отличающиеся друг от друга. Для подтверждения своей гипотезы он разработал и обосновал ряд критериев. За основу им приняты как результаты наружных наблюдений, так и анатомо-физиологические данные. Живых зубров-самцов он имел возможность наблюдать только в Беловежской пуще. Для экспериментов в Гродно ему неоднократно доставляли тела убитых зубров. Живую зубрицу он смог вырастить и приручить сам. Для сравнения с ними была использована такого же возраста корова батайской породы, которая была несколько больше и выше зубрицы.

Как установлено Ж.Э. Жилибером, у самца и самки зубра, в отличие от коровы, был более высокий рост и вес, кости таза выступали у них меньше, губы и язык имели синий цвет. В отличие от коровы волосы, покрывающие тело зубров, растут под прямым углом. Они имеют два вида: одни коричнево-желтоватого цвета, более густые и короткие; другие – темно-каштановые, мягче и длиннее. Самые длинные находятся у основания шеи, почти по всей ее длине, включая нижнюю челюсть. Они покрывают плечи, образуя заметную гриву, а также передние бедра вплоть до средней части голени. На остальных частях тела, особенно на задних, растут более короткие волосы. Волосы передней части головы выделяют резкий запах мускуса.

Каждый год, начиная с весны и до летнего солнцестояния, как показывают наблюдения Ж.Э. Жилибера, зубры теряют большую часть длинных волос. Выпадают и более короткие, но постепенно. Одновременно растут новые, так что к концу осени их внешний вид восстанавливается. У коров, в отличие от зубров, волосяной покров более постоянный. Волосы у них более жесткие, растут параллельно коже и почти по всему телу имеют разную длину. Они не теряют каждый год волосы и практически постоянно сохраняют свой внешний вид.

Результаты наружных наблюдений позволили Ж.Э. Жилиберу выявить ряд существенных различий, касающихся внешнего вида и состояния некоторых органов. Глаза у зубров показались ему очерченными по-другому, чем у быка. Роговица глаз обычно прозрачная и темная. В разгневанном состоянии они выступали вперед и становились свирепыми, белки наливались кровью. Ушные раковины у зубров короче, чем у коровы, и изнутри покрыты густыми волосками. Рога у них черные, полулунной формы, толще и плотнее, чем у коровы. Губы, десна, язык и нёбо у зубров темно-синие. Основание языка более шероховатое, чем у коровы.

В анатомическом отношении Ж.Э. Жилибером выявлены лишь незначительные отличия между изучаемыми животными. У зубров отношение массы желудка и кишечника к массе всего тела на одну треть меньше, чем у коровы. При изучении состояния костно-мышечной системы им отмечено только то, что у зубров мышцы сильнее и плотнее, чем у коров. Мимо его внимания прошло то, у зубра 14 пар ребер, а у домашнего быка – только 13, хотя общее число спинных позвонков у них одинаковое – 15. На один было больше число позвонков в хвосте у зубра, чем у быка. Но об этом стало известно значительно позже [4].

У наблюдаемых животных Ж.Э. Жилибером определялось также 14 зоометрических показателей, которые были разработаны специально для этого исследования. С их помощью установлены различия в размерах частей тела и расстояниях между ними (см. табл.). Как оказалось, у самки зубра только треть из этих показателей на 3–5 пальцев больше, чем у коровы. Но такое различие, считает ученый, является незначительным.

Таблица – Результаты изучения формы и строения тела зубрицы и коровы [9]

№	Показатели и их размеры	зубрица	корова
1.	От основания рога до начала хвоста	6 футов и 8,5 пальца	6 футов и 3 пальца
2.	От основания рога до переднего угла ключицы	2 фута	1 фут и 10,5 пальца
3.	Высота животного от верхушки первого позвонка спины до основания копыт	4 фута и 6 пальцев	4 фута
4.	Высота животного в задней части от самой высокой точки таза до основания копыт	5 пальцев	1 палец
5.	Окружность шеи около головы	2 фута и 6,5 пальца	2 фута и 1 палец
6.	Окружность шеи около ключиц	4 фута и 6,5 пальца	4 фута и 3,5 пальца
7.	Окружность тела, измеренная в самой высокой части спины через грудину	6 футов и 8 пальцев	6 футов и 4 пальца
8.	Окружность верхней части бедер передних ног	1 фут и 4 пальца	1 фут и 2,5 пальца
9.	Окружность верхней части бедер задних ног	2 фута и 2 пальца	1 фут и 11 пальцев
10.	Расстояние между основаниями рогов	7,5 пальцев	6,5 пальцев
11.	Расстояние между верхушками рогов	10 пальцев	10 пальцев
12.	Расстояние между внутренними углами правого и левого глаза	10 пальцев	8 пальцев
13.	Расстояние между внутренним и наружным	2 пальца и 4 линии	2,5 пальца
14.	Длина головы от передней части головы до основания верхней губы	1 фут и 6 пальцев	1 фут и 7 пальцев

Примечание: 1 фут = 1 стопа = 30,48 см; линия = 2,54 мм.

Для доказательства видового разнообразия Ж.Э. Жилибер выдвинул следующие критерии:

Во-первых, из общего наблюдения следует, что животные (батайские коровы из юга), привезенные из более теплых регионов в более холодные регионы, становятся меньшими в последующих поколениях. Поэтому наши бизоны больше домашних быков.

Во-вторых, все это сопоставив, разве не большей является разница между бизоном и быком, чем между двумя взятыми породами овец. Постоянство внешнего вида или мягкость и длина волос, безусловно, другие у бизона.

В-третьих, достаточно стабильной есть антипатия между быком и бизоном, почти похожа на ту, что царит между волком и собакой.

В-четвертых, запах мускуса, который выделяют волосы, не наблюдается у быков. Но следует отметить в качестве аналога единственный феномен. Навоз коровы после проведенной дефекации выделяет запах мускуса.

В-пятых, у бизона язык синеватый, у коровы беловатый.

Имеются в избытке и другие постоянные отличия, но из-за недостатка времени мы ограничимся приведенными выше. Хорошо их взвесив, считает Ж.Э. Жилибер, «можно заключить вместе с бессмертным Галлером, что бизон является отдельным видом по такому же праву, как заяц и кролик».

Нельзя не отметить, что Ж.Э. Жилибер, кроме приручения зубров, пытался скрещивать их с коровой. Целью этих опытов было улучшение породы домашнего скота. Для этого он использовал прирученную зубрицу, которая отзывалась на его голос, брала корм из его шапки, лизала его руки и пр. Но ему не удалось преодолеть резко выраженную антипатию между ней и домашним быком. На втором году в период выраженной течки она в течение нескольких дней ждала самца, демонстрируя свое желание. В соседней клетке хлева был размещен большой и прекрасный бык. Но следуя своей страсти, он едва не погиб в неравной борьбе.

Ж.Э. Жилибером дается также сравнительная оценка индивидуальных признаков зубра-самца и зубра-самки. Самцы значительно крупнее самок, имеют большую силу и массу тела. Волосы, покрывающие их тело, у них были более темными и в два раза длиннее, чем у самок. Иногда космы волос из передней части тела опускались почти до кончиков передних ног. У живых особей обоих полов волосы, растущие на лбу, издают резкий запах мускуса. Он

сохранялся в волосах, выдернутых у мертвых самцов. При домашнем содержании самки интенсивность запаха с каждым годом снижается. Поведение зубров-самцов сильно изменяется в брачный период. В это время они постоянно озлоблены, дерутся между собой, могут нападать на людей. Самки при кормлении телят также демонстрируют свирепый нрав по любому поводу.

Представляют значительный интерес некоторые наблюдения Ж.Э. Жилибера экологической направленности. По его оценке, когда-то территория ВКЛ наполовину была покрыта лесами. Поэтому зубры могли здесь свободно жить и выводить свое потомство. Из-за истребления лесов в XVIII в. они покрывали только одну треть территории. Это, а также браконьерство привело к сокращению численности зубров. Опасность для них могли представлять также медведи и волки при групповом нападении.

Но какая-то часть их, отмечает ученый, как будто по какому-то предварительному выбору обосновалась в лесу, называемом Беловежским. Здесь для небольшой по численности популяции нашлось обособленное пространство, по которому протекала небольшая река, совершая многочисленные изгибы и образуя полуострова. Зубры редко отходили от этой реки и питались разными травами, которые в большом количестве произрастали вдоль ее берегов.

Зимой зубры в Беловежской пуще обычно обитают в смешанных лесах, где много молодых деревьев и кустарников. Эта пора года, как отмечает Ж.Э. Жилибер, была неблагоприятной для них из-за недостатка кормов. Зимой они поедали ветки деревьев или, разгребая снег, доставали мелкий кустарник и неогрубевшую траву. Приспособившись к таким условиям, они пока еще оставались свободными, но уже нуждались в защите и помощи. Их жизнь, делает вывод ученый, напрямую зависит от воли владельцев и смотрителей лесов. В зимний период они уже вынуждены были вести полусвободный образ жизни, так как не могли обойтись без подкормки. Уже в то время персонал, охранявший пущу, вынужден был заготавливать сено для их спасения. Только в такой поддержке ученый видел возможность сохранения этого исчезающего вида животных.

Ж.Э. Жилибер в своей публикации приводит данные о полезности зубров в промышленно-хозяйственном отношении. В Литве их мясо, сваренное в морской воде, могло долго сохраняться и признавалось наилучшей едой. Поэтому польские короли когда-то посылали его как ценнейший подарок правителям соседних стран. Кожа взрослого зубра, если правильно обработана, годилась для

изготовления различных бытовых вещей и даже легких панцырей. Копыта и рога зубров, поскольку они более прочные, чем у быков, ученый рекомендовал применять в быту шире. К его удивлению, волосы зубров, несмотря на обильность, большую длину и мягкость, не использовались для изготовления тканей. Они, считает он, вполне могут стать основой организации нового промысла.

В медицинских целях Ж.Э. Жилибер считал возможным использовать кожу со лба зубра, которая сохраняла запах мускуса. Он поддерживал мнение старых врачей об эффективности применения этого запаха для ускорения родов у нервных женщин.

Отмечая некоторую полезность зубров в промышленно-хозяйственном отношении, Ж.Э. Жилибер выразил протест против неразумного их истребления, жестоких методов добычи. Наибольший вред приносили развлекательные охоты, проводимые с разрешения короля или его чиновников, управляющих пущей. Как и раньше, для этого зубров с помощью слуг загоняли в окруженное сетями пространство и добивали их копьями. Менее трудоемкой, но такой же жестокой, считает ученый, была ловля их путем заманивания кормами в замаскированные ямы. Измученные голодом, они потом легко вытаскиваются слугами. Наиболее жестокими были тайные браконьерские методы с помощью замаскированной кормами веревочной удушающей петли.

Нельзя не отметить, что король РП С.А. Понятовский, бывая в Гродно, редко посещал Беловежскую пущу и не допускал при развлекательных охотах больших отстрелов зубров и других ценных животных. Ж.Э. Жилибер в таких охотах участия не принимал. Иногда короля сопровождал помощник профессора И.Г. Мюнтц, но как художник и натуралист. С браконьерством бороться было труднее. Поэтому численность зубров, свободно обитавших в пуще, увеличивалась незначительно и в 1802 г. составляла всего 350 особей [5].

Представленные данные позволяют отметить значительную историческую и научную ценность исследования Ж.Э. Жилибера по биологии и экологии зубров Беловежской пущи. Он одним из первых в истории Беларуси, Литвы и Европы исследовал и дал развернутое описание биологии и экологии зубров. В опубликованной им работе содержатся элементы эволюционной идеи, широко применяются экспериментальные методы исследования, поднимаются вопросы сохранения и защиты этих исчезающих животных. О ее большой значимости имеются высказывания в трудах ряда зарубежных ученых (Польша, Франция, Россия, Германия и др. стран).

В заключение считаю своим долгом поблагодарить ст. преподавателя Гродненского медицинского университета Е.Н. Хомича за помощь в переводе статьи с латинского на русский язык.

Список литературы

1. Галакціёнаў, С.Г. Біялогія / С.Г. Галакціёнаў, П.І. Жукаў, Г.М. Яцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2. – С. 47.

2. Жуков, П.И. Зоологические исследования / П.И. Жуков, С.Г. Галактионов, А.Н. Яцкевич // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX века. – Минск, 1996. – С. 426-427.

3. Игнатович, Ф.И. Вклад ученых и воспитанников Гродненской медицинской академии в развитие медико-биологических наук в Белоруссии и Литве / Ф.И. Игнатович // Дзеячы аховы здароўя і медыцынскай навукі Беларусі і Літвы на пераломе XVIII–XIX стагоддзяў: матэрыялы навук.-практ. канф. – Гродна – Белавічы, 1992. – С. 27–31.

4. Карцов, Г. Беловежская пуща: 1382–1902 / Г. Карцов. – Минск: Ураджай, 2002. – С. 40, 114, 130.

5. Пармузина, И.С. Царские охоты в Беловежской пуще: страницы истории / И.С. Пармузина, Н.Д. Черкас. – Минск: Беларусь, 2009. – С. 10.

6. Bernouli, J. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Rusland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778 / J. Bernouli. – Leipcig, 1780. – Bd. VI. – S. 40.

7. Daszkiewicz, P. Zoologiczne obserwacje doktora Giliberta / P. Daszkiewicz // Polityka i przyroda: rzecz o Jean Emmanuelu Gilibercie. – Warszawa: Wyd. Neriton, 1995. – S. 43–50.

8. Daszkiewicz, P. Zoologiczne obserwacje doktora Giliberta / P. Daszkiewicz // Polityka i przyroda: rzecz o Jean Emmanuelu Gilibercie. – Warszawa: Wyd. Neriton, 1995. – S. 46.

9. Gilibert, J.E. Observation de bisone Lithuaniko / J.E. Gilibert // Indagatores naturae in Lithuania seu opuskula varii argumenti guae historiam animalium, vegetabilium in Magno Dukatu Lithuaniae et Morborum, quibus in hak Provincia Homines vel maksime obnoxji sunt, illustrare possunt. – Vilnae: Typis Akademiam, 1781. – S. 30–49.

10. Slawinski, W. Dr Jan Emmanuel Gilibert, professor i zalozyciel ogrodu botanicznego w Wilnie / W. Slawinski. – Wilno, 1925. – S. 24–25.

11. Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/ Muntz, Johann Heinrich. – S. 2–3.

Виктор Бахарев

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В РУМЛЕВО

К настоящему времени в Беларуси благодаря активным археозоологическим изысканиям собран довольно хороший материал по ископаемым позвоночным животным [1, 2, 3]. Гродно и его окрестности представляют особую ценность для подобных работ. Румлево – памятник природы местного значения – оказался наиболее интересным объектом. На левом берегу Немана в 0,5 км ниже

по течению от д. Солы в 1983 году П.Ф. Калиновским [1] выявлены субфоссильные остатки млекопитающих. Отложения данных находок располагались под солифлюкационными и аллювиальными образованиями, которые сформировались во время максимальной стадии последнего оледенения. Намного раньше, в 1937 году, при сооружении искусственной дорожной выемки под толщей древнеаллювиальных песков обнаружено большое количество костей крупных млекопитающих, хранящихся в фондах Гродненского государственного историко-археологического музея. По определениям Н.К. Верещагина и В.И. Громова, позднее В.В. Щегловой [4], здесь обнаружены кости мамонта, шерстистого носорога, ископаемой лошади, быка, благородного и северного оленей, бурого медведя. Эта ископаемая фауна указывает на возможность формирования вмещающих ее отложений в валдайское время. В 1975 году [1] в 400 метрах от Немана на левом берегу дорожной выемки были заложены шурфы и на дне оврага (рис.) при расчистке были обнаружены субфоссильные элементы скелета леммингов, мышей, суслика крапчатого и пищухи.

Приведенный список свидетельствует, что территория Гродно (Румлево) находилась в приледниковой зоне [5], где обитали виды окраин ледников (мамонт) и тундры (лемминги, пищухи), а в тундровых степях – суслики. Крапчатый суслик как реликт сохранился до настоящего времени и отмечен в трёх точках республики [6]. Специфическое сочетание приледниковой, тундровой и степной фауны объясняется особенностями времен года того периода.

Осенью под натиском ледника мамонты совершали большие миграции в более южные районы. Именно на этих миграциях такие стада подстерегали люди и, отбив от стада молодого неопытного мамонта, гнали его на край обрыва (крутой берег Немана) и, испугав, заставляли прыгать на стоящие внизу колья.

Уникальное сочетание приледниковой, тундровой и степной фаун свидетельствует о больших флуктуациях климата в период последнего Валдайского оледенения.

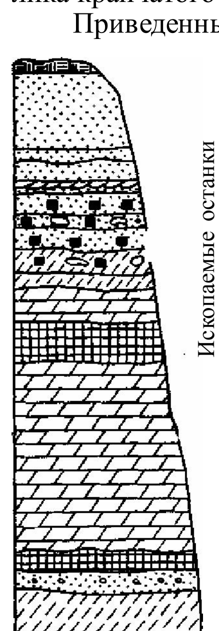


Рисунок – Схема разреза Румлево [1]

В период максимальной трансгрессии ледника в районе Румлево формировалась приледниковая зона с мамонтовой фауной, а во время регрессий сюда мигрировала степная фауна.

Румлево – уникальный природный комплекс со своей историей. И хотя уже вышло два издания [7] про этот удивительный уголок природы, но здесь далеко не все раскрыто. Нам удалось лишь приподнять завесу уникального прошлого этого воистину удивительного места.

Список литературы

1. Калиновский, П.Ф. Териофауна позднего антропогена и голоцена Белоруссии / П.Ф. Калиновский. – Минск: Наука и техника, 1983. – С. 34.

2. Кривальцевич, Н.Н. Некоторые результаты археозоологических исследований на неолитическом поселении Кузьмичи 1 (Предполесье Беларуси) / Н.Н. Кривальцевич, А.А. Разлуцкая, В.А. Бахарев // Человек, адаптация, культура: сб. науч. трудов / Институт археологии: отв. ред. А.Н. Сорокин. – М., 2008. – С. 147–161.

3. Кривальцевич, Н.Н. Палеоэкологический мониторинг последствий активной эксплуатации человеком зоны наземных и околоводных экосистем / Н.Н. Кривальцевич, В.А. Бахарев // Экологические проблемы западного региона Беларуси: сб. науч. статей / Учреждение образования «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы»; общ. ред. Е.П. Кремлева. – Гродно, 2007. – С. 187–190.

4. Щеглова, В.В. О фауне антропогенных млекопитающих Белоруссии / В.В. Щеглова / Палеонтология и стратиграфия БССР. – Минск: Наука и техника, 1963. – С. 216–248.

5. Структура и динамика последнего ледникового покрова Европы / под ред. Н.С. Чеботаревой. – М.: Наука, 1977. – 143 с.

6. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / Г.П. Пашков [и др.]. – Минск: БелЭн, 2004. – С. 37–39.

7. Экологические экскурсии по лесопарку Румлево / В.А. Бахарев [и др.]. – Гродно: ГОУПП «Гродненская типография», 2002. – 92 с.

Анастасия Азаренкова

ДРЕВНЕЙШИЕ ХРАМЫ ВИТЕБСКА: К ПРОБЛЕМЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

На рубеже XX и XXI веков началось возрождение «православного Витебска». Наиболее активно этот процесс происходит в XXI веке, так как по-прежнему остается актуальным сохранение памятников архитектуры. На сегодня восстановлены 3 церкви старой части Витебска, а это всего лишь малая доля того, что город имел в начале XX века. В Памятной книжке Витебской губернии за 1865 год

сообщается, что в 1552 году город был одним из богатейших по числу православных храмов. Насчитывалось более десяти православных храмов, а в начале 1618 года в Витебске было уже пятнадцать православных церквей. Но с распространением в Витебске унии число православных церквей начало уменьшаться и скоро осталась одна, именно св. Никольская. В 1865 году в городе насчитывалась 31 православная церковь [1].

Здания церквей представляют собой, прежде всего, историческую ценность. Это дает возможность проследить развитие различных направлений в архитектурных стилях. Многие из них меняли облик в зависимости от того, к какой конфессии принадлежали. Это будет видно из истории самой древней церкви города Благовещенской, Воскресенской (Рынковой), являвшейся резиденцией униатских епископов г. Витебска и, наконец, одного из богатейших ранее храмов – Свято-Никольского собора.

Летописные источники XVI–XVII вв. (Хроника М. Стрыйковского, Хроника Быховца) относят возведение Благовещенской церкви к XIV веку и связывают с именем князя Ольгерда, а вот в городской летописи XVII века говорится о возведении храма Благовещения в Витебске в 974 году княгиней Ольгой одновременно с основанием города. Согласно архивным данным первое обследование храма было осуществлено в начале XIX века А.М. Павлиновым, который выдвинул предположение о времени его возведения в рамках X–XII веков, более склоняясь к XI веку. Эта версия сделана на основе того, что кладка Благовещенской церкви совпадает с Софийским собором в Новгороде XI века, Антониевским монастырем начала XII века и Юрьевским – в Новгороде XII века. Вероятнее всего, Ольгерд в половине XIV века только возобновил обветшавшую древнюю Благовещенскую церковь; а построена она если не княжной Ольгою, то, может быть, княжившим в Полоцке Изяславом (1003 г.) или одним из ближайших его преемников [2]. Первая обоснованная датировка строительства храма выдвинута в начале двадцатых годов XX века Н.И. Бруновым (который отнёс её к XII веку) и не оспорена до сего дня. Результаты проводившихся археологических исследований (в 60–90 годы XX века) под руководством Г.В. Штыхова, О.А. Трусова, П.А. Раппопорта и Т.С. Бубенько, а также анализ и изучение архитектурных форм, строительной техники и фрагментов фресок дают основание датировать строительство церкви в пределах XII века и предположить участие в возведении храма византийских мастеров и использование византийского строительного опыта.

Благовещенская церковь была особо почитаемым и уважаемым храмом и для витеблян являлась тем же, чем Софийский собор для новгородцев и киевлян. Как свидетельствуют исторические документы, жители Витебска, покидая город или возвращаясь в него, челом били «светлому Благовещению». Храм этот был соборным, и здесь хранились королевские грамоты и городские книги [2]. В 1619 году Благовещенская церковь была передана униатам. Предварительно православные вынесли из него все святыни, оставив католикам пустой храм.

В документах отмечено, что в 1623 году не принявшие униатства витебские жители напали на униатских священников церкви. Предположительно причиной этих действий стал приказ тогдашнего униатского архиепископа И. Кунцевича забелить древние фрески известью. Решением комиссарского суда по делу об убиении архиепископа И. Кунцевича от 22 января 1624 года, у церкви Благовещения были отняты колокола, а священника Давида, «старого Благовещенского попа заочно приговорили к смертной казни» [3].

Церковь сильно пострадала во время Северной войны. В 1714 году воевода и войт витебский, Казимир-Александр Поцей, решив, что Благовещенская церковь из-за опустошений и пожаров не только лишилась своего благолепия, но и приходит уже в развалины, причислил к ней все местные цехи и всех ремесленников, для того чтобы они «делали взносы на ее исправление», а в 1759 году церковь перестроена в стиле позднего барокко [2]. В 1832 году храм возвращается православным. Проводится его капитальный ремонт – снимаются башни и устанавливается большой восьмигранный купол [3].

В 1862 году вновь проводится ремонт в Благовещенской церкви с целью придать ей по возможности первозданный вид. Однако при этом архитекторы храма не вернули первоначальный вид, а дали черты псевдорусского стиля. С главного фасада были сняты барочные брамы и фронтон, на месте которого построили каплицу.

В 1865 г. с правой стороны этого храма была двухэтажная каменная пристройка, вверху которой размещалось приходское училище для детей единоверцев, а внизу квартира сторожа и пономаря. В этой пристройке до 1862 года в верхнем этаже находилась зимняя церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. В 60-е годы XIX в. Благовещенская церковь являлась приходской, от казны она практически ничего не получала [1].

Свято-Никольский собор располагался на нынешней площади Свободы. Здесь согласно Инвентарю Полоцкой архиепископии

от 10 января 1618 года стояла стародавняя деревянная православная церковь святой Параскевы Пятницы. В скором времени то же место было отдано под строительство иезуитского корпуса. В 1644 году иезуиты построили на нем свой монастырь, который во время войны России с Речью Посполитой в 1654–1667 гг. был переделан в православный монастырь св. Алексея человека Божия. Главным зиждителем его был смоленский воевода Корвин-Гонсиевский.

В 1716 году коллегия витебских иезуитов начала строительство каменного костела и монастыря. В 1731 году костел был завершен и освящен.

В 1804 году при монастыре было училище, имевшее около 78 воспитанников. После изгнания иезуитов в 1820 году из России училище было закрыто, но в 1822 году оно было возобновлено и поступило к базилианам, в ведении которых было до воссоединения с униатами. В 1839 г. 12 февраля все белорусские униаты присоединились к православным, вследствие чего все имущество униатов перешло к православным [1]. В связи с переносом православной епископской кафедры из г. Полоцка в г. Витебск быстро прошел ремонт кафедрального собора, который находился в «печальном» виде после римско-католического владения. Бывший костел переименован в собор святого чудотворца Николая, архиепископа Мирликийского.

26 октября 1844 года он обращен в православный кафедральный собор. С 1869 по 1872 гг. прошел ремонт. Был сооружен купол над средней частью храма, две фасадные башни получили вид, соответственный храмам православным, и в эти башни поместили колокола. В 1890 году был пристроен притвор, и кафедральный собор получил свой настоящий архитектурный стиль. В 1895 – апреле 1896 гг. производился ремонт [3].

В 60-х годах XIX века Никольский собор имел крестообразную форму, с весьма малыми выступами боковых частей, на нем кроме купола две глухих башни. В это время Никольский собор не отличается ни богатством утвари, ни скоплением замечательных древностей [1].

Сегодня Воскресенская (Рынковая) церковь находится на Узгорье, возле городской Ратуши. Название получила от бывшего когда-то напротив нее рынка. Согласно письменным источникам деревянная православная церковь существовала уже в 1558 г. Однако навряд ли можно считать этот год ее основанием, так как в это время действовал королевский указ Казимира Ягеллончика, зап-

рещавший в Беларуси заново возводить православные церкви. Считалось, что достаточно лишь возобновлять церкви уже существовавшие. Следовательно, и эта церковь была впервые возведена из дерева еще ранее: где-то в XIV – начале XV века. Можно лишь допустить, что к середине XVI века она была уже «опалой», и накануне 1558 года была возобновлена и превратилась в церковь, «стоячую» при новом городском рынке, которого ранее не было. В Инвентаре имущества архиепископа Полоцкого, составленного в январе 1618 года, говорится о том, что в этом либо следующем году он попал в руки униатов. В таком состоянии эта церковь пребывала еще до того года, до того времени, когда по сообщению городской летописи, «в 1680 году, месяца сентября 16 дня выгорел Витебск, сам город, четыре церкви, ратуша и торговые ряды», среди этих четырех церквей вблизи ратуши была и Воскресенская (Рынковая) [1].

Дальнейшие перипетии возобновления Воскресенской церкви опять как деревянной после частых в начале XVIII в. пожаров едва ли можно проследить до конца, и то лишь по сопоставлению опубликованных в XIX веке указаний на серебряные позолоченные чаши (келихи) и другие декорированные изделия.

Возведение нового каменного храма, согласно проведенным археологическим раскопкам в начале 1990-х годов, относят к 1740–1750 годам. Построена она была в стиле «виленского» барокко на том месте, где стояла древняя православная Воскресенская церковь. Строителем нового храма был униат, витебский купец Николай Смык. А в 1772 году Воскресенская (Рынковая) церковь, по-видимому, была освящена [4].

В 1812 году, во время занятия Витебска войсками французской армии, в Воскресенской церкви помещалась сперва гауптвахта, а потом запасы сена и соломы. Под восточной башней церкви, благодаря местному священнику Димитрия Пожарского и церковному старосте купцу Цитринко, устроена небольшая часовня в честь святого Антония Римлянина. В это время это была единственная часовня в городе [1].

В 1834 году церковь поступила в православное ведомство, тогда же на ней был устроен деревянный купол и поставлен иконостас. В 1841 г. полоцкий епархиальный архитектор А. Порта предложил новый проект ее перестройки, однако во второй половине XIX века он так и не был полностью осуществлен.

Церковь всегда играла важную роль в истории города. Однако во время существования Советского Союза она была забыта, а зда-

ния, которые представляли историческое наследие, были частично либо полностью разрушены. С октября 1917 года судьба церквей резко меняется, и хотя делаются попытки по их сохранению, ни одна из трех церквей практически не сохранилась. Судьбу православных храмов решил Закон «Об отделении церкви от государства», изданный в 1918 году.

В 1922 году было издано постановление СНК БССР об охране памятников. Несмотря на то, что согласно постановлению СНК БССР от 1 июля 1926 года Благовещенская и Воскресенская (Рынковая) церкви входили в список охраняемых государством памятников, последняя была взорвана в 1936 году.

Никольский собор, как свидетельствует список памятников архитектуры г. Витебска 1946 года, был довольно сильно разрушен в годы войны и после в нем находился склад отдела социального обеспечения.

В октябре 1949 года управлением по делам архитектуры при Совете Министров БССР был создан новый список памятников архитектуры по г. Витебску. Никольский собор, как и другие 10 церквей, в список не были включены. В 1952 году предполагалось использование части Никольского собора в качестве хранилища книг, но согласно акту от 1 мая 1952 года было установлено, что это возможно только в правой части храма не более чем на 6 месяцев, так как сыро и только при условии создания временной кровли. 6 июля 1952 года было принято решение исполкома Витебского городского Совета депутатов трудящихся «О передаче коробки бывшего Никольского собора областному управлению МВД для постановления и реконструкции под государственный архив Витебской области». Но уже в августе того же года приняли решение о реконструкции коробки бывшего Никольского собора под кинотеатр, в связи с необходимостью благоустройства площади. В 1957 году высшие инстанции вновь изменили свое решение. 12 марта были проведены подрывные работы, в результате которых здание собора было уничтожено. 13 апреля 1957 года председатель Витебского горисполкома дал распоряжение гормхозу премировать работников, которые отличились при проведении подрывных работ [5].

Судьба же Благовещенской церкви также довольно печальна. В июне 1929 года здание церкви было передано Административному отделу Исполкома. Руководствуясь задачей охраны этого здания как редкого памятника XII века, который имеет фрески примерно этого же времени, и созданием там антирелигиозного отде-

ла, государственный музей возобновил ходатайство перед Административным отделом о передаче здания этой церкви в его распоряжение. Администрация ответила согласием, однако, как оказалось, пока проходило оформление документов, здание было передано студентам кооперативного техникума. После этого стало известно, что здание передается под сыпной пункт хлеба, а музейные ценности в распоряжение духовенства Никольского собора. Тогда государственный музей возобновил ходатайство о том, чтобы ему передали в полное распоряжение это здание вместе с пристройкой после израсходования зерна, а техникум перенесли в другое место [6]. Однако, по-видимому, музей так и не получил это здание.

В 1947 г. был утвержден новый список памятников архитектуры общесоюзного значения, куда вошла только Благовещенская церковь. Как видно из следующего документа, в послевоенное время вновь встал вопрос об сохранности здания церкви. «Несмотря на исключительную важность сохранения такого памятника ... до сих пор не восстановлен. Мало того, вследствие отсутствия должной охраны помещение церкви загрязнено, часть здания занята даже жильцами». В связи с необходимостью восстановления здания церкви, встал вопрос кому его передать на условиях осуществления ремонта. До войны там размещался архив, поэтому решался вопрос закрепления за ним бывшей церкви [7]. В 1951 году согласно решению исполкома Витебского городского Совета депутатов трудящихся была отведена территория под охранную зону памятника архитектуры, имеющего мировое значение. Также было принято решение о консервации данного памятника [8]. Постановлением Совета Министров БССР от 20 сентября 1961 года Благовещенская церковь была снята с учета [10]. В этом же году был составлен акт представителями Министерства культуры СССР – госуд. инспектором по охране памятников культуры Масленниковым В.С. и научным сотрудником научно-методического совета по охране памятников культуры архитектором Антроповым Л.И. в присутствии начальника Витебского областного отдела по делам строительства и архитектуры т. Чернышева В.П., свидетельствующий о разборке памятника. Она производилась экскаватором с разбивкой стен «грушей». «На 22.12.1961 г. разобраны полностью южные пристройки. Разрушены и находятся в руинах: восточные и северные стены, большая часть западной пристройки, внутренние четыре столба и своды. Далее должна была произойти консервация памятника, что видно из переписки старшего архитектора по охране памятников

архитектуры И. Элентуха с заместителем Председателя Совета Министров БССР Климовым И.Ф., на основании того, что это один из трех памятников на территории Беларуси, сохранившийся с XII века очень разрушенным, а «восстанавливать его в прежних формах нецелесообразно» [11]. Однако консервация была проведена только в 1977 году.

В 1990-х годах началась разработка проекта реставрации Благовещенской церкви в ее историческом облике. В 1992 г. было принято решение Витебского областного Совета Народных депутатов о восстановлении Благовещенской церкви, работу планировалось закончить в 1995 году. На реставрацию памятника архитектуры было выделено из областного бюджета 500 тыс. рублей. Как видно из следующего документа, в январе 1995 года, когда проходили реставрационные работы, было замечено, что «стены возводятся из недолговечной кладки, уровнем качества ниже современной... грубо нарушается технология строительства», сомнение вызвала и «штукатурка фасадов вместо декоративной кладки, вторично хоронится уникальная архитектура и историческое своеобразие памятников». Надо полагать, восстановление памятника архитектуры было приостановлено [10]. Но уже в марте этого же года при новой проверке реставрации было установлено, что «кладочный и штукатурный растворы идентичны по времени (ориентировочно XII в.)», реставрационные работы были продолжены под надзором Госстройнадзора Витебска.

Сегодня эта церковь восстановлена по проекту Г.А. Лаврецкого с сохранением фрагментов оригинальной кладки. В сентябре 2001 года было начато восстановление и Воскресенской (Рынковой) церкви, которое закончилось в 2011 г. Кто знает, может быть, и Никольский собор получит еще одну жизнь. Благовещенская и Воскресенская церкви включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

Согласно Закону Республики Беларусь от 9 января 2006 года «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» государственная политика в этой сфере основывается на следующих принципах: признание историко-культурного наследия фактором развития государства, ответственность государства за сохранение историко-культурного наследия, участие граждан в охране историко-культурного наследия. Одними из основных направлений государственной политики в сфере охраны историко-культурного наследия являются: сохранение и обновление историко-культурных

ценностей, использование их с учетом необходимости, безусловное сохранение их отличительных духовных, художественных и документальных особенностей, финансирование охраны памятников за счет средств республиканского и местного бюджетов, а также других источников, не запрещенных законодательством Республики Беларусь [11]. Причинение вреда памятникам историко-культурного наследия согласно уголовному кодексу Республики Беларусь карается законом.

Таким образом, историю памятников архитектуры условно можно поделить на три этапа. Первый – дореволюционный, когда эти памятники старины не раз меняли свой архитектурный облик, но при этом были поддерживаемы политикой государства. Второй период, с 1917 и по 1991 годы, когда церкви были уничтожены государством либо достаточно сильно разрушены в годы войны. И, несмотря на то, что они время от времени входили в список государственных ценностей БССР, все равно подверглись разрушению. Из всех храмов уцелел лишь фундамент Благовещенской церкви. Именно в этот период церковь подверглась гонениям со стороны власти, что и послужило причиной ее исчезновения как памятника архитектуры. И наконец, третий период – последнее десятилетие XX века до сегодняшних дней, когда идет процесс восстановления утраченной старины.

Список литературы

1. Памятная книжка Витебской губернии / издана Витебским Губернским статистическим комитетом. – Санкт-Петербург: Типография К. Вульфа, 1865.

2. Сапунов, А. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии / А. Сапунов. – Витебск: Типо-Литография бр. Г. и П. Подземских, 1903. – 19 с.

3. Трусова, Е. История уничтожения Николаевского собора в Витебске / Елена Трусова // Витебские епархиальные ведомости. – 2000. – № 1. – С. 28–31.

4. Левко, О.Н. Витебск: Древнейшие города Беларуси / О.Н. Левко. – Минск: Беларуская навука, 2010. – 334 с.

5. Православная церковь на Витебщине (1918 – 1991): Документы и материалы / сост. В.П. Коханко. – Минск: НАРБ, 2006. – 208 с.

6. Дело Витебского государственного культурно-исторического музея Народного комиссариата просвещения БССР // Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 1947. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 25.

7. Директивные указания решения Витебского облисполкома // ГАВО. – Фонд 2820. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 9.

8. Решения Исполкома Вт. Горсвета депутатов трудящихся за 1951 г. // ГАВО. – Фонд 2820. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 24.

9. Переписка по вопросу охраны памятников архитектуры // ГАВО. – Фонд 2820. – Оп. 6. – Д. 291. – Л. 2.

10. Переписка с Министерством архитектуры и строительства РБ о реставрации Благовещенской церкви г. Витебска // ГАВО. – Фонд 2820. – Оп. 10. – Д. 553. – Л. 1.
11. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г., № 98-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 98-3. – С. 68–91.

Светлана Словик

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ УСАДЕБНО-ПАРКОВОГО КОМПЛЕКСА В ТЕОЛИНЕ (Волковысский район Гродненской области)

По данным польского исследователя историка Романа Автанази, современное поселение Теолин до начала XVIII в. значилось как фольварок Россь-Волковысский и находилось во владении магнатов Олендских (по другим данным Колонтаев) [1, с. 338]. Однако примерно в 1750 г. земельные угодья перешли к магнатам Грабовским. В честь своей дочери Теодоры (по другим сведениям – жены) Стефан Грабовский переименовал фольварок Россь-Волковысский в Теолин. Таким образом, современное название существует с середины XVIII века. В то время Грабовские занимали высокие должности в Великом княжестве Литовском и имели достаточные средства для возведения резиденции в Теолине. Однако уже в первой половине XIX века имение Теолин, которому принадлежали и несколько близлежащих деревень, делилось между кредиторами. Архивные материалы свидетельствуют о сложном финансовом положении Грабовских и материальной задолженности, что привело к распродаже некоторой части имения. «В 1824 г. в марте эксдивизорский суд, деливший между кредиторами им. помещика Графа Ксаверия Грабовского, называемое Теолином в Волковысском уезде, выдал деревню Ятвезь помещице Добровольской, жене генерала-майора» [2, с. 4]. Однако центральная усадьба, которой являлся Теолин, оставалась в руках Грабовских, о чем также свидетельствуют архивные материалы: «Имение было отдано в вотчину в 1842 году 18 марта Ксаверию Графу Грабовскому. В состав имения входят деревни Скураты и Личицы» [3, с. 5]. Непосредственно Теолином Грабовские владели до начала Первой мировой войны [1, с. 384].

УСАДЕБНЫЙ ДОМ. Возведение магнатской резиденции в имении Теолин связано с деятельностью Томаша Грабовского.

Основные строительные работы были закончены предположительно в 1788 г. К этому же времени относится и закладка парка около усадьбы Грабовских [1, с. 384]. Однако непосредственно сам дом был разрушен во время Первой мировой войны и больше не восстанавливался. Сохранились лишь официны и парк, дающие более или менее целостное представление об устройстве усадьбы.

Имение было построено на возвышенности, на левом берегу реки Россь. Перед главным домом Грабовских находился открытый парадный двор, вокруг которого симметрично были поставлены одинаковые по своей конструкции официны.

ПАРК. Усадьбу Грабовских в Теолине окружал парк, который занимал около 8 га и имел каменное ограждение. С северной и восточной сторон внутри самого парка были сделаны искусственные пруды, которые наполнялись водой при помощи каналов шириной 20 м и протяженностью около 200 м до самой реки Россь. Парк делился на две части «Высокую» и «Низкую». «Высокая» часть парка, ближе к главному дому, была засажена декоративными кустарниками и деревьями, среди которых превалировала белая акация. Центр партера «Высокого» парка имел традиционный круг с бордюром из смородины альпийской. Склон возвышенности прорезали четыре полукруглые на разных уровнях аллеи [1, с. 384]. Сам склон был оформлен в виде четырех террас, охватывающих холм полукольцом с перепадами высот до 2 м [4, с. 78]. По террасам проходили тропинки. Такой прием обработки склонов холма в виде узких террас с дорожками – единственный случай в Беларуси [4, с. 78]. Здесь были использованы мотивы французских и голландских парков конца XVI – начала XVII в. Узкие террасы таких парков служили своеобразными видовыми и прогулочными площадками, обеспечивая осмотр парковой панорамы. Эта часть парка, скорее всего, выполняла функцию «парадного парка».

От усадебных домов и партера открывались виды в северо-восточном и юго-восточном направлении.

«Нижняя» часть парка также имела аллеи вокруг прудов и находилась в пойме р. Россь. К ней вели спуски вдоль склона холма от «парадной» части парка. Здесь парк пересекался каналом, который в данном случае выполнял дренирующую роль. Избыток воды отводился по второму каналу, расположенному перпендикулярно первому вдоль въездной аллеи. С нарушением водной системы территория оказалась переувлажненной. Сформировалось смешанное

насаждение лесопаркового типа из ольхи, клена, ясеня. Была еще одна часть парка с противоположной стороны, однако теперь она застроена (корпус пансионата). Всего в парке произрастал 31 вид деревьев и кустарников [4, с. 79].

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ. В исследовательской работе по истории строительства усадебно-паркового комплекса в Теолине были использованы как архивные материалы, так и монографии белорусских и зарубежных историков и культурологов. Следует отметить слабую сохранность материалов, касающихся данной усадьбы. Тем не менее в Гродненском Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно сохранились некоторые материалы, касающиеся усадьбы в Теолине. Например, Ф. 96 «Гродненский губернский комитет для составления и рассмотрения инвентаря помещичьих имений». Данный фонд имеет Опись 1. Дело 1045. Начатое в 16.02.1846 году и оконченное 23.10.1847 г. «Об утверждении инвентарного описания им. Теолин Волковысского уезда помещика Грабовского Ксаверия». Однако изложенные там факты относятся более к сельскохозяйственной деятельности и финансовой состоятельности усадьбы, и, практически отсутствуют сведения о количестве построек (господского дома, официн и т.д., парка). В этом же фонде присутствует Опись 19. Дело 34, начатое 3 апреля 1832 г. и оконченное 29 апреля 1833 г. Дело о разделе имущества усадьбы Теолин свидетельствует, что одна из деревень Ятвезь, принадлежавшая раньше Грабовскому, была отдана дворянке Добычиной. К сожалению, фактов, касающихся непосредственно строительства дома и закладки парка, нет.

Более или менее представление о плане усадьбы можно было найти в Ф. 11. Опись 6. Дело 108. На плане, сделанном в 1883 г. гродненскими губернскими архитекторами, видно, что усадьба Теолин уже имела построенный господский дом, официны, а также был заложен парк и канал, соединенный с рекой Россь.

Научная литература, к сожалению, также не очень богата на историческое описание усадьбы Теолин. Наиболее достоверную информацию можно было найти у Романа Автанази, польского исследователя старинных усадеб Беларуси междувоенного периода. Описанием парка усадьбы и его дендрологического состава занимался блестящий белорусский ученый А.Т. Федорук. Его книга «Садово-парковое искусство Белоруссии» дает наиболее ценный и подробный материал по усадебно-парковому комплексу в Теолине.

Список литературы

1. Aftanazi R. Dzieje rezydenji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. Wydanie drugie. – T. 11. – Wroclaw, Warszawa – Kraków, 1992.
2. ГУ «Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно» – Ф. 1. – Воп. 19. – Спр. 34 (дальше – ГУ НИАБ в Гродно).
3. ГУ НИАБ в Гродно. – Ф. 96. – Воп. 1. – Спр. 1045.
4. Федорук, А.Т. Садово-парковое искусство Белоруссии / А.Т. Федорук. – Минск, 1989.

Сяргей Грэсь

ГІСТОРЫЯ АРХІТЭКТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ ВАЎКАВЫСКА XVIII – XIX ст.

Былыя стагоддзі аставілі на Беларусі шмат гатычных замкаў і храмаў. Нездарма нашу Радзіму часамі называлі «Краіна гарадоў і замкаў». Аднак кравапралітныя войны знішчылі шмат архітэктурных шэдэўраў сярэднявякоўя. У часы Расійскай імперыі прынята было будаваць у «імперскім» класічным стылі.

Значныя змяненні ў канцы XVIII – першай палове XIX стагоддзя адбыліся ў архітэктурным вобліку гарадоў і мястэчак Гродзеншчыны. Пасля ўключэння Беларусі ў склад Расійскай імперыі беларускія гарады былі ўключаны ў агульны план перабудовы гарадоў Расійскай імперыі. Асноўныя пабудовы гарадоў і мястэчак гэтага перыяду былі драўляныя, аднак паступова ўзрасталі тэмпы каменнага будаўніцтва, колькасць такіх пабудоў у Ваўкавыску павялічылася з 5 у пачатку XIX стагоддзя да 25 у сярэдзіне 50-х гадоў XIX ст. [1, с. 12].

Архітэктура Ваўкавыскага ўезда вызначаецца асаблівай прыгажосцю. У кожным маёнтку былі прыгожыя паркі, якія захаваліся яшчэ і да нашых дзён. Захавалася шмат іншых архітэктурных помнікаў, асабліва старажытных храмаў.

Недалёка ад Ваўкавыска сёння знаходзіцца мястэчка Гнезна. Ва ўсходняй частцы Гнезна знаходзіцца некалькі мураваных жылых і гаспадарчых пабудоў гнезнаўскай сядзібы XIX ст.

Аб тым, як быў збудаваны панскі двор у другой палове XVIII ст., дае ўяўленне інвентар часткі маёнтка 1778 года. Галоўны ўезд на тэрыторыю сядзібы знаходзіўся збоку гасцінца. Тут стаяла ўязная брама. Сядзібныя пабудовы размяшчаліся па перыметры двара. З левага боку стаяў палац уладальнікаў, каля яго мясціліся гас-

падарчыя два гумны, адно з іх «са слупамі мураванымі», а таксама свіран, адрына, вазоўня і стайня. Будынкі былі драўляныя [2, с. 9–10]. Шмат гэтых будынкаў было знішчана вайной 1812 года.

За адраджэнне зруйнаванай сядзібы ўзяліся Тарасовічы, якія атрымалі маёнтак адразу пасля заканчэння вайны. Былі адноўлены згарэўшыя і ўзведзены новыя пабудовы, у большасці мураваныя, рэканструявана ўся тэрыторыя двара.

Тое, што ацалела, захавала сляды даўнейшых і больш позніх пераўтварэнняў Тарасовічаў у XIX – першай палове XX ст. Стары рэгулярны парк у XIX ст. паводле тагачаснай моды перапланавалі ў пейзажны.

Сярод захаваўшыхся мураваных сядзібных будынкаў вылучаецца размешчаны ў цэнтры двара жылы дом уладальнікаў маёнтка, пабудаваны у другой палове 30-х – пачатку 40-х гг. XIX ст. па праекце архітэктара А.Градзецкага. Яго воблік і ўнутранае афармленне ў цэлым вытрыманы ў класіцыстычных традыцыях, характэрных для шляхецкіх сельскіх рэзідэнцый другой паловы XIX ст. Прамавугольны аднапавярховы будынак вылучае высокая мансарда і двух’ярусны ганак у выглядзе порціка пасярэдзіне галоўнага фасада. Кожны ярус ганка аздабляе галерэя. На першым яна створана слупамі чатырохграннай формы і знаходзіцца толькі спераду. Другі ярус упрыгожаны тасканскімі калонамі спераду і чатырохграннымі па баках. Слупы другога яруса крыху танчэйшыя за слупы першага. І на першым і на другім ярусах яны злучаны паміж сабой паўцыркульнымі аркамі [2, с. 11].

Планіроўка дома анфіладная. Галоўны ўваход праводзіць у вестыбюль, які захаваў сляды былой рэпрэзентатыўнасці – карынфскія калоны. Даўней у пакоях захоўваліся і дэманстраваліся мастацкія творы, розныя антыкварныя і экзатычныя рэчы [2, с. 12].

Усе фасады будынка маюць асобныя ўваходы. Дзверы ўсходняга фасада вядуць на мураваную лесвіцу, па якой можна спусціцца да сажалкі.

Пры старым уездзе да панскага двара з боку гасцінца можна ўбачыць рэшткі брамы – дзве пары мураваных слупоў абапал алеі, якая вяла да дома гаспадара. Захаваліся некалькі мураваных слупоў былой сядзібнай агароджы, што цягнулася ўздоўж гасцінца.

Вялікая колькасць архітэктурных помнікаў адносіцца да грамадзянскіх пабудоў. Адным з такіх помнікаў з’яўляецца сядзібны дом па вуліцы Баграціёна, пабудаваны ў 1805 г. Прамавугольны ў плане драўляны аднапавярховы будынак накрыты высокім валь-

мавым дахам. Фасады прарэзаны прамавугольнымі аконнымі праёмамі. Цэнтральная частка з мансардай вылучана чатырохкалоным мураваным порцікам, завершаным франтонам крывалінейнага абрысу. Мансарда выходзіць на галоўны фасад шырокім балконам з драўлянай агароджай. Планіроўка анфіладная, у цэнтры – вестыбюль з лесвіцай [3, с. 10].

У Айчынную вайну 1812 г. з 23 да 30 чэрвеня ў доме знаходзіўся штаб камандуючага 2-й Заходняй арміяй П.І. Баграціёна.

Таксама захавалася сядзіба на заходняй ускраіне вёскі Краскі, на левым беразе ракі Зяльвянка. Сфарміравана ў XIX – пачатку XX стагоддзя. Уключае сядзібны дом, гаспадарчыя пабудовы, парк, сажалку. Уся тэрыторыя (50,2 га) падзелена на дзве часткі: паўночназаходнюю, якую займае лесапарк, і паўднёва-ўсходнюю, дзе размешчаны асноўныя жылыя і гаспадарчыя пабудовы, вакол іх – пейзажны парк. Кампазіцыйны цэнтр – сядзібны дом, арыентаваны галоўным фасадам на поўдзень. Уязную алею перасякае рака Зяльвянка.

Сядзібны дом складаецца з драўлянага аднапавярховага і мураванага двухпавярховага аб’ёмаў. Драўляны пабудаваны ў 1839 г. Прамавугольны ў плане на высокім цокалі будынак з анфіладнай планіроўкай жылых памяшканняў. Да яго ўсходняга тарца ў 1905 г. прыбудаваны мураваны аб’ём. У плане складанай формы, калідорнай сістэмы планіроўкі. Асноўны акцэнт кампазіцыі – круглая вежа, размешчаная з боку галоўнага фасада мураванага будынка. Другая меншая вежа (афармленне дымахода) знаходзіцца на стыку драўлянага і мураванага аб’ёмаў. У агульнай кампазіцыі і дэкаратыўнай аздобе сядзібнага дома выкарыстаны элементы эклектычнай архітэктуры [2, с. 14].

Парк пейзажнага тыпу. Плошча каля 6 га. Паводле планіровачнай кампазіцыі падзяляецца на тры часткі: партэрную – перад галоўным фасадам сядзібнага дома, прагулачную – па пакатым паўднёва-ўсходнім схіле ўзгорка і лесапаркавую – на ўзгорку. Партэрная частка з газонамі і кветнікамі, а па яе баках – адзіночныя дрэвы. Прагулачная частка парку – сістэма адкрытых палян, дэкаратыўных груп дрэў і свабодна спланаваных алей. Каля сядзібнага дома расце некалькі экзотаў: лох сярэбраны, хвоя веймутава, лістоўніца еўрапейская, акацыя белая, ламанос вінаградалісты, скумпія, конскі каштан звычайны і іншыя [2, с. 15]. Лесапаркавая частка – хваёвы лес з прагулачнымі алеямі, якія выходзяць да сядзібнага дома. Тут таксама растуць экзоты: елка блакітная, акацыя белая, уксуснае дрэва і іншыя [2, с. 15].

Вялікай прыгажосцю адрозніваецца парк у вёсцы Цеалін. Ён раскінуўся на левым беразе ракі Рось. Ён быў сфарміраваны ў XIX стагоддзі. Плошча каля 8 га. Захаваліся два мураваныя сядзібныя дамы (перабудаваны ў 1940-я гады для санаторыя). Парк пейзажнага тыпу з элементамі рэгулярнай планіроўкі. З поўначы і ўсходу абмежаваны двума каналамі, якія запаўняюцца вадой з ракі Рось. Мае трохчасткавую кампазіцыю. Першая частка – на вяршыні ўзгорка, паміж двума сіметрычна пастаўленымі сядзібнымі дамамі, уяўляе сабой партэр з кветкамі, кустамі, адзіночнымі пасадкамі дрэў. Другая частка – па пакатых схілах узгорка. Тут на розных узроўнях праходзяць тры паўкальцавыя алеі, аб'яднаныя лесвіцамі, якія вядуць да партэра. Трэцяя частка, размешчаная ў нізкай пойме ракі і абмежаваная каналамі, мае маляўнічую планіроўку з шырокімі палянамі і групамі дрэў. Пераважаюць ліставыя пароды – клён, ліпа. Цэнтр кампазіцыі – галоўная алея, якая пачынаецца ад вяршыні ўзгорка, праходзіць перпендыкулярна паўкальцавым алеям праз усю паркавую тэрыторыю, аб'ядноўваючы тры яе часткі [6, с. 13].

Сапраўднымі помнікамі архітэктуры з'яўляюцца старажытныя касцёлы і царквы, якія захаваліся вельмі добра ў Ваўкавыску і ўездзе.

Вацлаўскі касцёл у Ваўкавыску быў пабудаваны ў 1846–1848 гадах з цэглы, тэрыторыя абнесена агароджай з бутавага камяню і металічнай рашоткі. Галоўны ўваход вылучаны трохпралётнай мураванай аркай. Храм у плане прамавугольнай формы. Усходняя частка з прамавугольнай апсідай і двума сакрысціямі. У заходняй часткі абапал галоўнага ўвахода – два невялікія памяшканні, над якімі размешчаны хоры. Галоўны (заходні) фасад двухвежавы. Цэнтральная яго частка вылучана чатырма пілястрамі, бакавыя вырашаны як асновы аднаярусных чатырохгранных вежаў, фланкіраваны пілястрамі і завершаны трыглёфным фрызам і карнізам з сухарыкамі. Паміж вежамі атык крываліненйнага абрысу. Бакавыя фасады рытмічна раздзелены пілястрамі і дэкарыраванымі арачнымі паяскамі, якія абрамляюць паўцыркульныя аконныя праёмы.

У інтэр'еры два рады калон (па тры калоны ў кожным радзе) утвараюць тры нефы. Перакрыццё бэлячнае. Цэнтральны алтар вылучаны чатырма калонкамі і дэкарыраваны скульптурай (святога Пятра і Паўла XIX ст. з дрэва), ляпным арнаментам і размалёўкай. Два бакавыя алтары па канструкцыйным вырашэнні паўтараюць цэнтральны, аздоблены вітражамі [4, с. 13–15].

Касцёл Святога Яна знаходзіцца на паўночна-заходняй ускраіне вёскі Воўпа. Пабудаваны ў 1773 г. з дрэва. Касцёл двухве-

жавы, прамавугольны ў плане з выступаючымі пяцісценнымі крыламі трансепта. Алтарная частка знаходзіцца ў асноўным аб'ёме. Пры галоўным уваходзе – тамбур, да якога з двух бакоў далучаны невялікія службовыя памяшканні. Галоўны (паўднёва-заходні) фасад вылучаны аднаяруснымі квадратнымі ў плане вежамі, паміж якімі прамавугольны франтон. Вежы завершаны невысокімі купаламі, франтон – галоўкай на чацвяраку. Невялікая галоўка размешчана над алтарнай часткай. Бакавыя фасады расчляняны вертыкальнымі сцяжкамі і прарэзаны высокімі лучковымі аконнымі праёмамі. Сцены ашаляваны, вуглы расшыты пад руст. Дах двухсхільны, ламаны [3, с. 11].

Інтэр'ер зальны, плоская бэлячная столь пафарбавана ў блакітны колер з разеткамі, сцены – пад чырвоную цэглу. Алтары драўляныя, разныя. Галоўны адносіцца да першай паловы XVII ст. (у другой палове XVIII ст. перанесены з касцёла XVI ст.), два бакавыя – да другой паловы XVIII ст. Галоўны алтар двух'ярусны, з развітым прафіляваным антаблементам і высокім цокалем. Першы ярус вылучаны чатырма калонамі карынфскага ордэра, дзве сярэднія калоны дэкарыраваны накладной пазалочанай разьбой у выглядзе вінаграднай лазы з гронкамі, бакавыя гладкія, пакрыты пазалотай. Першы ярус галоўнага алтара завершаны трохвугольным франтонам, у тымпане якога барэльефная выява Саваофа. Другі ярус кампазіцыйна паўтарае першы, дадаткова аформлены двума калонамі. Абапал калон – драўляныя паліхромныя скульптуры святога Пятра і Паўла. Завяршаецца алтар арнаментальным фрызам. Першы і другі ярусы дэкарыраваны гарэльефнымі выявамі галовак анёлаў [3, с. 12].

У цэнтры старой часткі Гнезна пабудаваны Міхайлаўскі касцёл, адзін з старажытнейшых помнікаў архітэктуры. Пабудаваны ў 1527 г. з цэглы, неатынкаваны, рэстаўрыраваны ў 1840 і 1930 гг. [2, с.15].

У цэнтры вёскі Ізабелін у канцы XVIII ст. пабудавана Міхайлаўская царква. Царква ў плане – выцягнуты прамавугольнік з прыбудаваным у 1924 г. да галоўнага фасада драўляным тамбурам. Галоўны фасад завершаны чатырохграннай вежай – званніцай з шатровым верхам і цыбулепадобнай галоўкай. Сцены бакавых фасадаў дэкарыраваны пілястрамі, паміж якімі лучковыя аконныя праёмы. Перакрыццё бэлечнае, драўлянае, у тамбуры мураваныя крыжовыя скляпенні. У тоўшчы сцяны тамбура знаходзіцца лесвіца, якая вядзе на званніцу. Алтарная частка аддзелена ад асноўнай двума капітальнымі сценамі. Пры ўваходзе вузкі тамбур,

утвораны мураванымі ўнутранымі сценамі. Над тамбурам невялікія хоры [2, с. 16].

Таксама ў Ізабеліне знаходзіцца пабудаваны на паўночнай ускраіне вёскі ў 1778 г. Петрапаўлаўскі касцёл. Пабудаваны з цэглы, ён прамавугольны ў плане, у паўночна-заходняй частцы – паўцыркульная апсіда. Галоўны (паўднёва-ўсходні) фасад аднавежавы, расчлянёны чатырма пілястрамі і завершаны антаблементам з развітым карнізам. Васьмігранная вежа-званніца ўзвышаецца над трапецападобным франтонам (завяршэнне вежы не захавалася). Плоскасці сцен бакавых фасадаў раздзелены пілястрамі і лучковымі аконнымі праёмамі. Інтэр'ер зальны, мае плоскае драўлянае перакрыццё. Пры ўваходзе – дзве масіўныя калоны, якія падтрымліваюць хоры. Перад калонамі знаходзіцца невялікі тамбур, перакрыты цыліндрычным скляпеннем з распалубкамі. Абапал тамбура размешчаны службовыя памяшканні. Дэкаратыўнае ўбранне інтэр'ера не захавалася [5, с. 75].

На паўночна-заходняй ускраіне вёскі Кузьмічы была пабудавана ў 1850–1855 гг. царква Аляксандра Неўскага. Галоўны паўночна-заходні фасад мае трохвугольнае завяршэнне. Над ім – невысокая званніца (чацвярык), накрытая шатровым дахам. Уваход аформлены стральчатай аркай. Сцены бакавых фасадаў прарэзаны трыма стральчатымі аконнамі праёмамі. Пры ўваходзе дзве квадратныя ў плане калоны, адна з іх падтрымлівае невялікія хоры. Перакрыццё – цыліндрычнае скляпенне – дэкарыраванае ляпнымі гравюрамі, якія ствараюць зоркавы малюнак і надаюць інтэр'еру храма маляўнічы выгляд [5, с. 79].

У цэнтральнай частцы пасёлка Рось пабудаваны ў 1801 г. з цэглы Троіцкі касцёл. На паўднёвы ўсход ад касцёла асобна пастаўлена двух'ярусная мураваная званніца, пабудаваная ў 1908 г. Храм – прамавугольны ў плане будынак з нязначна выступаючым трансептам і паўцыркульнай абсідай. Галоўны (паўднёвы) фасад завершаны трыгліфным фрызам з развітым карнізам, над якім атыкавы франтон з паўкруглым аконным праёмам у тымпане. Бакавыя фасады дэкарыраваны рустоўкай і завершаны прафіляваным карнізам. Уздоўж бакавых сцен праходзіць галерэя з драўлянай агароджай. Сцены завершаны масіўным карнізам з сухарыкамі. У інтэр'еры пад уваходам – хоры на чатырох круглых у плане калонках. На сценах, скляпеннях асноўнага аб'ёму і алтарнай часткі размешчаны жывапісныя кампазіцыі на біблейскія тэмы і дэкаратыў-

на-архітэктурная размалёўка, якая стварае ілюзорнае ўяўленне прасторы. Драўляны разны алтар двух'ярусны, расчлянёны калонамі карынфскага ордэра, дэкарыраваны накладной пазалочанай разьбой і скульптурай [6, с. 125].

Архітэктура Ваўкавысскага ўезда прадстаўлена выдатнымі помнікамі канца XVIII – першай паловы XIX стагоддзя. Выдатныя сядзібныя ансамблі ў Гнезна і Красках радуюць вока і зараз. Цудоўныя паркі, закладзеныя памешчыкамі, не губляюць сваёй прыгажосці і велічнасці. Сапраўднымі шэдэўрамі архітэктуры гэтага перыяду з'яўляюцца цэрквы і касцёлы. Менавіта ў гэты перыяд упершыню пачынаюць шырока выкарыстоўваць тыпавыя праекты. Асноўным архітэктурным стылем у гэты час становіцца класіцызм. Акрамя ўзгаданых у дадзеным артыкуле збудаванняў гэта зямля захавала некалькі палацава-паркавых комплексаў, фактычна недаследаваныя да сённяшняга часу архітэктурныя помнікі ў Вялікай Лапейніцы, Свянціцы.

Спіс літаратуры

1. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь у Гродна (далей – НГА РБ у Гродна). – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 1801. Справа аб забудове ў Ваўкавыскім уездзе.

2. Пярвышын, У.М. Помнікі Гнезна – Памятники Гнезно: гіст.-архіт. нарыс / У.М. Пярвышын. – Мінск: Полымя, 1991. – С. 20.

3. Орловский, Е.Ф. Гродненская губерния в 1812 г.: исторический очерк / Е.Ф. Орловский. – Гродно, 1912.

4. НГА РБ у Гродна. – Ф. 1. – Воп. 20. – Спр. 718. Справа аб выдаткаванні сродкаў на пабудовы ў сядзібе Краскі Ваўкавыскага ўезда.

5. Зборнік помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэму (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭН, 1986. – С. 129.

6. НГА РБ у Гродна. – Ф. 1. – Воп. 20. – Спр. 1804.

7. НГА РБ у Гродна. – Ф. 1. – Воп. 1. – Спр. 2176.

8. Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. Т. 4: Варанецкі – Гальфстрым / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭН, 1997. – С. 44.

Алеся Русак

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ МОЛОДЕЧНЕНЩИНЫ В XX в.

Предпосылки становления системы здравоохранения в рассматриваемом регионе в том виде, в котором она существовала в

XX веке, прослеживаются с конца XVIII века, когда белорусские земли вошли в состав Российской империи. Тогда были образованы местные органы управления здравоохранением. По российскому образцу вводятся должности уездных врачей, образуются губернские врачебные управы, а также приказы общественного призрения. Последние стали первыми государственными учреждениями в Беларуси, на которые возлагались задачи открытия и содержания больниц, аптек, приютов [11, с. 5]. В конце 1820-х годов вслед за губернскими центрами больницы приказов общественного призрения начинают открываться и в уездных городах. Одним из этапов развития системы здравоохранения в регионах было издание закона «О сельской врачебной части» (1887 год), согласно которому в Вилейском уезде Виленской губернии, к которому принадлежала и Молодечненщина, были созданы два врачебных участка: № 1 – в местечке Кривичи и № 2 – в городе Молодечно. Молодечненский участок имел лечебницу в городе, приёмные фельдшерские комнаты в посёлках Илье и Городке, ФАП в посёлке Красном. Городская лечебница располагалась в здании учительской семинарии. Строительство настоящей лечебницы было начато во второй половине 1891 года. В июле 1892 года она была введена в строй (здание больницы служило до 1956 года). На 1905 год в больнице лечился 131 человек [8, с. 125].

Помощь на сельских врачебных участках была бесплатной, однако жители обращались за медицинской помощью только в случае сильного недомогания. Например, в 1906 году в Виленской губернии в сельских лечебницах находилось на лечении только 0,14 % населения.

В начале XX века в восточных губерниях Беларуси продолжали функционировать, а также открывались новые лечебные учреждения ранее возникших организационных форм – общественной, частной, ведомственной, фабрично-заводской медицины. К тому же в это время произошли коренные изменения медицинского санитарного устройства, выразившиеся в становлении и развитии новых организационных форм: земской, городской и страховой медицины. В улучшении ситуации в здравоохранении особое значение имела земская медицина, которая за короткий срок своего существования на белорусских землях проявила лучшие традиции: муниципальное по характеру и должное по объёму финансирования, территориально-участкового принципа развитие специализированной помощи и санитарной организации. На медицину отпускалось в среднем 25–

30 % земского бюджета [10, с. 29]. В отличие от восточных белорусских губерний, в Виленской губернии земства не были введены и традиции земской медицины отсутствовали.

Начало страховой медицине на белорусских территориях положил закон об обязательном страховании рабочих на случай болезни 1912 года. Согласно этому закону, в 1914–1915 годах фонд больничной кассы складывался из взносов владельцев (40 %) и рабочих (до 60 %). Больничная касса имела устав, которым руководствовался исполнительный орган – правление. В уставе, например, Минской больничной кассы предусматривалась выплата пособий (при утрате трудоспособности в связи с заболеванием, травмой, беременностью, родами), организация лечебных учреждений, заключение договоров на лечение в земских, частных и городских медицинских учреждениях.

В 1921 году Молодечненский регион вошёл в состав польского государства и стал частью новой административно-территориальной единицы – Виленского воеводства. До 1939 г. здравоохранение на территории Западной Беларуси имело многоукладный характер. Примерно 10 % средств, направленных на функционирование здравоохранения, выделялось государством, 35 % – общественными организациями и 55 % – органами территориального самоуправления (85 % всех средств шли на борьбу с эпидемиями). При воеводских управлениях были отделы общественного здоровья, а при поветовых староствах – должности поветовых врачей. В воеводское управление входили начальник – врач, врачебный и фармацевтический инспектора, 4 канцелярских работника [10, с. 25].

С 1927 г. в Молодечно работала больница на 35 коек, население пользовалось услугами двух докторов. К 1939 году на весь Молодечненский уезд со 100-тысячным населением была только 1 больница – в городе Молодечно, где работали 7 врачей [3, л. 2].

В 1939–1941 годах на Молодечненщине действовали районные больницы в Молодечно, Радошковичах, участковые больницы в Лебедево, Красном. С 17 сентября 1939 г. на Молодечненский регион, как и на все недавно присоединённые к БССР земли, распространялась единая система государственного здравоохранения. При местных органах власти – временных комитетах – создавались отделы здравоохранения. Открывались новые медицинские учреждения. Однако вновь открытые учреждения испытывали острую нехватку кадров: часть врачей в 1939 году была мобилизована в польскую армию, часть – выехала в центральные воеводства,

часть – репрессирована и выслана. По данным М. Дуткевича, 67 врачей, 5 стоматологов и 10 фармацевтов Новогрудского, Полесского, Виленского и Белостокского воеводств погибли в Катыни [11, с. 98]. Значительный рост числа врачей в Западной Беларуси в 1939–1941 годах был обеспечен за счёт персонала, направлявшегося из восточных районов Беларуси. Выросло и общее число коек в больницах в районе.

С 1940 по 1941 годы в городе Молодечно, который в этот период имел статус районного центра, существовали 2 аптеки, амбулатория и городская больница, действовавшая и в период немецкой оккупации. Больницу возглавлял Иосиф Николаевич Цырлинский, расстрелянный фашистами в Вилейской тюрьме за помощь партизанам медикаментами [10, с. 28].

За годы Великой Отечественной войны на территории Молодечненской области, существовавшей с 1944 по 1960 гг., было повреждено и разрушено 84 медицинских учреждения. Из них сохранились: на 50 % – 3 больницы, на 75 % – 1 больница, на 90 % ещё одна больница, на 30 % – 1 поликлиника, на 50 % – 1 женская детская консультация, на 75 % одни детские ясли и на 75 % – 1 ФАП. После войны в Молодечненском регионе здравоохранение поднималось из руин. Как и во всей республике, формирование сети медицинских учреждений шло медленно, зато активно внедрялись организаторские проекты и развивалась система управления здравоохранением [10, с. 45].

В 1944 году были созданы Наркомздрав Беларуси и главное аптекоуправление Беларуси, республиканские, городские, районные, железнодорожные чрезвычайные противоэпидемические комиссии, противоэпидемические тройки при сельских Советах, сеть санитарных контрольных и обсервационных пунктов. В 1946–1955 годы медицинские учреждения продолжают располагаться в приспособленных зданиях, новых строится немного. С 1946 г. видоизменяются органы управления: Наркоматы становятся Министерствами. Министерство включало 15 управлений и отделов. В конце 40-х заведующими районными отделами Министерства здравоохранения назначаются врачи. Во всех областях в конце сороковых годов открываются больницы, в них в 1955 г. создаются организационно-методические кабинеты [5, л. 2].

Значительные качественные изменения в организации лечебно-профилактической помощи произошли за период 1948–1951 годов. Согласно приказу Министерства здравоохранения СССР

№ 870, в Беларуси было завершено объединение больниц и поликлиник. К началу 1951 г. произошло упорядочение сети и введение единой номенклатуры лечебно-профилактических учреждений, к типовым категориям приведены 7 из 12 областных, 91 – из 125 районных, 370 – из 387 участковых больниц. В городах утверждался участково-территориальный принцип, формировались единые врачебные участки с фиксированными нормами обслуживания (2 терапевта на 3000 взрослых, 1 педиатр на 1000 детей). В 1951 г. участковая организационная форма оказания медицинской помощи составила 60 %, а 32,7 % терапевтов объединённых больниц работали по трёхзвеньевой системе (стационар – поликлиника – обслуживание на дому). В 1954 г. эта система была отменена и рекомендована двухзвеньевая система (поликлиника – участок или реже стационар – участок). С 1951 г. введён участково-цеховой принцип медицинского обслуживания рабочих. В 1953–1955 гг. введены новые формы медицинских статистических документов (учётные – талон уточнённых и заключительных диагнозов, контрольная карта диспансерного наблюдения, извещения об эпидемических заболеваниях, врачебное свидетельство о смерти, а также некоторые отчётные документы) и порядок их использования в статистике смертности и заболеваемости. Сельские амбулаторные участки стали преобразовываться в больничные. С 1952 г. внедряется диспансерный метод наблюдения сельских больных.

С начала 50-х годов намечается прогресс в строительстве новых зданий для медицинских учреждений. С 1950 года введён предварительный санитарный контроль проектирования и строительства, открыты первые врачебно-физкультурные диспансеры и кабинеты, которые управлялись и финансировались непосредственно Министерством здравоохранения Беларуси.

На фоне экстенсивного развития медицинской сети наблюдается рост специализированной помощи: детской хирургической, нейрохирургической, урологической. В областных городах открываются психиатрические диспансеры, стоматологические поликлиники. В 1953 году по сравнению с 1948 летальность снижается в 1,5 раза.

Что касается Молодечненского региона, то в связи с образованием в 1944 году Молодечненской области здесь охрана здоровья стала активно развиваться не только в направлении становления управленческих структур, но и сети медицинских учреждений. Сразу после освобождения была открыта молодечненская городс-

кая больница, вводятся в эксплуатацию новые здания детской больницы, областной санэпидемстанции, городской поликлиники. Уже в 1945 году в городе Молодечно была больница, станция скорой помощи, противотуберкулёзный пункт, родильный дом, поликлиника, женско-детская консультация, государственная санитарная инспекция. В 1946 году стационар располагал 60 койками, а в 1947 году – 82. Городская поликлиника с терапевтическим, хирургическим, гинекологическим, кожно-венерологическим, трахоматозным, стоматологическим, рентгенологическим кабинетами располагалась в приспособленных зданиях. 29 августа 1949 года при Молодечненском облздравотделе была создана даже санитарная авиастанция. С 1951 по 1955 годы в Молодечно были построены аптечный склад и областная санитарно-эпидемиологическая станция, проведена реконструкция городской больницы, городская поликлиника переведена в более пригодное помещение. В 1951 году областная детская больница имела 75 коек, в 1953 – 150. В 1954 году в ней работали 31 врач и 216 человек младшего медицинского персонала. Общее количество коек по области в больницах и других стационарах, кроме психоневрологических, составляло в 1958 году – 3428, в 1959 году – 3710, в 1960 году – 3845 [5, л. 18].

В послевоенное время, кроме нехватки людей (численность медработников на весь Молодечненский район в 1946 году составляла 108 человек), не хватало средств (до августа 1946 г. станция скорой помощи не имела нормального помещения и располагалась в бараке, а после разместилась в женской детской консультации и получила в распоряжение одну-единственную машину, и до августа 1946 г. сотрудники добирались к больному на попутном, часто гужевом транспорте). Была разрушена полностью инфраструктура.

Главной же проблемой того времени были эпидемии. Чесотка, тиф, педикулёз, трахома, туберкулёз уносили огромное количество жизней. Решение данного вопроса не терпело промедления. Уже в 1947 г. на каждом железнодорожном вокзале был организован санпропускник. Чтобы приобрести билет на поезд, необходимо было представить справку о прохождении санитарной обработки. МВД БССР обязали проводить санобработку заключённых в камерах предварительного заключения. Проводились санитарные проверки вокзалов, общежитий, школ, детских приёмников. Широко привлекался санитарный актив Красного креста. В рабочих общежитиях, где проживало 200 или более человек, обязательно были дезинфекционные установки. Приказ № 16 по Молодечненс-

кому городскому отделу здравоохранения от 01.03.1947 г. появился в связи с приказом № 58 Наркомздравотдела СССР за 1941 год о том, что все медработники обязаны вести санитарно-противоэпидемическую агитационную работу, объяснять, как не допустить эпидемий в сложившейся ситуации. Организованная в 1947 г. санитарно-эпидемиологическая станция города Молодечно включала три отделения: лечебно-профилактическое, гельминтологическое и гидротехническое. Для лучшей организации работы создавались чрезвычайные противоэпидемические комиссии. Эпидемиологически неблагополучные районы снабжались хозяйственным мылом в первую очередь [4, л. 16].

Важной была организация противомалярийных мероприятий. Существовала Молодечненская областная противомалярийная станция, где работали заведующий, бухгалтер, медицинский статистик, уборщица. Работу этой станции нельзя назвать очень эффективной. В приказе за 4 августа 1947 г. № 77 по Молодечненскому областному отделу здравоохранения по улучшению противоэпидемической борьбы и наказанию виновных содержатся данные о том, что на 4 августа 1947 года план противомалярийного лечения был выполнен на 4,5 %. Но что могли сделать доктора, если для борьбы с болезнью область была обеспечена пусть и полностью, но только одним, наиболее дешёвым препаратом. Меры взыскания с врачей не могли дать нужных результатов. Очередная проверка 16 декабря 1947 года показала, что по-прежнему противомалярийная работа не на должном уровне. Списано всё было на отрыв профилактики от лечения [5, л. 5].

Паразитарные заболевания приобретали масштабы бедствия. В 1944 году 84 % всех людей, находившихся на лечении в стационарах, были поражены глистными инвазиями (аскарида или власоглав, либо и то и другое). Поэтому пытались повысить медицинскую грамотность населения с помощью различных семинаров, проводимых в качестве дополнительной нагрузки врачами, что отвлекало их от основной работы. Справиться со значительными вспышками этих заболеваний в детских домах, например, удалось только к 1959 году. Только к 1968 году уже не регистрируются случаи заболевания населения дифтерией и тифом [5, л. 21].

В послевоенный период острой была нехватка медработников: был отмечен случай, когда на работу приняли врача, которая в дальнейшем ни практически, ни документально не смогла подтвердить свою квалификацию, из-за чего была уволена. Однако при этом

для обслуживания совпартактива создавались специальные поликлиники, полностью укомплектованные специалистами. Врачи трудились в сложных условиях, но и с их стороны было немало нарушений своих обязанностей: множество случаев неоказания медицинской помощи больным, консультативной помощи коллегам, от чего погибали пациенты. Отсутствовал организованный контроль со стороны начальников за младшим медицинским персоналом, в результате чего имело место грубейшее нарушение санитарного режима детских домов [5, л. 25].

Однако были и положительные тенденции. В 1948 году были ликвидированы случаи грибковых заболеваний у детей и случаи врождённого сифилиса. В марте 1949 года вышел приказ о снабжении необходимыми медикаментами районных аптек. Начала решаться проблема нехватки лекарств. Согласно официальной статистике, к 1950 году диагностика не опускалась ниже 90 % случаев совпадения первичного диагноза с клиническим либо с диагнозом после вскрытия. В 1953 году планы по прививкам практически не выполнялись [4, л. 12; 5, л. 17].

Однако помимо наметившегося прогресса, оставалась масса нерешённых проблем. По-прежнему не соблюдались санитарно-эпидемиологические нормы при строительстве зданий и эксплуатации коммунальных хозяйств, отсутствовали рабочие графики. Ощущались проблемы отсутствия специализированных помещений, нехватки расходных материалов и дезинфекционных средств. Остро стояла проблема нехватки медицинского персонала. В условиях действующей в СССР командно-административной хозяйственной системы улучшить работу здравоохранения стремились в основном организаторскими методами. В обязанности врачей вводилась систематическая работа по повышению санитарной культуры в детских домах. С 21 февраля 1949 года одним руководством были объединены больницы города, села и поликлиники – и врачи больниц стали принимать в поликлиниках и амбулаториях. В 1950 году было введено обслуживание больных на дому, так называемая спаренная работа врачей: больные обслуживались двумя ординаторами, которые работали в стационаре и через день обслуживали больных на дому. В стационаре они информировали заведующего отделением и друг друга о выполненной за день работе. Заведующий отделением принимал в амбулатории больных 3 раза в неделю. В районах отсутствовали хирурги, рентгенологи, не хватало даже терапевтов. В 1959 г. в Молодечно было 2 анестезиолога

на город и 10 на район. Часто один врач совмещал 3 должности [4, л. 23]. Некоторые участковые больницы на селе располагались в деревянных зданиях без канализации и водопровода с недостаточной площадью на одну койку (а электрифицированы они были лишь в 1957 году). Во многих из этих больниц вода доставлялась в бочке конным транспортом за неимением шахтного колодца. В районе отсутствовала бактериологическая лаборатория. Много было недостатков в организации работы медиков. Не было должности главврача клинико-диагностической лаборатории. Проводилось всего лишь 38 % вскрытий. Около 20 % родов принимали на дому (правда, с участием медиков). Не осуществлялся должный патронаж беременных. Малая доля онкологических заболеваний выявлялась на ранних стадиях. План прививок выполнялся не на 100 %. Эпидемиологическое состояние района было неудовлетворительным: распространённым явлением были кишечные инфекции, так как работники общепита нерегулярно проходили медицинское обследование. При этом на 1000 человек населения приходилось всего 15,2 больничных койки в городе и 4,5 – на селе (при норме в 6 коек). 319 деревень в районе не имели благоустроенных бань. Дом инвалидов на 210 мест (в одной комнате располагалось 4–5 или 9–10 коек) тратил в день на своего жителя 77 копеек, имел в распоряжении хозяйство в виде 7 га земли, 3 коровы, 22 свиньи, кроликов, кур, которые содержались силами инвалидов и персонала. Надо сказать, что весь персонал насчитывал 52 человека [4, л. 31].

Несмотря на огромное количество практических проблем в послевоенный период, уже с этого времени появляется научно-просветительская и научно-статистическая работа в сфере медицины Молодечненщины. В 1949 году белорусскими клиницистами были выяснены клиника, этиология и эпидемиологические закономерности гриппа, его отличия от сезонных, лихорадочных, простудных катаров верхних дыхательных путей, но не все врачи чётко разбирались в особенностях диагностических отличий, поэтому в регионах, в том числе и на Молодечненщине, создавались противогриппозные комиссии. Роды на дому без присутствия медицинских работников считались ЧП, которое обсуждалось на районных медицинских конференциях. Вообще часто проводились областные семинары, особенно для акушерок, по проведению родов на дому. Чтобы улучшить качество медицинской помощи, велась статистика причин смерти, проводились вскрытия, и это обсуждалось на конференциях. Регулярно проводились конференции

по диагностике, а также консультативная работа. При городской больнице действовало научное врачебное общество, при детской больнице – научное общество педиатров. В 1963–1964 годах остроту проблем нехватки кадров и средств в медицине Молодечненского района пытались сгладить с помощью научно-просветительского подхода. Для «улучшения культуры медицинского обслуживания населения» были организованы университеты здоровья, в которых регулярно работали научное общество врачей, совет медсестёр и фельдшеров, широко привлекалась общественность [4, л. 12].

Напряжённая работа медиков дала свои результаты. К 1964 году в городе Молодечно сформировалась необходимая база – и было открыто медицинское училище [4, л. 32]. Так, уже к 1968 году в Молодечно наблюдался переизбыток младшего медицинского персонала.

В 60-х годах борьба с заразными заболеваниями в Беларуси отходит на задний план, так как ситуация нормализуется и лишь изредка отмечается появление точечных эпидемиологически неблагополучных очагов. Сеть медицинских учреждений к этому времени была в основном сформирована, хотя её состав периодически пополняется пусть и не такими темпами, как в первое послевоенное десятилетие. За 1959 год сеть медицинского обслуживания в Молодечненском районе пополнили 4 участковые больницы по 10 коек, 8 ФАП в городе Молодечно, две станции скорой помощи (в Глубоком и Сморгони), 10 ФАП в районе, четверо яслей по 20 мест [4, л. 35]. В 1960 г. в связи с упразднением Молодечненской области в подчинение Минского облздравотдела перешли Молодечненская областная и Вилейская городская станции переливания крови. Молодечненская областная станция переливания крови была организована 11.05.1945 г. в городе Вилейке – первое учреждение службы крови в Западной Беларуси. С 01.09.1959 г. станция переводится в Молодечно [6, с. 104].

На 1968 год медицинская сеть города Молодечно была представлена 18 здравпунктами, 2 поликлиниками, городской больницей на 225 коек со всеми специальными отделениями, городской детской больницей на 200 коек, детской поликлиникой, железнодорожной больницей на 25 коек, 3 аптеками, станцией скорой помощи, 6 бригадами скорой помощи, станцией переливания крови, санитарно-эпидемическим центром, кожно-венерологическим, противотуберкулёзным, врачебно-физкультурным диспансерами. Также был открыт дом санитарного просвещения [4, л. 38]. Наблю-

дается рост ассигнований на здравоохранение со стороны государства, колхозов, железнодорожных, силовых ведомств. Однако в условиях командно-административной системы этот факт имел не только положительную сторону. Большая часть средств шла на строительство новых зданий медучреждений, которые превращались в долгострои и не вносили никакого вклада в развитие здравоохранения.

С 60-х годов целью здравоохранения Беларуси и, в частности, Молодечненщины становится не просто охватить медицинской помощью как можно большее число людей, а обеспечить население, особенно жителей района, специализированной квалифицированной медицинской помощью. В период 1960–1990 годов наблюдается общая тенденция к расширению городских больниц, придание им статуса районных. Участковые больницы преобразовывались в амбулатории с расширением числа специалистов, появляются межрайонные отделения. В городах увеличивается количество поликлиник, совершенствуется режим работы, особенно в праздничные дни. В 1961 году в городе Молодечно, на тот момент уже имевшем статус районного центра, были введены новые виды квалифицированной помощи детям и взрослым: урологическая, онкологическая, лор-хирургическая [4, л. 13]. В 1960 году в городах Беларуси, являвшихся районными центрами, появляются первые кабинеты профессиональной патологии, а в 1961 году в Минске открывается первое стационарное отделение профпатологии, первые диетстоловые. Уделяется большое внимание консультативному содействию практической медицине. С 1967 года в Минске действует республиканский консультативный центр, центры диагностики.

С 1961 года в Беларуси формируется единая служба скорой и неотложной помощи, создаются первые специализированные бригады скорой помощи. В Молодечно специальные бригады скорой помощи существуют с 1971 года. Они приезжали на вызов по поводу тяжёлых случаев, таких как инфаркт, эпилепсия, гипертония, кома, производственные или автомобильные аварии. С 1976 года начала своё существование ещё и акушерско-гинекологическая бригада [4, л. 29]. Это наметило путь развития медицинской помощи в сторону дифференцировки.

В 70–80-е наблюдается рост смертности за счёт «болезней цивилизации»: болезней системы кровообращения, дыхания, онкологических заболеваний и травм. В это же время в Минске открываются специализированные центры: пульмонологические, ожоговые, онкологические и т.д. Онкологического стационара в

Молодечненском районе не было. С 1963 в Минской области действовала передвижная станция ранней диагностики рака Республиканского онкологического диспансера [5, л. 32].

В 70-е годы 50 % населения Беларуси было охвачено диспансерным наблюдением, а в конце 70-х появляются наркологические диспансеры. В 1984 году организованы территориальные советы по всеобщей диспансеризации. В 1988 году в сельской местности создавались общественные санитарные активы, которые закреплялись за детьми первого года жизни для непрерывного наблюдения за ребёнком и своевременного выявления заболеваний. В актив включались бригадиры, работники почты, школ, сельских Советов, девочки-старшеклассницы. В 1988 г. продолжают строиться больницы без должного оснащения. К 1990 году во всех областных городах открыты больницы скорой помощи.

Таким образом, здравоохранение Молодечненского региона развивалось как составная часть общей системы, функционировавшей в рамках государств, в которые в разное время входила Молодечненщина. Развитие медицины региона было обусловлено также статусом Молодечно как волостного центра Вилейского уезда сначала Минской, а с 1842 года – Виленской губернии в составе Российской империи, центра гмины Вилейского повета Виленского воеводства Польши (до 1927 года), поветового центра того же воеводства (до 1939 года), районного центра Вилейской области, затем областного центра в составе БССР (1944–1960 годы), районного центра Минской области (с 1960 года).

Список литературы

1. Алехнович, М.В. Особенности становления местных органов здравоохранения в Беларуси в 1920–1924 годах / М.В. Алехнович, Г.И. Заборовский // Сборник тезисов докладов 8-й республиканской научной конференции по истории медицины. – Витебск, 1998.

2. Бузюк, М.П. Помощь практическому здравоохранению / М.П. Бузюк // Белорусское здравоохранение / под ред. Н.К. Дерюго. – Минск, 1990.

3. Государственный Зональный архив города Молодечно (ГЗАМ). – Ф. 904. – Оп. 1. – Д. 143, 148, 149, 151. Годовые статистические отчёты по Молодечненской области.

4. ГЗАМ. – Ф. 904. – Оп. 2. – Д. 2. Годовой статистический отчёт по Молодечненской области.

5. ГЗАМ. – Ф. 428. – Оп. 1. – Д. 37, 29. Годовые статистические отчёты по Молодечненской области.

6. Ивашкевич, М.З. К истории организации, становления и развития службы крови в Минской области / М.З. Ивашкевич, Ф.И. Свитко // Сборник материа-

лов научной конференции по истории медицины Беларуси, посвящённой 50-летию окончания ВОВ. – Минск, 1995.
7. История медицины СССР / под ред. проф. Б.Д. Петрова. – Минск, 1964.
8. Свитко, Ф.И. История медицины Молодечненщины / Ф.И. Свитко // Молодечненская газета. – 2006. – 6 марта.
9. Севковская, З.А. Социально-гигиенические проблемы дальнейшего снижения смертности младенцев в БССР / З.А. Севковская // Белорусское здравоохранение / под ред. Н.К. Дерюго. – Минск, 1995.
10. Тищенко, Е.М. Здравоохранение Беларуси в XX веке / Е.М. Тищенко. – Гродно, 2000.
11. Тищенко, Е.М. Здравоохранение Беларуси в XIX–XX веках / Е.М. Тищенко. – Гродно, 2003.

Юрий Кощеев

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ ЛЕСОПАРКА «РУМЛЕВО» И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ИХ ОБИТАНИЯ

В настоящее время в окружающей нас среде происходит интенсивная антропогенная трансформация природных ландшафтов. В последние двадцать лет резко встала проблема сохранения лесопарковых зон, являющихся для крупных городов своеобразными легкими. Серьезная угроза возникает существованию старинных парков как резерватов сохранения биологического разнообразия флоры и фауны. Особое место в ряду парков занимают лесопарковые ансамбли, представляющие собой насаждения из местных и экзотических видов древесных и кустарниковых растений и животных [3]. К их числу относится уникальный лесопарк пейзажного типа «Румлево», сформировавшийся на юго-восточной окраине города Гродно.

Начало формирования «Румлево» как лесопарка относится к концу XVIII века. За время своего существования он прошел путь от парка усадебного типа до лесопарка регулярно-пейзажного типа. Расположен лесопарк в юго-восточной левонабережной части Гродно на территории Принеманского жилого района и входит в городскую черту. Он протянулся с запада на восток от улицы Фомичёва (включая овраг) до деревни Солы, с юга на север – от проспекта Янки Купалы и четвёртой городской больницы до реки Неман. Со второй половины XX века он подвергался постоянному антропогенному воздействию. Уровень его и приносимый вред исследованы пока ещё недостаточно. Из литературы известно, что негативные изменения происходят как со стороны флоры, так и фауны [1].

Лесопарк «Румлево», располагающийся в черте города Гродно, является уникальным природно-географическим комплексом, имеющим важное научно-историческое, культурно-эстетическое и оздоровительное значение. В 1993 году он объявлен памятником природы местного значения и взят под охрану [4]. В настоящее время на его территории выявлено и исследовано около двухсот видов растений [1, 2]. К сожалению, до сих не уделялось должного внимания изучению их лекарственных свойств.

Исследованием биологического разнообразия флоры лесопарка «Румлево» мы начали заниматься ещё в период обучения в гимназии № 1, принимая участие в работе экологического кружка «Экосвет». Это позволило приобрести навыки в сборе образцов растений, определении их видов и создании гербария. Цель настоящей работы: выявление и оценка состояния растений, имеющих лекарственное значение, определение их жизненных форм и нуждаемости в профилактической охране.

На основании собственных наблюдений и литературных данных нами на территории изучаемого лесопарка выявлено и учтено 86 видов дикорастущих лекарственных растений. В соответствии с эколого-морфологической классификацией они разделены на следующие группы: древесные, кустарниковые и травянистые.

В количественном отношении самая многочисленная группа – травянистые растения. В неё включён 51 вид растений. Среди них наибольшую известность и ценность имеют: зверобой продырявленный, ландыш майский, ромашка ободранная, мать-и-мачеха обыкновенная, пижма обыкновенная, подорожник ланцетовидный, чебрец обыкновенный, чистотел большой и другие. Большинство из этих трав широко применяются в народной медицине, а некоторые являются сырьём для приготовления официальных лекарственных препаратов.

Таблица 1 – Лекарственные растения травянистые

Русское название	Латинское название	Часть растения	Преимущественное клинико-биологическое действие
1	2	3	4
Будра плющевидная	Glechoma hederacea L.	Надземная часть	Противовоспалительное
Василёк луговой	Centaurea jacea L.	Надземная часть	Противовоспалительное

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Ветреница дубравная	Anemone nemorosa	Надземная часть	Отхаркивающее
Ветреница лютиковая	Anemone ranunculoides L.	Листья	Противовоспалительное
Водосбор обыкновенный	Aquilegia vulgaris L.	Наземная часть	Мочегонное
Воронец колосистый	Actaea spicata L.	Ягоды, листья	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Вороний глаз	Paris	Листья, ягоды	Заболевания нервной системы
Вьюнок полевой	Convolvulus arvensis L.	Все	Заболевания органов дыхания неспецифического характера
Гвоздика травянка	Dianthus deltoides	Все	Гемостатическое
Горошек мышиный	Vicia cracca	Все	Опухоли
Гравилат городской	Geum urbanum L.	Все	Вяжущее (закрепляющее)
Гусиный лук жёлтый	Gagea lutea (L.)	Луковицы	Антисептическое
Зверобой продырявленный	Hypericum perforatum L.	Надземная часть	Противовоспалительное
Звездчатка ланцетолистная	Steilaria holostea L.	Надземная часть	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Калистегия заборная	Calystegia sepium L.	Стебли, листья	Слабительное
Кислица обыкновенная	Oxalis acetosella L.	Надземная часть	Заболевания печени и желчных путей
Клевер луговой	Trifolium pratense L.	Цветки, листья	Отхаркивающее
Клевер ползучий	Trifolium repens L.	Надземная часть	Растение, способствующее заживлению ран, ссадин, ожоговых и обмороженных поверхностей

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Копытень европейский	Asarum europaeum L.	Листья	Отхаркивающее
Крапива двудомная	Vrtica dioica L.	Листья, корни, соцветия, семена	Витаминное
Купена лекарственная	Polygonatum officinale All.	Все	Противовоспалительное
Купырь лесной	Anthriscus sylvestris	Корни	Седативное
Ландыш майский	Convallaria majalis	Все	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Лапчатка гусиная	Potentilla anserina L.	Все	Вяжущее (закрепляющее)
Лютик едкий	Ranunculus acris (L.)	Сок	Туберкулёз
Маргаритка многолетняя	Bellis perennis L.	Листья, цветки	Отхаркивающее
Марь белая	Chenopodium album L.	Надземная часть	Противовоспалительное
Мать-и-мачеха обыкновенная	Tussilago farfara L.	Листья, цветки	Заболевания органов дыхания неспецифического характера
Медуница неясная	Pulmonaria obscura Dum.	Надземная часть	Противовоспалительное
Многоножка обыкновенная	Polypodium vulgare	Корневище	Заболевания органов дыхания неспецифического характера
Недотрога обыкновенная жёлтая	Impatiens noli-tangere L.	Листья	Заболевания почек и мочевыводящих путей
Незабудка полевая	Myosotis arvensis (L.) Hill.	Надземная часть	Гемостатическое
Осока мохнатая	Carex brevicollis D.C.	Корневища, придаточные корни	Отхаркивающее

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
Пастушья сумка обыкновенная	Capsella bursa-pastoris (L.) Medic.	Надземная часть	Гемостатическое
Первоцвет весенний	Primula officinalis L.	Все	Мочегонное
Перелеска благородная	Hepatica nobilis Schreb.	Надземная часть	Антисептическое
Пижма обыкновенная	Tanacetum vulgare L.	Надземная часть	Желчегонное
Подорожник ланцетовидный	Plantago	Листья	Заболевания почек и мочевыводящих путей
Подорожник средний	Plantago media	Листья	Отхаркивающее
Полынь обыкновенная	Artemisia vulgarus L.	Все	Вяжущее (закрепляющее)
Ромашка аптечная	Chamomilla recutita	Цветки	Спазмолитическое (и ветрогонное)
Сныть обыкновенная	Aegopodium podagraria L.	Надземная часть	Ревматизм
Сочевичник весенний	Lathyrus vernus (L.) Bernh.	Все	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Фиалка собачья	Viola canina L.	Надземная часть	Слабительное
Фиалка трёхцветная	Viola tricolor	Все	Отхаркивающее
Чебрец обыкновенный	Thymus serpyllum L.	Надземная часть	Подагра
Черноголовка обыкновенная	Prunella vulgaris L.	Надземная часть	Противовоспалительное
Чина луговая	Lathyrus pratensis	Надземная часть	Заболевания органов дыхания неспецифического характера
Чистотел большой	Chelidonium majs L.	Все	Спазмолитическое (и ветрогонное)
Чистяк весенний	Ficaria verna Huds.	Надземная часть	Витаминное
Щитовник мужской	Dryopteris filix-max (L.) Schett.	Корневище	Антисептическое

Второе место по видовому разнообразию занимают древесные растения. Эта группа состоит из 19 видов. Чаще других в лесопарке встречаются сосна обыкновенная, липа мелколистая, рябина обыкновенная, ольха чёрная, дуб черешчатый, тополь чёрный, черёмуха и другие. Они менее популярны среди населения, но также обладают ценными клинико-биологическими свойствами.

Таблица 2 – Лекарственные растения древесные

Русское название	Латинское название	Часть растения	Преимущественное клинико-биологическое действие
1	2	3	4
Акация белая	Robinia pseudoacacia L.	Цветы	Заболевания почек и мочевыводящих путей
Берёза повислая	Betula pendula Roth	Почки	Мочегонное
Вяз гладкий	Ulmus laevis Pall.	Кора, листья	Вяжущее (закрепляющее)
Вяз шершавый	Ulmus glabra Huds. (U. elliptica C. Koch, U. scabra Mill.)	Кора, листья, луб	Опухоли
Груша обыкновенная	P. communis L.	Плоды, сок	Заболевания почек и мочевыводящих путей
Дуб черешчатый	Quercus pedunculata Ehrh.	Кора, листья	Вяжущее (закрепляющее)
Ель обыкновенная	Picea excelsa Link.	Ветки, шишки, хвоя, смола	Мочегонное
Ива козья	Salix caprea L.	Мужские серёжки	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Каштан конский	Aesculus hippocastanum	Семена, цветки, листья, кора	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Клён остролистный	Acer platanoides L.	Сок, листья	Тонизирующее

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
Липа мелколистная	Tilia cordata Mill.	Цветки, почки, листья, кора, семена	Потогонное
Ольха чёрная	Alnus glutinosa	Соплодия, кора, листья	Вяжущее (закрепляющее)
Рябина обыкновенная	Sorbus aucuparia	Листья	Витаминное
Сосна обыкновенная	Pinus silvestris L.	Хвоя, молодые побеги	Отхаркивающее
Тополь дрожащий	Populus davidiana	Кора, побеги, почки, листья	Ревматизм
Тополь чёрный	Populus nigra L.	Почки	Растение, способствующее заживлению ран, ссадин, ожоговых и обмороженных поверхностей
Туя западная	Thuja occidentalis L.	Ветви, листья	Противовоспалительное
Черёмуха обыкновенная	Prunus padus	Плоды, цветки, кора, листья	Вяжущее (закрепляющее)
Ясень обыкновенный	Fraxinus excelsior	Листья	Мочегонное

Третьей по количеству является группа кустарниковых растений, включающая 16 видов, из которых представляют интерес и находят применение не только в народной медицине, но и в медицинской практике: боярышник кроваво-красный, крушина ломкая, облепиха крушиновидная, шиповник, барбарис обыкновенный, омела белая, малина обыкновенная и другие.

Таблица 3 – Лекарственные растения кустарниковые

Русское название	Латинское название	Часть растения	Преимущественное клинико-биологическое действие
1	2	3	4
Алыча	Prunus divaricata Ledeb.	Сок	Тонизирующее
Барбарис обыкновенный	Berberis vulgaris	Корни, листья	Заболевания почек и мочевыводящих путей
Бересклет бородавчатый	Evonimys verrucosa (Scop.)	Семена	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Бересклет европейский	Evonimys europae	Все	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Боярышник кроваво-красный	Crataegus sanguinae Pall.	Плоды, соцветия	Заболевания сердечно-сосудистой системы
Бузина красная	Sambucus racemosa L.	Масло плодов	Слабительное
Бузина чёрная	Sambucus nigra	Цветы, ягоды	Потогонное
Ежевика	Rubus caesius L.	Листья, сок, плоды, корни	Вяжущее (закрепляющее)
Карагана древовидная	Caragana arboreseeis Lam.	Листья, кора, корни	Заболевания нервной системы
Крушина ломкая	Frangula alnus Mill.	Кора, ветви, плоды	Слабительное
Лещина обыкновенная	Corylus avellana L.	Листья, кора, плоды	Вяжущее (закрепляющее)
Малина обыкновенная	Rubus idaeus L.	Плоды, листья, стебли	Потогонное
Облепиха крушиновидная	Hippophae hamnoides L.	Листья, плоды, сок	Стимулирующее регенерацию тканей (противоязвенное, ранозаживляющее)
Омела белая	Viscum	Листья, ветки	Опухоли
Смородина красная	Ribus hispidulum A.	Плоды	Слабительное
Шиповник	Rosa L.	Плоды	Витаминное

Результаты проведенного исследования показали, что плотность произрастания лекарственных растений на территории лесопарка сравнительно низкая. Поэтому запасы их не могут служить источником сырья для аптек и индивидуального пользования. Это необходимо учитывать при проведении реконструкции лесопарка. При благоустройстве следует сохранять уголки, на которых обитают редко встречающиеся лекарственные растения.

Современное экологическое состояние лесопарка нельзя признать удовлетворительным. Допускается уничтожение ценных и редких растений, в том числе лекарственных. При ранжировании выявленных факторов угрозы их существованию установлено, что снижение численности в основном связано с прямым уничтожением растений и мест их обитания. Основная причина состоит в том, что отдыхающие в нарушение установленных правил занимаются вырубкой и выжиганием деревьев и кустарников, срывают цветущие растения, вытаптывают травянистый покров, загрязняют его мусором и прочее.

Представленные результаты показывают, что для сохранения лесопарка «Румлево» и его флоры необходимо снижение рекреационной нагрузки и усиление экологического воспитания населения.

Список литературы

1. Бахарев, В. Мониторинг флоры и фауны Румлевского лесопарка / В. Бахарев, А. Корниенко // Садова-паркавае мастацтва Гродзеншчыны: гісторыя і сучаснасць: зб. навук. артык. – Гродна, 2001. – С. 59–65.

2. Маглыш, С.С. Оценка экологического состояния памятника природы местного значения лесопарка Румлево / С.С. Маглыш, Н.Ю. Ломаско // Экологические проблемы западного региона Беларуси: сб. науч. ст. – Гродно, 2007. – С. 90–95.

3. Рындевич, С.К. Изучение старинных парков как источник экологической и краеведческой информированности студентов / С.К. Рындевич // Психолого-педагогические проблемы информированного обеспечения студентов: межвуз. сб. науч. ст. – Барановичи, 2002. – Ч. 2. – С. 132–137.

4. Экологические экскурсии по лесопарку Румлево / Д.М. Андреева [и др.]. – 2-е изд. – Гродно, 2006. – 92 с.

Вячаслаў Швед

СОРАК ПЯЦЬ ГАДОЎ САЦЫЯЛІСТЫЧНАГА ГОРАДАБУДАЎНІЦТВА (ГРОДНА Ў 1946 – 1991 гг.)

Гродна будаваўся ў даследуемы час згодна чатырох генеральных планаў і праекта рэканструкцыі цэнтральна-гістарычнага ядра

Гродна. Прааналізуем іх па чарзе, звяртаючы ўвагу менавіта на старую частку горада, паколькі перажытая летам 2006 г. рэканструкцыя Савецкай плошчы абвастрыла праблему захавання гістарычнага ядра Гродна.

Паводле першага генплана развіцця Гродна, які распрацоўваўся з 1946 г. і быў падпісаны 5.04.1949 г., кампазіцыя цэнтра горада развівалася ў бок ракі Нёман і прадстаўляла сабой сістэму плошчаў: прамавугольную Савецкую, трапецавідную са скверам і круглую. Савецкая плошча была б цэнтральнай плошчай горада, дзе планавалася пабудаваць Дом Саветаў (на паўночным баку) і шэраг іншых адміністрацыйных будынкаў. З боку плошчы правы бераг Нёмана азеляняўся, на ім тэрасападобна размяркаваліся б жылыя дамы, была бы зроблена набярэжная. З цэнтра пехатою можна было бы патрапіць у цэнтральны гарадскі парк культуры і адпачынку, для чаго пабудавалі бы прыгожы мост праз яр і Гараднічанку. Вуліцы Савецкая і Карла Маркса збіраліся пашырыць да 28–30 м.

Каб разгрузіць гістарычнае ядро Гродна ад транспарту, меркавалі пабудаваць паўкольца за кошт новых вуліц з выкарыстаннем вул. 17 Верасня і інш. На ўсходняй частцы горада, на перасячэнні паўкольца з Нёманам, прадугледжвалася ўзвесці новы высакаводны мост. Для забеспячэння сувязі цэнтра з паўночна-заходнім жылым раёнам меркавалі прабіць вуліцу ад Савецкай да М. Горкага з выкарыстаннем вул. Віленскай. На беразе Нёмана і Гараднічанкі, на плошчы каля 40 га, планавалася разбіць новы парк. Гараднічанка была бы ачышчана, адрэгулявана і пераўтворана ў гарадскі азанатар. Прадугледжвалася ў гістарычным цэнтры і жыллёвае будаўніцтва – у шматпавярховых дамах жыло бы 20 % гараджан [1].

Другі генплан распрацоўваўся ў 1962 г. і быў зацверджаны Саветам Міністраў 3.05.1963 г. Ставілася пытанне аб пераносе грамадскага цэнтра з Савецкай плошчы – ідэя была ў тым, што гістарычнае ядро горада аддзялялася ад грамадскага цэнтра. «Мадэрнізаваць стары цэнтр, – лічыў галоўны архітэктар праектаў Гродзенскага аблпраекта А. Міхед, – што цягне за сабой пераробку і знос многіх старых будынкаў, перапланіроўку вуліц і плошчаў, нямэтазгодна і з пункту погляду эканомікі, і з пункту погляду эстэтыкі. Яго ж захаванне, пры максімальным добраўпарадкаванні, зрабіла б Стары горад каштоўным архітэктурным помнікам, а кантраст з новай забудовай толькі падкрэсліваў бы прагрэс у галіне архітэктурна-будаўнічай думкі» [10].

На жаль, забудоўвалі Савецкую плошчу без выразнай задумы, па прынцыпу «пабудуем, а потым – паглядзім, што атрымалася», не ўвязалі з шасцю касцёламі, якія стваралі сілуэт плошчы. За 1960 гады тут з'явіліся Палац тэкстыльшчыкаў, 44-кватэрны дом з аптэкай, 48-кватэрны дом з крамай, дом з кнігарняй, дом на вуглу вуліц Крупскай і Парыжскай камуны, гатэль «Нёман». Архітэктар таго часу Міхед пісаў, што ўсе названыя забудовы не маюць нічога агульнага і не ствараюць цэласнай ансамблевай забудовы [10]. Асобна хочацца сказаць пра гатэль «Нёман», які павінен быў дамініраваць на плошчы, а таму яго пафарбавалі ў карычневы колер і ўзнялі на 1,5–2 м вышэй суседніх будынкаў. Але касцёл Францішка Ксаверыя як быў дамінантай, так ёю і застаўся, а гатэль выпаў з агульнай кампазіцыі і глядзіцца зусім не гарадской «перлінай» (як назваў заслужаны будаўнік Р. Кацынель [3], а «ствараецца ўражанне, што гэта простая неахайнасць архітэктара» [10].

Мяркуемы перанос тонкасуконнага камбіната не адбыўся. За 1950–1960 гг. незваротна страчаны такія каштоўныя будынкі, як: дамы № 2 (дом рыбака) і № 6 XVII ст. па вул. Замкавай; Фара Вітаўта; былая карчма «Раскоша» і дамы майстроў XVIII ст. на вул. Ажэшка; рэшткі былых каралеўскіх стайняў. Каля царквы Раства Багародзіцы XVIII ст. непатрэбна блізка пабудавалі Дом быту. За гэты час створана інтэнсіўная транспартная магістраль па вул. Кашавога (цяпер Траецкай) [3; 11]. У выніку змянілася архітэктурна-планіровачная структура гістарычнага ядра Гродна, парушыўся маштаб і самабытнасць забудовы. «Амаладжванне» горада пазбавіла яго толькі яму належачага мастацкага твару, прывяло да «затухання» яго гістарычных асаблівасцяў.

Відаць, што ў пачатку 1970-х гадоў праблема гістарычнага ядра горада стаяла вельмі актуальнай, бо ў 1971 г. Белкамунпраект падрыхтаваў «Праект рэканструкцыі цэнтральна-гістарычнага ядра Гродна». Было рэкамендавана на працягу 1970–1980 гг. ажыццявіць наступныя мерапрыемствы. З гістарычнага цэнтра (старая частка Гродна, абмежаваная з поўначы вул. 17 Верасня, з захада – раёнам індывідуальнай забудовы і гарадскім паркам, з поўдня – левым берагам Нёмана, з усхода – чыгункай) вынесці шкодныя ў санітарна-гігіенічных адносінах прамысловыя прадпрыемствы (бровар, тонкасуконны камбінат, ТЭЦ) з мэтаю выкарыстання іх памяшканняў для размеркавання аб'ектаў сучаснага абслугоўвання. Выключыць увесь транзітны транспарт з тэрыторыі цэнтральнага раёна, направіць яго ў абход гістарычнага ядра або па датычнай да яго, а

вуліцы аддаць пешаходам. Дадатковае размеркаванне тут гандлёвых і іншых устаноў выкліча значнае павелічэнне транспартнага патоку, арганізацыю стаянак, абмяжуе даступнасць гістарычнага ядра для пешаходаў.

У гістарычным ядрэ горада планавалі стварыць ахоўныя зоны, дзе забараніць усялякае будаўніцтва, змяненне гістарычна ўсталяванага ландшафта, з улікам кансервацыі асобных будынкаў або груп пабудоў. У праекце называўся 41 гісторыка-археалагічны аб'ект, які падлягаў ахове: Стары і Новы замкі (планавалася перадаць пад гісторыка-археалагічны музей); Бернардынскі, Брыгіцкі (у ім збіраліся зрабіць турысцкі цэнтр), Св. Ксаверыя (Фарны), Дамініканскі касцёлы і кляштары; царква Раства Багародзіцы; дамы купца Мураўёва, урача Тальгейма, старосты Тызенгаўза і д.п. Замкавае ўзвышша ў перспектыве пераўтварылася б у этнаграфічны музей.

У межах агульнагарадскога цэнтра прадугледжвалася жыллёвае будаўніцтва (на вуліцах Карбышава, Сацыялістычнай, Кірава, Парыжскай Камуны, Маркса, Крупскай, Леніна, Кашавога): дамы башанага тыпу, павышанай колькасці паверхаў з улікам ландшафта мясцовасці, захаваннем гістарычных помнікаў архітэктуры, іх ахоўных зон і зон рэгулявання забудовы, каларыта асобных вуліц і раёнаў гістарычнага ядра горада. Па перыметру апошняга неабходна было пабудаваць шмат'ярусныя гаражныя стаянкі, побач з радыяльнымі і абходнымі агульнагарадскімі магістралямі, якія падыходзяць да гістарычнага ядра горада – месцы-стаянкі [11].

Удзеліў увагу гістарычнаму цэнтру Гродна і трэці генеральны план, які быў распрацаваны ў 1970 г. і зацверджаны 9.03.1973 г. Адной з ідэй плана было стварэнне агульнагарадскога цэнтра на новых тэрыторыях, з вынасам туды асноўных функцый цэнтра горада і прабіўкай праз парк 40-годдзя УЛКСМ агульнагарадской магістралі. Новая галоўная плошча павінна была быць у раёне прыбрэжных зон Нёмана і Гараднічанкі, у кампазіцыйнай увязцы з паркам «Каложа» і лесапаркам «Пышкі» [4; 13]. На жаль, гэтае не было зроблена, а забудоўваўся гістарычна ўсталяваны архітэктурны ансамбль плошчы Леніна: будынкі Ленінскага раённага камітэта партыі, дзевяціпавярховы будынак абласнога выканаўчага камітэта. Так плошча Леніна набывала функцыі галоўнай плошчы горада.

Захаванасці гістарычнага ядра горада садзейнічала бы пашырэнне пешаходных зон, упарадкаванне і рэарганізацыя транспартнага руху. Другой ідэяй плана 1970 г. было стварэнне па ўсходняму перыметру старога цэнтра, уздоўж чыгуначнага палатна, вуліцы

агульнагарадскога значэння. Планавалася змяншэнне транспартнага патока па вул. А. Кашавога (Траецкай) з мэтаю паступовага ператварэння ў вуліцу, якая абслугоўвае цэнтр. Часткова сказанае было выканана. Не дарэшты пабудавана і ўсходняе паўкольца як галоўная ўнутрыгарадская planіровачная вось, якая нанізвае на сябе жыллёвыя і прамысловыя ўтварэнні. Яе не змаглі завесці ў паўночны прамысловы вузел з выхадам на Друскінінкайскі напрамак, бо трасу забудавалі. Не пабудавалі пуцеправод праз чыгунку ў раёне Азёрскай шашы [4; 13]. Меркавалася вынесці з цэнтра горада прадпрыемствы, склады і базы тонкасуконнага камбіната, піўнога завода, вінзавода, але і гэта не было зроблена.

Невырашанасць праблем паўстала і падчас падрыхтоўкі чацвёртага генеральнага плана 1987 г. (гал. архітэктар праекта Л. Гітлін). Пакрэслю, што ён быў распрацаваны на тэрмін ў 20 гадоў – гэта амаль да нашых дзён. Цікава, што ж мы мелі б на сёння, каб задуманае было бы ажыццёўлена. У чацвёртым генеральным плане 1987 г. былі закладзены тры ўзаемазвязаныя канцэпцыі развіцця гістарычнага ядра горада. Першая канцэпцыя прадугледжвала пашырэнне межаў актыўнай зоны цэнтра і распаўсюджванне яе на «мёртвую» жылую зону за кошт рэканструкцыі старых будынкаў, перапрафіліравання, вызвалення ад жылля першых паверхаў, выбарачнага будаўніцтва на вучастках, вызваляемых ад зноса ці пераноса прадпрыемстваў з зоны цэнтра.

Другая канцэпцыя прапаноўвала «выцягванне» тэрыторыі цэнтра ў напрамках вуліц Горкага, Дзяржынскага, Вучгасаўскай, Гарнавых – Суворава, пр. Касманаўтаў. У напрамку Горкага ішла рэканструкцыя пл. Леніна і прылягаючых вуліц, р. Гараднічанкі, пер. Віленскага. У напрамку вул. Дзержынскага, за тэрыторыяй хлебазавода пасля зносу гаражэй, чыгуначнай лініі і складоў меркавалася стварыць «буферную» зону цэнтра ў паўночным напрамку. Паміж вуліц Дзяржынскага і Пушкіна планавалася сфарміраваць камунальную зону цэнтра. У раёне чыгуначнага вакзала прайшоў бы пуцепровад усходняга паўкольца, а таму заапарк перасоўваўся ў паўночна-ўсходнім напрамку. У напрамку Гарнавых – Суворава прадугледжваўся выхад гістарычнага цэнтра да Нёмана праз вынас бровара, танкасуконнага камбіната і будаўнічых арганізацый па вул. Падольнай. Ператворыцца набярэжная, узнікнуць новыя скверы, аб’екты культбыту. Вул. Кашавога вызвалілася б ад транспартнага патоку пабудовай па броўцы яра заходняга аўтамабільнага абыхода цэнтра горада і стала бы звязуючым ланцугом апошняга з паркавай зонай 40-годдзя УЛКСМ.

Трэцяя канцэпцыя прадугледжвала тэрытарыяльнае пашырэнне цэнтра ў напрамку тэрыторыі на поўнач ад парка 40-годдзя УЛКСМ. Тут патрэбна было стварыць культурна-спартыўную зону, у якую войдуць агульнагарадскі спартыўны цэнтр (на базе рэканструкцыі і пашырэння стадыёна «Чырвоны сцяг»), лёгкаатлетычны манеж, тэатр, цырк, кінатэатр, танцэвальныя залы, выставычныя павільёны. У раёне Барысаглебскай царквы мяркавалася сувязь парка з Занеманскай часткай праз збудаваны пешаходны мост. Планавалася рэканструкцыя, добраўпарадкаванне і пашырэнне парка, архітэктурна-ландшафтнае пераўтварэнне поймы Гараднічанкі [4].

Чатыры звязаныя паміж сабой палажэнні леглі ў аснову плана рэканструкцыі і рэгенерацыі гістарычнага ядра Гродна, прапанаванага галоўным архітэктарам горада У.А. Лытавым. Ён раіў павялічыць пешаходную зону гістарычнай забудовы цэнтра Гродна: з прывакзальнай плошчы па вул. Ажэшка, Савецкай, пл. Савецкай і да берага Нёмана. Гэта дазволіла бы злучыць у адзіны комплекс такія архітэктурныя ансамблі, як: Стары парк (прадугледжвалася яго рэканструкцыя), Гарадніца (патрэбна была рэстаўрацыя будынкаў, рэканструкцыя маста праз Гараднічанку, расчыстка яе русла), «новая» плошча Леніна (планавалася прыбудова будынка райвыканкама да райкама партыі), вул. Найдуса (дом № 1 ператварыўся бы ў «рамесны» ці гандлёвы рад, а частка двара гарвыканкама – у зялёны скверык, будынак гарвыканкама – аб’ект грамадскага або культурнага прызначэння). У пешаходную зону меркавалася ўключыць суседнія вуліцы і дворыкі.

Другой ідэяй плана было кардынальнае вырашэнне транспартнай праблемы, бо гістарычнае ядро горада, дзякуючы свайму месцазнаходжанню, стала транспартнай развязкай і перасадачным вузлом горада. Планавалася змяніць радыкальную структуру транспартнай сеткі ў радыкальна-кальцавую. Пачатак ажыццяўлення гэтага быў пакладзены адкрыццём заходняга абыходнага шляху па вуліцам Болдзіна, Дамброўскага і Багуцкага, увядзеннем участка ўсходняга паўкольца з Румлёўскім мастом. Наступным крокам павінны былі стаць будаванне абыходнай дарогі паўднёва-заходняга раёна і разгрузка транспартнага патока па вул. Траецкай (Кашавога).

Трэцяя ідэя – аднаўленне страчанага. Архітэктар Лытаў меркаваў, што можна аднавіць такія помнікі гісторыі і культуры, як: ратуша, гандлёвыя рады, Фара Вітаўта, бо вучасткі, на якіх яны стаялі, вольныя і не страцілі градабудаўнічага значэння. Ён лічыў,

што гэтыя помнікі стануць аб'ектамі турызма і будуць прыносіць прыбытак гораду.

Чацвёртая ідэя – рэгенерацыя жылога фонда гістарычнага цэнтра (300 тыс. кв. м), дзе жыве 20 тыс. гараджан. Стварэнне сучаснага ўзроўня камфорта не павінна было парушыць асяроддзе старога горада, а нават, наадварот, пры магчымасці вяртанне страчаных элементаў [8; 9].

Што з пералічанага зроблена і што не? Пешаходная зона не павялічылася; транспартны паток па вул. Траецкай так і застаўся напружаным; ні адзін з помнікаў не адноўлены, і размовы пра гэтае няма, а наадварот – мы страцілі гістарычную Савецкую плошчу; пры рэканструкцыі пабудоў у зоне гістарычнага ядра страчваецца асяроддзе старога горада. Праблемы засталіся для нашага пакалення і надалей.

Спіс літаратуры

1. Андросик, Ф. Таким будет Гродно / Ф. Андросик // Гродненская правда. – 1949. – 3 августа. – С. 4.

2. Генеральный план Гродно. 1970 г. Т. 1 // Архив управления архитектуры Гродненского горисполкома.

3. Кацынель, Р. «Не каждому дано так щедро жить – на память людям города дарить» / Р. Кацынель // Гродненская правда. – 2001. – 13 октября. – С. 5.

4. Корректура генерального плана гор. Гродно. Т. 1. – Минск, 1986 г. // Архив управления архитектуры Гродненского горисполкома.

5. Корольков, А.П. Старые тупики нового генплана / А.П. Корольков // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1989. – № 2. – С. 7–8.

6. Корольков, А.П. Генплан и некоторые проблемы / А.П. Корольков // Гродненская правда. – 1983. – 24 ноября. – С. 5.

7. Кот, В. Генплан: ацэнку дае час і людзі / В. Кот // Гродзенская праўда. – 1999. – 21 жніўня. – С. 3.

8. Лытов, В.А. Исторический центр Гродно: реконструкция и регенерация / В.А. Лытов // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1989. – № 2. – С. 6–7.

9. Лытаў, У.А. Што зрабіць сёння, што пакінуць нашчадкам / У.А. Лытаў // Голас Радзімы. – 1989. – 23 лютага. – С. 6.

10. Міхед, А. Адказнасць архітэктара / А. Міхед // Літаратура і мастацтва. – 1963. – 1 лютага. – С. 1.

11. Проект реконструкции центрально-исторического ядра Гродно 1971 г. Т. 1. // Архив управления архитектуры Гродненского горисполкома.

12. Прэабражэнскі, У. Намалюем – будзем жыць? / У. Прэабражэнскі // Беларусь. – 1984. – № 5. – С. 19–21.

13. Смирнова, С.Л. Генеральный план Гродно и вопросы государственной охраны его исторического центра / С.Л. Смирнова // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1983. – № 2. – С. 12–14.

Роман Рожко

ПАМЯТНИКИ САДОВО-ПАРКОВОГО ИСКУССТВА КУЛЬТУРНО-ТУРИСТСКОЙ ЗОНЫ «ПИНСКОЕ ПОЛЕСЬЕ» В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТОВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2005 г. № 573 «О создании туристических зон» на территории Брестской области определены пять туристических зон, в том числе «Культурно-туристская зона «Пинское Полесье». В ее состав включены пять районов: Пинский, Ивановский, Дрогичинский, Столинский, Лунинецкий и г. Пинск. Территория культурно-туристской зоны «Пинское Полесье», за исключением Дрогичинского района, в советский период была закреплена за Пинским бюро путешествий (единственным туристическим предприятием региона) как «зона обслуживания местного населения». Несмотря на активный приём туристов из разных уголков Советского Союза, в 1970–1980-е гг. богатый историко-культурный потенциал названного региона почти не использовался. Одна из причин – названные районы были транзитной зоной для туристов, следующих из Минска в Брест и наоборот. В этих условиях не развивалась экскурсионная тематика, загородные экскурсии были по сути краткой путевой информацией.

Активное создание принципиально нового туристического продукта в регионе «Пинское Полесье» пришлось на конец 1990–2000 гг. За этот период в Пинске разработано несколько десятков городских и загородных экскурсий, а также многодневных туров по Полесью для разных категорий туристов и экскурсантов, в том числе зарубежных. По мере расширения экскурсионной тематики в число объектов показа были включены и отдельные памятники садово-паркового искусства, расположенные в культурно-туристской зоне «Пинское Полесье». Их интеграция в туристические маршруты шла двумя способами: первый заключался в показе парков на остановках с выходом в загородных экскурсиях, таких как «Узоры и песни Полесья» (Пинск – Мотоль), «По древней Туровской земле» (Пинск – Туров); второй – в разработке тематических экскурсий, посвященных конкретному памятнику садово-паркового искусства, например «Тайны парка «Дубое».

Рассмотрим некоторые аспекты, связанные с включением старинных парков в экскурсии в качестве объектов показа. Ярким при-

мером популярного туристического объекта является парк «Поречье» в Пинском районе. Этому способствует его географическое положение на трассе нескольких экскурсионных маршрутов: «Узоры и песни Полесья», «Полесский венок», «Приедь в мой тихий край...», «Литературные места Полесья». Второе важное достоинство – сохранность, живописность и высокая степень биоразнообразия парка. Третья особенность – парк связан с известными историческими личностями и событиями. Четвертая – в парке и поблизости от него в д. Поречье находится целый ряд объектов туристического интереса, в том числе два музея – литературный Е. Янищиц и этнографический «Сядзіба палешука».

Особую известность Поречье приобрело при князьях Скирмунтах. Первое упоминание о Поречье относится к 1495 г., когда пинская княгиня Мария Семеновна подарила четыре дворища в Поречье боярину Матвею Гричина. Этот род владел Поречьем до 1692 г., пока имение в качестве приданого не перешло в собственность Огинских. Через 100 лет гетман великий литовский Михаил Казимир Огинский, обремененный долгами, после вынужденной эмиграции, а также строительства Огинского канала, в 1791 г. передал право владения Поречьем племяннику Михаилу Клеофасу Огинскому. Спустя год Поречье вместе с имением Молодово было продано Шимону Скирмунту – родоначальнику династии полесских предпринимателей, которые превратили этот уголок Полесья в центр экономической жизни края [4].

Благодаря энергичной деятельности Скирмунтов поречское имение стало развиваться по новому промышленному пути. В Молодово действовал сахарный завод, а в Поречье в 1836 г. заработала большая суконная фабрика. Здесь изготавливались различные сорта сукна, а также трико и сатин. Продукция поречской фабрики многократно награждалась медалями различных промышленных выставок. Знаменитая фабрика была запечатлена на рисунках Наполеона Орды, но до наших дней не дошла. Во время Первой мировой войны её оборудование было вывезено кайзеровскими войсками, а производственные помещения разрушены.

В 1860 г. в Поречье заработал вновь отстроенный сахарный завод, который считался лучшим среди свеклосахарных заводов Минской губернии. Эта трехэтажная постройка дошла до наших дней. Здание построено из красного кирпича в традициях промышленного строительства второй половины XIX в. Глухие плоскости поперечных стен завершены аттиками с небольшими башенками.

В качестве декоративных элементов использованы горизонтальные и вертикальные пояса, ряды глухих ниш, отделка под руст, поребрики и карнизы.

До недавнего времени в историческом производственном здании находился крахмальный завод. Такое назначение создавало определенные проблемы при посещении парка. Невозможно было обеспечить детальное знакомство с историческим зданием и его фотографирование. Посетителей парка нередко отпугивали неприятные запахи испорченного сырья. В настоящее время крахмальный завод прекратил свое существование, после реконструкции он станет объектом туристической инфраструктуры. К сожалению, скромный усадебный дом Скирмунтов, реконструированный во второй половине XIX в. из фабричного здания, был сожжен во время Великой Отечественной войны в 1943 г. В послевоенное время обгоревшая руина была разобрана, и сейчас на ее месте находится частная застройка. Нет больше острова с садом и партера с цветниками, которые служили украшением усадьбы.

За сто с лишним лет, которые прошли с момента его закладки, парк «Поречье» пережил расцвет и упадок. Формирование парка в пойме Ясельды начал известный государственный и политический деятель Роман Скирмунт (1868–1939 гг.) на рубеже XIX–XX вв. В основе парка – естественный лесной массив. Непосредственными исполнителями замысла были садовники Григорий Климович (выпускник школы в Познани) и Федор Лукашик. Основу паркового древостоя составляют дубы, которым более ста лет. Композиция парка сочетала черты пейзажной и регулярной планировки. Планировочным центром парка была небольшая, окруженная дубами поляна, от которой в разные стороны парка расходилось пять узких парковых дорожек. Три из них вели к видовым точкам, с которых открывался прекрасный вид на живописную пойму Ясельды [1].

В этой части парка главный акцент был сделан на водоемы: от реки Ясельды было отведено два небольших рукава, которые окружали несколько островов и вливались в округлый водоем, в центре которого также находился остров. Хотя прежняя композиция в основном сохранилась, но демонстрировать эту оригинальную планировку туристам не представляется возможным: разросшиеся деревья закрыли перспективы, а каналы затянулись илом и заросли. Парк имеет охранный статус памятника природы. По утверждению Телеханского лесничества, к которому вместе с ближайшими охотничьими угодьями отнесён парк, здесь запрещено вести его

расчистку и на данном этапе невозможно вернуть парку утраченный облик. Возник определенный казус: соблюдение требований охраны природы не позволяет реконструировать парк как объект, имеющий историко-культурную ценность.

Кроме естественного древостоя, представленного дубами, грабом и ясенем, в парке высажены сосново-лиственные насаждения. По всей территории парка в различных объемах и сочетаниях размещаются различные экзоты, в том числе редкие уникальные виды. У дороги, которая ведет к бывшему винокуренному заводу, находится тюльпанное дерево – представитель реликтовой флоры доледникового периода семейства магнолиевых. Оно единственное из шести деревьев, высаженных в этом парке (остальные погибли из-за нарушения гидрологического режима), и является большой редкостью на территории Беларуси. Недалеко от входа в парк на полузаросшей парковой аллее находится уникальный экземпляр болотного кипариса, который в естественных условиях произрастает в субтропических болотах Америки. В парке высажены различные экзоты и редкие виды: лжетсуга, лиственница европейская, пихта бальзамическая, пихта белая, пихта сибирская, сосна кедровая, ель колючая, ель канадская, ель Энгельмана, сосна Банкса, сосна веймутова, дуб бархатистый, дуб красный и т.п. В настоящее время в парке насчитывается около 30 видов интродуцентов.

У входа в парк возле автостоянки в честь 100-летия со дня рождения Романа Скирмунта был установлен памятный камень с мемориальной доской. На юго-западной окраине парка находится его могила. Роман и Болеслав Скирмунт (муж сестры Хелены) были убиты в сентябре 1939 г. Кроме двух крестов (надмогильного и символического) здесь можно увидеть восстановленный памятник польским солдатам, погибшим возле Поречья во время советско-польской войны. Через дорогу от парка под сенью старых дубов находится большой бетонный бункер времен Первой мировой войны.

Наличие таких разнообразных объектов позволяет разработать несколько вариантов маршрута по территории парка. В настоящее время здесь разработана экологическая тропа для школьников, а также пешеходный маршрут, который является составной частью комбинированных экскурсий «Узоры и песни Полесья» и «Полесский венок» [1].

Наряду с внешней привлекательностью и богатой историей парка следует отметить и негативные моменты. Парк «Поречье» находится в пойменной части долины реки Ясельда, и его гидро-

логический режим зависит от колебания уровня реки. Имеющаяся мелиоративная сеть за длительный период существования пришла в негодность и не в состоянии выполнять свои функции. Экстренно необходима реконструкция мелиоративной системы парка, так как активно протекающие процессы заболачивания приведут к гибели не только редких растений, но и к уничтожению всего паркового комплекса.

В целом парк «Поречье» нуждается в проведении восстановительных работ. Необходима разработка комплексного плана восстановления и развития данного природного и историко-культурного объекта.

Рекомендуется:

– запросить разрешение Министерства природных ресурсов и произвести расчистку парка путем санитарных рубок самосева;

– восстановить мелиоративную сеть парка;

– обеспечить контроль за гидрологическим режимом;

– оформить экологическую тропу по территории парка в соответствии с современными стандартами и требованиями;

– разместить у входа в парк и на его территории информационные материалы, схемы и указатели;

– благоустроить и улучшить эстетический облик памятных знаков на территории парка;

– оборудовать автостоянку и санитарную зону с туалетами для туристов.

Следует обратить внимание на ошибки, которые допускаются при благоустройстве парков. Устройство в парке зоны отдыха со столиками и скамейками, урнами для мусора создаст предпосылки для ухудшения его санитарного состояния. Такую зону лучше всего размещать за пределами парка либо на достаточном удалении от экскурсионного маршрута и экологической тропы [1].

Очень интересным объектом туристического интереса является парк «Дубой» на территории Пинского района. Его включению в экскурсионные маршруты в значительной степени способствовало частичное благоустройство территории, а также наличие хороших подъездных путей.

Парк «Дубой» является объектом многоплановым. Его история насчитывает несколько столетий. Появлению парка предшествовал этап, связанный с деятельностью в Дубое летней резиденции пинских иезуитов. Имение «Дубой» было подарено иезуитам в 1630-е гг. канцлером великим литовским, старостой пинским и

виленским Альбрехтом Радзивиллом. Представление о той усадьбе дает инвентарь 1773 г. Из этого документа, составленного экономом Казимиром Блоцким, следует, что в усадьбе находились каменный двор и итальянский сад – «огород влоский», ряд хозяйственных и служебных сооружений: кузница с горном, ледник, погреба, конюшня, возовни, кухня, избы и трехэтажный спихлер. В это время в усадьбе уже была построена каплица, сохранившаяся до настоящего времени. Итальянский сад был огорожен, разделен на участки каналами [4].

Новый этап в истории парка связан с упразднением ордена иезуитов, после чего имение стало собственностью влиятельных аристократов Куженецких. Их усадьба, обустройством и украшением которой занималось два поколения владельцев, славилась своей красотой. Эту усадьбу изобразил Наполеон Орда. Известный рисунок даёт представление об облике дворца, который был перестроен при Куженецких по проекту Александра Коттека.

В соответствии с традициями классицизма главный фасад украшал четырехколонный портик с террасой. Дворец являлся композиционным центром парка. Сейчас на его месте лишь большая парковая поляна. Дворец был взорван войсками вермахта в 1944 г. перед отступлением. Каплица не пострадала и служит хорошим ориентиром для определения местоположения дворца. Она построена в XVIII в. в стиле барокко и представляет собой небольшое восьмигранное сооружение с квадратными в плане притвором и апсидой. Каплица декорирована угловыми пилястрами, многослойным карнизом, накрыта шлемовидным куполом с граненым фонарем [2].

В межвоенное время эта каплица служила костелом Святого Креста. Ее интерьер не сохранился, в эпоху атеизма здание использовалось как служебное помещение. В настоящее время памятник архитектуры находится в запустении и нуждается в реставрации, в результате которой улучшится восприятие паркового ансамбля. Объект станет ещё популярнее среди участников ностальгических и паломнических туров по Полесью [5].

Парковая композиция в основном сохранилась. Однако площадь парка в послевоенное время сократилась до 11 га и частично попала под застройку. Центральная часть парка имеет форму квадрата, а главная ось объединяет въездную аллею, большую поляну, на которой стоял дворец, партер и круглый пруд, где когда-то были устроены фонтаны. Парк сохранил и свою оригинальную водную систему, которая состоит из двух больших, четырех коротких и

окружных периферийных каналов, а также четырех симметрично расположенных прямоугольных водоемов и круглого водоема на главной парковой оси [6].

Небольшие каналы по-прежнему обходят территорию парка по периметру, а также делят его на шесть боскетов. В последнее время каналы обмелели, их берега заросли и при условии восстановления этой водной системы, которая наполнялась источниками, бьющими из земли, можно было бы совершать водную прогулку по парку на лодках, как это делалось в межвоенное время.

В парке произрастают ель обыкновенная, лиственница европейская, веймутова сосна (старейший в парках Полесья экземпляр в возрасте около 200 лет), дубы. Особую ценность представляет пихта белая. Кроме старых деревьев в парке имеется много молодых деревьев белой пихты. Украшением парка является большой старый дуб, возраст которого превышает 400 лет. Это один из самых красивых дубов Полесья, который во время проведения экскурсии «Тайны парка Дубое» принято называть «дубом королевы Боны». Когда Бона была хозяйкой Пинска и Полесья, этот дуб был ещё совсем молодым деревцем, неприметным среди той дубравы, которая дала название поселению, а затем и парку. Теперь с его посещением связан особый ритуал, распространившийся среди туристов. Каждая экскурсионная группа старается обнять этот дуб, чтобы набраться от него силы и позитивной энергии.

Кроме часовни экскурсанты могут увидеть в дубойском парке несколько сооружений бывшей сельскохозяйственной школы, которая действовала здесь в межвоенное время. К сожалению, эти здания находятся в крайне запущенном аварийном состоянии. На территории парка размещается небольшое воинское кладбище Первой мировой войны. На окраине парка установлен крест в память о находившемся в Дубое в начале XVII века православном монастыре и пребывании в нём преподобного мученика Афанасия Брестского. К сожалению, пока не установлены памятные знаки в честь католического святого Андрея Баболи и поэта, историка, религиозного деятеля Адама Нарушевича.

На территории парка находится агроусадьба «Дубое над Пиной», возле которой представлена выставка сельскохозяйственной техники и сооружены навесы для организации пикников.

Недавно установленные у входа в парк информационные стенды изобилуют неточностями и ошибками. Дворцово-парковый ансамбль, который создавался не ранее XVIII в., датируется 1498 г.,

когда впервые упомянуто поселение «Дубое». Сравнительно недавно на территории парка появились беседки и туалеты. К сожалению, проекты данных объектов и их местоположение неудачны. Чужеродные парковой эпохе новоделы нужно вынести за пределы парка или хотя бы переместить их с главной парковой поляны, кроме того желательно соорудить навес над выставкой довоенной сельхозтехники.

Так же, как и парк «Поречье», дубойский парк нуждается в санитарной чистке. Здесь развился сплошной ольс грабовый. Основная проблема, касающаяся парка «Дубое» – это его ведомственная принадлежность. Собственником парка является рыбхоз «Полесье». В прошлом пруды, которые находятся между парком и рекой Пиной, были зарыблены и действительно имели хозяйственное значение для рыбхоза. В настоящее время рыбхоз не ведет здесь активной хозяйственной деятельности, поэтому вряд ли возьмет на себя обязательство по охране парка как историко-культурной ценности. Парадокс состоит в том, что названный парк при всей своей уникальности не имеет статуса памятника садово-паркового искусства и до недавнего времени охране подлежала только посадка белой пихты, признанная лучшей на территории Беларуси.

В то же самое время парк «Дубое» активно посещается туристами. Он является объектом показа на кольцевом маршруте «Полесский венок», который адресован белорусским туристам, пользуется популярностью у польских туристов – участников ностальгических и паломнических туров. Через Дубое проходит так называемый «Шлях Святого Андрея Боболи» – иезуитского проповедника, принявшего мученическую смерть в Янове Полесском в 1657 г. Набирает популярность и экскурсия для школьников «Тайны парка Дубое», чему способствует в Дубое, кроме парка, еще целый ряд объектов: церковь Рождества Богородицы, кладбищенская часовня, гидроузел, гидроэлектростанция, ручной паром.

Дальнейшее совершенствование экскурсионной программы в Дубое может идти путем создания анимационной программы, посвященной богатой истории парка. Например, визиту в Дубое в 1784 г. польского короля Станислава Августа Понятовского.

В отношении парка «Дубое» требуется принятие целого ряда мер. Первоочередными являются:

– установление охранного статуса для данного парка как памятника садово-паркового искусства;

– решение вопроса о его принадлежности и управлении;

– очистка парка от древесной растительности, исказившей его облик;

– реконструкция системы прудов и каналов;

– реконструкция часовни XVIII в.;

– ремонт профессорского домика и хозяйственной постройки и превращение их в объекты туристической инфраструктуры;

– оборудование за пределами парка стоянки автотранспорта с туалетами и беседками;

– установление памятных знаков в честь знаменитых людей и событий, связанных с парком;

– замена информационных щитов;

– вынос жилой застройки за пределы парка.

Одним из красивейших парков региона является парк «Маньковичи» на окраине г. Столина. Он заложен в 1885 г. по инициативе княгини Марии Дороты де Кастеллян – жены князя Антония Радзивилла. Стилистически этот парк, а также усадебный дом связаны с несвижским дворцово-парковым ансамблем. Как и в Несвиже, композиционной основой парка являются поляны, обсаженные красивыми группами деревьев. Но есть существенная разница: несвижский старый парк создавался на бывшей пустоши (рыночной площади), где на момент закладки парка произрастало лишь одно дерево – знаменитый несвижский тополь-осокорь. Совершенно иным было место, приглянувшееся княгине Радзивилл под Столином на территории Давид-Городокской ординации. Парк занял высокую живописную террасу над Копанцем – каналом, проложенным по старому руслу Горыни. Обрыв террасы изрезан оврагами, что придает ему особую живописность. Над обрывом проходит аллея, с которой открывается необыкновенно красивая панорама. На прогулочной тропинке, которая идет по краю террасы, находятся заброшенные постройки, туалет и т.п., что портит впечатление о памятнике садово-паркового искусства [3].

Дворец Радзивиллов был взорван во время Великой Отечественной войны, и на его местоположение указывает лишь большой красивый дуб в центре парковой поляны. На поляне можно разместить информационный стенд со схемой парка, который поможет туристам сориентироваться на местности и представить, где именно стоял дворец. Над обрывом находится заброшенная водонапорная башня, которая никак не гармонирует с красивым пейзажным парком. Не хватает лестниц, по которым можно было бы спускаться к Копанцу, что давало бы туристам много красивых яр-

ких впечатлений. Из исторических памятников в парке сохранился камень, установленный Станиславом Радзивиллом в честь своей матери Марии де Кастеллян княгини Радзивилл. Главная аллея парка вымощена шестигранной плиткой, которой в межвоенное время были вымощены главные улицы Пинска, Столина, Давид-Городка и дорога Брест–Пинск.

Во время Второй мировой войны фашисты вывезли красивые кованые ворота парка. В советское время им на смену построили две конструкции из кирпича, облицованные керамической плиткой, которые находятся в плачевном состоянии и крайне негативно влияют на восприятие парка. Кроме того, на западный вход были перенесены ворота из парка.

Список литературы

1. Ермонина, И.В. Организация туризма в лесхозах Республики Беларусь / И.В. Ермонина // Экономика и управление: научный журнал. Сер. VII. – 2009. – № 2. – С. 90–93.

2. Кулагин, А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии: вторая половина 18 – начало 19 вв. / А.Н. Кулагин. – Минск: Наука и техника, 1981. – 134 с.

3. Несцярчук, Л.М. Замкі, палацы і паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў (гісторыя, стан, перспектывы) / Л.М. Несцярчук. – Мінск: БЕЛТА, 2002. – 336 с.

4. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук. – Минск: Баларуская энцыклапедыя, 2006. – 573 с.

5. Хвагина, Т.А. Пинск и его окрестности / Т.А. Хвагина. – 2-е изд. – Минск: Вышэйшая школа, 2010. – 175 с.

6. Dworki i pałace polskiej szlachty w byłym województwie Brzeskim. Przeszłość i terazniejszość / Instytut Historii WSZRP w Siedlcach; Zofia Andrzejewska. – SIEDLCE, 1997. – 150 s.

Алексей Белецкий

БОРЬБА С ЭПИЗООТИЯМИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ 1812 г. НА ГРОДНЕНЩИНЕ

Война 1812 года явилась великим бедствием, особенно много лишений перенесла Белоруссия, территория которой была ареной для многочисленных сражений. Наряду с прямым материальным ущербом, который принесла война с Наполеоном в 1812 году на белорусские земли, последствия войны ощущались в последующие 15–20 лет после событий и привели в упадок хозяйство края. Потери, вызванные войной, хорошо изучены в литературе, однако урон от

последствий войны в последующие годы пока еще мало исследован в отечественной историографии. Особенно неизученным в этом плане является ущерб, который был нанесен животноводству страны. Гибель скота во время боевых действий, от недостатка фуража, в результате массовых реквизиций, а зачастую – открытого грабежа скота на нужды армий, разорений крестьянских и помещичьих хозяйств воюющими сторонами, приводили к массовым эпизоотическим заболеваниям (повальному падежу), свирепствовавшим на наших землях еще долгое время после войны.

Известно, что с 1804 по 1812 годы чума постоянно свирепствовала в центральной Европе благодаря передвижениям французской армии, уничтожала почти поголовно стада крупного рогатого скота и ставила в крайне затруднительное положение армии и хозяйство в тех странах, где «Великая армия» вела свои войны. Таким образом, вновь занесенная чума и другие болезни, возникшие на фоне войны, в последующие годы закрепились на территории Беларуси и в дальнейшем периодически возникали с еще большей разрушительной силой [11, 27, 31].

В результате за период с 1812 по 1829 годы наиболее неблагоприятными по ряду заболеваний в Гродненской губернии являлись Кобринский, Пружанский, Брестский, Слонимский, Волковысский уезды, как раз на территории которых проходили наиболее разрушительные и ожесточенные сражения, дислоцировались крупные группы войск, а также по дорогам которых проходили основные перемещения армий.

Необходимо напомнить, что в западных губерниях бои в основном вели 3-я русская армия под командованием Тормасова и 7-й саксонский корпус Ренье, усиленный позже австрийским корпусом Шварценберга. Так, 15 июля (все даты даются по старому стилю) 1812 г. произошел полный разгром русскими войсками саксонской бригады в городе Кобрин на начальном этапе Отечественной войны 1812 года. В городке из деревянных построек саксонцам негде было закрепиться. Русская артиллерия легко расстреливала любую позицию, город горел. Из 630 городских строений после боя уцелело лишь 79. Князь Вяземский на следующий день записал в дневнике впечатления от боя:

«Всё в пламени, жены, девушки в одних рубашках, дети, все бегут и ищут спасения; сражение в пожаре, быстрое движение войск, раскиданные неприятелем обозы, ревущий и бегущий скот по полю, пыль затмила солнце, ужас повсюду» [4, 28, 32].

В результате удачных боев 3-й русской армии противники были выбиты с прежних позиций между Брестом, Пружанами и Пинском и откинуты в город Слоним. Однако 28 июля союзники Наполеона атаковали российский авангард около Пружан. Россияне были вынуждены отступить по причине количественного перевеса противника. Утром 29 июля Ламберт начал отходить на юг по дороге Пружаны – Клетное – Кози-Брод – Городечно – Кобрин. Враги буквально висели на плечах российского авангарда. Только узкая лесная дорога не позволяла Ренье обойти и уничтожить противника. Самое большое сражение наполеоновской эпохи в западном регионе Беларуси произошло на этом пути 30 июля между Городечно и Поддубно, в котором, как принято считать, приняли участие почти 60 тысяч человек. Фактически, эта великая битва шла не только рядом с Городечно и Поддубно, а «в окрестностях Речице, Вежнай, Тэвелей, Завжеве и Щарчеве», где фронт боевых действий занимал 10 километров в глубину и ширину между этими деревнями [16, 29].

19 июля А.П. Тормасов докладывал руководству: «*...край сей проходом австрийских и саксонских войск совершенно разграблен, все пусто. Жители, возмущенные Варшавской конфедерацией, скрылись в леса и болота, где находясь, преграждают сообщению войск, нападая на транспорты и партии, схватывают курьеров, а на полях хлеб остается несжатым*» [27, 28].

После Кобринской и Городеченской битв на территории Гродненской губернии происходило множество столкновений с французской армией под руководством нового командующего Чичагова. Города Брест, Кобрин, Пружаны и другие переходили по 4-5 раз из рук в руки [11].

Во время изгнания французов с территории Брестчины самые крупные сражения происходили возле городка Шерешево Пружанского и городка Клейники Брестского уездов. Под Слонимом русские войска генерал-майора Чаплица 8 октября 1812 года наголову разбили уланский полк, сформированный из рекрутов белорусского населения, а его командира генерала Конопку взяли в плен. 31 октября, догоняя врага около городка Порозово, передовые отряды русской армии вступили в бой с противником у деревни Горностаевичи, но саксонцы, уклоняясь от большого сражения, быстро отошли к Волковыску. 3 ноября 1812 года Волковыск, занятый корпусом Ренье, во время атаки русских был сожжен [4, 31].

Население Гродненской губернии неоднозначно восприняло перенесение боевых действий на территорию края. Люди бежали

в леса, уходили с русской армией, забирая при этом продовольствие, фураж, скот, имущество, зарывая в землю запасы. Отступающая русская армия поджигала склады, которые не успевала эвакуировать, сгоняла весь сельский скот. Сами войска Тормасова в треугольнике Пружаны – Городец – Пинск вынуждены были обеспечивать себя путем чрезвычайной фуражировки: кто где что нашел, то и берет, сверх того выгоняли мужиков жать, молотить и молоть, «таким образом армия обеспечила себя на 10 дней». Место русской армии по уже разграбленным дорогам и местам занимала вражеская, которая также требовала хлеба, мяса, фуража. Не удивительно, что о землях Шерешевского староства Функ отметил: «Эта местность вообще одна из самых грустных в России и Польше» [11, 32].

В результате опустошительного нашествия французов площади посева и количество скота на территории Белоруссии в 1813 году сократились на половину в сравнении с довоенным периодом, а с учетом плохого урожая 1812 года проблема обеспечения скота кормом усугублялась [11].

В течение 1813–1814 годов Россия продолжала военные действия против Наполеона в западной Европе, поэтому белорусские губернии, как и вся страна, не были еще свободны от бремени войны. Причем до окончания войны и заключения Венского договора (1815 года) правительство держало здесь большое количество войск, на содержание которых требовались продукты и фураж [28, 29].

В конце 1813 года Гродненский губернатор дает распоряжение казённой палате выехать и разобраться в причинах возникших «...голода, несостоятельности, заразительных болезней со смертельным исходом на людях и скоте» на территории Пружанского уезда. 14 декабря 1813 года прибывшими в уезд советниками палаты Максимовичем и Абнинским был написан рапорт, в котором среди причин данных бедствий указывались следующие:

«1) по случаю бывших военных действий в прошлом 1812 году почти половина урожайного хлеба пропала на поле, а собранный вместе с запасом прежних лет неприятелем забран;

2) на сей год не имели возможности засеять всей земли, и осталось пустопорожнего более половины;

3) нынешнего урожая с проходом войск не имели жители времени собрать, и по мокрому лету сенокосы затоплены и сгнили;

4) весь рогатый скот, в малой части оставшийся от неприятельских заборов, как рабочий, так и для пищи бывший, от паде-

жа выпал так, что на весь город не более имеется как 30 штук, и лошадей тоже число» [16].

После изгнания в конце 1812 года войск Наполеона из России была проведена большая санитарная работа по уборке и сожжению или зарыванию в землю трупов людей и лошадей, которые в массовом количестве валялись возле обочин дорог. Полная уборка трупов на европейской части страны закончилась лишь к весне 1813 года [15, 26].

Вплоть до конца 70-х годов XIX века в Российской империи не было общего государственного статистического учета заболеваемости, падежа и выздоровления животных. Представлялись только единичные рапорты с конкретных мест локализации болезни [14]. Поэтому есть все основания полагать, что с 1812 по 1815 годы в Гродненской губернии регистрировались массовые вспышки заразных заболеваний, которые по той или иной причине не нашли своего отражения в документах.

В 1815 году в Пружанском, Кобринском и Брестском уездах обнаружился скотский падеж. Причем, как стало известно из рапорта Кобринского нижнего земского суда, за вторую половину сентября в старостве Еневчицком «в дворе и деревнях появилась на овцы оспа, от каковой много их упадает» [17, л. 292]. Брестский нижний земский суд донес 14 сентября Гродненскому губернскому начальству, что в имении Раковицы появился скотский падеж и что «по словам уездного лекаря Эмме, пало скота уже 6 штук» [17, л. 305]. Чуть позже в Кобринском уезде вблизи границы Брестского и Ковельского уездов появился скотский падеж, куда для ликвидации заболевания были направлены также медицинские чиновники из Брестского и Ковельского уездов [17, л. 363]. В Пружанском уезде в имении Селец в первой половине октября был обнаружен «скотский падеж», где упало более 32 голов крупного рогатого скота [17, л. 364].

В 1825 году в журнале присутствия губернского правления было отражено постановление о необходимости обязательного медицинского осмотра на исключение заразных болезней скота, прогоняемого через город Гродно, а также осмотра мяса, шкур, равно и съестных припасов. До этого функцию такого документа, как можно увидеть из более раннего рапорта врачебной управы губернскому правлению, выполняла медицинская инструкция 1791 года для врачебных управ. В этом же документе говорится о благополучии губернии по заразным болезням животных в 1825 году [18, л. 1175–1178].

1826 и 1827 годы – годы сибирской язвы в Гродненской губернии. Встречалось данное заболевание в Брестском, Кобринском, Пружанском и Слонимском уездах. По словам инспектора Гродненской врачебной управы Меллина: «...и что люди употребляя от одержимаго скота в пищу молоко, мясо, равно и те, кои снимают кожу с упавшего скота, заражаются и получают огненный вред, известный под именем карбункул, который по большей части бывает для людей смертельным...» [19, л. 5]. В донесении на имя Гродненского губернатора от 11 июля Кобринский нижний земский суд сообщил о появившейся на рогатом скоте и свиньях заразы в имениях Дрогичин, Липники, а 18 июля еще и на людях в имениях Попиной, Кошилове и др. [20, л. 316], и в самом городе Кобрине и его окрестностях [20, л. 442]. От Слонимского нижнего земского суда пришел рапорт о заболевании сибирской язвой крупного рогатого скота в имении Деревянчищах. В тексте также упоминается информация и о заражении трех крестьян в этом же имении. 15 июля появилась «зараза на людях и скоте» в городе Пружаны «и в короткое время пало рогатого скота 13 штук и лошадей 3 штуки», несмотря на принятые ранее меры [20, л. 321]. А 28 июля Брестский нижний земский суд рапортовал, «что в уезде на рогатом скоте появился падеж в имении Пруской, Шербин, Пугачеве и три человека в последнем заразилось карбункулезом» [20, л. 305]. В борьбе с сибирской язвой долгое время применялись только санитарно-полицейские мероприятия, но результаты были скромные.

На протяжении 1828 года наблюдались отдельные вспышки чумы, сибирской язвы, повального воспаления легких (перипневмонии) в Слонимском, Брестском, Волковысском и других уездах, однако число заболевших животных было значительно меньшим по сравнению с другими годами, и эти вспышки оперативно ликвидировались. Исключением разве что можно назвать падеж от чумы, случившийся в Слонимском уезде в деревнях Чуце и Рудзе к имению Явор принадлежащих, в которых, как стало известно из рапорта Слонимского нижнего земского суда гражданскому губернатору, пало более 200 голов крупного рогатого скота за май 1828 года [21, л. 255].

Первые вспышки чумной эпизоотии в 1829 году возникли в Кобринском уезде в марте месяце и продлились до конца года [22, л. 112]. В эпизоотических очагах возникшая среди животных чума, конечно, не могла не передаваться на окружающий соседний скот, принадлежавший жителям других местечек, городов и пригородов,

а оттуда разносилась путем соприкосновения по всему уезду и губернии. В июне 1829 года чумной эпизоотией была уже охвачена практически вся губерния, причем наиболее интенсивно зараженными оказались животные Кобринского, Пружанского, Слонимского, Волковысского и Брестского уездов, то есть как раз именно в тех районах губернии, где проходили наиболее ожесточенные бои во время войны 1812 г. и по территории которых шло наиболее усиленное движение гуртов скота, принадлежавших как крестьянам, так и для нужд армии. В связи с усилением чумной эпизоотии в 1829 году и в соответствии с составленными еще в 1828 году генерал штаб-лекарем Меллином обновленными наставлениями «о предохранении скота от сибирской язвы или чумы; по лечению пораженного сею болезнью с приложением копии рецепта» и разосланными всем дворовым начальствам имений и земским полициям уездов Гродненской губернии, которые до этого момента не исполнялись должным образом, врачебные управы все больше уделяли внимание организации борьбы с этой болезнью скота [22, л. 543]. Устанавливался ветеринарный надзор за гуртовым скотом, ограничивались передвижения больного скота. Особенно это касалось Кобринского уезда, где с момента возникновения чумы уже находился уездный доктор штаб-лекарь Витковский, заседатели земского суда вместе с земской полицией, однако из-за масштабности заболевания пришлось прибегнуть к помощи вольнопрактикующих лекарей. К концу апреля – началу мая, когда количество павших животных составило более 160 голов, стало ясно, что своими силами уезду не справиться и понадобится помощь извне [22, л. 202]. Тогда чиновниками земского суда и врачебной управы была высказана просьба гражданскому губернатору Бобятинскому о предоставлении военной помощи. В связи с этим был направлен военный корпус от Белостоцкого пехотного полка для прекращения всякого сообщения с теми местами, где свирепствовала чума на крупном рогатом скоте [22, л. 201].

Необходимо сказать, что передача чумы совершается с поразительной легкостью. Больные животные загрязняют извержениями местность, где они содержатся или через которую проходят, и этого вполне достаточно, чтобы эпизоотия приняла ужасающие размеры; совместное пребывание здоровых и больных на пастбищах, общие водопои, общий уход, кошки, собаки, птицы, корм, свежеснятые кожи, рога, шерсть, копыта – все это служит источниками передачи и распространения болезни. В большинстве слу-

чаев возбудители чумы проникают через пищеварительные пути вместе с зараженным кормом; также один из верных способов заражения – ранения кожи и слизистых оболочек; в последнем случае достаточно животному обнюхать кожу или шерсть от чумного скота, чтобы наступило заражение; имеются единичные случаи заражения через воздух, через посредство зараженной пыли, но только на расстоянии менее ста шагов [36].

От населения губернии тогда требовалось строгое выполнение правил борьбы с чумой. Однако с их стороны наблюдалось невежественное отношение к предписаниям властей: факты о раннем появлении заболевания скрывались не только крестьянами, но и чиновниками на местах, а сообщалось об этом земским полициям, когда уже значительное количество скота пало и болезнь распространилась; трупы павших животных убирались небрежно, часто закапывались крестьянами прямо в хлевах или на том самом месте, где они падали, отчего данное заболевание долгое время скрывалось и заражало в дальнейшем вновь заведенный скот; кожи с павших животных старались содрать и продать; больной скот часто не отделялся от здорового, вопреки наставлениям врачебной управы. Смена пастбищ не производилась [23, л. 16–17]. Крестьяне, не считая болезнь опасной, не исполняли санитарно-полицейские мероприятия. Они не понимали сути и значения проводимых мер и не позволяли даже приближаться к своим животным. Долгое время на селе главным врачевателем был знахарь, приносивший огромный вред скотоводству губернии. Предупредительные мероприятия администрации воспринимались населением по-разному, в основном, безразлично. Профилактическая работа против эпизоотий заключалась в поддержании нормальных санитарных условий содержания скота, соблюдении правильного режима его выпаса, выполнении рекомендаций ветеринарно-полицейских служб. Все это всегда оставалось проблемой, особенно в крестьянских хозяйствах. Необходимы были работы по подъему уровня животноводческой культуры у крестьян.

Борьба с чумой крупного рогатого скота – это дорогостоящая кампания, которая требует самого строгого подхода к решению этого вопроса. Опасность чумы крупного рогатого скота состоит не только в том, что эта болезнь вызывает массовую гибель животных, но и в том, что она при недостаточной эффективности мероприятий, появившись один раз, может стать стационарной для данного региона [1, 33].

Согласно анализу ведомостей Гродненской врачебной управы и рапортов земских исправников стало известно, что в 1829 году наиболее сильно пострадал от чумы крупного рогатого скота Кобринский уезд. По неполным данным в течение года было зарегистрировано не менее 55 неблагополучных пунктов, пало от данной болезни не менее 1706 голов рогатого скота, не менее 347 голов выздоровело. На территории других уездов болезнь проявила себя в значительно меньшей степени. В Слонимском уезде с июля по август пало не менее 149 голов, в Волковысском уезде с апреля по октябрь – не менее 138 голов, в Новогрудском уезде за июль и сентябрь – не менее 89 голов, в Брестском уезде с июля по август – 80 голов, в Пружанском уезде только за июль зарегистрировано не менее 67 павших голов крупного рогатого скота от чумы, и это не учитывая значительные потери от вновь возникшей там сибирской язвы. В Гродненском уезде от чумы пало более 37 голов рогатого скота, включая 5 голов в самом городе Гродно. К сентябрю, однако, удалось где-то ликвидировать, а где-то минимизировать потери от чумы, кроме Кобринского и Слонимского уездов, где потери еще оставались значительные. И хотя число пораженных пунктов как будто было меньше к концу 1829 года, но число больных не только относительно, но и абсолютно увеличилось. Если и сократилась в общем площадь чумной эпизоотии, то она прочно укоренилась в названных районах, откуда ликвидировать ее было в высшей степени трудно. Причинами свирепствующих тогда заболеваний для врачей виделись постоянно возникающие из года в год летняя жара и засуха. А единичные случаи падежа, случавшиеся практически в каждом уезде каждых три летних месяца, считались в то время нормальным явлением. Подтверждением тому могут служить слова, написанные в рапорте инспектором Гродненской врачебной управы Меллином губернскому правлению: «...а что болезни местами и доселе на скот открываются, то сему причиною есть благоприятствующая им время года, а не расширение их через непосредственную заразу» [19, л. 18].

Но несмотря на все сложности и препятствия, с которыми сталкивались и земские полиции, и уездные лекари, и другие чиновники на пути ликвидации заболеваний в Гродненской губернии, всегда принимались все необходимые меры для борьбы с ними. В местах, где регистрируется болезнь, создаются караулы из местных крестьян или полицейских десятников, чтобы появившиеся болезни дальше не распространялись; запрещаются прогоны скота и

провозы шкур через зараженные места, а также употребление в пищу молока и мяса от больного скота; павший скот закапывается вместе с кожами подальше от жилищ и в местах, неприступных для здорового скота; больной скот отделяется от здорового и в соответствии с болезнью лечится. Существовали и такие меры, которые с развитием сегодняшних ветеринарной и медицинской наук кажутся по меньшей мере бесполезными или малоэффективными, а в некоторых случаях и пагубными. Например, настоятельно рекомендовалось практически при любом заболевании содержать животных в местах тенистых и прохладных, а также почаще обливать их холодной водой, пускать кровь, примешивать к питью селитру, соль и другие средства, запрещалось выгонять скот на пастбища в жаркое время суток и др. [19, л. 23]. Часто создавались карантины, в которых «чумаки» (т.е. перегонщики скота) должны были содержать свой скот в течение 6 дней на специально отведённых полевщинах. Так, например, Слонимский земский исправник и уездный доктор рапортовали Гродненскому гражданскому губернатору о том, что «купленный евреями мясниками рогатого скота на зарез числом 11 штук в имении Высоцке помещика Ельского, сентября 3 дня 1829 года нами на поле за городом освидетельствован и найден здоровым, но дабы настояще удостовериться приказали держать оной скот на поле 6 дней, а для присмотра поставили караул» [23, л. 22].

В России практически на протяжении всего XIX века не было единой ветеринарной службы. Небольшое число ветеринарных врачей и фельдшеров находилось в разных ведомствах. В стране не имелось и единого руководящего ветеринарного органа [26].

До организации самостоятельной ветеринарной службы – Ветеринарного управления и Ветеринарного комитета при Министерстве внутренних дел, все ветеринарное дело, включая борьбу с эпизоотиями, в основном находилось в ведении Медицинской коллегии Министерства полиции, а с 1811 года – Медицинского департамента Министерства внутренних дел [15]. Всю работу на местах по ветеринарной части возлагали на медицинских чиновников врачебной управы, учрежденной в 1797 году, в частности, на губернского медицинского инспектора, городовых и уездных лекарей, а там где их не было, на земских начальников. Их деятельность в основном заключалась в составлении рапортов о факте возникновения той или иной эпизоотии, о количестве павших, заболевших, выздоровевших, зачастую без указания диагноза, причин

болезни, мер по ликвидации и профилактике эпизоотии. Такая постановка ветеринарного дела еще долго не решала вопросов, касающихся массовых болезней животных [3, 8, 34].

В 1805 году был утвержден университетский устав, который предусматривал учреждение при всех университетах по медицинским отделениям особых кафедр «скотоврачебных наук для преподавания их студентам медицины в таком объеме, в каком необходимы эти науки для всякого врача». Таким образом, этот период характеризовался известным универсализмом в преподавании на медицинских отделениях, так как одни и те же лица ведали медицинскими и ветеринарными кафедрами [2, 30].

Наряду с некоторым количеством сверхштатных ветеринарных врачей и фельдшеров, которые занимались частной практикой (вольнопрактикующие), в целом в России постоянно ощущался недостаток ветеринарных врачей и фельдшеров, что не позволяло вести широкомасштабную работу. Большая часть населения уездов была лишена квалифицированной ветеринарной помощи. Поэтому в те времена вспышки заразных болезней, начавшись в одной-двух деревнях, быстро распространялись, сея на своем пути разорение и нищету крестьян и помещиков [7, 13, 14]. Нагрузка на ветеринарного врача была большая. В среднем по Европейской России один врач обслуживал район в 4513 кв. верст с поголовьем 24 596 единиц скота [26].

До 30-х годов XIX века медицинские и ветеринарные лекари в борьбе с эпизоотиями руководствовались правительственным постановлением «Собрание узаконений по полицейской части...» (1817), «Руководство по чуме рогатого скота» (1724–1806), «Предохранительное средство от скотского падежа» (1773). До закона 1868 г. правительством издавались только правила (в 1804, 1837, 1845 и 1856 гг.), относившиеся к мерам против разноса чумы гуртовым скотом, который, однако, нисколько не улучшили положения. Для предотвращения случаев заноса эпидемических и эпизоотологических заболеваний из стран Западной Европы и Азии правительство России в первой половине XIX века приняло меры к дальнейшему расширению и укреплению карантинной службы на границах страны – «Устав пограничных и портовых карантинов» (1800 г.). На основании главы 4 («О способах и сроках карантинного очищения») этого закона здоровых домашних животных, поступавших из зарубежных стран, подвергали 14-дневному профилактическому карантину. В случае обнаружения среди них какой-либо

«настоящей заразы» (инфекционной болезни) больных и подозреваемых в заражении животных содержали в карантине 28 дней и подвергали соответствующему лечению и санитарной обработке [9, 10, 12]. Уже в 1821 году российские ученые ввели в ветеринарную практику наставления «О средствах очищения меновых товаров и прогоняемого скота». В Омске издали «Правила медицинских чиновников, какими средствами из сырых скотских кож истреблять чумную ядовитость» (правила дезинфекции кож) [15].

Согласно существовавшему законоположению в этот период в случае появления эпизоотии какой-либо инфекционной болезни в населенном пункте на основании клинического осмотра сельскохозяйственные животные подразделялись на три группы: здоровые, больные и подозреваемые в заражении. Больных и подозреваемых в заражении животных изолировали и содержали в карантинном помещении, где подвергали соответствующему лечению. В животноводческих помещениях проводили дезинфекцию: «омывание» горячим раствором щелочи, «хлорированной известью» и «окуривание химическими газами» (горящей серой и др.) [15, 26].

В означенный период в России существовали правительственная, военная и городская ветеринария. Правительственная занималась и поддержкой местного населения, организацией борьбы с эпизоотиями, проведением лечебно-ветеринарной и профилактической деятельности, а также контролировала скотопрогонные тракты, содержание промышленного скота на государственных предприятиях.

Городская ветеринария объединяла городских ветеринарных работников. В задачи городской ветеринарии входили ветеринарно-санитарное обеспечение и контроль перерабатывающей промышленности, рынков, пунктов заготовки сырья. Власть стала принимать на государственную службу врачей и поручать им проводить некоторые ветеринарно-санитарные мероприятия по очистке городов, улиц, рынков и т.д. Для ветеринаров и врачей, которые занимались прежде только частной практикой, это было новой деятельностью, поэтому пришлось дать им специальную подготовку. В университетах появилась специальная дисциплина, которая назвалась ветеринарной полицией [3, 6].

Ветеринарная полиция – отрасль ветеринарии, преподаваемая обыкновенно совместно с эпизоотологией, осмотром мяса и зоогигиеной, так как учит о мерах, принимаемых со стороны общества и правительства к улучшению здоровья и уменьшению смертнос-

ти домашних животных, а также о мерах, необходимых для предохранения здоровья людей, насколько последнее зависит от состояния здоровья животных и доброкачественности получаемых от них продуктов, как то: мяса, молока, кож, шерсти и т.д. Так как ветеринарная полиция всецело основана на научных данных, добытых ветеринарией, то первые законоположения о ветеринарно-полицейских мероприятиях появились только с возникновением ветеринарии как самостоятельной науки и развивались параллельно с ней. Особенно сильное влияние на утверждение ветеринарной полиции оказали бактериологические изыскания, так как только они одни могли дать точную основу для различных ветеринарно-полицейских мероприятий: прекращения заразных болезней домашних животных, дезинфекции помещений, где они стояли, определения степени опасности принятия в пищу мяса и молока больных животных [3].

Малочисленная городская ветеринарная служба, слабо оснащенная медикаментами, инструментами и другими средствами, не обеспечивала надлежащий ветеринарно-санитарный надзор и лечебную деятельность в городах [15, 26]. Не обошла чумная зараза в 1829 году и город Гродно. 24 сентября Гродненская врачебная управа рапортовала Гродненскому гражданскому губернатору Бобятинскому о появившейся чуме рогатого скота в имении Станиславово князя Любецкого «сообщенной таковым же принятым в оное имение на прокорм от здешняго жителя Полюты, торгующего скотом и состоящем на расстоянии от города Гродно в одной только версте» [23, л. 24]. Было принято решение прекратить сообщение с имением и окрестными деревнями, сообщить всем жителям имения и других селений посредством полицейских ключвойтов, а также земским полициям соседних уездов и Царства Польского комиссару Августовского округа о факте возникновения болезни в здешних местах. Сразу же было запрещено пасти скот на полях имения. По приказу губернатора было поручено Гродненскому полицмейстеру совместно с членами врачебной управы освидетельствовать весь скот в городе «и если среди него окажется больной или подозрительный по заболеванию, тут же оный отделить» [23, л. 28]. Пригоняемый к городу скот на убой каждый раз очень внимательно и тщательно освидетельствовался и не раньше впускался в скотобойни, как по истечении 6 дней. На окраинах города учреждались карантины с удобными для временного содержания скота местами, а чтобы жители не испытывали недостатка в мясе, обяза-

ли мясников снабжать город бараниной. Также было поручено оцепить имение ополчением из нижних воинских чинов до прекращения болезни. Заседателю Гродненского главного суда 2-го департамента, Гродненскому полицмейстеру и Гродненской врачебной управе было поручено провести особое расследование в отношении появившейся болезни.

На следующий день в имение Станиславово отправился инспектор врачебной управы Меллин, который по клиническим признакам 7 заболевших и вскрытии 2 павших животных установил диагноз чума крупного рогатого скота. По словам инспектора врачебной управы, «для прекращения каковой были предприняты все надлежащие меры и преподаны на месте тамошнему управителю на счет предохранения скота правила» [23, л. 26]. Несмотря на все предпринятые меры, 15 октября рапортом от Гродненского полицмейстера сообщено Гродненскому гражданскому губернатору, что падеж от сказанной болезни случился и в самом городе Гродно, однако «упалых во всем городе только пять коров и более даже больных вовсе нет... А в упомянутом имении болезнь на рогатом скоте совершенно прекратилась. Снята полициею вся стража, поставленная по сему случаю на всех въездах города, и оставлено свободное сообщение с городом скота всякого рода, исключая того, который доставляется промышленниками для продовольствия жителей на прежнем основании правил свидетельства о его здоровье» [23, л. 27].

Однако ж основная причина слабого развития животноводства, наряду с последствиями, вызванными войной 1812 г. и массовыми падежами сельскохозяйственных животных от заразных и незаразных болезней в Российской империи, по-прежнему антисанитарное и нерациональное содержание животных, их примитивное кормление, тяжелые работы, которые животным приходилось выполнять, бедность их хозяев-крестьян, слабая борьба с болезнями животных, незначительное число ветеринарных работников [5, 8]. Согласно медицинскому списку в 1812 г. в стране числилось 6 отечественных ветеринарных лекаря, а в 1825 г. – 215 [15]. Усугублялась ситуация также и природными катаклизмами: частыми были в ту пору засухи, градобития, изнурительная жара летом и сильные морозы зимой. Отсюда случались постоянные неурожаи (в 80–90 % случаев), которые, как правило, становились катализатором других стихийных явлений – эпидемий, эпизоотий, пожаров [13]. Так, из рапорта Брестского нижнего земского суда Гродненскому

гражданскому губернатору Бобятинскому 3 марта 1821 года следует, что в некоторых местах Брестского уезда, а особенно в имении Расной графини Ожаровской, имении Каменец-Литовском был обнаружен падеж крупного рогатого скота. Как засвидетельствовали лекари «... оказывается происходит от бывшего в летнее время худого мокрого корма ныне зимою оказывается через то на скот болезнь та новой. Действительно болезнь та не есть заразительной, во означенных местах пало скота до 20 штук» [24, л. 106]. 22 сентября 1828 года было донесено, что в имениях Тюхеничах князя Чарторийского, а через некоторое время в имениях Непля помещика Мержеевского, Клепаках Немцевича, Аптопове Длуского и ряде других имений «...открылась скотская болезнь, ...как удостоверяют приглашенные вольно практикующие (частнопрактикующие) лекари Лазовский и Влацкий называемой воспаление плуц, брюха и кишок. Что происходит с худого корма большого по недостатку прошедшей зимы и мокрого стойла в сараях и хлевах» [25, л. 25]. В том же году 30 августа Волковысский уездный лекарь рапортовал Гродненскому губернскому начальству о том, что в местечке Рось «...существует скотский падеж от воспаления легких» [25, л. 24].

Вместе с тем, в этот период уже начали появляться публикации о болезнях животных и мерах их лечения. Статьи о болезнях животных в России впервые публиковали на страницах «Военно-медицинского журнала» (издавался с 1823 года), в Трудах Вольно-экономического общества (издавались с 1765 года), в «Журнале министерства внутренних дел» (издавался с 1829 года) и в «Еженедельнике для охотников до лошадей» (издавался с 1823 года). Издание этих журналов способствовало популяризации знаний по ветеринарии, созданию правильного представления о стоящих перед ней задачах. Кроме того, ветеринарную литературу издавали в Академии наук: «Наставление как лечить лошадей...», «Способы к отвращению в рогатом скоте падежа и средства к излечению...», «Словарь врачевания болезней...» и т.д. [5, 6].

Таким образом, если подытожить, то можно сказать, что беспорядочные волны двигавшегося по разным направлениям во время войны беженского скота и передвижение скота, предназначавшегося для нужд армии, без соблюдения установленных мер в отношении предупреждения разноса эпизоотии, а также другие косвенные причины, вызванные самой войной и ее последствиями, явились основой для угрожающего развития наиболее опасных из этих эпизоотий – сибирской язвы, повального воспаления легких и чумы рога-

того скота в последующие десятилетия, как раз в тех местах, где вышеназванные события происходили наиболее интенсивно.

Относительное затишье болезней в период с 1813 по 1814 гг. объяснялось многими причинами. Главную роль здесь сыграло прекращение военных действий, а вместе с тем и передвижение гуртов, сокращение численности скота после войны и т.д.

Если говорить по поводу затяжного характера чумы в 1829 году, и прежде всего в Кобринском уезде, на ее длительность повлияло то, что меры по ее преодолению не были систематическими и существенного результата, следовательно, не могли дать. Это усугублялось также игнорированием дворовым начальством имений, самими крестьянами, так и земскими полициями правил предохранения скота от заразных болезней, написанных врачебной управой еще в 1826 и 1828 годах, и низкой животноводческой культурой населения и других причин. Нужно принять во внимание и неблагополучие Минской и Волынской губерний в 1829 году, которые не могли дать Гродненской губернии стационарного благополучия [35].

Известная заслуга в борьбе с болезнями в эти годы принадлежала также и самоотверженной и неимоверно трудной работе уездных лекарей, которым приходилось рисковать своей жизнью, спасая животных и хозяйства края от весьма опасных болезней не только для животных, но и для человека, и которых тогда еще было слишком мало, чтобы коренным образом изменить ситуацию в случае стремительного распространения инфекционных болезней.

Список литературы

1. Вирусные болезни животных / В.Н. Сюрин [и др.]. – М.: ВНИТИБП, 1998. – 928 с.

2. Гильмутдинова, О.М. Высшему ветеринарному образованию в Казани – 125 лет / О.М. Гильмутдинова // Ветеринария. – 1998. – № 5. – С. 58–60.

3. Джупина, С.И. История ветеринарии: учеб. пособие / С.И. Джупина. – М.: РУДН, 2005. – 54 с.

4. Жилин, П.А. Гибель наполеоновской армии в России / П.А. Жилин. – М.: Просвещение, 1974. – 359 с.

5. Калугин, В.И. Знаменательные даты / В.И. Калугин // Ветеринария. – 1992. – № 9. – С. 53.

6. Калугин, В.И. Знаменательные даты / В.И. Калугин // Ветеринария. – 1991. – № 11. – С. 73–74.

7. Калугин, В.И. Изучать и знать историю и достижения отечественной ветеринарии / В.И. Калугин // Ветеринария. – 1991. – № 4. – С. 66–69.

8. Калугин, В.И. России верные сыны / В.И. Калугин // Ветеринария. – 1993. – № 3. – С. 47–51.

9. Колесниченко, И.С. Исторические военно-ветеринарные законодательные документы России / И.С. Колесниченко // Ветеринария. – 2007. – № 4. – С. 54–57.

10. Колесниченко, И.С. Развитие законодательства, регулирующего ветеринарное образование и присуждение ветеринарных ученых степеней в России в XVIII – XIX вв. / И.С. Колесниченко // Ветеринария. – 2008. – № 5. – С. 55–56.

11. Корнейчик, Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г. / Е. Корнейчик. – Минск: Госиздат БССР, 1962. – 198 с.

12. Коровенков, А.И. Ветеринарно-санитарный надзор при импорте животных из стран востока / А.И. Коровенков // Ветеринария. – 1994. – № 4. – С. 58–62.

13. Королев, А.Г. История распространения и ликвидации чумы крупного рогатого скота в Харьковской губернии / А.Г. Королев // Вісник ЦНЗ АПВ Харківської області. – 2010. – № 8. – С. 303–308.

14. Корсун, В.П. Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX– начале XX вв: на материалах Владимирской и Костромской губерний: дис. ... канд. ист. наук / В.П. Корсун. – Иваново, 2007. – 241 с.

15. Минеева, Т.И. История ветеринарии / Т.И. Минеева. – СПб.: Лань, 2005. – 384 с.

16. Швед, В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады / В. Швед, С. Данскіх. – Гродна: ГрДУ імя Я. Купалы, 2006. – 252 с.

17. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее НИАБ в Гродно). – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 621.

18. НИАБ в Гродно. – Ф. 2. – Оп. 38. – Ед. хр. 164.

19. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 2047.

20. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед. хр. 1903.

21. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 3. – Ед. хр. 179.

22. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 3. – Ед. хр. 523.

23. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 3. – Ед. хр. 694.

24. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 1. – Ед. хр. 2419.

25. НИАБ в Гродно. – Ф.1. – Оп. 3. – Ед. хр. 254.

26. Никитин, И.Н. История ветеринарии / И.Н. Никитин, В.И. Калугин. – М.: Агропромиздат, 1988. – 191 с.

27. Орлик, О.В. Гроза двенадцатого года / О.В. Орлик. – М.: Просвещение, 1987. – 405 с.

28. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: учеб. пособие / П.Г. Чигринов. – 2-е изд. – Минск: Высш. шк., 2004. – 245 с.

29. Платонов, С.Ф. Учебник русской истории для средней школы / С.Ф. Платонов. – М.: Просвещение, 1994. – 365 с.

30. Семенов, Б.С. Санкт-Петербург – родина высшего ветеринарного образования в России (к 190-летию высшего ветеринарного образования в России) / Б.С. Семенов // Ветеринария. – 1998. – № 8. – С. 41–44.

31. Сироткин, В.Г. Отечественная война 1812 года / В.Г. Сироткин. – М.: Просвещение, 1988. – 532 с.

32. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год / Е.В. Тарле. – СПб.: Лань, 2000. – 462 с.

33. Эпизоотология и инфекционные болезни сельскохозяйственных животных / А.А. Конопаткин [и др.]. – М.: Колос, 1984. – 554 с.

34. Яковлева, Е.Е. Первые организаторы ветеринарной службы в Казанской губернии / Е.Е. Яковлева // Ветеринария. – 2005. – № 10. – С. 61–64.

35. Ятусевич, А.И. История ветеринарной медицины в Беларуси / А.И. Ятусевич, Н.С. Безбородкин. – Витебск: ВГАВМ, 2004. – 200 с.
36. Шишков, В.П. Введение в ветеринарию / В.П. Шишков, И.М. Беляков, А.А. Кунаков. – М.: Агропромиздат, 1986. – 144 с.: ил.

Елена Лустина

ТРАДИЦИИ ОХОТЫ В БЕЛАРУСИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Сегодня наблюдается большой интерес в обществе к возрождению традиций культуры наших предков. Ярким примером этого являются различные рыцарские клубы с зрелищными представлениями – рыцарскими турнирами, военно-исторические клубы, набирающие популярность многочисленные агроусадьбы. Невозможно обойти вниманием и возрождение богатого традициями опыта охоты наших предков, с интересными и самобытными приёмами организации и проведения охоты. Большой опыт, накопленный в охотничьем деле, особенно во времена, когда охота становится важной частью светской жизни правящих особ, со своими правилами, этикетом, грандиозной зрелищностью рождает идею возобновить и воплотить в жизнь в качестве одного из туристических развлечений охоту в соответствии с традициями времен ВКЛ, Речи Посполитой и царских охот периода Российской империи.

Во времена ВКЛ охота служила главным образом способом закалки и тренировки воинов, средством заготовки провианта. В ряду знаменитых охотников выдающееся место принадлежит Ягайло, который до самозабвения отдавался своей страсти к охоте. Он проводил в лесах целые месяцы, подвергаясь различным охотничьим лишениям. Среди его охот наиболее выдающаяся была охота 1409 года, организованная накануне Грюнвальдской битвы. Это самая известная охота Ягайло, на примере которой можно наблюдать грандиозные масштабы охот того времени. Во время охоты заготавливался провиант для союзного 100-тысячного войска: заготавливалось зубриное, лосиное, турье, медвежье и оленье мясо, которое под наблюдением самого Ягайло солилось, коптилось и укладывалось в бочки. Бочки конопатились и складировались на льду, а с наступлением весны сплавлялись по Наревке, Нарви, Бугу и Висле (всего отправлено 200 бочек). Одновременно с охотой воины тренировались в меткости стрель-

бы, ловили тарпанов – диких лесных лошадей как будущую транспортную силу [3, с. 20].

Со смертью Ягайло охоты постепенно перестали быть серьёзным делом заготовки мясного довольствия для армии. Охотились уже не столько из-за страсти к борьбе или для выработки военной закалки, сколько для забавы. Утрачивается любительский дух охотника, и охота становится неотъемлемой частью придворного этикета. Простоту в одежде и отношениях сменили костюмы и этикет. Вместо сотоварищей появилась свита и публика. К охоте готовились заранее. Приглашались гости, трудились конюхи, псари. С собой обязательно везли хмельное питьё и огромное количество закусок.

Устраивая охоты, Александр, внук Ягайло, женатый на дочери московского царя Ивана III Елене, брал её с собой. В одну из таких охот для королевы был устроен возвышенный помост, с которого она могла поражать выгоняемых на неё зверей [3, с. 25]. Пышные охоты устраивал Стефан Баторий (1576–1586 гг.). Он не устраивал боен, подобно Ягайло, и не делал из охоты пустого увеселения, Баторий отдыхал на охоте. Он впервые ввёл охоту на зубров из мушкетов, тогда как до него зубров загоняли собаками, затем поражали стрелами и рогатинами [4, с. 10–11].

Наиболее распространённым видом ловчей загороди на крупных животных служил так называемый двустенок – срубленный из брёвен, продолжительностью несколько километров и множеством ловушек – тупиковых ответвлений. Ловчее сооружение, так называемую стенку, так же использовали в охоте на крупных животных, в частности на зубров. В отличие от двустенка здесь рубленные из еловых колод тыны образовывали огромный треугольник со свободной основой – входом, который при необходимости быстро перегораждался протянутыми через квадратные прорези тесаными засовами [6, с. 34].

Существовало несколько способов охоты на медведя: облавы, сежа.

Из средневековья дошла до наших дней охота с флажками на волка. Участок леса с заранее выслеженной волчьей стаей обкладывали флажками – обводили верёвкой с красными ленточками. В прошлом роль флажков выполняло птичье оперенье [13, с. 31].

В конце раннего средневековья в среде феодалов стала популярной охота с собаками и соколами. В XIV–XVII вв. на Беларуси имелось несколько видов охотничьих собак, приученных к охоте в разных условиях и на разную дичь. Борзые (харты) догоняли и ду-

шили зверя, гончие (выжлы) гнали его с лаем, легавые нюхом отыскивали, а также обозначали и приносили добычу, таксы (ямники) использовались при охоте на норного зверя.

Существовали и определённые традиции в одежде знатных охотников. Над охотничьим костюмом работали скорняки, выделывая тонкую кожу, отделывая её тиснениями. В отделке плащей использовался дорогой мех. Камзол шился из бархата, застёжки к нему изготавливались из серебра, использовались вставки из драгоценных камней. Сапоги шились из самой лучшей кожи, они должны были быть легкими и прочными. Под стать одежде были и головные уборы.

Насколько безнадёжно утрачены эти традиции, мы можем видеть в костюме современного охотника, которого при встрече с ним в лесу можно принять за заблудившегося солдата.

Нельзя не отметить, что для того чтобы охоты были традиционной частью жизни вельможных особ, чтобы они организованно проводились, существовал штат людей, которые и занимались подготовкой королевских, великокняжеских и магнатских охот. Это были люди, для которых охота являлась основной профессией.

Так, ещё при русских князьях возник целый персонал ловчих, так называемый ловчий наряд. Должность ловчего вошла позднее в число земских должностей. Чем увлечённее князь относился к охоте, тем многочисленнее был наряд. Очень многие стремились в охотничью службу, учитывая любовь князя к охоте, это могло каждого приблизить к князю. Среди охотников выработался свой особый язык, который передавался стариками лишь достойной того молодежи. На охотах воспитывались, закалялись и нередко выдвигались будущие ратные люди [3, с. 25].

Во времена подготовки первого Статута ВКЛ (1529 г.) из разных источников можно проследить хорошо сформированные ловецкие службы ВКЛ. Так, например, в документах, собранных в «Актах Западной России» и «Литовской метрике», отмечено существование крестьян – слуг, выполняющих те или иные охотничьи обязанности: «бобровников, осочников», ловцов, «псарцов», «сокольников», «свинухов» гаевников [7, с. 48].

Во главе всего штата ловецкой службы стоял ловчий с подловчими, должность которых считалась очень важной, достойной и весьма почётной.

Со временем устанавливаются и определенные правила охоты:

- охотник должен находиться с подветренной стороны;

- кто не умеет хорошо стрелять, тот не должен браться за ружье;
- выпустивший раненного зубра, подвергается наказанию;
- по данному сигналу выстрелом из ружья или протяжным звуком охотничьего рожка загонщики начинают кричать «у-га! у-га!», криком, холостыми выстрелами, стуком палок о деревья гонят зубра на охотников [2, с. 450].

Особенно страстными охотниками Речи Посполитой были Август II и Август III.

Курфюст Саксонский, избранный на престол Речи Посполитой в 1698 г. как Август II, был очень азартным охотником, настолько увлеченным, что забывал свой сан, выходил один на медведя с рогатиною или корделясом [3, с. 40]. При нём был несколько изменен штат охотничьей службы. Осочники были заменены егерями саксонцами, организовавшими охотничье хозяйство в местах королевских ловов. Охотничья стража была увеличена, и вообще королевское угодье было приведено в такое состояние, что Август II с сыном, впоследствии Августом III, проезжая из своей резиденции Дрездена в Варшаву на сеймы, не пропускали случая посетить ловы в Беловежской пуще.

Воспитанный на отцовском увлечении охотой, Август III не мог не унаследовать отцовскую страсть к охотничьему делу. Август III был кавалером ордена Святого Губерта, считавшегося покровителем охоты. Устраивая охоты, он стремился превзойти по зрелищности и масштабности предыдущие. Август III был инициатором организации пышных охот с большой свитой и высокопоставленными особами с 1738–1752 гг. Охоты времен Августа III отличаются безжалостно-неоправданным истреблением зверя. Это подтверждается известным фактом: во время одной из таких охот 26 сентября 1752 года его жена убила 20 зубров, в перерывах между загонами она спокойно читала книгу. Всего в эту охоту было истреблено 57 разных животных. В честь этой охоты Август III приказал воздвигнуть памятник [4, с. 11]. На памятнике имелись следующие надписи на польском и немецком языках: «Dnia 26 ceptembra 1752 r. Najmoscia, i krolewiczami Ichmość Xawerym i Karolem mieli tu polowanie Zubrów, i zabili 42 zubrów t.j. 11 welkich, z których najwazniejszy wazyl 14 centar i 50 funt. 7 mniejzuych, 18 zybric, 6 mlodych, 13 losiow, i 6 z któruch najwozniejszy wazyl 9 crntnerów i 75 funt. 5 samic, 2 mlodych, 2 starhy. Summa 57 sztuk» [2, с. 390].

В 1784 г. была устроена пышная охота для последнего польского короля Станислава Августа, который в принципе не любил охо-

ты, но для поддержания традиционного строя придворной жизни время от времени устраивал охотничьи парады. В Беловежской пуще был организован зверинец, в котором был выстроен 3-ярусный павильон для помещения короля и его свиты. Для облав было созвано до 2 тыс. крестьян [2, с. 453].

В нижнем этаже павильона размещалась прислуга, в среднем был обширный зал для короля, убранный коврами и рыцарскими доспехами, а верхний этаж представлял собой открытый балкон, с которого приближенные наблюдали за охотой. В первый день король подъехал к павильону верхом, сопровождаемый конною гвардией, уланами и казаками. Станислав-Август не истреблял зверей так беспощадно, как его предшественник, и ограничивал охоту только несколькими зубрами [3, с. 38].

У не обладающих страстью к охоте вельможных особ белорусские леса вызывали интерес преимущественно из-за их величественных обитателей – зубров, которые служили объектом туристического внимания. В XIX в. в Беловежскую пущу стали приезжать туристы, желавшие увидеть своими глазами «хозяина» пущи – зубра. Чтобы показать им зубров, устраивались большие облавы с привлечением нескольких тысяч крестьян. В 1840 г. зубров показывали 14 раз [1, с. 12].

Объектом туристического паломничества служили белорусские леса для большинства вельможных особ, сопровождавших царя во время великих охот. Так было, например, во время охоты Александра II.

Инициатива организации пышной охоты в Беловежской пуще 1860 г. принадлежала Александру Алексеевичу Зеленому, в то время помощнику министра Государственных Имуществ и генерал-майору свиты его Императорского Величества. А. Зеленый был постоянным спутником Александра II на зимних зверовых охотах. Организационная сторона дела также не могла вызывать сомнений у министра, так как к 1860 г. Беловежская пуща была полностью устроена и укомплектована кадрами специалистов [10, с. 18].

Приготовления к охоте велись очень тщательно. Три недели лесничий Штральборн и унтер-егермейстер Иванов с 14 офицерами корпуса лесничих, 10 объездчиками, 90 стражниками и 200 крестьянами, не выходя из пущи, сгоняли зубров и всех других животных, не исключая зайцев, в заранее огороженное обширное пространство. Одновременно с загоном по всем казённым лесам Гродненской губернии ловили зверей и в клетках доставляли в импро-

визированный для предстоящей охоты зверинец, куда собрали 339 животных: зубров, лосей, оленей, кабанов, волков, лисиц, косуль, барсуков, зайцев. 100 зубров погибло при загоне в зверинец, из-за неопытности и спешности с которыми проводился загон. Тяжелые и непривычные к продолжительному и быстрому бегу животные изнемогали от усталости и на пути к зверинцу пали [3, с. 65].

Для охоты был избран участок на обоих берегах речки Крыницы, впадающей в Наревку. Избранное на этом участке место в 2 кв. версты было окружено прочной деревянной оградою.

Въезд императора в пущу был весьма помпезный. Вся дорога по обе стороны освещалась кострами и смоляными бочками, а возле дома, предназначенного для царя, сверкала иллюминация. Толпа крестьян встречала царский поезд приветственными криками. После того как предназначенные места для высших особ и свиты были заняты, Государь приказал подать сигнал для начала охоты. Облава, расположенная в противоположном конце зверинца, двинулась по данному сигналу и стала сгонять зверей к штандам[1] . По мере приближения зверей к стрелковой линии облава останавливалась и лесная стража спускала гончих собак. По возвращении из леса в селение был устроен грандиозный обед для Его Величества и свиты. Во время обеда играла военная музыка Великолуцкого пехотного полка, прибывшая из Белостока. Для народа, который тысячами подбирался к месту расположения строения, занятого Его Величеством, было также приготовлено угощенье. Охота эта продолжалась 2 дня. В заключение охоты была произведена общая единовременная облава на всех собранных в загоне зверей. По окончании охоты все убитые звери были доставлены к Государеву штанду. В память об охоте, а также в подражение Августу II А. Зеленый предложил поставить в Беловежской пуще монумент, который затем был отлит в виде фигуры зубра, выполненной в натуральную величину, и установлен на мраморном постаменте в центре пущи – Беловеже. Там же на специальной плите были выбиты фамилии участников этой охоты и количество добытой ими дичи. По распоряжению Александра II с модели памятника отлили 7 уменьшенных золоченых бронзовых копий, 2 из которых подарены организаторам охоты – А. Зеленому и графу П.К. Фрезену (в то время был егермейстером Императорского двора). Остальные 5 – участвовавшим в охоте немецким принцам [5, с. 7].

[1] Штанды – маленькие крытые галереи, убранные древесными ветвями, так что издалека они имели почти вид деревьев и сливались с лесом.

Сейчас этот памятник, правда, без мраморного постамента, находится в польском городе Спала, а его уменьшенную копию можно увидеть в музее Природы национального парка, куда она попала из Эрмитажа[2].

Царская охота 6–7 октября 1860 г. – явление самобытное. Целью этой охоты была демонстрация всему миру богатства и мощи Российской империи, а также блеск и доблесть ее достойного монарха как раз накануне великих реформ. Обычно в царской охоте принимало участие 10–15 человек: царь, великие князья, цесаревич, приближенные и гости царя. Охота длилась, как правило, две недели. Помимо общих приготовлений вырабатывался очень подробный план. Основанием для него служило количество зверей в угодьях. В программах, помимо кварталов, намечаемых для охот, указывали схемы передвижения людей, время и место завтраков, стоянки экипажей и т.д. Составлялись списки участников со всеми титулами, и каждый из них получал такую программу и торжественное приглашение принять участие в ловах. После охоты готовились тщательные отчеты о результатах охоты. По окончании загона егерь, стоящий при охотнике, обязан был навесить на каждого убитого зверя приготовленную заранее табличку с именем стрелявшего: зубру, лосю, оленю привязывали дощечки к рогам, кабану, зайцу и лисе – к проткнутому уху [9, с. 40]. На каждого охотника заводилась специальная ведомость по учету убитой дичи. Общее количество приводилось в итоговой сводке. Так, за 10 дней охоты в Беловежской пуще в 1894 г. было убито 36 зубров, 37 лосей, 25 оленей, 69 косуль, 16 кабанов, 3 зайца, 2 глухаря и 18 лисиц. Итого 206 животных. Составлялись также и описания всех крупных добытых экземпляров [10, с. 23].

Следуя охотничьим традициям, напоминавшим театральные действия, всех добытых здесь животных подвозили ко дворцу и раскладывали в определенном порядке перед входом – традиционно завершающая охотничий день церемония – штрека. В первом ряду клали по видам дичь, составлявшую результат охоты Государя Императора, а затем – прочих участников охоты. Наиболее мелких животных подвешивали на специальных перекладинах. Тушки украшали гирляндами из дубовых веток. В лучах специальной искусственной подсветки животные казались еще более красивыми и величественными. Позади добычи выстраивалась специальная охотничья команда, а по краям располагались дворцовые ра-

[2] Из беседы с инженером по охране леса ГНП «Беловежская пуща» Кравчуком Г.Г.

ботники в красных рубахах и с факелами в руках. К этому моменту на площади собирались практически все жители Беловежи и приезжие гости из ближайших окрестностей: Бреста, Гродно и Варшавы – приглашенные присутствовать на выкладке животных и иметь честь видеть самого государя и других августейших особ.

Охота завершалась большим традиционным торжеством. Как правило, торжества сопровождались импровизированным концертом на охотничьих рожках. Каждому виду животных посвящалась своя мелодия. По завершению Высочайших охот всегда устраивался общий обед, где на разостланных коврах рассаживались все участники охоты, от его Императорского Величества до последнего егеря и возчика, вложивших свой труд в общее дело. В ходе застолья высокие «гости» благодарили «хозяев» за хорошо организованную охоту, а последние наслаждались оказанной им честью и сознаем того, что их усилия и мастерство не остались незамеченными [12, с. 9].

Последняя царская охота состоялась в 1912 г., и хотя организована она была прекрасно, в ней уже не было того блеска и величия, столь свойственных прежним охотам. Забыто и былое единство простого люда с сильными мира, которое так ярко проявлялось во времена былых застолий.

Таким образом, мы наблюдаем эволюцию охотничьих традиций от времени, когда охота перестаёт быть средством добычи провианта и закалкой воинов, до момента, когда охота становится частью придворной жизни и средством демонстрации могущества державы, с использованием зрелищных приёмов в организации охот.

Реконструируя охоты как туристическое развлечение в соответствии с традициями княжеских, королевских либо царских охот, необходимо задуматься и о фауне, делая акцент в основном на декорациях: костюмы, орудия, ловчие приспособления, охотничьи собаки, застолье и т.д. Реконструкция охот того времени своей зрелищностью, несомненно, привлекала бы желающих окунуться в атмосферу тех времён.

Список литературы

1. Летопись природы 1946–1950. Ч. 2.

2. Бобровский, П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Гродненская губерния. 4.1 / П. Бобровский. – СПб., 1863. – 460 с.

3. Карцов, Г.П. Беловежская пуща 1382–1902 / Г.П. Карцов. – Минск, 2007. – 295 с.

4. Кестер, Б.В. Прошлое и настоящее Беловежской пущи / Б.В. Кестер, С.В. Шостак. – М.: Лесная промышленность, 1968. – 68 с.

5. Коновалюк, В. Беловежская пуща / В. Коновалюк // БУГ СЭЗ Брест. – 1997. – № 7. – С. 7.

6. Кутепов, Н. Великокняжеская и царская охота на Руси, X–XVII вв. / Н. Кутепов. – Челябинск: Арнами, 2004. – 258 с.

7. Любавский, Н. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута / Н. Любавский. – М., 1863. – 50 с.

8. Надзённае жыццё вялікага князя Вітаўта ў святле тагачаснай карэспандэнцыі (XV ст.) // Lituanian Historikal Studies. – Vol. 8. – С. 1–26.

9. Пармизина, И.С. Царские охоты в Беловежской пуще. Страницы истории / И.С. Пармизина, Н.Д. Черкас. – Минск: Беларусь, 2009. – 124 с.

10. Семаков, В.В. Беловежская пуща. Краткий исторический очерк / В.В. Семаков, Н.Д. Черкас. – Барановичи: Укрупненная типография, 1998. – 39 с.

11. Семаков, В. Царь Николай и Беловежье / В. Семаков // Заря. – 2000. – № 8. – С. 6.

12. Черкас, Н. Большая императорская охота / Н. Черкас // Падарожнік. – 1997. – № 7. – С. 9.

13. Шарафанович, О. Охота в Беларуси: стратегия и тактика / О. Шарафанович // Лесное и охотничье хозяйство. – 2006. – № 11. – С. 29–34.

14. Архив научно-исследовательского центра заповедника «Беловежская пуща» в д. Каменюки.

Наталья Пац

НОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Одним из приоритетных направлений политики нашего государства является воспитание здорового молодого поколения, формирование здоровьесберегающего мировоззрения и поведения.

Формирование экологии личности будущего, его миросозидательной компоненты поведения – это очень серьезная задача. Ее решение возможно только в контексте преемственности многих структур: культуры, образования, медицины, общественных организаций. Неоспорима роль в реализации этого направления сферы экологического туризма.

Информацию о постулатах здорового образа жизни разные группы населения получают, используя различные источники. Среди каналов коммуникации в среде подростков и молодежи по вопросам здорового образа жизни выделяют межличностные методы общения, использование малых носителей информации (брошю-

ры, плакаты, аудио- и видеоносители), использование средств массовой информации. Специальные или массовые мероприятия включают всемирные дни здоровья, спортивные мероприятия, ярмарки здоровья, акции и праздники здоровья и другие. Остаются актуальными на сегодняшний день проведение конференций и семинаров. Учитывая современные возможности интернет-коммуникаций, для адекватного восприятия получаемой информации особо актуальной является грамотная профилактическая разъяснительная деятельность. Ведущим специалистом в этом виде деятельности должен быть медицинский работник – консультант.

При кафедре общей гигиены и экологии ГрГМУ в течение 10 лет работают группы лекторов-информаторов из числа студентов разных факультетов (медико-психологического, педиатрического, лечебного, медико-диагностического факультета, факультета иностранных учащихся), силами которых проводятся семинары, акции, беседы и лекции по вопросам профилактической медицины и пропаганде здорового образа жизни в среде детей, подростков и молодежи. Семинары-лектории «Мы за здоровый образ жизни» востребованы и успешно проходят в школах, интернатах, детском санатории, в колледжах г. Гродно под девизом «Новое поколение выбирает здоровый образ жизни», «Здоровье каждого – богатство страны».

Приобретенные студентами навыки лекторского мастерства и организации различных форм и приемов пропаганды здорового образа жизни особенно востребованы в аудиториях школьников-подростков. Информация, преподнесенная близкими по возрасту лекторами, доверительная беседа по интересующим вопросам, касающимся некоторых аспектов здорового образа жизни, легко воспринимаются слушателями и заостряют внимание на особо актуальных для данной возрастной аудитории вопросах. Полученные навыки разработки, организации и проведения семинаров-лекториев повышают их собственный уровень подготовки по вопросам профилактической медицины и ориентируют их самих на здоровый образ жизни.

Каждый блок подготовленной информации – это научно-исследовательская работа, творчески преподнесенная для соответствующей целевой аудитории в виде видеоролика, мультимедиа-презентации, памятки, плаката, беседы и других форм. В ходе таких семинаров и акций проводится анкетирование слушателей с целью создания базы данных для формирования медико-социального портрета слушателей, выявления из обследованного контингента групп риска

развития неинфекционных заболеваний. Так, в ходе таких акций выявлены основные информационные ниши в различных возрастных группах, которые требуют дополнительной разъяснительной работы по информированности различных групп населения о рисках развития особенно неинфекционной патологии. Среди учащихся младших курсов колледжей города Гродно, выходцев из сельских регионов Беларуси отмечен низкий уровень осведомленности о вреде для здоровья курения и употребления насвая, а группу риска по приобщению к вредным привычкам составляют дети и подростки в возрастной категории от 11 до 15 лет. Выявлена низкая осведомленность родительской и преподавательской аудитории о способах применения насвая и действии на организм. Выявлен аппликационный метод применения насвая (путем накладывания порции насвая на мацерированную кожу в области подколенной ямки) у 33 % респондентов, использовавших насвай.

Проведенный анализ ответов анкет из групп подростков, которые участвовали в семинарах-лекториях, показал, что в числе задаваемых вопросов в аудитории девушек-подростков преобладали вопросы, касающиеся личной гигиены девушек и юношей, в смешанных аудиториях – вопросы труда и отдыха подростков и молодежи, обучающихся в колледжах, школах с повышенной учебной нагрузкой, вопросы организации рационального питания при занятиях в спортивных секциях, вопросы рациональной организации рабочего места при подготовке домашнего задания у молодежи с высоким ростом, профилактики переутомления во время сессии. Полученные данные учитываются при подготовке материалов для целевых аудиторий, убедительно доказывают необходимость и актуальность проводимой профилактической работы.

Пропаганда близкими по возрасту, но компетентными в определенных вопросах профилактики нарушений состояния здоровья и его сохранения сверстниками воспринимается в молодежной среде с заинтересованностью, и как показывают наши контрольные опросы, результативность проводимой работы по усваемости информации гораздо выше.

Совместно с коллективом колледжа бытового обслуживания города Гродно нами разработана и успешно применяется форма пропаганды здорового образа жизни в среде детей, подростков, молодежи – семинар-акция «Мы за здоровый образ жизни, мир и

красоту». Целью ее является передача аудитории информации, направленной на формирование у каждого осознания престижности в высокообразованном обществе понятия «быть здоровым». Семинар-акция «Мы за здоровый образ жизни, мир и красоту» включает особенности наглядно-образного, творческого компонента преподнесения информации и охватывает сразу большие слои населения, причем она ориентирована на разновозрастные группы. Нами разработана программа и сценарий, в котором могут принимать участие студенческая молодежь различных профилей обучения. Цель: объединив разные наклонности различных групп студенческой молодежи: художественные, творческие, спортивные, исследовательские, ораторские с использованием национальных традиций различных народов мира по сохранению здоровья, показать через красоту слова, мысли, движения, звука приоритет обладания человека навыком самосохранительного поведения и осознание престижности в обществе понятия «быть здоровым».

Семинар-акции проведены для подростковой и молодежной аудитории в городе Гродно на базе среднеспециального учебного заведения – колледжа бытового обслуживания, электротехнического колледжа, в среде детей и коллектива воспитателей и персонала дошкольного учреждения № 45. В семинар-акциях приняли участие студенты различных факультетов Гродненского медицинского университета. Основные постулаты как быть здоровым были преподнесены участникам акции студентами с использованием мультимедийных лекций-презентаций и художественных приемов. С учетом национальных традиций тех народов, которые они представляют, показаны достоинства и красота Человека через стихи, песни, танцы и прозу, через его физические и интеллектуальные возможности. Студенты из Сирии, острова Маврикии, Туркмении, России, Беларуси рассказали о традициях жителей их стран сохранять свое здоровье и окружающих. Рассказали о роли патриотических приоритетов в формировании психологического статуса каждого человека. Особым мотивом в акции прозвучала тема миропонимания через приятие каждым добра, умение увидеть красоту, желание сделать себя и окружающий мир лучше не только сегодня, но и завтра. Девизом каждого мероприятия было «зажечь у всех участников таких мероприятий огонек самосозидания».

При организации и проведении таких мероприятий преподавателям отводится только консультативная и направляющая роль.

Этот вид самостоятельной работы студентов воспитывает у них ответственность, дает возможность творчески подойти к решению поставленной задачи, лично участвовать в реализации своих профилактических разработок.

Формы внеаудиторной подготовки медицинских специалистов по вопросам пропаганды здорового образа жизни – семинары-лектории, семинары-акции силами студентов медицинского вуза вносят большой вклад в пропаганду гигиенических знаний и, являясь одним из каналов коммуникации среди детей, подростков и молодежи, способствуют формированию здорового образа жизни среди подрастающего поколения нашей республики.

Студенты, организаторы таких мероприятий – это кадровый потенциал медицинских специалистов в области профилактической медицины, который может использоваться не только в сфере медицинского обслуживания, но и в качестве консультантов для средств массовой информации, учреждений образования, культуры. К 6 курсу – это подготовленный специалист для Республиканского государственно-общественного объединения «Белорусское общество «Знание», а также и врач-профилактик для сферы экологического туризма.

Использование в арсенале туристического сервиса информационно-образовательных технологий, включающих такие формы, как семинар-акции, актуально при организации туристических маршрутов по Гродненщине в период студенческих и школьных каникул, где целевой аудиторией могут быть школьники различных возрастных групп и студенты. Особенно это важно для учащихся из районных центров, детей и подростков из сельской местности, из других регионов, возможно и для гостей Республики Беларусь, не охваченных прежде нами этой формой воспитательно-просветительской деятельности. Все это будет способствовать повышению уровня информированности по вопросам экологии личности, гигиенического воспитания и здорового образа жизни, формированию здоровьесберегающего мировоззрения у больших контингентов школьников и молодежи и может представить одно из направлений работы сферы экологического туризма. А совместная деятельность общества «Знание» в этом направлении с туристическими структурами, согласовав графики проведения мероприятий, может сделать одну из остановок туристического экологического маршрута для школьников, студентов из других регионов на семинар-акции «Мы за здоровый образ жизни, мир и красоту».

Сяргей Вілейка

СВІЦЯЗЬ: ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ІСНАВАННЯ І ВЫКАРЫСТАННЯ

«Свіцязь – перліна Беларусі». Знаёмы для многіх з дзяцінства выказ, бо менавіта так традыцыйна згадваюць пра дзіўны помнік беларускай прыроды – возера Свіцязь. Найперш таму, што па форме яно сапраўды згадвае перліну. Таксама ў свой час яно было апета ў творах А. Міцкевіча, а значыць атрымала каштоўную аправу. Возера не здарма лічаць унікальным помнікам прыроды і жывым помнікам гісторыі. Мясцовасць тут адметная. Прырода быццам бы асобна пап-рацавала над гэтым кутком Беларусі. Возера размешчана на ўзроўні 258 метраў над морам, форма амаль круглая, набор вады – даджавы, вытокаў з яго няма. Таму і вада заўжды чыстая. Плошча возера 22,4 га, аб'ём вады – 7,7 млн м^3. Расліннасць у наваколлі мае рэдкія экзэмпляры: *Tetradinium javanicum* – найрэдчайшая расліна. У раёне возера вызначана расліннасць з 15 сасудзістых раслінаў, 1 водарараслі, 2 – лішайнікі, 2 віда грыбоў, якія змешчаны ў Чырвонай кнізе Беларусі. Іх назвы гучаць як музыка. У ваколіцах возера жывуць рэдкія віды жывёл і птушак. Надзвычай багатая і лясная фауна вакол возера: 13 відаў дрэў, 15 – хмызнякоў, 241 – травяністая расліннасць, 77 відаў мхоў, 94 – лішайнікі [2]. Навукоўцы лічаць, што аналагаў гэтаму прыроднаму цуду амаль няма, бо ў Налібоках ёсць яшчэ такое жа тэрмакарставае возера – Кромань.

З-за мэты захавання ўнікальнага Свіцязянскага возера – ляснога ландшафта, яшчэ ў 1970 г. пастановаю Савета Міністраў БССР быў створаны Свіцязянскі ландшафтны заказнік рэспубліканскага значэння. Ахоўваю яго займаецца Навагрудскі лясгас. Забаронены меліяратыўныя працы навокал, прамысловы лоў рыбы.

Быццам бы ўсе меры прыроднай аховы вызначаны. Аднак, на жаль, развіццё тэхнагеннай цывілізацыі не заўсёды пасуе існаванню прыроды і ўлічвае яе інтарэсы. На мяжы стагоддзяў в. Свіцязь было даследавана спецыяльнай экспедыцыяй, у склад якой уваходзілі супрацоўнікі даследчых інстытутаў НАН Беларусі, шэрагу кафедр БДУ. Мэта даследавання – ацэнка стану возера і выпрацоўка рэкамендацый і парад па яго далейшаму выкарыстанню. Вынік даследаванняў быў несуцяшальным. Усё з-за чалавечага фактару, а менавіта арганізацыі навакольнага адпачынку. Інтарэс да возера ў людзей, які павялічваецца з года ў год, вядзе да павелічэння коль-

касці арганічных рэчываў у вадзе: даследаванні паказалі наяўнасць амаль усёй «табліцы Мендзялеева». Выснова толькі адна – неабходна прыймаць тэрміновыя меры па ратаванню возера. Але забараніць доступ да возера цалкам нельга. Таксама, па ацэнкам спецыялістаў, ліквідаваць арганізацыю адпачынка людзей ля возера цалкам немагчыма нават з-за яго прыроднай унікальнасці. Возера можна эксплуатаваць, але... пры ўмове рэгулявання натоўпу турыстаў, арганізацыі іх адпачынку. Працэс павінен быць скіраваным.

Першая сур'ёзная спроба вырашыць гэтую праблему была зроблена ў 2000 годзе. Тады Беларуская чыгунка выкупіла прафілакторый «Свіцязь» і ўзяла ў арэнду на 10 гадоў заказнік з в. Свіцязь. Планы і праекты былі велічэзныя. Найперш, планавалася рэканструяваць пансіянат і зрабіць з яго санаторый. Таксама чыгуначнікі мусілі пабудаваць дзіцячы аздараўляльны лагер. Дзеці, якія павінны былі адпачываць у гэтым лагеры, да таго ж маглі бы займацца прыродаахоўчай дзейнасцю ва ўмовах біяразнастайнасці возера. Па дамове арэнды Беларуская чыгунка мела абавязкі правесці комплекс працы па стварэнню месцаў адпачынку, пераносу шашы Баранавічы– Навагрудак за межы заказніка.

Але гэтыя планы не здзейсніліся. Быў толькі рэканструяваны пансіянат, і ў 2007 г. адчыніў свае дзверы санаторый. Але агароджа санаторыя зрабіла пэўныя перашкоды для дзяцей лагера. У 2003 г. чыгуначнікі цалкам адмовіліся ад арэнды. Возера перайшло ў гаспадарку Навагрудскага райвыканкама, а лес – Навагрудскага лясгаса. Спробы добраўпарадкавання ідуць, але, на жаль, вялікіх рэсурсаў гэтыя арганізацыі не маюць. Таму ўнікальны помнік прыроды знаходзіцца цяпер у крызысным стане. Эколагі патрабуюць абмежаваць прыток турыстаў, але вядома, што толькі забаронамі справу не вырашыць.

На наш погляд, выйсце з дадзенага становішча ёсць – гэта стварэнне з заказніка нацыянальнага парка накшталт Браслаўскіх азёраў. Зрабіць гэта прасцей, бо тэрыторыя заказніка значна меншая. Нацыянальны парк адпавядае сваёю структураю, сваімі элементамі справе арганізаванага карыстання возерам і навакольнай тэрыторыі, а значыць дазваляе захоўваць для нашчадкаў гэты прыродны і гістарычны помнік – возера Свіцязь.

Спіс літаратуры

1. Міцкевіч, А. Вершы. Паэмы / А. Міцкевіч. – М., 1968.
2. Природа Беларуси: энцикл. В 3 т. Т. 2. Климат и вода. – Минск, 2010. – 504 с.

Мария Телеш

ИНДУСТРИЯ ГОСТЕПРИИМСТВА ГРОДНЕНЩИНЫ: ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Всякая страна и регион в её составе при формировании и продвижении своего турпродукта опираются на ряд факторов и ресурсов, которыми обладает данная конкретная территория. Что же касается Беларуси в целом и Гродненской области в частности, то мы не можем похвастаться выходом к теплому морю или наличием гор, но отсутствие этих ресурсов не делает наш регион бесперспективным для туризма. Следует учесть, что наша область имеет выгодное рекреационно-географическое положение в западной части Беларуси на пограничье со странами Европейского Союза, располагает богатыми природными ресурсами (часть Беловежской пущи, белорусская часть восстановленного Августовского канала, Липичанская пуща, минеральные воды Поречья) и историко-культурным наследием (самобытные обряды, фесты, город отыгрывал важную роль в истории, к примеру, был местом последнего, третьего раздела Речи Посполитой), располагает развитой транспортной системой, что определяет значительные перспективы развития в регионе туризма.

Территория области входит в состав четырёх рекреационно-туристических районов Беларуси: Гродненского, Мирско-Новогрудского, Молодечненско-Нарочанского и Барановичского. Основными туристическими центрами являются: Гродно, Мир, Лида, Слоним, Волковыск, Новогрудок, Щучин, Зельва, Жировичи, Гольшаны. Развитие туризма Гродненского региона в равной степени зависит как от туристско-рекреационных ресурсов, к которым можно отнести богатую событиями и традициями историю и культуру, так и от инфраструктуры туристической отрасли, ключевой составляющей которой является индустрия гостеприимства [5, с. 24].

Современная гостиничная индустрия области состоит из 38 средств размещения общей вместимостью 2150 койко-мест. По сравнению с аналогичным показателем за 2000 год число гостиниц выросло на 8 единиц. Однако, судя по статистическим данным, среднегодовая загрузка гостиниц составила 53 % в 2009 г., когда в 2000 году этот показатель равнялся 40 %. Если сравнивать эти показатели с общереспубликанскими, то можно заметить, что средняя загрузка средств размещения Гродненщины превышает

общереспубликанский на 2 % (по стране – 51 %). Причем наполняемость носит сезонный характер: увеличивается во время летнего периода и рождественских праздников и снижается с октября по апрель. Также наполняемость гостиниц растёт во время проведения в области культурно-массовых мероприятий (Фестиваль национальных культур) и во время конференций и встреч международного и республиканского масштаба (Всебелорусский инвестиционный форум). Перманентную наполняемость создают фирмы, которые снимают номера под офисы и магазины, такая практика существует в гостинице «Гродно», «Беларусь» и др. Если посмотреть на то, как распределяется процентное соотношение гостиничного фонда по областям республики, то можно сделать вывод, что самый большой процент гостиничного фонда находится в Минской области – 19,7 %, затем Гомельская область – 16,5 %, Брестская – 16,2 %, Витебская – 14,8 %, Могилёвская – 13,4 %, Гродненская – 9,8 %. Общее количество средств размещения Беларуси – 331 единица на 2010. Что же касается посещения области иностранными гражданами, то этот показатель на 2008 год составил 534 человека, без учёта граждан стран СНГ (из них 394 гражданина РП и 73 ЛР), что меньше в 13 раз такого же показателя за 2000 г. [4, с. 178]. Эта тенденция говорит о потере интереса туристов к нашей области как к потенциальной туристической дестинации и недостаточно тщательной политике государства в сфере туризма и услуг. Снижение посещаемости гостиниц области напрямую связано с качественными аспектами организации приёма и обслуживания гостей Гродненщины средствами размещения. К негативным аспектам можно отнести следующее: наличие пережитков СССР (гостиницы города и области начали интенсивно строиться с середины прошлого века). Как, к примеру, низкий уровень обслуживания работниками гостиницы или разные тарифные ставки для туристов из РБ, СНГ или дальнего зарубежья, однако следует отметить, что в последнее время некоторые гостиницы Гродно, как «Кронон Парк Отель», гостиница «Неман», уравнивают тарифы для всех посетителей. Из этой же проблемы вытекает и следующая: материально-техническая база гостиниц не обновлялась десятилетиями и в конечном итоге физически и морально устарела, что делает проживание некомфортным. Материально-техническая база индустрии гостеприимства напрямую связана с инфраструктурой, т.е. тем комплексом сооружений и оборудования, который обеспечивает широкий спектр основных и дополнительных услуг. Конечно, в круп-

ных городах инфраструктура гостиниц более широкая и предлагает больший набор услуг (сауна, тренажерный зал, услуги переводчика, экскурсионные услуги), в то время как в небольших гостиницах (райцентры) в основной набор услуг входит только размещение. Ещё одна проблема средств размещения Гродненщины – недостаток рекламы среди туристов, потенциальных постояльцев. Многие гостиницы не имеют своего сайта в сети Интернет – наиболее популярном и доступном источнике информации для туристов, что затрудняет доступ клиентов к индустрии гостеприимства региона.

Негативным фактом является также то, что средства размещения области не включены во всемирную систему он-лайн бронирования, которой успешно пользуются гостиницы многих стран мира.

Эти несколько проблем – далеко не полный перечень всего того, что следовало бы исправить и доработать в сфере гостеприимства нашего региона. Решение проблем зависит от многих факторов: государственная политика, политика руководства гостиницы, проведение комплекса маркетинговых исследований, ориентация на потребителя и многое другое.

Гродненские гостиницы и отели в последнее время активно перенимают европейскую модель гостеприимства, ориентированную на персонифицированный подход в обслуживании клиентов, повышенный комфорт проживания. В перспективе развитие гостиничного хозяйства области будет базироваться на небольших и недорогих гостиницах туристического класса (2-3 звезды), недостаток которых ощущается в структуре гостиничного фонда области. Также следует учитывать тенденцию коренного изменения в стиле отдыха. На смену трём «S» (Sea-Sun-Sand) море-солнце-пляж постепенно приходит формула три «L» (Lore-Landskape-Leasure) традиции-пейзаж-досуг [1, с. 34]. Тем более что правительство РБ видит будущее белорусского туризма в развитии агроэкотуризма, сочетающего в себе традиции белорусской культуры с отдыхом на природе. (Указ о некоторых мерах по поддержке и развитию агроэкотуризма в РБ, Национальная программа по туризму в РБ на 2006–2010 гг.). На мой взгляд, этот вид размещения является наиболее перспективным для развития как в РБ в целом, так и на Гродненщине. Такие выводы можно сделать исходя из того, что, во-первых, в агроусадебном комплексе главную роль играет не инфраструктура, а окружающая среда, экологически чистая местность и красивая природа. Таким образом, сокращаются материальные затраты на обустройство и введение в эксплуатацию агроусадеб за счёт

того, что в агроусадьбах воссоздаётся аутентичная обстановка старины, которая не предполагает автоматизацию сервиса и максимальную техническую оснащённость быта. В Гродненской области сейчас действуют 13 агроусадеб, расположенных вдали от шумных городов, вблизи рек, озер и лесных массивов; во-вторых, развитию агроусадеб способствует льготное налогообложение. Это направление в туризме является приоритетным, согласно Национальной программы развития туризма на 2006–2010 гг.; успешным примером экотуризма можно назвать агроусадьбу «Над Нёманом» (Берёзовка, Лидский район, Гродненская область), которой дважды (в 2008 и 2009 г.) присуждалось звание «Лучшая агроусадьба года» и номинация «Сохранение белорусских традиций».

Это только возможные перспективы развития индустрии гостеприимства Гродненской области, выполнение которых, несомненно, повысит туристический интерес не только и не столько к самому средству размещения, но и ко всей дестинации в целом.

Список литературы

1. Кусков, А.С. Гостиничное дело: учеб. пособие / А.С. Кусков. – 2-е изд., испр. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2010. – 328 с.

2. Национальная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2006–2010 годы // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 76/972.

3. Статистический ежегодник по Гродненской области 2009 г. / Главное статистическое управление Гродненской области, отв. за выпуск Ж.П. Мельниченко.

4. Статистический ежегодник Республики Беларусь 2010 г. / Белстат.

5. Туристские регионы Беларуси / редкол.: Г.П. Пашков [и др.]; под общ. ред. И.И. Пирожника. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 608 с.

Анна Валенчиц

РЕКЛАМНО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПРОДУКЦИЯ г. ГРОДНО

Специфика туристских услуг обусловливает необходимость использования зрительных, наглядных средств, обеспечивающих более полное представление объектов туристского интереса. Такой интерес к Гродно и его окрестностям есть. Его рост отмечают туроператоры и турагенты, работающие в городе. Заявленный городскими властями слоган «Гродно – город-музей», с одной стороны, требует комплексного решения в деле сохранения историко-культурного наследия города, с другой – продвижение имеющихся

привлекательных туристических объектов к потенциальному потребителю. Такой потребитель имеется, и он разный.

Одним из примеров руководства о том, как следует продвигать информационно-рекламную продукцию, служит книга Филипа Котлера, основоположника современной теории управления маркетингом, «Основы маркетинга». Котлер считает, что никогда нельзя останавливаться на месте и постоянно пополнять свои знания необходимо, так как другие могут попросту копировать ваши действия и инновации, поэтому всегда важно находиться на шаг впереди остальных. Данная книга является своеобразной «библией» по маркетингу. Правильное и разумное продвижение информационно-рекламной продукции к потребителю является важной частью в развитии как международного, так и внутреннего туризма.

Рекламно-туристическая продукция города Гродно должна с максимальной эффективностью удовлетворять интересы каждого туриста. Путеводители, буклеты, брошюры должны содержать информацию, которая поможет туристам лучше узнать город Гродно, познакомит с богатой событиями историей, культурой, традициями, современной жизнью, расскажет о прошлом и настоящем Гродно. Благодаря данной продукции туристам легче ориентироваться в незнакомых для них улицах. Необходимо отметить тот факт, что рекламно-туристическая продукция помогает в формировании первого впечатления о городе и его окрестностях, вызывает туристический интерес, что является важным моментом в развитии внутреннего туризма. Целью данной работы является: изучение предоставляемого ассортимента рекламно-туристической продукции города Гродно, изучение преимуществ и недостатков данной продукции, а также изучение её влияния на содействие в сфере развития внутреннего туризма. Для этого нам необходимо было решить следующие задачи: собрать весь материал по рекламно-туристической продукции г. Гродно, посетить библиотеки и книжные магазины, узнать мнение туристических фирм о данной продукции. В результате мы можем утверждать, что, к сожалению, не вся продукция отличается хорошим качеством. Основными недостатками рекламно-туристической продукции города Гродно является: малый тираж рекламно-туристической продукции и небольшое количество предоставляемого ассортимента; содержание текстов данной продукции неприглядное, невысокого качества и заслуживает больше внимания. Зачастую предоставляемая информация опи-

сывает лишь те места, которые наиболее часто упоминаются в истории (Борисоглебская церковь; Старый замок; Новый замок; Кафедральный (ранее Фарный) костёл Св. Франциска Ксаверия (1678), но практически ни в одном путеводителе или буклете не указаны места, которые могли бы быть интересны туристу (Новый Свет; Синагога; Занеманская часть Гродно и многие другие места Гродно) [1, 2, 3]; количество языков, на котором издана рекламно-туристическая продукция, ограничено, в основном это русский, польский, английский язык [4, 5, 6, 7, 8]. Рекламно-туристическая продукция на немецком и французском языке, а также на других иностранных языках отсутствует; большинство продукции не содержит карты г. Гродно и его окрестностей, отсутствуют сведения об инфраструктуре города; рекламно-туристическая продукция обладает устаревшим дизайном, что отрицательно влияет на её спрос. Необходимо, чтобы дизайн рекламного содержания путеводителей, буклетов, брошюр основывался на большом количестве изображений. Это могут быть иллюстрации к тексту, фотографии продукции, нарисованные от руки картинки и пиктограммы. Всё это вызывает интерес у читателя, который обязательно прочтёт брошюру или путеводитель до конца и захочет просматривать её снова и снова. Проанализировав существующие на данный момент информационные издания о Гродно, можно сделать вывод, что в основном все путеводители и брошюры говорят о городе Гродно как о месте, где можно познакомиться с культурными и историческими объектами [1, 2, 3, 7, 8, 9]. В основном они дают краткие сведения об истории данной местности, а также знакомят с культурой и традициями, зачастую забывая, что окрестности Гродно имеют массу замечательных мест, где любой турист может с пользой для своего здоровья провести время в лечебно-оздоровительных целях и полюбоваться красотой природы, ознакомиться с природными памятниками [10]. Особого внимания заслуживает путеводитель «Grodno and outskirts», в котором хорошо показана как культурно-историческая часть Гродно, так и его окрестности. Этот путеводитель описывает озера, реки и леса как Гродненщины, так и всей Беларуси.

Кроме того, необходимо уделять больше внимания дизайну рекламно-туристической продукции. Изначально слово «дизайн» (англ. design) обозначало умысел, план, цель, намерение, творческий замысел, рисунок, узор, композиция, искусство композиции,

произведение искусства. В настоящее время набор характеризующих его слов и фраз другой: креатив, фирменный стиль, разработка логотипа и т.д. Таким образом, дизайн – это творческий метод, процесс и результат художественно-технического проектирования промышленных изделий, их комплексов и систем, ориентированных на достижение наиболее полного соответствия создаваемых объектов и среды в целом. Для этого при создании путеводителей применяются самые различные художественно-оформительские и технологические решения, делающие этот продукт ярким и привлекающим внимание. Дизайн буклета, путеводителя, брошюры должен учитывать такие составляющие, как информативный материал, визуальный ряд и должен быть дополнен контактной информацией о туристической фирме, деятельность которой представляет рекламный буклет. Но, так или иначе, дизайн обязательно выполняет две задачи: привлекает целевую аудиторию и подчеркивает преимущества продукции.

В массовой продаже имеются фотоальбомы города Гродно [11]. Достойное качество фотографий позволяет в полной мере оценить красоту исторических памятников и современной архитектуры и создать всю галерею образов города Гродно. Хорошим примером, который поможет убедиться в том, что качество иллюстраций отдельных изданий высокое, служит книга И.Г. Трусова «Православные храмы Гродно». Эта книга содержит исторические сведения о православных храмах Гродно, изложенные в доступной для широкого круга читателей форме. Будет полезна любителям и знатокам истории и архитектуры, а также всем жителям города и туристам. Пользуются популярностью фотоальбомы: «Гродно, Горадзен, Гродна», «Гродна ў дыялогу стагоддзяў» и «Гродна» [12, 13, 14].

На сегодняшний день эта продукция лишь частично заполняет рынок информационной продукции о Гродно как туристистической рекреации. Следовательно, ценовая политика издателей довольно монополистична: на самого различного покупателя ныне существующие издания пока не рассчитаны. Стоимость фотоальбомов слишком высока, поэтому гости города не желают приобретать данную продукцию. Стоимость фотоальбомов, предоставляемых в книжных магазинах, колеблется от 17 620 до 47 950 тысяч белорусских рублей. В редких случаях книжный магазин может предоставить альтернативу выбора туристам – наборы небольших фотографий, цена которых составляет в среднем 6570 тысяч бело-

русских рублей [15]. Но не все магазины могут предоставить такую продукцию.

Особое влияние в повышении туристического интереса к городу Гродно оказывает реклама, которая способствует распространению рекламно-туристической продукции и увеличению уровня ее продаж. Слово «реклама» (от лат. «кричать») определяется как оплаченная форма неличностного представления и формирования спроса на туристский продукт, а также создания имиджа туристского предприятия. Она оказывает социально-культурное и психологическое воздействие на общество. Отличительные черты рекламы, как одного из главных средств маркетинговых коммуникаций в сфере туризма, определяются как спецификой рекламы, так и особенностями туристской индустрии и ее товара – туристского продукта, а именно: неличный характер. Коммуникационный сигнал поступает к потенциальному клиенту не лично от сотрудника фирмы, а через посредника (средства массовой информации, проспекты, каталоги, афиши и т.д.); неопределенность с точки зрения измерения эффекта. Данная особенность является логическим продолжением предыдущей. Обратная связь в рекламной деятельности носит вероятностный характер. Факт приобретения туристского продукта зависит от большого количества факторов, часто не имеющих прямого отношения к рекламе, носящих субъективный характер и практически не поддающихся формализации; комплексность. На впечатление, которое остается у туриста после потребления турпродукта, влияет множество факторов, даже такие, как поведение горничной, официанта, представителя встречающей стороны. Именно это дополняет впечатление, остающееся после потребления турпродукта; броскость и убедительность. Специфика туристских услуг обусловливает необходимость использования наглядных средств, обеспечивающих наиболее полное представление об объекте туристского интереса; неосязаемость или нематериальный характер. Туруслугу невозможно продемонстрировать, увидеть, попробовать или изучить до получения. Покупатель вынужден верить продавцу на слово. Продавец же может лишь описать преимущества, которые получит покупатель после предоставления услуги, а сами услуги можно оценить только после их выполнения; цель рекламы, как правило, сводится к тому, чтобы убедить потенциальных покупателей в полезности товара и привести к мысли о необходимости купить его. В упрощенном виде рекламное сообщение сводится к формуле: «Если вы купите то-то и то-то, то получите такую-то пользу».

Однако, если быть объективным, то следует признать, что рекламные мероприятия или акции по продвижению турпродукта в Гродно проведены недостаточно хорошо, порой им совсем не уделяется внимания. Отсутствие рекламных роликов о городе, как о туристическом центре, отрицательно влияет на развитие внутреннего туризма.

На полках в магазинах отсутствуют открытки с изображением города Гродно, таким образом, недостаточное количество и даже отсутствие сувенирной продукции вызывает недовольство туристов.

С целью изучения спроса на туристические услуги и рекламно-туристическую продукцию мы обратились в туристическую фирму «MERCANA».

В туристической фирме «MERCANA», работающей на туристическом рынке г. Гродно с весны 2010 г., имеют свое мнение о рекламно-туристической продукции города Гродно. Оно заключается в том, что цена на путеводители, буклеты и другую продукцию является приемлемой, имеется продукция на белорусском языке, что является важным для развития внутреннего туризма, имеются карты и фотоальбомы с изображением города Гродно. Однако имеются и недостатки, такие как малый тираж рекламно-информационной продукции, невысокое качество содержания текстов и фотографий, устаревший дизайн буклетов, плохая реклама.

На основе изученных примеров информационно-рекламной продукции о г. Гродно, как рекреационно-туристическом месте нашей страны, можно сделать ряд выводов о ряде критериев, которым следует, на наш взгляд, придерживаться данного вида печатной продукции. Содержание путеводителей, брошюр, буклетов должно быть насыщенным, красочным, броским, запоминающимся, способным к убеждению. Примером такой книги служит научно-популярное издание о парке Румлёво [16]. Необходимо, чтобы передача сведений о быте, национальной кухне, традициях населения, нравах была точной. Важно, чтобы описание направлений маршрутов было правильным (например, если описывается маршрут пешей прогулки по городу, то указания должны соответствовать действительности, чтобы турист с легкостью нашел нужные пункты). Содержание продукции должно быть разнообразным или необычным, тогда оно лучше запоминается, текст должен быть понятный туристу, так как то, что воспринимается сознательно, обычно дольше удерживается в памяти. Содержание текста должно вызвать желание читателя

посетить ту страну, которая описывается в туристическом тексте; фотографии и иллюстрации должны быть хорошего качества. Рекламно-туристическая продукция несет ответственность за достоверность, правдивость и точность передаваемой с ее помощью информации. С учётом такого совершенствования информации о себе Гродно качественно повысит конкурентоспособность своих туристических услуг на рынке рекреаций страны и европейского региона в целом.

Рынок рекламно-информационной продукции тольно начинает наполняться. И своим содержанием и своей формой данная продукция ещё не использовала многие возможности и краеведения, и дизайна, и полиграфии, и рекламы. В немалой степени это связано с начальным уровнем предпринимательства в полиграфической и туристической отраслях. Развитие малого бизнеса существенно исправит ситуацию на рынке информационно-рекламной продукции.

Список литературы

1. Гостев, А.П. Королевский город Гродно. Путеводитель / А.П. Гостев, А.А. Семенчук. – Минск: Рифтур, 2006. – 72 с.
2. Котский, В.С. Гродно туристический. В начале тысячелетия / В.С. Котский. – Гродно: Гродн. тип., 2008.
3. Куль-Сельверстова, С. Гродно туристический: Буклет / С. Куль-Сельверстова. – 2008. – 45 с.
4. Путеводитель. – Минск, 2009 год. – 70 с.
5. Плыткевич, С. Путеводитель «Grodna» / С. Плыткевич. – Минск, 2004.
6. Атоян, Р. Карта-панорама / Р. Атоян. – Минск, 2004.
7. Куль-Сельверстова, Гродно. Туристический справочник / С. Куль-Сельверстова, С. Словик. – 2004. – 55 с.
8. Овсяник, А. Карта города / А. Овсяник. – Гродно, 2009.
9. Куль-Сельверстова, С. Путеводитель. «Grodno and outskirts» / С. Куль-Сельверстова, С. Словик. – Минск: РифТур, 2004.
10. Оздоровление и отдых на Гродненщине / отв. Т.Ю. Позлевич.
11. Трусов, И. Православные храмы Гродно / И. Трусов. – Минск – Гродно: Мэджык Бук, 2008. – 100 с.
12. Марціновіч, А. Гродно, Горадзен, Гродна: нарысы / А. Марціновіч. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 112 с.
13. Калнін, В.В. Гродна ў дыялогу стагоддзяў / В.В. Калнін. – Минск: ПУП «Кавалер», 2008.
14. Гродна / склад. А.І. Ласмінскі. – Гродна, 2007.
15. Иванов, Ю.Н. Набор открыток «Гродно» / Ю.Н. Иванов, С.Н. Мингинович, О.А. Курпик.
16. Экологические экскурсии по лесопарку Румлёво / Д.М. Андреева [и др.]. – 2-е изд., доп. и испр. – Гродно: ГОУПП «Гродненская типография», 2007.

Татьяна Ушкевич

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА МИКРОУРОВНЕ

Эффективность деятельности в любой сфере во многом зависит от её пространственной организации. В данном случае туризм – не исключение. Туристско-рекреационная деятельность напрямую зависит от локализующих факторов, и поэтому изучение проблем территориальной организации туризма является приоритетным, создавая базу для последующих экономических, социологических и других исследований с участием многих наук.

Теоретической основой рекреационной географии служит концепция территориальных рекреационных систем (ТРС). Эта концепция разрабатывалась авторским коллективом географов под руководством В.С. Преображенского на рубеже 1960–1970 гг., но актуальна и сегодня при обосновании и разработке схем территориальной организации курортов, зон отдыха и туризма, рекреационных районов. Соответственно туристско-рекреационная деятельность выражается в формировании территориальных туристско-рекреационных систем.

Экономические признаки ТРС прослеживаются при рассмотрении её модели (рис.).

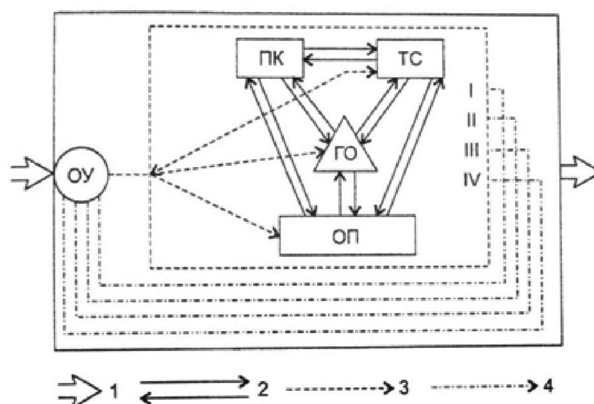


Рисунок – Базовая модель территориальной рекреационной системы:
ГО – группа отдыхающих; ПК – природные и культурные комплексы; ТС – технические системы; ОП – группа обслуживающего персонала; ОУ – орган уп-

равления; 1 – внешние связи системы; 2 – связи между подсистемами; 3 – команда управления; 4 – информация о состоянии подсистем: I – об удовлетворении отдыхающих; II – о степени сохранения соответствия природных комплексов требованиям отдыха; III – о степени сохранения полезных свойств и возможностей технических систем; IV – о состоянии обслуживающего персонала [9; с. 11].

Данная модель является методологической основой комплексного географического анализа в туризме. На практике сначала изучаются параметры основных элементов ТРС в определённом регионе или местности – подсистем «группа отдыхающих» (туристы), «природные и историко-культурные комплексы» и так далее. Следующий шаг – анализ системы показателей и характеризующих связей между элементами ТРС.

Показатели, которые характеризуют взаимосвязи отдельных элементов ТРС, именуются системными характеристиками. Их совокупность представлена в таблице.

Таблица – Совокупность системных характеристик ТРС (по И.И. Пирожнику) [9; с. 16]

Подсистемы, формирующие требования	Показатели состояния подсистем ТРС				
	Группа отдыхающих	Природный комплекс	Технические сооружения	Обслуживающий персонал	Орган управления
Группа отдыхающих	х	Емкость Устойчивость Комфортность Аттрактивность	Разнообразие Емкость Комфортность	Профессионализм	Информированность
Природный комплекс	Избирательность Ритмичность	х	Экологичность	Регуляция Рекультивация	Нормативное обеспечение
Технические сооружения	Однородность	Обеспеченность ресурсами Надёжность	х	Трудообеспеченность Занятость	Фондообеспеченность
Обслуживающий персонал	Технологичность	Комфортность	Фондовооружённость	х	Профилактичность
Орган управления	Равномерность	Гигиеничность	Загруженность Технологическая готовность	Квалификация	х

Туристский поток, направленный в ТРС, предъявляет к природному комплексу требования:

1) достаточной ёмкости;
2) устойчивости к рекреационным нагрузкам;
3) определённой комфортности;
4) аттрактивности.

Инфраструктура ТРС должна быть комфортной, обладать необходимой ёмкостью (вместимостью). Важной характеристикой инфраструктуры является разнообразие, которое гарантирует широту ассортимента туристских услуг. Главное требование рекреантов к обслуживающему персоналу – профессионализм, а к органу управления ТРС – информированность о потребностях отдыхающих и качестве обслуживания [9; с. 17].

Перейдём теперь к вопросу уровней формирования территориальных туристско-рекреационных систем.

Географическое пространство не хаотично и не аморфно, оно определённым образом организованно. Различают несколько уровней экономико-географического положения страны.

Макроуровень страны или региона характеризуется их положением в системе глобальных взаимоотношений.

Мезоуровень – это положение страны в пределах своего региона или субрегиона. При его оценке особую роль играет характер непосредственного соседства.

Под микроуровнем страны обычно понимают расположение отдельных участков ее границы, характер соприкосновения пограничных районов с сопредельными государствами.

При планировании развития туристского комплекса в Беларуси на первый план выступают вопросы развития туристской индустрии в периферийных (приграничных) районах, вовлечение в туризм небольших населённых пунктов, развитие инфраструктуры в природных рекреационных зонах, рациональное использование ресурсного потенциала и многие другие вопросы. Это актуализирует географический аспект в экономике туризма и одновременно повышает роль экономического аспекта в рекреационной географии. Нельзя забывать, что наряду со стабильным политическим климатом и разумной макроэкономической политикой для процветания экономики отдельно взятой страны необходимы микроэкономические основы экономического развития. Они заключаются в конкурентной практике и стратегиях фирм, механизме создания конкурентных преимуществ и экономической политике, которые составляют деловую среду.

Микроэкономические различия в значительной степени объясняют различия между странами в уровнях ВНП на душу населения. С ростом ВНП на душу населения микроэкономические условия изменяются. Это изменение зависит как от правительств, так и от фирм. Поэтому необходимо интегрировать микроэкономическое конкурентное мышление в процесс экономических реформ. Способность страны улучшить микроэкономическую среду влияет на ее процветание.

Макроэкономическая политика, содействовавшая высоким темпам инвестиций, не даст роста производительности, если она не осуществлялась в подходящих формах, не было надлежащих навыков у рабочей силы и поддерживающих отраслей, необходимых для эффективности этих инвестиций, и соответствующая рыночная дисциплина не была обеспечена конкурентным давлением. Огромное значение имеют реформы на микроуровне. Страны приходят к соглашениям относительно микрореформ, и мощные рыночные силы наказывают тех, кто таких реформ не проводит.

Насколько эффективно происходит формирование территориальных туристско-рекреационных систем в Республике Беларусь на микроуровне?

Республика Беларусь – молодое государство с богатой древней историей, расположенное в центре европейского континента на пересечении оживленных транзитных путей (Западная Европа – Россия и Балтия – Причерноморье). Размеры территории Беларуси (207,6 тыс. км) и количество населения (чуть менее 10 млн человек) характеризуются средними показателями среди государств Европы.

Преимущества выгодного географического положения страны используются на протяжении тысячи лет – еще в XI–XII вв. по Днепру, Западной Двине и их притокам проходил один из важнейших торговых путей средневековья «из варяг в греки». Границы Беларуси (с Польшей на западе, Литвой и Латвией на северо-западе и севере, с Россией на востоке и Украиной на юге) с учетом центрального, транзитного расположения республики должны выполнять не барьерные, а контактные функции, в том числе и в развитии туризма. Добрососедские отношения с сопредельными государствами и общность исторического развития служат предпосылками туристского обмена [1].

Туристский потенциал природных и культурно-исторических ресурсов Беларуси имеет особенности, которые объективно влияют на развитие территориальной организации туризма.

В стране отсутствуют основные типы природно-туристских дестинаций – морское побережье и горы, которые в других странах являются областями формирования специализированных курортных и туристских районов, что усиливает роль туристской индустрии в структуре их хозяйственного комплекса.

В Беларуси природный фактор не является основной предпосылкой территориальной концентрации туристских функций и формирования рисунка территориальной организации туризма на национальном уровне. Исключение составляет дестинация Нарочанского региона, ядро которой – крупнейшее озеро страны.

Культурно-исторические объекты, сохранившиеся до настоящего времени, отражают самобытность Беларуси, а некоторые из них стали визитными карточками страны (Мирский и Несвижский замки, Брестская крепость, Софийский собор в Полоцке). Однако влияние большинства отечественных культурно-исторических объектов на формирование упорядоченной сети туристских дестинаций слабо ощутимо по сравнению с зарубежными странами (например, долина Роны с замками во Франции, Золотое Кольцо России, архитектурный комплекс в Кракове). В силу своего транзитного положения Беларусь не раз оказывалась в центре крупнейших европейских войн, которые не пощадили её культурных ценностей, а большинство сохранившихся памятников Беларуси находятся не в лучшем состоянии. Многие исторические памятники архитектуры использовались в двадцатом веке в качестве больниц, тюрем, санаториев.

К примеру, дворцово-парковый комплекс в д. Святск (Гродненская область) был возведен в эпоху расцвета барокко итальянским архитектором Джузеппе Сакко по заказу одного из представителей рода Воловичей. Перед дворцом раскинулся пейзажный парк с системой искусственных водоёмов (площадь 12 га). В тридцатые годы двадцатого века дворец частично реконструировали и приспособили под лечебное учреждение – единственную на всю страну наркологическую клинику. Позже здесь был центр медицинской реабилитации больных внелёгочным туберкулезом. А с 2005 г. дворец пустует. Со слов бывшего сотрудника святского тубдиспансера, пробы почвы на территории дворцово-паркового комплекса показали наличие туберкулёзной палочки в земле на глубине до 30 сантиметров.

Кроме того, культурно-исторические объекты в Беларуси традиционно используются для организации только кратковременного экскурсионного туризма. В целом, размещение туристских ресурсов республики способствует формированию относительно рав-

номерной территориальной структуры туристского хозяйства в масштабах страны.

Сеть курортно-рекреационных учреждений тяготеет к зонам влияния крупных городов. Курортно-лечебные и туристско-оздоровительные учреждения располагаются в специально определённых зонах отдыха и курортах. В Беларуси насчитывается 214 курортов, зон отдыха и туризма республиканского и местного значения (7,6 % территории страны), которые давно выделены в соответствии с «Генеральной схемой размещения и развития курортов и зон отдыха Белорусской ССР» (1981) [9; с. 68].

Примерами территориально-рекреационных систем в Беларуси являются национальные парки. Относительно новыми в территориальной структуре туризма являются такие дестинации, как национальные парки «Нарочанский», «Браславские озёра», «Беловежская пуща» и «Припятский», созданные в 1990-е гг. на площади более 330 тыс. га. Национальные парки и другие типы особо охраняемых территорий выступают объектами экологического туризма.

В территориальной структуре сети туристских дестинаций выделяются крупные города с относительно развитой гостиничной и культурно-развлекательной инфраструктурой, которые благодаря концентрации экономических ресурсов имеют высокий потенциал для автономного развития туристских функций.

Насколько «относительно» развита культурно-развлекательная инфраструктура в Беларуси, можно узнать у самих жителей крупных городов. К примеру, в г. Гродно в пятницу и в субботу вечером попасть в кафе, предварительно не забронировав столик, практически не возможно. Гуляя по городу морозным днём и показывая достопримечательности иностранным коллегам, автору приходилось возвращаться снова и снова на центральную улицу города, чтобы согреться горячим чаем в местной пиццерии. В ту же пиццерию вечером приходится отстаивать сорокаминутные очереди. Кафе и ресторанов катастрофически не хватает! В тёплое время года посидеть в открытом летнем кафе также проблематично. Большинство из них – это «пивнушки» с липкими столами и мухами с всё теми же очередями... Да и «ненавязчивый» сервис никого не оставит равнодушным. Путешествуя на автомобиле, турист с трудом встретит одно-два придорожных кафе на двести – триста километров трассы. Не говоря про возможность пообедать, принять душ, остановиться на ночлег, оставить автомобиль на охраняемой автостоянке. К сожалению, слабо развитая инфраструктура приводит к тому, что экономи-

ка страны несёт убытки за счёт нереализованных возможностей туристской отрасли. Обращаясь снова к совокупности системных характеристик ТРС по И.И. Пирожнику, инфраструктура ТРС должна быть комфортной, обладать необходимой вместимостью. Важнейшей характеристикой инфраструктуры является разнообразие, которое гарантирует широту ассортимента туристских услуг.

В Беларуси современный этап территориальной организации туризма связывается утверждением в 2005 г. 27 туристских зон.

Туристская зона – часть территории Республики Беларусь с точно определёнными границами, на которой расположен один или несколько включённых в государственный кадастр туристских ресурсов, создаваемая в целях развития въездного и внутреннего туризма, туристской индустрии, а также охраны и рационального использования туристских ресурсов [1].

Главными элементами территориальной туристско-рекреационной системы Республики Беларусь являются:

– Курорты и зоны отдыха с туристскими учреждениями;

– Национальные парки в сочетании с другими особо охраняемыми природными территориями;

– Крупные города – туристские центры;

– Туристские зоны, охватывающие отдельные регионы страны.

Территориальное закрепление туристских функций в Беларуси происходит в соответствии с процессами прямого влияния государства, что определяется прежде всего преобладанием государственной собственности на земельные ресурсы, а также доминированием административных рычагов в управлении хозяйственным комплексом страны.

Установившаяся система территориальной организации туризма имеет две существенные проблемы, сдерживающие выполнение туристским комплексом экономических, социальных, а также экологических функций:

1) слабая эффективность территориального управления туристскими дестинациями;

2) низкий территориальный статус рекреационной функции (или вторичность туристской функции).

Первая проблема обусловлена ведомственной и административной раздробленностью элементов территориальной организации туризма. При этом наиболее уязвимыми элементами являются зоны отдыха и туристские зоны, поскольку в отличие от национальных парков и городов они не имеют действенных рычагов ад-

министративного управления. Вследствие этого национальные парки и города согласно теории рекреационной географии и основам менеджмента могут классифицироваться как территориальные рекреационные системы, а зоны отдыха и туристские зоны – не могут.

Ни одна зона отдыха не имеет органа управления туризмом, хотя и располагает учреждениями отдыха, которые находятся в ведении разноотраслевых организаций. Отдыхающие в зонах отдыха, как правило, предоставлены сами себе и пользуются минимумом ведомственной инфраструктуры, хотя рекреационные территории характеризуются наличием естественных природных комплексов (средний показатель лесистости равен 58,3 %, а обводнённости – 3,9 %), на которых можно организовать такие виды обслуживания, как природоведческие экскурсии, посещение экологических троп и т.д. Однако предложение данных услуг отсутствует, не говоря уже об услугах ознакомления с этнографическими особенностями, ремёслами, промыслами и другими элементами местной культуры.

Утверждённые туристские зоны, как правило, представляют собой пространственные образования из нескольких административных районов, что затрудняет управление развитием туризма: выдвигаются громоздкие схемы согласования организационных решений; мешает ведомственная раздробленность субъектов хозяйствования, их неодинаковая подчинённость (от районного до республиканского уровня) и несовпадение интересов с целями развития туризма. Всё это делает невозможным эффективное управление туристскими зонами, а осуществление возложенных на них задач – практически невыполнимым. Вдобавок ко всему, отсутствие статистики по туристским зонам затрудняет выработку планов их развития.

Вторая проблема территориальной организации сети туристских дестинаций в Беларуси заключается в несоответствии статуса рекреационной функции территорий современным тенденциям в народном хозяйстве и потребностям туристского рынка, а именно её вторичности по отношению к другим функциям, которые закреплены территориально. Обусловлено это тем, что статус земель рекреационного назначения официально не определён, а рекреационная функция земель рассматривается в правовом поле исключительно как дополнительная.

В Законе Республики Беларусь «Об особо охраняемых природных территориях» [2] выделяются четыре категории соответствующих территорий (ООПТ): заповедник, национальный парк, заказник, памятник природы. Туристско-рекреационные функции

законодательно закрепляются только за национальными парками. Заказники (ландшафтные, биологические, водно-болотные, гидрологические, геологические и палеонтологические) ограничивают организацию туризма и других форм отдыха населения на их территории. В законе не определены типы охраняемых природных территорий регионального значения, выполняющих туристско-рекреационные функции в сочетании с природоохраняемыми. Статус таких природных территорий, как курорты, в полном объёме законодательно также не урегулирован и регламентируется подзаконными актами и нормами. Зоны отдыха представляют на сегодняшний день территории с различным режимом природопользования, на который рекреационная функция накладывается и выступает дополнительной, но не основной. Она либо подчинена природоохранной (если произошло «наложение» на охраняемую природную территорию), либо угнетается хозяйственной (если значительную долю земли занимают сельско- или лесохозяйственные земли). Зоны отдыха не имеют ни статуса землепользования, ни даже положения, регламентирующего природопользование на их территории.

Итак, проблематика формирования территориальных рекреационных систем в Республике Беларусь на микроуровне сколь актуальна, столь и сложна. В отличие от зарубежных соседей туристско-рекреационные ресурсы Беларуси характеризуются меньшей пространственной дифференциацией и относительной бедностью, что мешает формированию в стране высокоспециализированных регионов туристского обслуживания. Система территориальной организации туризма в Беларуси включает такие элементы, как курорты и зоны отдыха республиканского и местного значения, национальные парки, города – туристские центры, туристские зоны. Главным недостатком территориальной организации туристского комплекса является низкий статус рекреационной функции в структуре землепользования, что не позволяет сформировать полноценный пространственный базис туристского хозяйства страны.

Повышение статуса рекреационной функции на локализованных территориях до уровня первичной будет способствовать концентрации туристского обслуживания, компенсируя недостаточную пространственную дифференциацию туристско-рекреационных ресурсов и повышая экономическую эффективность туристского хозяйства страны. Территориальное закрепление рекреационных функций возможно путём создания туристских дестинаций нового типа – ландшафтных парков как туристских территорий с развитыми природоохран-

ными функциями. Для этого необходимо ввести в сферу правовой терминологии понятия «туристская территория», «ландшафтный парк», «рекреационный заказник», «рекреационные земли».

Список литературы

1. О туризме: Закон Республики Беларусь: принят Палатой представителей 10 ноября 1999 г., одобрен Советом Республики 18 ноября 1999 г. [Электронный источник].

2. Об особо охраняемых территориях: Закон Республики Беларусь: принят 20 октября 1994 г., № 3335-XII [Электронный источник].

3. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983.

4. География международного туризма. Страны СНГ и Балтии. – Минск: Аверсэв, 2004.

5. Козловская, Л.В. Социально-экономическая география Беларуси. В 3 ч. / Л.В. Козловская. – Минск: БГУ. – Ч. 1, 2002. – Ч. 2, 2004. – Ч. 3, 2005.

6. Панкрухин, А.П. Маркетинг территорий / А.П. Панкрухин. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2006.

7. Пирожник, И.И. Основы географии туризма и экскурсионного обслуживания: учеб. пособие / И.И. Пирожник. – Минск: Университетское, 1985.

8. Социально-экономические проблемы развития регионов Беларуси: сб. научных трудов. – Минск: НИЭИ Минэкономики РБ, 1997.

9. Тарасёнок, А.И. Геоэкономика туризма: учеб.-практ. пособие / А.И. Тарасёнок. – Минск: БГЭУ, 2008.

10. Туризм и туристские ресурсы Республики Беларусь: стат. сб. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

Альбіна Семянчук

ГРОДНА – МЕСЦА ПАМЯЦІ: СІМВАЛЫ ПОЛІКУЛЬТУРНАГА ГОРАДА

Кожная культура стварае сваю канэктыўную структуру (Jan Assmann). Гэтая структура аб'ядноўвае грамадства сёння і на працягу доўгага часу. Яна злучае людзей, ствараючы «сімвалічны свет знакаў»: агульны абшар дасведчанняў, спадзяванняў і ўчынкаў. Дзякуючы яе аб’яднальнай сіле людзі атрымліваюць пачуццё бяспекі і арыентацыю ў свеце. Пры гэтым іх аб’ядноўвае не толькі ўвядзенне вызначанага парадку правілаў і звычаяў, але таксама повязь сучаснасці з мінулым. Гэта адбываецца шляхам фармавання і захавання істотна важнага вопыту і ўспамінаў, уключэння вобразаў і апавяданняў з іншага часу ў сучаснасць. Чыннікам, які звязвае міну-

лае з сучаснасцю, ёсць міфічныя і гістарычныя нарацыі, а плады гэтай сувязі – надзея і памяць [1].

Месцы памяці з'яўляюцца часткай канэктыўнай структуры грамадства, прычым вельмі істотнай яе часткай. Свае навуковыя падыходы да культурнай памяці на рубяжы XX і XXI стст. прапанавалі Ян і Алейда Асман (Assmann), Пьер Нара (Pierre Nora) і іншыя нямецкія і французскія гісторыкі, якія займаліся дадзенымі даследаваннямі і вывелі іх на новы ўзровень, які можна назваць мультыдысцыплінарным. У залежнасці ад аб'екту даследаванняў яны звяртаюць увагу на дзяржавы і грамадства (Assmann), альбо на асобныя аб'екты (з'явы) як сімвалы (P. Nora). Прапанаваныя імі метадалогіі не носяць толькі акадэмічнага характару, адарванага ад рэчаіснасці, але дапамагаюць па-новаму зірнуць на многія грамадскія і культурныя з'явы, навукова іх аналізаваць і прагназаваць.

Літоўскі гісторык Альвідас Нікжэнтайціс заўважыў, што французскія і нямецкія даследчыкі пакуль што не звярнулі ўвагу на гарады. Пэўнае ігнараванне фенамену гораду ў Заходняй Еўропе, на яго думку, зразумелае, паколькі еўрапейскія гарады фармаваліся як больш ці меньш этнічна аднастайныя. У той жа час ва Усходняй Еўропе гарады былі тыглямі, у якіх плавіліся розныя этнічныя і культурныя элементы [2]. Апошнім часам на гэта звярнулі ўвагу польскія, а таксама літоўскія даследчыкі (R. Jaworski, A. Nikżentaitis). Брытанскі гісторык Норман Дэвіс (Norman Davies) апісаў фенамен мультыкультурнага гораду на прыкладзе польскага Уроцлава.

Упершыню А. Нікжэнтайціс адзначыў, што Вільня з'яўляецца «месцам памяці» прадстаўнікоў многіх сацыяльных і этнічных груп і на яе прыкладзе паказаў, што ў гісторыі гарадоў важную ролю адыгрываюць міграцыі, захопы, акультурацыі. Аднак вытокі мультыкультурнасці і гісторыі асобных этнакультурных груп усяго не вырашаюць. Мінулае канкрэтнай групы ў шматкультурным горадзе лічыцца толькі за матэрыял для нацыянальных інтэрпрэтацый. Калі мінулае горада не пасуе да фармавання этнічна акрэсленага дыскурсу, яго змяняе дыскурс тытульнай нацыі. Напрыклад, як адзначае Нікжэнтайціс, у Быдгашчы (нямецкі Bromberg) для польскай большасці насельніцтва маюць значэнне такія гістарычныя сімвалы, як Грунвальдская бітва, Канстытуцыя 3 Мая, а для нямецкай часткі насельніцтва сімвалам нямецкасці ёсць асоба Бісмарка. Нацыянальны дыскурс нават у поліэтнічным горадзе фармуецца на падставе нацыянальнай гісторыі. Гісторыя этнакультурнай групы адыгрывае звычайна падпарадкаваную ролю. Калі ранейшая традыцыя дзяржаўнасці інтэрпрэтуецца як

чужая, то ў эпоху нацыяналізму абавязкова дзейнічае стратэгія знішчэння чужой традыцыі і стварэнне ўласнай [2]. Назіраем гэтую з'яву ў Польшчы на так званых *terenach odzyskanych*, а таксама ў Літве, Заходняй Украіне, іншых постсавецкіх краінах.

Але якая стратэгія ў адносінах да традыцыі дзяржаўнасці павінна з'явіцца на тых тэрыторыях і ў тых гарадах, дзе дзяржава не лічыцца чужой? Якім чынам і з дапамогай якіх інструментаў можна знайсці ў мінулым, напрыклад Гродна, польскія, яўрэйскія альбо рускія элементы і зрабіць іх элементамі нацыянальнай культуры? Альвідас Нікжэнтайціс лічыць, што нацыянальны вобраз мультыкультурнага горада прынамсі на ўсходзе Еўропы не функцыянуе як вынік узаемадзеяння многіх культур. Прычынамі гэтай сітуацыі з'яўляюцца: 1) запозненнае паўставанне нацыі; 2) палітычныя канфлікты, такія як Першая сусветная вайна, паўставанне ў гэтым рэгіёне нацыянальных дзяржаў, Другая сусветная вайна. Глабалізацыя, дэмакратызацыя, сацыяльнае нівеляванне прыводзяць да ўнутранага канфлікту паміж гістарычнай памяццю і памяццю нацыянальных меньшасцяў і асобаў: мы забываем звычаі, традыцыі і культуру сацыяльных груп, знікае пачуццё прыналежнасці да супольнай культурнай спадчыны. Стварэнне незалежных дзяржаў у 1989–1991 гадах спрыяла ўзмацненню тоеснасці асобных нацыянальных груп [2].

Гэтыя назіранні тычацца не толькі Вільні, але надзвычай актуальныя для незалежнай Беларусі. Асабліва для Гродна вельмі важнай з'яўляецца тэорыя «месцаў памяці» Пьера Нара, інтэрпрэтаваная і адаптаваная Альвідасам Нікжэнтайцісам для ўсходнееўрапейскіх гарадоў. Яна дазваляе вызначыць прыярытэты ў фармаванні гарадской прасторы і падыйсці да яе з сапраўды навуковымі крытэрыямі. Канцэпцыя «месцаў памяці» Пьера Нара (нар. у 1931 г.) вельмі папулярная ў свеце. П. Нара – выдатны французскі гісторык, які займаецца даследаваннямі гістарычнай памяці і нацыянальнай свядомасці ў Францыі. Ён лідар накірунку «Новая гісторыя», які паўстаў на грунце традыцый славутай школы «Аналаў», стаіць на чале асацыяцыі «За свабоду гісторыі», якая паўстала супраць новаму заканадаўству ў Францыі, якое дае ацэнку мінуламу і перашкаджае гістарычным даследаванням. Адзін з найбольш вядомых навуковых праектаў Пьера Нара – гэта зборная праца «Месцы памяці», аб сімвалах гістарычнай памяці французскага народу.

У сваёй працы пад назвай «Праблемы месцаў памяці» Пьер Нара паказвае розніцу паміж паняццямі «памяць» і «гісторыя». Ён сцвярджае, што памяць – гэта жывая субстанцыя асобных людзей, этніч-

ных і сацыяльных груп, яна эвалюцыянуе і трансфармуецца, кансалідуючы сацыяльныя слаі. У той час як гісторыя, паводле французскага даследчыка, рэпрэзэнтуе мінулае, тое, чаго ўжо няма, гэта значыць яна ёсць рэканструкцыя мінулага [3]. Пазіцыя П. Нара вельмі блізкая да пазіцыі Яна Асмана, якую той выказвае ў сваёй кнізе «Культурная памяць», абапіраючыся на ранейшыя даследаванні сацыёлага Марыса Хальбвакса (Maurice Halbwachs): «Адносіны памяці і гісторыі – гэта адносіны пераемнасці. Там, дзе ўжо не памятаюць, ці не перажываюць мінулага, месца памяці займае гісторыя. Гісторыя ўвогуле пачынаецца толькі там, дзе скончваецца традыцыя і знікае памяць сацыяльнай групы... Дамен гісторыка – гэта «незаселенае» мінулае, якое ўжо не належыць да калектыўнай памяці. Сапраўднае мінулае для гісторыі ёсць тым, што не належыць да абшару, у якім жыве думка сучаснага калектыву. Гісторыя мусіць пачакаць, пакуль старыя калектывы вымруць, а іх думкі і памяць знікнуць, каб заняцца ўпарадкаваннем фактаў паводле іх формы і чарговасці – бо толькі гэтыя іх аспекты можа захаваць» [1].

Пьер Нара сцвярджае, што «даследаванне месцаў памяці знаходзіцца на скрыжаванні двух накірункаў, якія надаюць яму яго ролю і сэнс. З аднаго боку, гэта чыста гістарыяграфічны накірунак, момант рэфлектуючага звароту гісторыі да самой сябе, з іншага боку, гэта ўласна гістарычны накірунак, канец пэўнай традыцыі памяці. Гэта ёсць час месцаў, гэта значыць момант, калі аграмадны капітал спадчыны, які мы перажываем у інтымнасці нашай памяці, знікае, каб ажыць зноў у поглядах аднаўленай гісторыі» [3]. Каб памятаць, мусім успомніць, гэта значыць звярнуцца да гісторыі, яе крыніц, калі жывых сведкаў, надзеленых жывой памяццю аб якіх-небудзь падзеях ужо не засталося. Гэта ёсць аднаўленая гісторыя месца памяці. Такім месцам можа быць помнік, здольны злучыць агульнай памяццю розныя сацыяльныя слаі і прадстаўнікоў розных народаў. На гэтым грунце ствараецца адзінства жыхароў шматнацыянальнага і мультыкультурнага гораду. Даведацца аб такіх месцах памяці ў нашым горадзе, напрыклад, можна прасачыўшы маршрут вясельных картэжаў: пальма першынства па папулярнасці належыць самым значным і інтэгральным часткам культурнага ландшафту Гродна – Стараму і Новаму замкам.

Гродна ўвогуле горад шматнацыянальны і шматкультурны як ні адзін іншы ў Беларусі. У ім можна знайсці сімвалы розных народаў: яўрэяў, літоўцаў, расіянаў, палякаў. Аднак найбольш дамінуе тут сёння памяць савецка-беларуская, якая падмяняе сабой нацыя-

нальную беларускую, якая павінна скласціся ў нацыянальнай беларускай дзяржаве, а адсутнасць яе негатыўным чынам адбіваецца на маральным і культурным вобліку грамадзянаў. Жыць савецкім мінулым сучаснае грамадства не можа і не павінна, калі хоча мець будучыню. Але пакуль што савецка-беларуская спадчына дамінуе праз сваю храналагічную блізкасць да нашага часу і шматлікасць артэфактаў. Да таго ж савецка-беларуская памяць – гэта жывая тканіна грамадскай свядомасці, яе нельга ігнараваць. З іншага боку мы мусім усведамляць, што яна – толькі частка адыйшоўшай рэальнасці, якую ні ў якай ступені нельга перабольшваць. Напрыклад, неіснуючая Фара Вітаўта – першы каталіцкі храм Гродна – быў сведкам духоўнага жыцця гараджан на працягу 600 год (да знішчэння яго савецкімі ўладамі ў лістападзе 1961 г.), а помнік-танк – толькі апошнія 40 год (быў усталяваны ў цэнтры горада ў 1972 г.). Параўноўваць маральна-этычны змест помнікаў (касцёла і танка) тут увогуле не выпадае. Напрашваецца простая выснова: для культурнай і гістарычнай свядомасці грамадства было б надзвычай важна аднаўленне Фары Вітаўта і перанос у раён Кургана Славы савецкага танка.

Ускладанне кветак на адпаведныя святы адпаведнымі этнакультурнымі суполкамі таксама падказвае нам значныя месцы памяці: савецкія беларусы ўскладаюць кветкі да помнікаў ваеннай эпохі і эпохі сацыялізму; так званыя свядомыя беларусы – да помнікаў дзеячам культуры і гістарычнага мінулага (іх у горадзе відавочна бракуе). Мясцовыя палякі ўшаноўваюць памяць палеглых у бітвах палякаў і мясцовых пісьменнікаў (Э. Ажэшка, А. Міцкевіч). Значна меньш відавочнымі з’яўляюцца памятныя месцы іншых этнічных груп, якія яшчэ жывуць у Гродна. Часам, праходзячы міма сімвалічнага ўваходу ў яўрэйскае гетта на вуліцы Замкавай, можна ўбачыць каменчыкі, складзеныя паводле іўдзейскага звычаю каля сямісвечніка на памятным знаку, што пацвярджае, што яўрэі памятаюць аб сваіх памерлых тут.

У той жа час Пьер Нара гаворыць, што да найбольш сімвалічных аб’ектаў нашай памяці належаць: архівы, бібліятэкі, слоўнікі і музеі побач з камемарацыямі, помнікі архітэктуры і гісторыі. Гэта значыць, матэрыяльныя аб’екты, крыніцы інфармацыі, якія могуць пацвердзіць наяўнасць прычын лічыць той ці іншы аб’ект «месцам памяці». У архівах, бібліятэках і музеях сабраныя матэрыялы, якія гавораць аб іншай эпосе, з’яўляюцца яе сведкамі і таму ўжо каштоўныя самі па сабе. Месцы ж памяці ўзнікаюць з разумення, што спантаннай памяці няма і таму неабходна ствараць архівы і бібліятэкі, адзначаць гадавіны і арганізоўваць святкаванні.

У сённяшняй Беларусі для вызначэння нацыянальнай самаідэнтычнасці ў цэлым выбраны культурныя каштоўнасці Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. І гэтыя савецкія месцы памяці выдаюцца за нацыянальныя беларускія. Тут я гавару не толькі пра помнікі Леніну, Чапаеву ці савецкім пагранічнікам як такія, але пра падыходы да памяці, якія дамінавалі ў савецкія часы. Прывяду свежы прыклад з газэт. Нядаўна споўнілася 10 год, як пайшоў з жыцця былы старшыня гарвыканкама А.І. Дубко. «Гродзенская праўда» прысвяціла гэтай даце амаль цэлы нумар. Між іншым гаварылася, што некаторыя рэчы памерлага былі аддадзены ў гісторыка-археалагічны музей, але захоўваюцца там у запасніках і невядома, ці будуць калі-небудзь выстаўленыя ў экспазіцыі. Для савецкай эпохі гэта быў бы проста скандальны выпадак: чаму дагэтуль не зроблена рэканструкцыя кабінета з пісьмовым столом, гадзіннікам, календаром і медалямі. Але сёння сама канцэпцыя Гродзенскага гісторыка-археалагічнага музея патрабуе перагляду. Гэта ўжо не былы інструмент ідэалагічнага ўздзеяння і выхавання насельніцтва ў духу камунізма, але яшчэ і не сучасны мультыкультурны і шматфункцыянальны аб’ект з віртуальнымі і інтэрактыўнымі прыёмамі XXI ст. На сённяшні дзень музей застыў як бы «ў чаканні Гадо» (Э. Іанэска). На самой справе, каб адпавядаць патрабаванням часу, каб быць прывабным для турыстаў і жыхароў горада, музей тэрмінова і кардынальна мусіць змяніць сваю канцэпцыю. У першую чаргу дыферэнцыраваць экспазіцыю. Што гэта значыць? Паводле тэорыі Пьера Нара, тут могуць быць створаныя «месцы памяці» розных народаў і сацыяльных груп, прычым на абсалютна раўнапраўнай аснове, без прыніжэння ці перабольшвання ролі асобных меншасцяў у кантэксце нацыянальнай беларускай культуры. Усё гэта рабіць пад адным даху ў прамым сэнсе слова не трэба. Асобныя філіялы музея павінны размясціцца ў розных частках горада, па магчымасці, звязаных з традыцыйнымі месцамі жыхарства адпаведных слаёў насельніцтва. Напрыклад, яўрэйская экспазіцыя можа знаходзіцца ў адной з сінагог, якія захаваліся ў цэнтры горада. А маршруты для зацікаўленых яўрэйскім мінулым могуць праходзіць па ўсім горадзе [4].

Польскі міжваенны Гродна можа быць адлюстраваны, на мой погляд, у экспазіцыі, размешчанай у раёне Новы Свет, які нават па назве нагадвае галоўную вуліцу Варшавы і ўзнік як паселішча польскай службовай і культурнай эліты. Дарэчы, тут была ў свой час на грошы польскага ўраду пабудавана сядзіба «Саюзу палякаў Беларусі» (вул. 17 Верасня). Тут можа быць створана «польская» культурная зона.

Для аматараў савецкай эпохі ў Гродна захавалася дастаткова многа баракаў, прамысловых аб'ектаў, цэхаў заводаў і фабрык, дзе на сучасным узроўні можна аб'ектыўна рэканструяваць савецкую рэчаіснасць. Гэтыя музеі ажывуць, бо ў іх будуць адзначацца рэлігійныя і нацыянальныя святы дадзеных народаў, ладзіцца выставы, канферэнцыі і г.д. Тут непазбежна будуць адзначаць усялякія ўгодкі і арганізоўваць святкаванні. Яны павінны быць адчыненыя для вольнага наведвання, бо з цягам часу ўспаміны знікаюць, перастаюць быць жывымі. Задача і функцыя музея – захаваць ўспаміны. Зразумела, што ўсё гэта важна і для турыстычнага развіцця горада. Можна сказаць, што фестываль народных культур, які праводзіцца ў Гродна раз на два гады, будзе дзейнічаць перманентна.

На думку Пьера Нара, месцы памяці з'яўляюцца рэшткамі, «крайняй формай, у якой існуе камемаратыўная свядомасць у гісторыі» [3]. Сучаснае грамадства, у якім пануе глабалізацыя і нівеляванне нацыянальных рыс, здольнае ўспрымаць толькі роўных і ідэнтычных сабе. Рускія ў Расіі паважаюць украінцаў ва Украіне ці грузінаў у Грузіі (Джорджыі) не за іх абстрактную нацыянальнасць, а за іх здольнасць да самаідэнтыфікацыю праз «месцы памяці», рытуалы, нацыянальныя сімвалы. Такое паняцце, як «месца памяці», магло з'явіцца ў супольнасці, трансфармаванай дэрытуалізацыяй свету, у супольнасці, дзе большая каштоўнасць належыць новаму маладому будучаму, чым старому драхламу мінуламу.

На сённяшні дзень сапраўднай памяццю можна назваць памяць, якая захавалася ў звычках і жэстах, «у рамёствах, якія перадаюць свае навыкі моўчкі, ва ўменнях цела, у механічнай памяці і рэфлекторных навыках», а яе супрацьлегласцю будзе гісторыя. З гэтага пункту гледжання важны кожны крок па захаванні жывой памяці: гэта могуць быць рамесныя майстэрні, варштаты і вытворчасці, якія знаёмяць маладых з тым, што адыходзіць, але застаецца важным у жыцці ранейшых пакаленняў, у тым ліку з традыцыйнымі заняткамі мясцовага насельніцтва.

Нам ужо даводзілася пісаць аб гісторыка-генетычным накірунку даследаванняў у турызме [5]. Варта яшчэ раз паўтарыць, што там, дзе фармальна турыстычна атракцыйныя аб'екты не выконваюць свайго функцыянальнага прызначэння (а такіх у Гродна безліч: турма – былы кляштар, медычная акадэмія, бровар, млыны і г.д.), павінны быць створаныя «месцы памяці» асобных сацыяльных груп, якія з'яўляюцца патэнцыяльна надзвычай прывабнымі турыстычнымі

аб'ектамі. Адначасова яны дазволяць умацаваць нацыянальную свядомасць беларусаў у поліэтнічным і полікультурным горадзе.

На думку Альвідаса Нікжэнтайціса, «істотным момантам, якіператварае нацыянальны міф і месца памяці ў нацыянальны сімвал горада, з'яўляецца яго лакалізацыя – сувязь з канкрэтнай падзеяй альбо асобай у канкрэтным горадзе. Знак мінулага, інтэрпрэтаваны як нацыянальны сімвал, становіцца нацыянальным сімвалам горада, калі набывае сувязь з гарадской прасторай». Дзякуючы ўніверсальнай прыродзе нацыянальнага сімвала і яго сувязі з нацыянальнымі міфамі, у яго стварэнні ўдзельнічаюць не толькі нацыянальныя супольнасці, якія не жывуць у канкрэтным горадзе, але і этнакультурная група дадзенага горада, якой належыць ініцыятыва ў выбары месцаў памяці ў горадзе і ператварэнне іх у нацыянальныя сімвалы. Такім чынам, можна зрабіць выснову аб тым, што ў стварэнні нацыянальных сімвалаў удзельнічаюць і этнакультурныя групы, і нацыя.

Канцэпцыя «месцаў памяці» Пьера Нара дазваляе выдзеліць з шырокага спектру аб'ектаў культурнай памяці: месцаў, будынкаў, помнікаў, твораў мастацтва, гістарычных асобаў, дзён памяці, філасофскіх і навуковых тэкстаў, нацыянальных святаў, – тыя аб'екты, якія могуць стаць альбо ўжо з'яўляюцца месцамі памяці ў дзяржаве. Ягоная тэорыя заснавана на вызначэнні такіх аб'ектаў праз прызму жывой памяці, якая выклікае эмоцыі ў яе носьбітаў і скіраваная на фармаванне калектыўнай памяці аб гістарычных падзеях. Пьер Нара, разглядаючы паняцце памяці, паказвае, што існуе яе прастора, якая значна шырэй, чым адлюстраванае ў мемарыялах уяўленне аб мінулым. З дапамогай яго тэорыі можна вызначыць нацыянальныя месцы памяці ў дзяржаве, але ў той дзяржаве, дзе нацыя ўжо сфармавалася і мае вызначаную гісторыю.

Спіс літаратуры

1. Jan Assmann, Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych. – Warszawa, 2008. – S. 32.

2. Нікжэнтайціс, А. Нацыянальны сімвал у шматкультурным горадзе / А. Нікжэнтайціс // Homo historicus 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад рэд. А.Ф. Смаленчука. – Вільня: ЕГУ, 2010. – С. 307–309.

3. Нора, П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

4. Arche «Праходкі па яўрэйскай Гародні». – 2010. – № 6.

5. Семянчук, А. Гісторыка-генетычны напрамак даследаванняў у турызме / А. Семянчук // Румлёўскія старонкі: Турыстычны патэнцыял нацыянальнай культурна-гістарычнай спадчыны Панямоння: матэрыялы III адкрытай рэгіянальнай навукова-практычнай канферэнцыі па праблемах рэгіяналістыкі і краязнаўства «Румлёўскія чытанні» (Гродна, 19 лют. 2009 г.). – Гродна: ГрДУ, 2010. – С. 98–103.

ТУРЫСТЫЧНЫ МАРШРУТ

Алесь Крой

ПРЫНЁМАНСКІМІ ШЛЯХАМІ Я. КАРСКАГА

Вырасшы ў вельмі цяжкіх матэрыяльных умовах, як сын бедных бацькоў, Яўхім Фёдаравіч з дзяцінства прывык да настойлівай, карпатлівай працы, якой вызначаўся на працягу ўсяго свайго жыцця. Галоўны помнік яго жыцця – вялікая шматтомная праца «Беларусы», роўнай якой па грунтоўнасці наўрад ці знойдзем у галіне вывучэння іншых славянскіх народаў.

Акадэмік Барыс Ляпуноў

Той велізарны ўклад, які зроблены ім у навуковую скарбніцу, тыя доследы аб беларускай мове, вынік якіх змешчаны ў «Беларусах», гэта тыя вялікія цэннасці, што дзеля іх кожны беларус мусіць з пашанай скланіць галаву...

Антон Луцкевіч

Шаноўныя сябры, да 150-годдзя з дня нараджэння акадэміка Я. Карскага і 100-годдзя А. Цыхуна, стваральніка першага музея Я. Карскага ў Лашы, аддаючы ім даніну памяці, вырашылі стварыць некалькі асветніцкіх турыстычных маршрутаў па мясцінах, дзе акадэмік 100 гадоў назад пакінуў свой след, збіраючы скарбы беларускай культуры, ствараючы этнаграфічную карту беларусаў. Пазней у маштабе Гарадзенскага раёна працягваў збіраць скарбы беларускай мовы і культуры і А. Цыхун. Маршруты «Шляхамі акадэміка Карскага» – гэта спроба звязаць у агульны ланцужок мінулае і сучаснае знакавых мястэчак і вёсак, спроба паглядзець па-іншаму на тутэйшую гісторыю з улікам новых даследаванняў, спроба пошуку нацыянальнай самабытнасці і прывабнасці. У ніжэйпрыведзеным тэксце падаецца ў асноўным скарочаная гістарычная інфармацыя. На маршруце № 2 «Крыніцы беларускіх скарбаў» вы віртуальна паспрабуеце ўбачыць багатую, амаль забытую матэрыяльную і духоўную спадчыну гэтых мясцін, убачыце новыя атракцыйныя турыстычныя аб’екты, зачаруецеся ляснымі і воднымі краявідамі, пазнаёміцеся з цікавымі людзьмі і пачуеце

сакавітыя словы, будзеце эмацыйна ўражаны ад неверагодных легендаў, зможаце паспрабаваць беларускія стравы, набыць сувеніры і цудоўна адпачыць.

Першы маршрут № 1 (працягваецца праца над маршрутам № 2 і № 3) працягласцю больш за 130 км праходзіць па тэрыторыі Гродзенскага, Бераставіцкага і Мастоўскага раёнаў Гродзенскай вобласці і ўяўляе сабой цікавасць для навукова-пазнавальнага, этнічнага і актыўнага турызму.

Восем, у тым ліку і знакавых населеных пунктаў Гродзеншчыны, якія звязаныя з жыццём і творчай дзейнасцю акадэміка Я. Карскага: Лаша – Луцкаўляны – Гудзевічы – Абухава – Коматава – Мігова – Гродна – аграмаёнткі Каробчыцы ці Караліно.

Маршрут № 1 ахоплівае в. Лаша – малую радзіму акадэміка, і Луцкаўляны, дзе ў школьным музеі экспануюцца асабістыя рэчы Я. Карскага. У Гудзевічах вас чакае сустрэча з беларусам, чалавекам-легендай і яго літаратурна-этнаграфічным музеем. Побач з Абухавам – самы вялікі на Гарадзеншчыне грамадзянскі аэрапорт «Абухава», а ў сталовай-кафэ аднаго з самых вядомых у рэспубліцы сельгасгаспадарак «Абухава» мы паспрабуем абед. У ваколіцах Коматава першыя людзі з’явіліся раней, чым быў заснаваны Рым, – 11–13 тыс. год таму. Шпацыруючы па Коматава, вы ўбачыце раскопкі велізарнага сярэднявечнага могільніка і пахаванні былых гаспадароў маёнтка Мігова каля Коматаўскай царквы. Мігова – прыгожыя, трохі змененыя чалавекам краявіды, дзе Я. Карскі любіў працаваць і адпачываць на лецішчы са сваёй сям’ёй, вывучая мясцовыя гаворкі. А вось музей гімназіі № 1 Я. Карскага ў Гародні дадасць вам змястоўнай інфармацыі да вашай вандроўкі. І нарэшце, у былым фальварку Каробчыцы вы зможаце паспрабаваць беларускія нацыянальныя стравы ў рэстарацыі «Замак Зеваны», наблізіцца да старэйшай чыгункі, па якой рэктар Варшаўскага ўніверсітэта Я. Карскі дабіраўся ў Санкт-Пецярбург, і атракцыйна адпачыць у іншых частках агратуркомплекса «Гарадзенскі маёнтак «Каробчыцы». Прыемных вам уражанняў!

Яўхіма Карскага па праву можна назваць прадаўжальнікам асветніцкай дзейнасці Францыска Скарыны – усходнеславянскага першадрукара XVI ст. У сваёй фундаментальнай трохтомнай працы «Беларусы» Я. Карскі на падставе глыбокага параўнальна-гістарычнага даследавання мовы, фальклору, пісьмен-

насці, шматвекавой культуры беларусаў упершыню навукова абгрунтаваў нацыянальную самабытнасць беларусаў як самастойнага славянскага народа.

Даведка

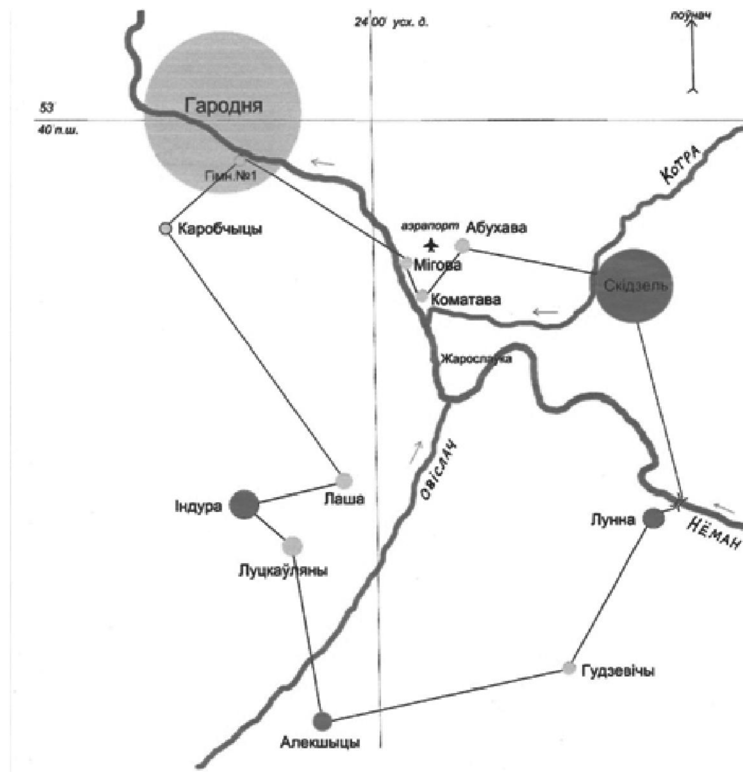
Вядомы філолаг, этнограф, палеограф і фалькларыст Я. Карскі нарадзіўся ў 1861 г. у в. Лаша недалёка Гродна. За свае вялікія навуковыя заслугі Я. Карскі атрымаў званне акадэміка Пецярбургскай і Чэшскай Акадэмій навук, ён з'яўляўся правадзейным членам Інстытута беларускай культуры і быў старшынёй камісіі па адкрыцці ў Мінску Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта [1]. Ён таксама ўдзельнік і ганаровы старшыня ўсебеларускага з'езда ў снежні 1917 года ў Мінску. Падчас шматлікіх экспедыцый па Гродзеншчыне акадэмік Карскі аб'ехаў больш сотні мястэчак і вёсак, вывучаючы асаблівасці беларускай мовы і межы яе распаўсюджання. Працуючы ў Варшаўскім універсітэце, ён праводзіў лета разам з сям'ёй найчасцей у наднёманскім краі (Мігова, Панямунь), дзе ён адпачываў і працаваў.

На малой радзіме Карскага ў в. Лаша захаваўся будынак, дзе быў адчынены першы музей Я. Карскага. У гімназіі № 1 у Гродне працуе новы музей Я. Карскага. Гімназія носіць імя славутага земляка. Штогод лепшыя вучні гімназіі атрымоўваюць стыпендыі імя Я. Карскага. У Гродне іменем Я. Карскага названы вуліца і абласная бібліятэка. У 1990 г. урад Беларусі ўстанавіў 8 стыпендый імя Я. Карскага. У Гродзенскім універсітэце праводзяцца міжнародныя Карскія чытанні, куды прыязджаюць вучоныя з розных краін.

Карта-схема маршрута № 1

Карта-схема, зробленая з карты ў маштабе 1: 200 000 (у 1 см 2 км)

На карце-схеме маршрута № 1 пералічаны населеныя пункты, дзе запланаваны экскурсіі. У былых мястэчках, вёсках і сённяшніх гарадах Гродна, Індура, Алекшыцы, Лунна, Скідзель падаецца падарожная інфармацыя. Пры жаданні экскурсантаў некаторыя пункты праграмы могуць быць замененыя на іншыя, якія ўвойдуць у новы маршрут «Крыніцы беларускіх скарбаў».



Маршрут № 1 «Шляхамі акадэміка Карскага»

Лаша – Луцкаўляны – Гудзевічы – Абухава (аэрапорт) – Коматава – Мігова – Гародня (гімназія № 1, аграсядзіба «Маёнтак Каробчыцы»)

Працягласць маршрута № 1 больш 130 км.

Маштаб малюнка 1 : 200 000
у 1 см – 2 км.

На малой радзіме акадэміка (Лаша)

Малая радзіма Яўхіма Карскага – вёска Лаша знаходзіцца ў 7 км ад шашы Гродна – Ваўкавыск над рэчкай Лашанкай. У вёсцы яшчэ адчуваецца дух Карскіх, захаваліся месцы і памяць, звязаныя з іх жыццём. Назва паходзіць ад старой назвы прытока Свіслачы Лахвы [2], сёння рэчка Лашанка. Ёсць версія даследчыка Яшкіна:

«лаша» – пустое, голае месца [3]. В. Жучкевіч і А. Цыхун назву ракі Лашанкі звязваюць з назвай ласосевых рыб лох-лош, лошак [2].

Вёска ўпамінаецца ў пісьмовых крыніцах пад 1539 г., яна была валасным сялом, дзе ў XVI ст. існавала царква св. Міколы і ўзгадваецца святар Лашанскай царквы Андрэй [4]. Пазней царква стала ўніяцкай, а ў 1839 г. зноў ператворана ў праваслаўную. У XIX ст. царкву пабудавалі ў 1805 г., а другую ў 1863 г. з каменнай званіцай, са званамі, на адным з якіх быў надпіс лацініцай, які паказвае, што лашане некалі былі ўніятамі [5]. У XVI – XVII ст. Лаша ўваходзіла ў склад каралеўскай эканоміі, пасля падзелу Рэчы Паспалітай адыйшла Расіі. У пачатку XIX ст. у Лашы з'явілася сям'я Карскіх з прыбыццём сюды Вікенція Карскага. Ён паходзіў з дробнай шляхты і пачаў тут служыць у мясцовай царкве. З гэтай сям'і выйшла некалькі пакаленняў дзячкоў. У сярэдзіне XIX ст. пры царкве працавала прыхадская вучэльня. У 1857 г. пасля заканчэння Гродзенскага духоўнага вучылішча быў накіраваны ў Лашу Фёдар Мікалаевіч Навіцкі. З мяшчан. Нарадзіўся 31 сакавіка 1841 года. 14 сакавіка 1857 года назначаны дзячком пры Лашанскай царкве [6]. Тут ён пазнаёміўся з дачкой мясцовага дзячка Ануфрыя Вікенцьевіча Карскага. Знаёмства з Марыяй Карскай з цягам часу перарасло ў каханне, а ў снежні (стары стыль) 1860 г. у іх нарадзіўся сын Яўхім. Прозвішча запісалі па маці Магдаліне Карскай. Пазней пасля вяселля ў іх нарадзілася яшчэ 4 сына (Мікалай, Іван, Аляксандр, Уладзімір) і дзве дачкі (Марыя і Вера). Па апошніх даследаваннях стала вядома, што сям'я Навіцкіх-Карскіх з Лашы з'ехала ў Барысаўскі павет сяло Быча ў 1862 г., калі яшчэ не пабудавалі другую царкву ў Лашы [7]. Атрымліваецца, Яўхім пражыў у Лашы каля двух гадоў, а не 7–8, як лічылі раней. Сям'я шмат вандравала па царкоўных прыходах. 1866 г. – Ятра, пазней Беразавец на Навагрудчыне, пазней Городзенская царква Пінскага павета... Брат Мікалай працаваў у банку Растова. Іван – святар Мінскага павета ў Блячыне, дзе ў 1920 г. выпадкова з Карскімі пазнаёміўся гімназіст, будучы паэт Новік-Пяюн. Брат Аляксандр – начальнік руху Варшаўскай чыгункі напісаў падручнік для інж.-чыгун. Сястра Вера – замужам у Таліне. Марыя замужам за святаром у Мінскім павеце. У Волме пад Мінскам 19.07 (ст.ст.) 1902 г. памерла Магдаліна Карская – маці Яўхіма. Бацька Фёдар памёр 21.01.1918 г. і пахаваны каля царквы Бутча Слуцкага павета (сёння Ганцавіцкі р-н Бр. вобл.) [6].

Лаша – старадаўняя беларуская вёска з адметнай беларускай культурай, мовай, традыцыямі, якія вывучаў і запісваў Іван Ануф-

рыевіч Карскі, дзядзька Яўхіма. Сям'я Карскіх аказала значны ўплыў на станаўленне малога Яўхіма, які пазней узяў гэтае прозвішча. Іван Карскі атрымаў духоўную адукацыю і спачатку працаваў настаўнікам, а потым на працягу 47 гадоў служыў дзячком у розных царквах Гродзенскай губерні. Ён паўсюль збіраў фальклорныя і этнаграфічныя матэрыялы і адсылаў іх вядомаму этнографу П.В. Шэйну.

На лашанскіх могілках у 1880 г. ён паставіў помнік сваім сurodзічам, якія захаваўся да нашых дзён. Побач стаіць і помнік самому Івану Ануфрыевічу Карскаму.

У Лашы ў 1902 г. быў узведзены новы будынак школы, дзе працавала двухкласнае народнае вучылішча. У савецкі час у ім працавала няпоўная сярэдняя школа і насіла імя акадэміка Я.Ф. Карскага, на будынку яе ўстаноўлена ў яго гонар мемарыяльная дошка. У 1964 г. краязнаўцам А.П. Цыхуном у ёй быў створаны музей акадэміка Я.Ф. Карскага, напісаны пра яго краязнаўча-біяграфічны нарыс. Нязменным кіраўніком музея была настаўніца Якімовіч Н.У., якая жыве ў Лашы. У 1991 г. школа была закрыта з-за скарачэння колькасці вучняў, а пасля закрыты і музей. На поўдні ад Лашы знаходзіцца вёска Кунцаўшчына – малая радзіма А. Цыхуна. На паўночным захадзе вёска Балічы – радзіма першага міністра асветы БССР. Напоўнач – Лікоўка, дзе на адным з агародаў у 1954 г. быў знойдзены Лікоўскі скарб – 6495 медных і сярэбраных манет, агульнай вагой каля 10 кг. Зберагаецца ў гродзенскім гісторыка-археалагічным музеі [8].

Агульная інфармацыя:

У цэнтры вёскі працуе прадуктовая крама і знаходзіцца Дом культуры.

Даезд:

Праз вёску праходзіць аўтобусны маршрут «Гродна – Сухая Даліна» (у сераду, суботу, нядзелю – двойчы ў дзень).

Луцкаўляны

У вёсцы Луцкаўляны з гонарам ушаноўваюць імя акадэміка Я.Ф. Карскага як свайго земляка, які зрабіў надзвычай вялікі ўклад у навуку. Вёска размясцілася каля шашы Гродна – Вялікая Бераставіца ў 30 км ад Гродна. Назва вёскі ідзе ад трансфармацыі слова «лука» – бераг ракі, узбярэжжа [2]. На 2007 г. – 262 гаспадаркі, 838 жыхароў, з іх да 15 гадоў – 181, працаздольнага ўзросту – 550, пенсіянераў – 107 [3].

У цэнтры Луцкаўлянаў знаходзяцца культурна-асветныя ўстановы: сярэдняя школа, дом культуры, мясцовы гісторыка-краязнаўчы музей. У ім экспануюцца матэрыялы пра акадэміка Я.Ф. Карскага, яго асабістыя рэчы; пададзены звесткі і матэрыялы пра вядомага краязнаўца і даследчыка творчага шляху акадэміка – А.П. Цыхуна; абсталяваны экспазіцыі пра славутых землякоў.

Цяпер Луцкаўляны – цэнтральная сядзіба сельскагаспадарчага кааператыва, які носіць імя першага і шматгадовага яго старшыні Пятра Дзеншчыкова. З пісьмовых крыніцаў яна вядома з 1784 г. як невялікае паселішча, якое адносілася да маёнтка Ляхнова. Дату заснавання можна таксама ўбачыць на валуне і будынку школы ў час экскурсіі з Луцкаўлян у Алекшыцы. З тых часоў вёска значна вырасла і змянілася. Сучасныя Луцкаўляны – буйны населены пункт у раёне, дзе працуюць Дом культуры і бібліятэка, пошта, два магазіны, адкрыта спецыялізаваная крама «Луцкаўлянскі хлеб».

Недалёка ад цэнтра вёскі на беразе невялікай рэчкі Індурка стаіць стары вадзяны млын, які цяпер працуе на электрычнасці (па аўторках і суботах). А ў 5 км ад Луцкаўлян на рацэ Свіслач у пасляваенныя гады (у 1953 г.) была пабудавана першая на Гродзеншчыне электрастанцыя, якая пазней была закрыта, а нядаўна зноў аднаўлена.

Харчаванне:

Луцкаўлянскае кафе-сталовая.

Месцы адпачынку:

Дом культуры.

Ёсць вадасховішча з абсталяваным пляжам.

Даезд:

Маршрутнае таксі (штодзённа 4 разы ў дзень).

Аўтобусны маршрут «Гродна – Каленікі» (штодзённа, акрамя серады, двойчы ў дзень).

Гудзевічы

Вёска Гудзевічы з'яўляецца своеасаблівым духоўным цэнтрам у рэгіёне, дзе як бы ўвасоблены думкі Я.Ф. Карскага пра беларускую нацыянальную самабытнасць, дзе ўсё па-беларуску, на беларускай мове, па беларускіх звычаях і традыцыях.

Вёска слаўная на ўсю Беларусь сваім багатым літаратурна-этнаграфічным музеем, заснаваным у 1965 г. у мясцовай сярэдняй школе настаўнікам беларускай мовы Алесем Мікалаевічам Белакозам.

Спачатку музей працаваў на грамадскіх пачатках, а з 1990 г. стаў дзяржаўным. Ён размяшчаецца ў двух будынках, адзін з якіх – старая сялянская хата XVIII ст. з прадметамі хатняй гаспадаркі сялян, пакрытая саламяным дахам, якая сама з'яўляецца этнаграфічным помнікам.

Музей змяшчае звыш 12 тыс. экспанатаў, размешчаных у васьмі экспазіцыях. Экспанаты расказваюць пра пісьменнікаў, вучоных, дзеячоў культуры Гродзеншчыны і Беларусі, тут выстаўлены іх кнігі і асабістыя рэчы, а таксама прылады працы сялян, прадметы народнага побыту, старадаўнія адзенне і ўборы, вырабы з лёну, саломкі, лазы, дрэва, гліны, экспануюцца творы мастацтва, спосабы народнага лячэння травамі і зёлкамі. Кожны наведнік музея атрымоўвае кавалачак крэменю для ачышчэння вады і ўмацавання здароўя. У музеі ў якасці сувеніраў можна набыць тканыя паясы або закладкі.

Экскурсіі праводзіць як стваральнік музея заслужаны настаўнік Беларусі А.М. Белакоз, так і падрыхтаваныя ім экскурсаводы – работнікі музея.

У вёсцы традыцыйна ладзяцца беларускія народныя святы (каляды, вялікдзень, провады зімы, дажынкі).

Агульная інфармацыя:

У вёсцы працуюць крама прамысловых і харчовых тавараў, пошта.

Знакавая асоба:

Белакоз Аляксандр Мікалаевіч – беларускі педагог, асветнік, краязнавец, музеязнаўца, Заслужаны работнік культуры Рэспублікі Беларусь (1987).

Музей:

Працуе штодзённа акрамя святочных дзён: з 9.00 да 18.00, у вольныя дні: з 9.00 да 17.00.

Харчаванне:

Працуе кафэ-сталовая (акрамя нядзелі).

Даезд:

Аўтобусны маршрут «Гродна – Радзевічы» (праз Гудзевічы): пятніца – пасля абеда, субота – раніцай, нядзеля – пасля абеда.

Аўтобусны маршрут «Гродна – Масты» (праз Гудзевічы) – у аўторак і пятніцу (пасля абеда).

Абухава, *дзе «гоманасна»*

Вёска Абухава знаходзіцца недалёка ад Мігова, дзе любіў адпачываць Я.Ф. Карскі. Ён неаднаразова бываў у гэтай вёсцы і вывучаў

тут мову, гаворку і побыт яе жыхароў. Тут занатаваў ён уразіўшае яго слова «гоманасна». Упершыню Абухава ўзгадваецца ў 1559 годзе [4]. Сёння гэта цэнтр сельскага Савета Гродзенскага раёна ў некалькіх сотнях метраў ад аўтамагістралі М-6 Гродна – Мінск.

У 1559 г. Абухава была каралеўскай вёскай Котрынскай воласці Гродзенскай эканоміі, у якой пражывала 78 гаспадароў, а разам 600–800 чалавек праваслаўнага веравызнання. Яны мелі 244 валы, 149 коней, плацілі абухаўцы ў каралеўскі скарб 43 з паловай капы грошай [4], а гэта 2610 літоўскіх грошай. На гэтыя грошы можна было цэлы год трымаць на забеспячэнні 400 жаўнераў. У ваколіцах Мігова ў XVI ст. вёска Абухава была самая вялікая, яна была цэнтрам войтаўства, у якое ўваходзілі вёскі Пужычы, Плавы, Сіўкава (тады Гарадзіслаў), Завадзічы. Паходжанне назвы Абухава верагодна ад беларускай мянушкі «Абух», які, магчыма, быў пратапластам баярскіх радоў Абуховічаў.

Насупраць валокаў Абухава, у Абуховічах, былі землі баяр Абуховічаў [4], якія неслі ваенную службу, перавозілі каралеўскую пошту, а таму вызваляліся ад падаткаў і мелі прыватную зямлю.

Сёння Абухава – цэнтр шырока вядомага ў Беларусі сельгаскааператыва «Абухава», у якім інтэнсіўна працуе гаспадарка, вядзецца шырокае жыллёвае будаўніцтва і добраўпарадкаванне.

Недалёка, на захад ад вёскі, знаходзіцца самы буйны ў Гродзенскай вобласці грамадзянскі аэрапорт «Абухава», пабудаваны ў 1984 г. пасля закрыцця аэрапорта каля вадасховішча «Юбілейнае». На прылеглай тэрыторыі планаваліся гасцініца, рэстаран і іншая інфраструктура аэрапорта. Праз нейкі час пабудавалі вялізны гмах. Але запатрабаванасць аэрапорта зменшылася ў 90-я гг. у некалькі разоў, і гэты недароблены будынак гасцінічнага комплекса стаіць незапатрабаваным. Некалькі гадоў аэрапорт за адносна невялікі кошт праводзіў абзорныя экскурсіі на абсталяваным самалёце па навакольных мясцінах. Але з-за недахопу ахвотнікаў і высокага сабекошту палётаў паветраныя экскурсіі пакуль адменены. Пры наяўнасці пастаянных экскурсантаў кіраўніцтва аэрапорта «Абухава» гатова сваё рашэнне перагледзець.

Агульная інфармацыя:

Школьны гісторыка-краязнаўчы музей знаходзіцца ў цэнтры вёскі.

Працуюць прадуктовыя і прамтаварныя магазіны.

Харчаванне:

Кафэ-бар і сталовая: вул. Цэнтральная, 6.

Даезд:

Маршрутнае таксі з аўтавакзала ў Гродне (акрамя суб. і нядз.). Штодзень 9.00, 10.00, 11.00 – 17.00, 18.00. Апошняе ў 19.30. Усяго 16 рэйсаў у дзень.

Аўтобусам з аўтавакзала «Гродна – Жарослаўка»: штодня, акрамя серады (2 разы ў дзень).

Коматава

Паселішча, старэйшае за Рым [9]. Коматава з яго царквой Святога Спаса на беразе Нёмана з'яўлялася духоўным цэнтрам акругі ад XVI ст. Нёман у час паводак падмываў яе, драўляныя сцены падгнілі, а ў XIX ст. на той час уніяцкую царкву перанеслі на новыя могілкі. У 1539 г. фундатарам першай царквы і прыхода ў Коматава быў Вялікі князь ВКЛ і РП Жыгімонт I Стары [10]. А Новую царкву пабудавалі ў 1847 г. Пасля рэканструкцыі 1865 г. свае аблічча яна захавала да сёння. Больш як 100 гадоў назад Я.Ф. Карскі як веруючы чалавек, адпачываючы ў суседнім Мігове, пастаянна наведваў царкву са сваёй сям'ёй.

Вёска Коматава – адно з найстарэйшых паселішчаў на Гродзеншчыне, старэйшае нават за Рым (754 г. да н.э.). Упершыню археалагічныя раскопкі ў гэтых мясцінах праводзіліся напрыканцы XIX ст. Аказалася, што там, дзе Нёман прарываў узвышша, былі самыя старажытныя стаянкі людзей на Гродзеншчыне. Першыя паселішчы на Панямонні, на думку розных вучоных, узніклі 11–13 тыс. гадоў назад. Вядома, што да ліцвінаў-беларусаў у гэтых месцах жылі нашыя далёкія балцкія продкі – яцвягі. Яны засялялі прастору ад ракі Нараў да Нёмана і Неты [11]. Лічыліся адным з самых храбрых народаў Паўночнай Еўропы. Любячы сваю радзіму, свабоду, будучы прывязаны да паганскай рэлігіі продкаў, яцвягі сустракалі ворага з неверагоднай мужнасцю і адвагаю... змагаліся да апошняй каплі крыві [11]. У Іпацьеўскім летапісу ёсць яцвяжскія правадыры – Комат, Шурпа, Юндзіл, галоўны князь Сцекінт. Як піша Баброўскі, Комат быў асілкам, яго запрашалі на перагаворы падчас вайны з галіцкім князям Львом Данілавічам, калі забілі галоўнага князя яцвягаў – Сцекінта. У час 4 пахода супраць яцвягаў у 1254 годзе саюзнікі галіцкага князя спалілі шмат вёсак, у тым ліку і вёску Комата [11]. (Магчыма, гэта першая пісьмовая дата ўспамінаў пра Коматава.) Мясцовыя яцвягі змагаліся і з палякамі, калі тыя напалі на Падляшша. Была крывавая бойка, і калі загінуў у першых шэрагах князь Комат, яцвягі вырашылі змагацца да апош-

няга... апошні раз яны так згуртавана адстойвалі сваю краіну, рэлігію і свабоду ... ацалеўшыя мігравалі ў Судавію, але там іх нішчылі тэўтонцы. Пазней на арэну выйшлі літоўцы... [11]. Таму, верагодна, Комат «вінаваты» у тым, што ўзнікла такая назва паселішча («комат» у перакл. з узбекскай – фігура).

Даследчык Коматаўскага прыхода В. Сямко, вядомыя гісторыкі І. Трусаў і В. Швед таксама схіляюцца да думкі, што вёска названа ў гонар мужнага яцвяжскага князя Комата.

На тэрыторыі Коматаўскай царквы ў асноўным пахаваны землеўласнікі маёнтка Мігова і іх родныя, святары і іх родныя.

У сувязі з будаўніцтвам на Нёмане ГЭС і затапленнем вадой прылягаючых да рэчышча ракі берагоў было праведзена даследаванне гэтых тэрыторый. І вось з пачатку даследаванняў з 2003 г. чарга дайшла да Коматаўскага могільніка.

Там, дзе ў XVI ст. стаяла царква Святога Спаса, знаходзяцца познесярэднявечныя могілкі, на раскопках якіх працуюць выкладчыкі-археолагі і студэнты Мінска, Гродна і звычайныя валанцёры. Археолагі знайшлі тут больш за трыста камянёў-помнікаў. Могільнік хрысціянскі, бо дзесяткі камянёў пазначаны шасціканцовымі крыжамі візантыйскага тыпу з папярэчкамі. На «маладых» валунах выбіты даты пахавання XVIII – XIX ст. Падчас раскопаў знойдзена шмат новых матэрыялаў па сярэднявечнаму перыяду. Гэта кераміка, манеты XVI ст. часоў Жыгімонта Аўгуста, пусьенэ, а таксама шкілеты, якія пасля даследаванняў будуць перазахаваны па хрысціянскіх абрадах. Сённяшнія коматаўскія могілкі знаходзяцца яшчэ на больш высокім узвышшы.

Вядомыя асобы. Амельяновіч Іосіф – коматаўскі святар, які 27.03.1944 г. падчас акружэння Коматава нямецкімі аўтаматчыкамі змог пераканаць іх, што жыхары Коматава не вінаваты ў нападзе на немцаў на хутары Мар’янаўка. Гэтым ён выратаваў жыхароў вёскі ад растрэлу, а ўдзячныя жыхары добрым словам успамінаюць і шануюць былога святара. У памяць пра гэта дзячок Барыс Уткін напісаў Коматаўскую ікону Божай Маці. Амельяновіч Іосіф застаўся святаром і пры саветах.

Паходзіў з Коматава і Будзіловіч Антон Сямёнавіч (1846–1908 гг.), вядомы славіст, член-карэспандэнт Расійскай Акадэміі навук. А. Будзіловіч і Я. Карскі нарадзіліся па абодва бакі Нёмана, у межах 10–15 км былі іх малыя радзімы. Яны былі вельмі вядомымі і паважанымі навукоўцамі-славістамі. Першы амаль забыўся пра сваю малую радзіму, хоць некалі і пачынаў з краязнаўчага артыкула пра

Камянецкую вежу, другі не толькі часта падарожнічаў па родных мясцінах, але стварыў фундаментальныя працы для свайго народа.

Насупраць Коматава ў XIX ст. знаходзіўся завод паравых караблёў. Багаты землеўласнік О'Брїён дэ Лясі (Дэляс) меў завод па будаўніцтву караблёў у в. Горны і ў г. Пінску. Тут у 1887 г. быў пабудаваны гандлёва-пасажырскі паравы карабель «Дзевайціс», моц рухавіка яго складала 88 конскіх сіл [12]. А «Марыя-Антуанета», пабудаваная тут, курсіравала ў 1855 годзе па Нёмане да Коўна [3]. Паравыя караблі пасля пабудовы ішлі на Піншчыну і Віслу, прымалі ўдзел у Першай сусветнай вайне. З супрацьлеглага боку Нёмана і з самога Коматава яшчэ можна заўважыць выкладзеныя на востраве-дамбе камяні, занесеныя пяском і парослыя хмызняком. На жаль, да сёння невядома, у якім годзе ў нашых мясцінах пабудавалі першыя нёманскія паравыя караблі...

Масты. Дарога ад сучасных могілак некалі вяла проста на мост праз Нёман на вёскі Пескі і Віцькі. Тут быў інтэнсіўны стратэгічны пераход праз Нёман, бо пры пераадоленні Нёмана з правага берага адкрывалася выйсце на Скідзельскі тракт, з левага – на Індурскі. Масты будаваліся ў ваенных мэтах. На апошніх картах в. Пескі няма, а Віцькі сталі Віткамі...

Пасля пабудовы ГЭС на Нёмане пры ўсіх экалагічных хібах утворыцца вялікае вадасховішча, а з ім новыя магчымасці для актыўнага воднага турызма.

Агульная інфармацыя:

Царква за вёскай паблізу могілак.

Захаваліся будынкі былой школы і магазіна.

Даезд:

З аўтавакзала ў Гродне маршрутнае таксі «Гродна – Жарослаўка»: 8.10 (субота), 8.53, 11.52 (акрамя сер. і нядз.), 16.43. Аўтобус з аўтавакзала 8.30: Гродна – Жарослаўка, 16.15: Гродна – Александрова (сер., суб., нядз.),17.40: Гродна – Жарослаўка (сер., пятн., нядз.).

Мігова

У 18 км ад Гродна і двух кіламетрах ад Коматава ніжэй па Нёмане размясцілася вёска Мігова, якую ўпадабаў для адпачынку Я. Карскі. Будучы рэктарам Варшаўскага ўніверсітэта, ён прыязджаў адпачыць, працаваць, адсюль выбіраўся ў розныя вандроўкі па ваколіцах, рабіў запісы, слухаючы мясцовую беларускую мову, працуючы над «Беларусамі». Звычайна Я. Карскі здымаў дачу ў маёнтку Мігова.

Упершыню Мігова ўзгадваецца ў 1558 г. Гэта вёска адносілася да Саволеўскага войтаўства Каралеўскага двара Котра [4]. Гэты двор разам з 10 іншымі дварамі забяспечвалі харчаваннем Каралеўскі двор у Гродне, што належыў Вялікаму князю Літоўскаму.

У геаграфічным слоўніку Польскага каралеўства (6 том, Варшава, 1885 г.) гаворыцца пра землеўласніка Мігова Аляксандра Абуховіча і падаецца інфармацыя пра два іншыя Мігова на тэрыторыі паўночнай Польшчы. Назвы падаюцца і як нямецкага паходжання ад слова «Mьggau». Сярод звестак пра жыхароў Мігова XVI ст. у «Пісцовай кнізе» ёсць прозвішча (?) Міговіч Аляксей. Можа, яго продкі былі першыя пасяленцы ў гэтай вёсцы? У кароткім тапаністычным слоўніку Беларусі Вадзіма Жучкевіча знаходзім блізкае слова Мігоўшчына, паселішча ў Крупскім раёне, назва ад прозвішча Мігун. Магчыма, таксама назва паходзіць ад назвы невялікага ручая з такой жа назвай, якi зафіксаваны на картах пачатку XIX стагоддзя [3]. Характэрна таксама, як і ў Абухава, так і ў суседніх вёсках амаль 85–90 % прозвішчаў з самым старажытным канчаткам на «*іч*», якія найбольш характэрныя для беларусаў, палякаў, сербаў і харватаў.

У XVI ст. жыхары Мігова мелі 15 валокаў зямлі сярэдняга грунта і былі на цяглай службе. У XVII ст. падчас «Невядомай вайны» 1654–1667 гг. з Расіяй навакольныя вёскі моцна пацярпелі. Насельніцтва Гарадзенскага павету скарацілася на 34 % [13]. Пасля падзелу Рэчы Паспалітай напрыканцы XVIII ст. нашыя землі апынуліся пад Расіяй. Мігова ўваходзіла ў Гарадзенскі павет Літоўскай губерні. Маёнтак Мігова разам з вёскамі Мігова, Александрова, Пескі і Віцькі падараваны Кацярынай II калежскаму асэсару Івану Савінскаму, які ён заклаў у банку, а пазней яго сын Мацвей Савінскі дамовіўся аб продажы яго ў Санкт-Пецярбургу з Фрэдэрыкам Вільгельмам Цукербеккерам. У 1817 г. маёнтак набыў Іван Абуховіч і пазней падзяліў яго паміж сынам Аляксандрам і дачкой Софьяй, па мужу Гласко. Апошняй дасталіся вёскі Пескі і Віцькі. Шляхціч Гласко меў нерухомасць у лепельскім павеце Віцебскай губерні. У маёнтку Мігова з 2 красавіка 1829 года жыў пад наглядам паліцыі адстаўны штабс-капітан В.А. Сперскі, сябра свіслачскай арганізацыі «Заранне». Пасля паўстання К. Каліноўскага ў 1864 г. на тутэйшых уласнікаў Гласко Вікенція, Абуховіча Аляксандра і Раціборскага Ігнація з Гародні была распачата справа па абвінавачванні іх у захаванні рэвалюцыйнай літаратуры «Молитва к Богородице возмутительного содержания» [14]. Справа была закрыта толькі пасля паведамлення з Том-

скай губерніі, што палітычны ссыльны Ігнацій Іванавіч Раціборскі (след. 584) памёр у ссылцы... [15].

У 1867 г. пасля падцверджання свайго рускага паходжання маёнтак Мігова быў выкуплены жонкай адстаўнога генерал-лейтэнанта Кацярынай Іванаўнай Броссэ [16]. Яна ж выкупіла і маёнтак Губінка Северына Ромера. У 60-я гг. XIX ст. былыя жыхары вёсак маёнтка Мігова – Пескі і Віцькі моцна пацярпелі з-за дзікунскага казацкага набегу, у тым ліку жанчыны і дзеці [17]. На жаль, «Канюхоўскі роў» – месца сутычкі, дзе «кроў ручаямі лілася», дзе пахаваны мясцовыя жыхары, ніяк не адзначана памятным крыжам...

Для сувязі з супрацьлеглым берагам Нёмана мігоўцы тады мелі свой паром праз Нёман. За асобную плату мігоўцы трымалі паромшчыка з вольных сялян, які перавозіў людзей і грузы на другі бок Нёмана. Такім чынам сяляне гандлявалі ў Скідзелі і на пароме праз Нёман ездзілі ў Індуру. У маёнтку ў розны час было 4–5 корчмаў, дзе мясцовыя сяляне, калі не былі заняты працай, бавілі свой час. Падчас Першай сусветнай вайны шмат мігоўцаў вымушаны былі пайсці ў бежанства на тэрыторыю Расіі. З-за голада і хвароб шмат хто і не вярнуўся. Быў спалены гаспадарскі маёнтак «Шлегеліхі», засталася толькі частка адрыны. Былі спалены дачы, што здаваліся ў арэнду (у тым ліку і Карскіх) на землях маёнтка Мігова.

Сёння ад маёнтка Мігова засталася толькі скамечаная памяць. Вёска Александрова, што славілася на ўсю акругу плытагонамі, мае людзей пенсійнага ўзросту, а ў Мігова засталося жыць 3–4 чалавекі з тутэйшых, астатнія – «дачнікі» з горада і аматары бахуса. Ёсць праблемы ў галіне захавання прыроднага асяроддзя, дзе некаторыя «дачнікі» паводзяць сябе экалагічнымі дзікунамі. Апошнім часам на высокім беразе Нёмана каля былой сядзібы «Шлегеліхі» да якой вяла ліпавая алея, пачалося будаўніцтва прыватных дамоў, гаспадары якіх набылі ўчасткі зямлі на аўкцыёне. Пры гэтым часткова знішчаюцца дрэвы і змяняецца прыгожы краявід. І толькі маўклівы сведак мясцовай гісторыі – Мігоўская крынічка на беразе Нёмана, якая сілкуе мясцовых людзей і праходзячых падарожнікаў, разам з магутнай ракой нясе свае воды да старажытнай Гародні і далей да Балтыкі, завяршаючы прыродны кругазварот...

Агульная інфармацыя:

Дачы – магчыма дамовіцца пра начлег і лазню ў летні перыяд.

Даезд:

З аўтавакзала ў Гродне маршрутнае таксі «Гродна – Жарослаўка»: 8.10 (субота), 8.53, 11.52 (акрамя сер. і нядз.), 16.43.

Аўтобус з аўтавакзала ў Гродне: 8.30 (Гродна – Жараслаўка), 16.15 (Гродна – Александрова (сер., суб., нядз.)), 17.40 (Гродна – Жараслаўка (сер., пятн., нядз.)).

Першая гродзенская гімназія імя акадэміка Я.Ф. Карскага

У 1990 г. у Гродне была адчынена першая школа-гімназія № 30, якая носіць імя Я. Карскага. У 1991 г. – школа, а праз год і першы школьны музей Я. Карскага ў Лашы ўжо былі зачынены, а частка экспанатаў і кніг, падораных К. Крапівой, была расцягнута. Са згоды дырэктара школы-гімназіі № 30 Р.І. Можджар настаўнікамі і вучнямі пры падрымцы А.П. Цыхуна 4 лютага 1995 г. новы музей Я. Карскага быў урачыста адчынены.

Значная частка захаваных экспанатаў лашанскага музея была перанесена ў школу-гімназію № 30. Частка экспанатаў захоўваецца ў музеі Луцкаўлян, частку атрымала абласная бібліятэка імя Я. Карскага. Пазней, у маі 2006 г., пры падтрымцы «Гродназнерга» было адрамантавана іншае памяшканне і новая пашыраная экспазіцыя была таксама ўрачыста адкрыта ў музеі гімназіі № 1 (былая школа-гімназія № 30).

Гімназія № 1 з пачатку сваёй дзейнасці звязала адукацыйны працэс з імем і спадчынай акадэміка Я. Карскага. Стварэнне музея стала пачаткам новых творчых спраў у гімназіі. На базе музея арганізавана дзейнасць школьных экскурсаводаў, дзе настаўнікі Т.І. Еўтух, А.М. Зянько (яны маюць свае карані ў в. Лаша), пазней В.Р. Карнялюк, І.Ф. Прытульчык творча займаліся падрыхтоўкай гімназістаў для правядзення экскурсій і пашырэння іх кругагляду.

Важным накірункам працы музея сталі творчыя «Дэкады Я.Ф. Карскага», якія штогод ўжо традыцыйна ладзяцца ў студзені: літаратурна-музычныя вечарыны, экскурсіі, інтэлектуальная віктарына «Горад святога Губерта» і нават пастаноўка ў сценах музея тэатральнага дзеяння пра Я. Карскага.

Таксама ўжо стала традыцыяй на дэкаду Я. Карскага ганаровае ўзнагароджанне лепшых адзінаццацікласнікаў стыпендыяй імя Я. Карскага. За больш чым дзесяць гадоў лаўрэатамі стыпендыі сталі сотні вучняў гімназіі.

Музей Я. Карскага – гэта і места сустрэч з цікавымі людзьмі, якія з’яўляюцца сябрамі музея і гімназіі: А. Майсяёнак, П. Сцяцко, М. Канюшкевіч, А. Госцеў і інш.

У розны час таксама дапамагалі музею «Гродназнерга», А. Мілінкевіч, Ю. Мацко (стварыў у падарунак музею прыгожую

жырандоль) і інш., тут пабывалі дзесяткі вядомых літаратараў, паэтаў, кампазітараў і сотні звычайных беларусаў, якія цікавяцца беларускай культурнай спадчынай.

Працягваецца традыцыя ліставання з роднымі Я. Карскага, распачатая яшчэ А.П. Цыхуном. Пасля смерці ўнучкі акадэміка Т.С. Карскай сёння падрымліваецца сувязь з праўнукам акадэміка А.А. Карскім. У 2010 годзе ён ўжо двойчы пабываў у музеі і гімназіі, рабіў даклады ў Гродзенскім універсітэце і ў бібліятэцы імя Я. Карскага ў Каралеўскім замку да 180-годдзя яе заснавання. Пабываў на радзіме сваго прадзеда ў Лашы, наведаў царкву і могілкі сваёй радні.

Пасля адкрыцця новай экспазіцыі музея ў 2006 г. галоўнымі раздзеламі сталі: «Гісторыя музея», «Кабінет вучонага», «Апанас Цыхун – педагог, паэт, грамадзянін», «Этнаграфічны куток». Новым накірункам дзейнасці музея стала калекцыя рукапісаў дзеячаў беларускай культуры... і новыя даследаванні месцаў, звязаных з жыццём і творчай дзейнасцю Я. Карскага.

Музей Я. Карскага знаходзіцца ў лесапарку Румлёва, які з'яўляецца помнікам прыроды і помнікам садова-паркавага мастацтва мясцовага прызначэння. Назва лесапарка, мабыць, паходзіць ад шляхецкага роду Румеляў. Раней гэтыя землі належалі роду Радзівілаў і масону Ігнаці Ляхніцкаму. Прыкладна каля 200 гадоў таму (клёнавай алеі каля 200 год) і быў закладзены гэты парк.

Былы выкладчык гімназіі № 1, паэт Хведар Чычкан напісаў верш «Румлёўскі парк», які пачынаецца словамі...

Калі самотны я і боль шчымлівы
У сэрца ўносяць тлумы галавы,
Іду сюды, дзе розум мітуслівы
Губляе ў сценах дрэў свае правы...

Агульная інфармацыя:
Адрас гімназіі № 1 і музея Я. Карскага:
230010, г. Гродна, праспект Янкі Купалы, 82.
Экскурсія – бясплатная.
Пражыванне:
Гатэль «Турыст», пр. Я. Купалы, 63
http://www.belarustravel.by/ru/Grodno/Tourist/
Харчаванне:
Бар, буфет і рэстаран гасцініцы «Турыст».
Даезд:
З чыгуначнага і аўтавакзала – маршрутныя таксі.
Выхад на прыпынку – гасцініца «Турыст».

Каробчыцы

Працуючы рэктарам універсітэта ў Варшаве, Я. Карскі па чыгунцы заўсёды праязжаў па землях фальварка Каробчыцы ў сталіцу імперыі ці наадварот, едучы са сталіцы. У 1899 г. непадалёку, у Кузніцы, ён збіраў фальклорныя і лінгвістычныя матэрыялы беларускіх гаворак. Вёска Каробчыцы вядома з XVI ст. Раней мела назву Растаўляны. Сяляне мелі 44 валокі зямлі, але грунт быў дрэнны. Зафіксаваны былі першыя прозвішчы (?) XVI ст. – гэта Макоўчыч, Васілевіч, Грышкевіч, Дамасевіч, Кропка... Апошні быў мясцовым войтам. Растаўляне Кропка і Якім Хведзьковіч мелі па дзве валокі зямлі, астатнія гаспадары – па адной [4]. У 1539 г. таксама ўпершыню згадваецца мячэць, якая, верагодна, знаходзілася на ўваходзе ў вёску з боку Гародні, з левага боку ад шашы. У 1784 г. вёска належала Гродзенскай эканоміі і адносілася да Гродзенскай парафіі. На ўездзе ў вёску збоку Гродна ў сасновым барку захаваліся татарскія могілкі XV – XVII стагоддзяў, якія, на жаль, разбураюцца і не ўзяты пад ахову. У 2007 г. – 271 дом і 809 жыхароў [3].

Пасля паўстання К. Каліноўскага маёнтак Каўбасіна з фальваркам Каробчыцы належалі да розных гападароў... У 1874 г. землеўласніцай стала Марыя Маслоўская. За 40 гадоў гаспадарання зрабіла маёнтак Каўбасіна і фальварак Каробчыцы даходнымі...[18]

Яшчэ да Першай сусветнай вайны муж Маслоўскай здаў у арэнду Вацлаву Марцынкоўскаму частку маёнтка. Але дамова часткова перастала дзейнічаць у сувязі з ваеннымі дзеяннямі ў часы Першай сусветнай вайны 1914–1918 гг., а потым і савецка-польскай у 1920 г. 05.05.1921 г. польскія ўлады зрабілі рэвізію маёнтка, а так як землеўласніца не вярнулася пасля вайны з Расіі і маёнтак быў вельмі запушчаны, то 12 мая 1921 г. улады прынялі рашэнне забраць Каўбасіна і фальварак Каробчыцы ў дзяржаўную ўласнасць. У 1924 муж Маслоўскай прад'явіў свае правы на гэтыя землі, але польскія ўлады запатрабавалі такую колькасць папер, што за тры гады ён так і не змог адстаяць права на валоданне маёнткам і фальваркам. Галоўнай прычынай было тое, што частка зямель маёнтка і фальварка была аддадзена ў 1920–1922 гг. былым польскім вайскоўцам, так званым асаднікам. Таму землямі ў Каўбасіна (295 га) і Каробчыцах (343 га) у розны час валодалі некалькі ўласнікаў, у тым ліку і Францысканскі касцёл. Пазней у 1939 г. прыйшлі першыя Саветы, і землі праз нейкі час у асаднікаў і іншых гаспадароў былі таксама забраныя ў дзяржаўную ўласнасць.

На пачатку 80-х мінулага стагоддзя ў Каробчыцах можна было паглядзець старажытныя жыдоўскія могілкі адразу пры ўездзе і парэштკі старога вадзяного млына, якія канчаткова былі знішчаны падчас будаўніцтва запруды на р. Ласасянка (Ласосна) у канцы вёскі. Непадалёку, каля дачных участкаў, стаіць металічны крыж, як напамін аб савецка-польскай вайне 1920 года [18].

У 90-я гады XX ст. шмат земляў у Каробчыцах было аддадзена пад катэджнае будаўніцтва, у тым ліку і на месцы былога ваеннага стрэльбішча. Каля р. Ласасянка выкуплена ці ўзята ў арэнду частка тэрыторыі разам з рэчкай. У Каробчыцах Гарадзенскі мясакамбінат пабудаваў агратурыстычны комплекс «Гарадзенскі маёнтак «Каробчыцы». Тут пабудавала сабе базу адпачынку і Гарадзенская жыллёва-камунальная гаспадарка.

Сёння праз Каробчыцы праходзіць галоўная аўтатранспартная магістраль з Гародні на Захад праз беларускі пагранічны пераход Брузгі і Польшчу. Непадалёку захаваліся невялікія лясныя масівы, стары Гродзенскі грамадзянскі аэрапорт, вадасховішча «Юбілейнае», дзе ў летні перыяд можна цудоўна адпачыць, катаючыся на катамаранах, лодках, убачыць трэніроўкі парашутыстаў. Знізу дамбы можна атрымаць бясплатны водны масаж. Ёсць платныя і бясплатныя вадаёмы для лоўлі рыбы. Каля «Юбілейнага» захаваўся вадзяны млын, каля яго вадаём, дзе адпачываючыя кармілі белых лебядзей...

Пражыванне, харчаванне і адпачынак:

Агратуркомплекс «Гарадзенскі маёнтак «Каробчыцы». Паркоўка. Магчымасць начлега, харчавання, цікавага адпачынку. Рэстаран. Бар. Заапарк і іншае. www.maentak.grodnomk.by

Даезд:

Маршрутныя таксі, што ідуць з Гродна ў памежны пункт пераходу Брузгі, праходзяць праз в. Каробчыцы.

Можна дабрацца і па чыгунцы на прыгарадным цягніку.

Спіс літаратуры

1. Біябібліяграфічны слоўнік. Беларускія пісьменнікі. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1994. – Т 3. – С. 191–192.

2. Жучкевич, В. Краткий топонимический словарь / В. Жучкевич. – Минск: БГУ, 1974. – С. 196–197, 210, 213.

3. Трусаў, І. Краю мой родны / І. Трусаў, В. Швед // Перспектива. – 2010. – № 81. – С. 5.

4. Писцовая книга Гродненскай экономии. – Т. 1. – С. 43–48, 61–63, 310–312, 449.

5. Цыхун, А. Акадэмік з вёскі Лаша / А. Цыхун. – Гродна, 1992. – С. 9.

6. Блинец, А. Новые сведения о родителях академика Е.Ф. Карского / А. Блинец // Карские чтения. – Гродно, 2010.

7. Карский, А. Я пытаюсь угнаться за прадедом / А. Карский // Перспектива. – № 72. – С. 25.

8. Цыхун, А. Скарбы Народнай Мовы / А. Цыхун. – ГрДУ, 1993. – С. 228.

9. Гаврицкий, С. Комотово старше Рима? / С. Гаврицкий // Гродзенская праўда. – 2009. – 15 ліпеня. – С. 6.

10. Семко, В. Юбилей в деревне Комотово / В. Семко // Гродненские епархиальные ведомости. – 2009. – № 8. – С. 16.

11. Бобровский, П. Гродненская губерния. Ч. 1 / П. Бобровский. – С. 38–39, 43–44.

12. Киштымов, А. Гродно и нёманский водный путь. Конец XVIII – начало XX вв. / А. Киштымов // Гарадзенскі палімпсест. XII – XX стст. – Гародня–Беласток, 2009. – С. 136–144.

13. Сагановіч, Г. Невядомая вайна. 1654–1667 гг. / Г. Сагановіч. – Мінск: Навука і тэхніка,1995. – С.140.

14. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. – Воп. 34. – Спр. 2017. – Арк. 5.

15. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. – Воп. 34. – Спр. – 2017. – Арк. 35–36.

16. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. – Воп. 14. – Спр. 761. – Арк. 7.

17. Дрозд, С. Гарадзенскія запісы. Выпуск 1 / С. Дрозд. – Гродна, 1993. – С. 90.

18. Черепица, В. К истории имения Колбасин и фольварка Коробчицы / В. Черепица // Румлёўскія старонкі: Турыстычны патэнцыял нацыянальнай культурна-гістарычнай спадчыны Панёмання: матэрыялы III адкрытай рэгіян. навук.-практ. канф. па праблемах рэгіяналістыкі і краязнаўства «Румлёўскія чытанні» (Гродна 19 лютага 2009 г.) / ГрДУ імя Я. Купалы. – Гродна: ГрДУ, 2010. – С. 36–37.

ДАДАТАК

Аляксандр Рабкоў,
настаўнік гісторыі сярэдняй школы № 28 г. Гродна

ПРАГРАМА ФАКУЛЬТАТЫВУ «ГРОДНАЗНАЎСТВА»

Тлумачальная запіска

Гісторыя з'яўляецца адным з найбольш важных прадметаў вучэбнага плана агульнаадукацыйных устаноў Беларусі і ў маральна-патрыятычным выхаванні, і ў ідэйным, і ў культуралагічным аспектах. Адной з важных функцый вывучэння гісторыі з'яўляецца фарміраванне грамадзянскасці, патрыятызму, асабістай арыентацыі.

Гэта, у першую чаргу, адносіцца да айчыннай гісторыі і да гісторыі края. Сёння беларускі народ перажывае адраджэнне нацыянальнай самасвядомасці, абуджэнне сваёй гістарычнай памяці. Веданне айчыннай гісторыі становіцца жыццёвай патрэбай. Чалавек павінен ведаць і любіць тую зямлю, на якой ён нарадзіўся і вырас, па якой ён ходзіць таму, што без гэтага няма чалавека-грамадзяніна. І настаўнік гісторыі павінен мець вялікую адказнасць – даць магчымасць кожнаму вучню спасцігнуць светапогляд і душу свайго народа, яго гісторыю і культуру. Адным з важнейшых сродкаў фарміравання свядомай асобы з'яўляецца школьнае краязнаўства.

Матэрыялы, сабраныя краязнаўцамі, дапамагаюць вучням паглыбіць веды па гісторыі нашай Радзімы. Яны служаць добрай падтрымкай пры падрыхтоўцы дакладаў, рэфератаў, невялікіх паведамленняў. Максімальнае насычэнне заняткаў канкрэтнай інфармацыяй, памнажэнне яе – не з'яўляецца самамэтай. Бо галоўнае ў краязнаўстве – знайсці самога сябе, авалодваючы асноўнымі метадамі краязнаўчай працы і бездакорным следаваннем краязнаўчым прынцыпам. А гэта мэта дасягаецца не столькі тэматычным пашырэннем доследаў, колькі паглыбленнем у канкрэтыку асобнай гістарычнай падзеі ці ў вывучэнне асобнага помніку культуры. Такім чынам сувязь гістарычнага краязнаўства з вывучэннем школьнага курса па гісторыі Беларусі праяўляецца на кожным уроку. Яго выкарыстоўванне дапамагае зацікавіць вучняў прадметам, паглыбіць веды, фарміраваць грамадзянскую пазіцыю.

«Гродназнаўства» – гэта прадмет, які вывучае гісторыю і культуру г. Гродна ад старажытных часоў да сучаснасці. Веды падаюцца сістэматычна і паслядоўна, пачынаючы з 6 класа і заканчвая 9 класам сярэдняй школы. Пры вывучэнні прадмета выкарыстоўваюцца разнастайныя формы і метады работы: традыцыйны ўрок, тэматычныя музейныя заняткі і экскурсіі, лекцыі з дэманстрацыяй слайдаў, пешаходныя і аўтобусныя экскурсіі па гораду. Спачатку веды даюцца ў адаптаванай да ўзросту форме з элементамі гульні і тэатралізацыі. У дальнейшым тэмы пашыраюцца і паглыбляюцца. Заняткі могуць праводзіцца як у класе, так і ў дзяржаўных і грамадскіх музеях горада, на яго вуліцах і плошчах. Іх будуць праводзіць настаўнікі і супрацоўнікі дзяржаўных і грамадскіх музеяў Гродна. Да прапанаваных тэм настаўнік можа дадаць свае, а таксама творчыя заданні для вучняў (даклады, рэфераты, сачыненні, конкурсы і г.д.). Гэта дасць магчымасць вывучаць гісторыю Гродна грунтоўна і ўсебакова. У шостым-сёмым класах пераважаюць тэмы па гісторыі горада, у восьмым-дзевятым – значная ўвага надаецца навуцы, культуры і мастацтву. Яны ўкладзены ў тэматыка-храналагічнай паслядоўнасці, што дае магчымасць не толькі пашырыць і паглыбіць атрыманыя веды, але і абагульніць іх.

Мэтай стварэння і выкладання «Гродназнаўства» з'яўляецца патрыятычнае выхаванне дзяцей і моладзі, фарміраванне маральных якасцяў асобы, духоўнага светапогляду грамадзяніна-патрыёта свайго роднага горада, які будзе не толькі ганарыцца пакінутай яму гісторыка-культурнай спадчынай, але і захоўваць яе.

Праграма разлічана на 4 гады вывучэння.

Спіс літаратуры

1. Абласная краязнаўчая праграма «Нам засталася спадчына» / С.В. Сенатарава [і інш.] – Гродна, 2004.

2. Госцеў, А.П. Гродназнаўства: праграмна-метадычны дапаможнік для настаўнікаў гродзенскіх сярэдняадукацыйных школ / А.П. Госцеў. – На правах рукапісу, 24.01.1997–25.01.2005.

3. Гісторыя і культура Гарадзеншчыны: праграма краязнаўчага курса для навучэнцаў беларускага гуманітарнага профілю / аўт.-склад. А. Госцеў. – Гродна – Мінск: БГАКЦ, 1992.

4. Эксперыментальная праграма «Гродназнаўства» / Н.А. Трухановіч [і інш.]. – Гродна, 2003.

5. Гродназнаўства: дапам. / А.П. Госцеў [і інш.]; пад агул. рэд. В.В. Шведа і В.Р. Карнелюка. – 2-е выд. – Гродна: ГрДУ, 2010. – 219 с.

ЗМЕСТ ПРАГРАМЫ

6 клас (32 гадзіны)

Уводзіны. Краязнаўства як навука.

Тэма 1. Гарадскія назвы – мова горада (Мікалай Анцыфераў)

А. Імя нашага горада.

(Этымалогія – тлумачэнне летапіснай назвы нашага горада; афіцыйныя (на розных мовах) і народныя назвы Гродна; параўнальны аналіз назваў горада Гродна)

Б. Герб і сцяг горада.

(Геральдыка і вексілалогія; гісторыя стварэння герба; выява герба Гродна; аб чым «гаворыць» герб Гродна; пад сцягам Гродна)

В. Далетапісны Гродна. Сведчанні першабытнага часу.

(Прырода палеанталагічнага часу; першыя людзі на берагах Нёмана; асоба ў гісторыі: Станіслаў Жыўна)

Тэма 2. Гродна эпохі Кіеўскай Русі (канец X – сярэдзіна XIII стст.).

А. Таямніцы, раскрытыя археолагамі.

(Вынікі першых археалагічных даследаванняў Гродна; раскопкі на Старым замку ў 1932–1939 гадах, 1945–1949 гадах; даследаванні беларускіх археолагаў сучаснага перыяду)

Б. Узнікненне горада.

(Першапачатковае паселішча; геаграфія места: ручай Гарадніча нка; узнікненне горада; заняткі жыхароў паселішча)

В. Планіроўка старажытнага Гродна. Заняткі жыхароў.

(Дзядзінец і вакольны горад; гандлёва-рамесніцкі пасад і заняткі жыхароў)

Г. Княжацкі горад.

(Генеалогія гродзенскіх князёў XII ст.; ізгойства князёў і нараджэнне Гродзенскага княства; князь Усевалад Давыдавіч і яго нашчадкі)

Д. Гродзенская архітэктурная школа.

(Мураванае дойлідства; Ніжняя і Прачасцінская царквы, Барысаглебская (Каложская) царква; дойлід Пётр Міланег; грамадзянскія пабудовы Гродна)

Тэма 3. Дамагдэбургскі Гродна (да 1496 г.).

А. Ад княства Гродзенскага да ВКЛ.

(Палітычнае становішча Гродзенскага княства ў XIII ст.; паміж Руссю і Літвою; матэрыяльная культура горада)

Б. У складзе Вялікага Княства Літоўскага.

(Горад у час крыжацкай навалы; Гродзенскі стараста Давыд Гарадзенскі; барацьба паміж Вітаўтам і Ягайлам; Фара Вітаўта; таямніца гісторыі – Ноенгартен; Гродна ў палітыцы ВКЛ; Валовічы)

7 клас (32 гадзіны)

Уводзіны

Тэма 4. Магдэбургскі Гродна (1496–1795 гг.).

А. Жыццё горада па Магдэбургскаму праву.

(Сутнасць і гісторыя мясцовага самакіравання; асаблівасці права самакіравання ў ВКЛ; наданне Гродна Магдэбургскага права; помнік дойлідства – Ратуша; самакіраванне ў Гродне)

Б. Развіццё гарадской планіроўкі ў XV–XVI стст.

(Замак Вітаўта Вялікага ў Гродне; развіццё горада ў XV– XVI стст.; Савецкая плошча і яе назвы; крыніца гарадской гісторыі Гравюра Цюнда; заходнееўрапейскія рысы горада)

В. Этнаканфесійная структура насельніцтва і гаспадарка Гродна ў першай палове XVI ст.

(Этнаканфесійная структура горада; гродзенскія рамеснікі і будаўнікі; харчовая вытворчасць, сфера паслуг, гандаль)

Г. Горад Стэфана Баторыя.

(Кароль Польшчы і Гродна; Стэфан Баторый і архітэктура горада; Санці Гучы, Ян Марыя Бернардоні, Антоні дэ Кгрып; гаспадарка горада; смерць Стэфана Баторыя ў Гродне)

Д. Гродзенскія соймы і соймікі.

(Соймы ў Гродна: пачатак і храналогія; Гродна – соймавы горад; будаўніцтва Новага замка і архітэктары Пёпельман, Іахім Яух і Джузепе Сака; Гродзенскія соймікі)

Е. Гродна ў войнах XVII–XVIII стст.

(Ваеннае спусташэнне 1655–1659 гг.; Гродна ў эпіцэнтры Паўночнай вайны: падзеі і страты; іезуіцкі кляштар ў гонар святога Францішка Ксаверыя)

Ж. Гаспадарка Гродна ў XVII–XVIII стст.

(Стан гандлю і рамёстваў у Гродне часоў Рэчы Паспалітай; рэформы А. Тызенгауза і лёс рэфарматара; культурны ўздым горада і Жан Эмануэль Жылібер; помнік мастацтва – помнік Антонію Тызенгаузу ў Фарным касцёле)

З. Гродзенскія рэзідэнцыі вялікага князя літоўскага і караля польскага.

(Гродна – вялікакняжацкі і каралеўскі горад; Новы замак, Станіславоўская садзіба, Аўгустовак і Панямунь)

I. Горад у часы сойма 1793 г. Паўстанне 1794 года.

(Палітычныя абставіны правядзення Гродзенскага сойма Рэчы Паспалітай 1793 г.; «нямое пасяджэнне» і канец Рэчы Паспалітай; Паўстанне 1794 г.; постаці гісторыі: Тадэвуш Касцюшка, Якуб Ясінскі і Павел Цыцыянаў)

К. Культурнае жыццё горада ў XVII–XVIII стст.

(Асноўныя прынцыпы забудовы Гродна ў XVII–XVIII стст.; каталіцкія культавыя аб'екты; праваслаўнае і ўніяцкае культавае дойлідства; архітэктурныя стылі, уласцівыя забудове горада; мастацкае жыццё; тэатральнае жыццё; музычнае жыццё; асвета і ўстановы адукацыі)

8 клас (32 гадзіны)

Уводзіны

Тэма 5. Гродна ў складзе Расійскай імперыі (1795–1917 гг.).

А. Губернскі Гродна.

(Змены ў адміністратыўным і тэрытарыяльным стутусе горада ў складзе Расійскай імперыі; герб Літоўска–Гродзенскай губерні; Гродзенскія губернатары і губернская сістэма кіравання)

Б. У вайне 1812 года.

(Месца Гродна напярэдадні нашэсця Напалеона на Расію; характарыстыка акупацыі Гродна напалеонаўскімі войскамі; ваенныя дзеянні, якія датычаць за Гродна; Гродзенская канфедэрацыя; вяртанне расійскай улады і Дзяніс Давыдаў)

В. Рэвалюцыйны і грамадскі рух у Гродне ў першай палове XIX ст.

(Рух дзекабрыстаў; масоны; паўстанне 1830–1831 гг. і яго наступствы; Міхаіл Валовіч – ўдзельнік паўстання)

Г. Эканамічнае развіццё горада ў складзе Расійскай імперыі.

(Рамяство і прамысловасць; гандаль; шляхі зносін, банкі, сувязь)

Д. Падзеі ў горадзе напярэдадні і падчас паўстання 1863–1864 гг.

(Прадвеснікі паўстання на Гродзеншчыне; Гродна ў полымі паўстання; Кастусь Каліноўскі і Валерый Урублеўскі; памятныя шыльды аб падзеях паўстання на будынках Новага замка і чыгуначнага вакзала ў Гродне)

Е. Гараджане ў час рэвалюцыі 1905–1907 гг.

(Гурткі і партыі ў Гродна; пачатак, уздым і заняпад рэвалюцыі; удзел гарадзенцаў у рэвалюцыйных падзеях)

Ж. Гродна ў культурнай палітыцы Расійскай імперыі.

(Адукацыя і навука, таварыствы; мастацтва і фатаграфія; тэатр і кіно; музыка; літаратура; друк, перыёдыка; асоба ў гісторыі: Павел Баброўскі, Эліза Ажэшка, Максім Багдановіч, Зоська Верас, Лейба Найдус, Яўстафій Арлоўскі)

Тэма 6. Наш горад у войнах пачатку XX стагоддзя.

А. Гродна ў гады Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.).

(Горад-крэпасць напярэдадні германскай акупацыі; баі за Гродна; кайзераўская акупацыя і бежанства; фарты Гродзенскай крэпасці – маўклівыя сведкі ваенных падзей)

9 клас (32 гадзіны)

Уводзіны

Б. Горад у 1918–1921 гг.

(Уплывы рэвалюцыйных падзей на жыццё гараджан у 1918–1920 гг.. – «Гродзенская рэспубліка»; «Другая сталіца БНР»; рэпрэсіі і палітыка паланізацыі ў 1919 г.; Гродзенскі рэўком; постаці гісторыі: Вацлаў Багуцкі, Антон Луцкевіч, Гая Гай)

Тэма 7. Гродна ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.).

А. Сацыяльна-эканамічнае развіццё павятовага горада.

(Павятовы горад на «крэсах усходніх» Польшчы; сацыяльна-нацыянальны склад насельніцтва; развіццё прамысловасці і гандлю; стан медыцыны, асвета і адукацыя)

Б. Грамадска-палітычнае жыццё.

(Органы самакіравання і гарадская палітыка; грамадска-палітычнае жыццё: палітычныя партыі і рухі; антыпольская барацьба)

В. Культурнае жыццё горада.

(Развіццё культуры; архітэктура і горадабудаўніцтва, канструктывізм; гарадскі перыядычны друк; спорт; гродзенскія дзеячы культуры Юзаф Ядкоўскі, Ян Каханоўскі, Зоф'я Налкоўская, знакамітыя спартсмены Леанід Федарук, Юзаф Клукоўскі і Караль Румель)

Тэма 8. Гродна ў складзе БССР (1939–1991 гг.).

А. Горад Гродна ў Другой сусветнай вайне (1939–1945 гг.).

(Баі за Гродна ў 1939 г.; «За першымі Саветамі»; пачатак фашысцкай агрэсіі; акупацыйнае жыццё і генацыд яўрэйскага насельніцтва; антыфашысцкая барацьба і вызваленне горада; героі-пагранічнікі: Віктар Усаў, Аляксандр Сівачоў і Феадосій Кірычэнка)

Б. Сацыяльна-эканамічнае і грамадска-палітычнае жыццё ў 1945–1991 гг.

(Пасляваеннае аднаўленне; індустрыя Гродна ў часы НТР; гарадская гаспадарка ў перыяд «застою»; развіццё сацыяльнай сферы; грамадска-палітычнае жыццё горада)

В. Гродна ў савецкай культурнай палітыцы.

(Адукацыя; мастацтва; тэатр і тэлебачанне; музыка; музеі; рэлігійная палітыка; літаратура; постаці ў гісторыі: А. Карпюк, В. Быкаў, Рыгор Шырма, Вольга Корбут, Пётр Пачынчук)

Тэма 9. Гродна ў незалежнай Беларусі.

А. Сацыяльна-эканамічнае і грамадска-палітычнае жыццё Гродна на рубяжы XX–XXI стст.

(Актыўнасць, народжаная перабудовай; эканамічныя перамены 90-х гг.; перспектывы развіцця; эканамічныя гіганты «Азот» і «Хімвалакно»; еўрарэгіён «Нёман»; постаць у гісторыі: М. Ткачоў)

Б. Навука і асвета, мастацтва і літаратура, горадабудаўніцтва.

(Духоўнае жыццё горада ў «эпоху вялікіх пераменаў»; горадабудаванне; літаратура, тэатр, выяўленчае мастацтва, музыка; кніжная і музейная справа, канферэнцыі; постаць у гісторыі: акадэмік Ю. Астроўскі)

ЖИЛИБЕРТИЯ.
ПОЭМА О ГРОДНЕНСКОМ БОТАНИЧЕСКОМ САДЕ

Задумал король Понятовский много хороших дел,
А Тизенгауз расторопный все сделал как он хотел.
Нужна была медиков школа, театр, капелла, балет,
Чтоб Новой Голландии слава из Гродно струила свет.

Помчался в Лион Довнарович с наказом от короля
Искать ученого мужа и время потратил не зря.
Французского натуралиста, профессора он пригласил,
Чтоб в Гродно много трудился, не жалея времени, сил.

Поездка в тряской карете чрез страны Европы была
Полезной для Жилибера и много ему дала.
Встречался он там с Бернаром, Халером и Бане,
А также с Соландером, Жакеном и Жюссе.

Коллеги его поддержали на этом нелегком пути.
Советы и деньги давали, напутствовали как могли.
Своих садов ботанических ему подносили дары:
Семян мешочки и саженцы, и все, что в Гродно он мог привезти.

Так в 18 веке француз в наш город прибыл,
При помощи Тизенгауза невиданный сад заложил.

Открыл медицинскую школу, что городу была нужна.
Там знаний широких просторы в ту пору давала она.

В саду он сотни растений сумел в краткий срок посадить.
И даже экзотику Чили и Перу на наших землях привить.
Там пышно цвели раритеты со всех континентов и стран...
Растения тропиков влажных, такие, как пальмы, банан.

Король посещал, любовался ярчайшим ковром из цветов.
Бернулли и Кокс записали сад-чудо в страницы своих дневников.
А дельный Антоний пытался Голландию в Гродно создать
И сам никогда не чурался лопатою землю копать.
Сажал, прививал он деревья, завел даже цитрусов сад...
Такому помощнику очень французский ученый был рад.

В лесах далекого Перу испанцы растенье нашли,
Назвали в честь Жилибера и в Старый Свет привезли.
Руис и Павон уважали профессора нашего знания,
Чье имя гремело в Европе, труды получили признание.

Это огромное дерево с зонтичной кроной цветов
Они назвали жилибертией, и новый вид был готов.
В систему Карла Линнея ее с почетом внесли,
Детально все описали и примененье нашли.

Везли Жилиберу потоком отвсюду (и даже чрез океан)
Редчайшие саженцы хвойных, аралиевых из теплых стран.
Лаковое дерево, лавровишня, пробковый дуб наш сад тогда украшали,
А красулла, пуйя и вестия каждого взор утешали.

Профессор же из Лиона здесь смелые опыты вел:
Пытался скрестить даже зубра с коровой породы могол.
Кормил из шляпы зубрицу, которую он приручил.
Ходил со студентами в поле и многому их научил.

Как правильно делать лекарства из самых различных трав,
И как на пару приготовить для хворых лечебный состав.
Свою пятитомную «Флору» он в Гродно начал писать,
Чтоб людям знания века как можно скорей передать.

Для фабрик суконных он в Гродно растил разноцветие трав.
Из радужных красок соцветий он изобрел здесь состав.
Лиловый, пунцовый, желтый, скарлатный и амарант
Носил камзол и шляпу каждый гродненский франт.

А дамы, те щеголяли ярким нарядом своим
Подобным прекрасным и нежным местным цветам полевым.
Король очень часто рядился в роскошные ткани сии
И перед всеми гордился: «Все фабрики в Гродно – мои!»

Любил в четверги самодержец ученых к себе приглашать
И умных бесед разговором свой досуг в тот час украшать.
Дискуссии, споры, проекты они вели дотемна.
В их планах сверкали идеи, чтоб процветала страна.

Здесь, в замке, что Новым назвали,
Частенько бывал Жилибер.
И умным словам там внимали,
И всем подавал он пример.

Мудрых отцов-езуитов ученый книги читал.
В огромной библиотеке он фолианты листал.
Писали они на латыни, но знал языки Жилибер,
Тайных знаний столетий преодолев барьер.

А рядом с костелом аптека в то время известна была.
Целебным набором растений давно уж в народе слыла.
И Жан Жилибер умудрился: тех трав секреты раскрыл.
В Европе ему не было равных среди ученых-светил.

И сад отцов-езуитов с тех пор ему верно служил.
Студентов своей Академии он часто туда приводил.
Он опыты ставил успешно, исследуя множество трав.
Целебные свойства растений на практике всем доказав.

Минуло четыре года. И зависти взор окаянный Бекю на него обратил.
Был изгнан несчастный подскарбий, король в разорении был.
Лишившись поддержки великих, ученый в Вильно отбыл.
Увез с собой записи, книги и ценных растений запас,
Чтобы на новом месте людской они тешили глаз...

С тоскою попрощался ученый с очагом.
Здесь каждый житель Гродно до боли был знаком.
Он к городу душою и сердцем прикипел,
Но вынужден расстаться, оставшись не у дел.

Шли чередой столетья. И чудо-сад заник.
Снесен совсем недавно стариннейший парник.
Ряд войн и лихолетья, дней мирных круговерть
В некрополь превратили наш парк, воспев здесь смерть.

Как жаль оранжереи, чьи окна чуть виднели
Над тяжестью земли!
Теперь шумят качели, забавы-карусели,
Поставлены фонтаны, скамейки и столы.

Здесь много деревьев спилили, а вместо них посадили
Ели и ивы, чтоб в зной защитили. Парк от ворон освободили.

Теперь о Жилибере нам всем напоминает
Скульптура Пантелеева, которую все знают.

Стоит ученый тылом к своему творению,
Как будто нас встречает с улыбкою почтения.
Пришла пора, товарищи, нам сад сей возродить
И память Жилибера тем самым упрочить.

Пускай же вновь воспрянет тот дивный милый сад,
Который Гродно славил так много лет назад.
И потекут туристы в наш город как река,
Чтобы увидеть чудо, придя издалека.

Хоть парк наш не старинный, но станет полон сил.
Истории страницы давайте возродим!
Пусть каждый, кто захочет, в подарок принесет
Какое-то растение как истый патриот.

Сольем свои усилия, сад дивный возродим!
Не пожалеем времени, старания и сил.

Наталья Мякенькая-Канюк

ЗМЕСТ

Для нататкаў

Навуковае выданне

РУМЛЁЎСКІЯ СТАРОНКІ: ПОМНІКІ ГІСТОРЫІ, ПРЫРОДЫ І КУЛЬТУРЫ ПАМІЖ ТУРЫСТЫЧНАЙ ПРЫВАБНАСЦЮ І НАВУКОВАЙ ЦІКАВАСЦЮ

Матэрыялы IV адкрытай рэгіянальнай
навукова-практычнай канферэнцыі па праблемах
рэгіяналістыкі і краязнаўства
«Румлёўскія чытанні»

(Гродна, 18 лютага 2011 г.)

Рэдактар *А.С. Франко*
Камп'ютарная вёрстка: *М.І. Верстак*
Дызайн вокладкі: *В.В. Канчуга*

Падпісана ў друк 26.12.2011. Фармат 60×84/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Гарнітура Таймс.
Ум. друк. арк. 16,62. Ул.-выд. арк. 18,0. Тыраж 60 экз. Заказ .

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Янкі Купалы».
ЛВ № 02330/0549484 ад 14.05.2009.
ЛП № 02330/0494172 ад 03.04.2009.
Зав. Тэлеграфны, 15а, 230023, Гродна.